

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ВОР ВРЕМЕНИ

Thief of Time

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!**

Annotation

Человек! Если ты это читаешь, значит, ты существуешь. Мы, Аудиторы, наблюдаем за тобой, регистрируем тебя, изучаем тебя. И очень скоро мы до тебя доберемся. Сразу после того, как уничтожим этот презренный Плоский мир с его слонами, черепахой и напрочь чокнутыми обитателями.

Ты это читаешь? Значит, мы идем к тебе!

- [Терри Прагчетт](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

Терри Пратчетт

Вор Времени

© Жикаренцев А., Берденников Н., перевод на русский язык, 2010
© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Как гласит Первый свиток Когда Вечно Изумленного, стоило солнцу озарить своими лучами все сущее, вышел Когд из пещеры в первый день оставшейся ему жизни. Некоторое время он разглядывал восходящее солнце, ибо прежде никогда его не видел.

Затем потыкал сандалией безмятежно спящее тело Удурка, своего ученика.

– Я видел. И понял я, – торжественно изрек он. Он вдруг замолк, воззрившись на то, под чем спал Удурок.

– Что это за поразительная вещь?! – воскликнул он.

– Э... Э... Дерево, о учитель, – ответил Удурок, протирая заспанные глаза. – Забыл, что ли? Оно и вчера здесь росло.

– Не было никакого вчера.

– Э... Э... А по-моему, очень даже было, о учитель, – возразил Удурок, с трудом поднимаясь на ноги. – Мы пришли сюда, я приготовил ужин, потом твой скланг почистил, поскольку есть кожуру ты отказался... Помнишь?

– Я помню вчера, – с задумчивым видом признал Когд. – Но то лишь воспоминание в моей голове. Был ли вчерашний день реальным? Или реально лишь воспоминание о нем? Воистину, я не вчера родился.

Лицо Удурка выразило мучительное непонимание.

– О мой верный, глупый Удурок, я познал всё и вся, – продолжал Когд. – Вот чаша моей ладони. Что в ней? Прошрое? Будущее? О нет, там только то, что сейчас. Нет времени, кроме настоящего. И нам предстоит большая работа.

Удурок предпочел промолчать. Учитель как-то изменился. В его глазах появился блеск, а когда он двигался, в окружающем воздухе

возникало серебристо-голубое свечение, как будто отражения в жидких зеркалах.

– Она поведала мне все, – сообщил Когд. – И теперь я знаю: время было создано для людей, а не наоборот. Я умею придавать ему форму и искривлять его. Могу заставить мгновение длиться вечно, ибо оно и есть вечность. И могу научить всему этому даже тебя, Удурок. Я слышал, как бьется сердце вселенной. Узнал ответы на многие вопросы. Спрашивай же.

Ученик воззрился на него мутными глазами. Сегодняшнее раннее утро выдалось слишком ранним. Это он знал наверняка.

– Э... Что учитель хочет на завтрак?

Когд простер взгляд поверх заснеженных равнин и лиловых гор, обзрел золотистый солнечный свет, создающий окружающий мир, и поразмыслил немного над определенными аспектами человеческой природы.

– А, – сказал он. – Сразу к самому сложному.

Чтобы что-то существовало, оно должно быть наблюдаемо.

Чтобы что-то существовало, оно должно обладать положением во времени и пространстве.

Именно этим объясняется тот факт, что девять десятых массы вселенной никак не учтены.

Девять десятых вселенной – это знание о местоположении и направлении всего того, что содержится в оставшейся части. У каждого атома есть своя биография, на каждую звезду заведено досье, за каждой химической реакцией приглядывает инспектор с блокнотиком. Не учтены эти девять десятых именно потому, что они заняты учетом оставшейся части и, соответственно, не видят собственного затылка^[1].

Девять десятых вселенной – это, по сути, канцелярская работа.

И если вы ожидаете услышать очередную занимательную историю, вам следует помнить: истории не развиваются. Они *сплетаются*. События, происшедшие в разное время в разных местах, сходятся в одной крохотной точке времени-пространства, которая и является так называемым идеальным мигом.

Предположим, короля убедили надеть новое платье, сшитое из ткани настолько тонкой, что для невооруженного глаза этого платья не существует вовсе. А также предположим, что некий мальчик весьма громко и недвусмысленно обратил внимание на сей факт...

И вот она, Повесть О Короле, Который Ходил По Улицам Голым.

Но чуть-чуть добавим фактов, и это станет Повестью О Мальчике, Которого Хорошенько и Заслуженно Выдрали За Неуважение К Царствующей Особе.

Или Повестью О Толпе, Которую Мигом Окружили Стражники, Предупредившие: «Ничего Такого Не Было, О'Кей? Или Кто-То Хочет Пospорить?»

Или повестью о том, как целое королевство быстро осознало преимущества «нового платья» и с головой погрузилось в модные, полезные для здоровья игры на свежем воздухе^[2], и число сторонников этих занятий с каждым годом росло, что привело в итоге к экономическому спаду, вызванному крахом легкой промышленности.

А еще можно было бы рассказать Повесть Об Эпидемии Пневмонии Девятого Года.

Все зависит от того, сколько вы знаете.

Предположим, тысячи и тысячи лет вы наблюдаете за медленным накоплением снега. Он накапливается и накапливается, все больше нависая над крутым склоном, пока наконец не сползает огромным айсбергом в море. И плывет этот айсберг через студёные воды, и несет он на себе счастливых белых медведей и котиков, полных радужных надежд на дивную, новую жизнь в другом полушарии, где, по слухам, льдины кишмя кишат хрустящими пингвинами, как вдруг – БАБАМ! Трагедия явилась из темноты в виде огромной глыбы железа, которое, по идее, вообще не должно плавать, и крайне волнительного саундтрека...

...Но мы отвлеклись. Итак, вам хотелось бы знать всю историю.

Что ж, эта история начинается с письменных столов.

Данный стол, несомненно, принадлежит профессионалу. Как говорится, моя работа – это моя жизнь, и наоборот. Есть, правда, некие... человеческие штришки, но их ровно столько, сколько допускают строгие правила, управляющие хладным миром служебных обязанностей и рутины.

В основном штришки сосредоточены на единственном цветовом пятне в этом черно-сером мире. Мы говорим о кофейной кружке. Кто-то где-то решил сделать эту кружку *веселенькой*. И нанес на нее довольно-таки неубедительное изображение плюшевого мишки с надписью «Лучшему Дедуле На Свете», причем, судя по использованию весьма специфического термина «дедуля», кружка эта была куплена в одном из киосков, где продаются сотни подобных кружек, предназначенных лучшим на свете дедулям/бабулям/папулям/мамулям/тетулям/дядюлям/впишите-самомулям. Такой ерундовинной может дорожить только тот, чья жизнь, как

ему кажется, содержит очень мало чего еще.

Кстати, кружка в данный момент содержит чай с ломтиком лимона.

На большом унылом столе лежит похожий на косу нож для разрезания бумаги и стоят несколько песочных часов.

Смерть берет кружку в костлявую руку...

...И, глянув на надпись, которую читал уже тысячу раз, сделал глоток, после чего поставил кружку обратно на стол.

– НУ ХОРОШО, – сказал он голосом, похожим на звон погребальных колоколов. – ПОКАЖИ МНЕ.

На столе помимо перечисленного выше стояло некое механическое приспособление. Да, именно приспособление, это слово тут подходит как нельзя лучше. Основными его частями были два диска, приспособленные друг к другу. Горизонтальный, с расположенными по окружности крохотными квадратиками, которые при ближайшем рассмотрении оказались клочками ковра. И вертикальный, с огромным количеством спиц, на конце каждой из которых был наколот ломтик намазанного маслом тоста. При вращении вертикального диска ломтики начинали свободно крутиться вокруг своей оси.

– КАЖЕТСЯ, Я НАЧИНАЮ УЛАВЛИВАТЬ ОБЩИЙ ПРИНЦИП, – сказал Смерть.

Крохотное существо рядом с приспособлением лихо отдало честь и просияло, насколько вообще способен «сиять» крысиный череп. Опустив на пустые глазницы защитные очки и подобрав балахон, существо вскарабкалось на машину.

Смерть и сам не был уверен, почему он некогда разрешил Смерти Крыс вести независимое существование. В конце концов, быть Смертью означало быть смертью *всего*, включая грызунов всевозможных видов и мастей. Хотя, наверное, каждый нуждается в крохотной частице самого себя, которой позволяет, выражаясь метафорически, бегать голышом под дождем^[3], думать о немислимом, прятаться по углам и оттуда шпионить за окружающим миром, а также совершать всякие запретные, но такие приятные деяния.

Смерть Крыс приналег на педали. Диски начали вращаться.

– Здорово, правда? – раздался хриплый вороний голос над самым ухом у Смерти.

Принадлежал он Каркуше, самозваному транспортному средству и приятелю Смерти Крыс. Во всяком случае, именно под этим предлогом он самоприсоединился к местному хозяйству. А вообще, как утверждал Каркуша, «все это токмо заради глазных яблок».

Коврики на горизонтальном диске прилежно крутились, а крошечные тосты беспорядочно шлепали по ним, иногда с маслянистым хлюпаньем, иногда без оногo. Каркуша внимательно следил за происходящим – на тот случай, если вдруг в дело пойдут глазные яблоки.

Чтобы изобрести механизм, повторно наносящий масло на тост, должно быть, ушло порядочное количество времени и усилий. Но куда труднее было изобрести устройство, которое считывало бы число покрытых маслом ковриков.

Через пару полных оборотов стрелка прибора измерения соотношения намащенных ковриков и ненамащенных достигла значения шестидесяти процентов, и диски остановились.

– НУ И? – сказал Смерть. – ЕСЛИ ТЫ ПОВТОРИШЬ ПОПЫТКУ, ВПОЛНЕ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ, ЧТО...

Смерть Крыс переключил рычаг и снова принялся крутить педали.

– ПИСК, – приказал он, и Смерть послушно наклонился поближе.

На сей раз стрелка поднялась всего до сорока процентов.

Смерть наклонился еще ближе.

Восемь ковриков, которые на этот раз испачкались маслом, были именно теми, что избежали данной участи при первой попытке.

Внутри приспособления застрекотали похожие на пауков шестерни, и откуда-то из его недр на неуверенно дрожащих пружинках (визуальный эквивалент спецэффекта «прыг-прыг») вывалилась табличка.

А еще через мгновение вспыхнули две искорки. Разбежавшись в стороны, шипя и потрескивая, они прочертили слово «ЗЛОНАМЕРЕННОСТЬ», после чего погасли.

Смерть кивнул. Ничего другого он и не ожидал.

Он пересек кабинет – Смерть Крыс вприпрыжку бежал впереди – и подошел к большому зеркалу. Поверхность его была темной, как дно колодца. Рама, само собой разумеется, была украшена узором из черепов и костей – не мог же Смерть смотреться в свой череп при помощи зеркала, украшенного херувимчиками и розочками.

Смерть Крыс, быстро работая когтистыми лапками, взобрался на самый верх и выжидающе уставился на Смерть. Подлетел Каркуша и, глянув в зеркало, на всякий случай клюнул свое отражение. Его принцип существования был весьма прост: в жизни надо попробовать все.

– ПОКАЖИ МНЕ, – приказал Смерть. – ПОКАЖИ МНЕ... МОИ МЫСЛИ.

Появилась шахматная доска, но она была треугольной и настолько громадной, что виден был только ближний угол. Именно здесь, на этой

вершине треугольника, находился весь мир – черепаха, слоны, крошечное, движущееся по орбите солнце и все остальное. Это был Плоский мир, существующий на грани полной невероятности, то бишь в самой что ни на есть пограничной зоне вселенной. Ну а в пограничной зоне, как известно, границы зачастую нарушаются, и с той стороны в нашу вселенную могут проникнуть существа, на уме у которых не только обеспечение счастливой жизни своему потомству и счастливый труд в плодородной и домашне-бытовой областях.

На всех остальных черных и белых треугольниках уходящей в бесконечность шахматной доски, стояли маленькие серые фигурки, похожие на пустые плащи с капюшонами.

«Почему именно сейчас?» – подумал Смерть.

Он узнал их. Они не были жизненными формами. Скорее, они были формами безжизненными. Они наблюдали за работой вселенной, были ее служащими, ее *аудиторами*. Они следили за тем, чтобы все крутилось, а вода текла.

А еще они знали истину: чтобы что-то существовало, оно должно обладать определенным положением во времени и пространстве. Появление человечества стало для них пренеприятнейшим потрясением. Человечество воплощало в себе вещи, у которых не было и не могло быть положения во времени и пространстве, такие как воображение, жалость, надежда, история и вера. Если лишить человека всех этих качеств, останется только падающая с деревьев обезьяна.

То есть разумная жизнь являлась аномалией. Она вносила беспорядок. А Аудиторы *ненавидели* беспорядок. Периодически они пытались чуток прибраться.

В прошлом году астрономы Плоского мира стали свидетелями плавного перемещения звезд через все небо. Всемирная черепаха вдруг взяла и крутнулась вокруг своей оси. Никто так и не узнал, почему так случилось, ибо толщина мира не позволяла увидеть причину, а на самом деле это Великий А’Туин внезапно высунул из панциря свою древнюю голову и поймал пастью летевший с огромной скоростью астероид, прямое попадание которого в Диск означало бы, что больше никому никогда не пришлось бы покупать календари.

Как выяснилось, от столь очевидных опасностей мир умел себя оградить. Поэтому в последнее время серые плащи предпочитали действовать более скрытно и подло в своем бесконечном стремлении создать вселенную, в которой не происходит абсолютно ничего непредсказуемого.

Эффект «маслом-вниз» являлся примитивным, но очень недвусмысленным индикатором. Он показывал повышение активности Аудиторов. «Сдавайтесь, – гласило их никогда не меняющееся послание. – Станьте слизью, вернитесь в океаны. Слизь – это наше всё». Но грандиозная игра шла на многих уровнях, и Смерть знал об этом. Хотя зачастую было нелегко определить, кто именно играет.

– У КАЖДОЙ ПРИЧИНЫ ЕСТЬ СЛЕДСТВИЕ, – громко сказал он. – ЗНАЧИТ, У КАЖДОГО СЛЕДСТВИЯ ЕСТЬ ПРИЧИНА.

Он кивнул Смерти Крыс.

– ПОКАЖИ МНЕ, – велел он. – ПОКАЖИ МНЕ НАЧАЛО.

Тик

Дело было морозной зимней ночью. В заднюю дверь домика послышался стук, да такой сильный, что с крыши лавиной сошел снег.

Девушка, вертевшаяся перед зеркалом в своем новом головном уборе, опустила и так низкий вырез платья еще ниже на случай, если вдруг явился мужчина, и открыла дверь.

На фоне скованного морозом звездного неба маячил темный силуэт. На плечах гостя скопились маленькие сугробики.

– Госпожа Ягг? Повитуха? – уточнил силуэт.

– Госпожа, да без господина! – не без гордости ответила девушка. – И да, самая что ни на есть ведьма.

И ткнула пальцем в свою новенькую остроконечную шляпу. Девушка еще пребывала в стадии, когда такую шляпу носят даже дома.

– Ты должна немедленно пойти со мной. Дело очень срочное.

Девушка заметно запаниковала.

– Что-нибудь случилось с госпожой Ткач? Мне казалось, она должна рожать через пару не...

– Я проделал долгий путь, – перебил силуэт. – Мне сказали, ты лучшая из лучших.

– Кто? Я? Да я только одни роды и приняла! – Вид у госпожи Ягг стал затравленным. – Тетка Спектива гораздо опытнее меня! Да и старая Минни Прямс! Госпожа Ткач будет моим первым соло, да к тому ж она сложена как комод...

– Прошу меня простить. Не смею больше злоупотреблять твоим временем.

Незнакомец скрылся за стеной падающего крупными хлопьями снега.

– Эй? – крикнула госпожа Ягг. – Э-ге-гей?

Но от незнакомца остались только следы. Которые обрывались прямо посреди засыпанной снегом тропинки...

Тук

В дверь кто-то громко забарабанил. Госпожа Ягг сняла с коленей ребенка, подошла к двери и отодвинула щеколду.

На фоне теплого летнего неба вырисовывался темный силуэт, вот только его плечи выглядели несколько странно.

– Госпожа Ягг? Надеюсь, теперь с господином?

– Агась, – весело откликнулась госпожа Ягг. – Уже с двумя по очереди. Чем могу...

– Ты должна немедленно пойти со мной. Дело очень срочное.

– Но я и не думала, что кто-то собирается...

– Я проделал долгий путь, – перебил силуэт.

Госпожа Ягг промолчала. Как-то странно незнакомец произнес слово «долгий». Она вдруг поняла, что на его плечах лежит снег, правда быстро таявший. И начала что-то смутно припоминать.

– Ладушки, – кивнула она, потому что многому научилась за последние двадцать или около того лет. – Спроси у кого хошь, я всегда чем могу помогу. Но лучшей из лучших я б себя не назвала. Всегда стремлюсь к новым знаниям, вот такая я пытливая.

– О, в таком случае я навещу тебя в более подходящий... момент.

– Слушай, а снег?..

Но незнакомец не то чтобы исчез, а просто прекратил присутствовать.

Тук

Громкий стук в дверь. Нянюшка Ягг аккуратно поставила на стол стаканчик с бренди, который всякий раз опустошала на сон грядущий, и на мгновение уставилась в стену. Многолетние занятия граничным ведьмовством^[4] обострили чувства, о существовании которых большая часть людей даже не подозревают. Что-то в ее голове отчетливо щелкнуло.

На каминной полке начинала закипать вода для грелки.

Нянюшка положила на стол трубку, тяжело поднялась и открыла дверь, впустив в дом пахнувший ранней весной полуночный воздух.

– Думается, ты проделал долгий путь, – сказала она, ничуть не удивившись появлению темной фигуры.

– Это правда, госпожа Ягг.

– Все меня кличут нянюшкой.

Она посмотрела на стекавшие по плащу капли воды, в которые превращались тающие снежинки. Снега не было уже больше месяца.

– И дело срочное, я полагаю? – добавила она, припоминая уже происходившее.

– Именно так.

– А теперь тебе следует сказать: «Ты должна пойти со мной немедленно».

– Ты *немедленно* должна пойти со мной.

– Что ж, – откликнулась она. – Согласна. Я очень хорошая повивальная бабка. Хоть и не к лицу себя так нахваливать, но уж за сотню-то я в этот мир проводила. Даже у троллей принимала, а это занятие ой каких навыков требует! И взад, и вперед в родах разбираюсь, а иногда и вдоль, и поперек. Но всегда стремлюсь к новым знаниям. – Нянюшка скромно потупила взор. – Не могу сказать, что я лучше всех, но лучше себя никого не знаю. Вот как на духу.

– Ты должна немедленно проследовать за мной.

– Должнее некуда?

– Да!

Грани смещаются очень быстро, поэтому граничная ведьма должна думать еще быстрее. А также она должна уметь предчувствовать момент, когда начинается миф. В такой миг самое главное – ухватить этот самый миф за хвост и постараться не отстать.

– Я только прихвачу...

– Нет времени!

– Но не могу же я пойти в...

– *Немедленно.*

Нянюшка вытащила из-за двери свою повивальную сумку, которую всегда держала наготове именно ради таких случаев. В этой сумке лежали всякие штуковины, которые, как она знала, непременно пригодятся, а также некоторые другие штуковины, которые, как она надеялась, не пригодятся никогда.

– Ну и ладошки, – сказала она.

И вышла из дома.

Тик

Когда нянюшка вернулась, вода как раз закипала. Нянюшка некоторое

время тарачилась на чайник, потом сняла его с огня.

В стаканчике, стоявшем на столе рядом с креслом, еще оставалась капля бренди. Она осушила его и тут же заполнила до краев из бутылки.

Взяла свою трубку – та была еще теплой. Несколько раз глубоко затянулась и услышала, как затрещал разгорающийся табак.

Потом достала что-то из опустевшей сумки и, не выпуская из руки стаканчика с бренди, пристально посмотрела на предмет.

– Да, – сказала она наконец. – Странная сложилась ситуация...

Тик

Смерть наблюдал, как тускнеет изображение. Несколько вылетевших из зеркала снежинок уже растаяли на полу, но запах трубочного табака еще витал в воздухе.

– А, ВСЕ ПОНЯТНО, – сказал он. – РОЖДЕНИЕ ПРИ СТРАННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. НО БЫЛО ЛИ ОНО ПРОБЛЕМОЙ? ИЛИ СТАНЕТ РЕШЕНИЕМ?

– ПИСК, – откликнулся Смерть Крыс.

– ВОТ ИМЕННО, – согласился Смерть. – ВОЗМОЖНО, ТЫ ПРАВ. ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, МОГУ ТЕБЕ ГАРАНТИРОВАТЬ: ПОВИТУХА НИЧЕГО НЕ РАССКАЖЕТ.

Смерть Крыс выглядел явно удивленным.

– ПИСК?

Смерть улыбнулся.

– СМЕРТЬ? ИНТЕРЕСУЕТСЯ ЖИЗНЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО? НЕТ. НИ СЛОВА НЕ СКАЖЕТ.

– Прошу прощения, – встрял ворон. – Как безгосподинная госпожа Ягг осталась той же Ягг, но с господином? Попахивает какими-то сельскими условностями, если вы меня понимаете.

– НАСЛЕДОВАНИЕ У ВЕДЬМ ПРОИСХОДИТ ПО ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ, – пояснил Смерть. – ОНИ СЧИТАЮТ, ЧТО КУДА ПРОЩЕ МЕНЯТЬ МУЖЧИН, ЧЕМ ФАМИЛИЮ.

Он подошел к письменному столу и открыл ящик.

Там лежала толстая книга, облаченная в саму ночь. На крышке переплета, где, как правило, красовались бодрые объявления «Наша Свадьба» или «Мой Фотоальбомчег», было написано: «ВОСПОМИНАНИЯ».

Смерть стал крайне осторожно перелистывать тяжелые страницы. Некоторым воспоминаниям удавалось сбежать со страниц; и в воздухе на

миг возникали прозрачные картинки, которые, впрочем, тут же тускнели, когда воспоминания исчезали в темных углах комнаты. Слышались разнообразные звуки – смех, плач, крики; на мгновение вдруг зазвучал ксилофон – услышав его краткую трель, Смерть на мгновение застыл.

Бессмертному есть что вспомнить. А некоторые вещи лучше хранить там, где они будут в безопасности.

Одно воспоминание – потемневшее и потрескавшееся по кромкам – зависло над письменным столом. Пять фигур – четыре верхом на лошадях, пятая в колеснице – вылетали из грозовых облаков. Лошади шли бешеным галопом. Огонь, дым и всеобщая суматоха прилагались.

– ДА, БЫЛИ ЖЕ ДЕНЬКИ, – сказал Смерть. – ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОШЛА В МОДУ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА.

– ПИСК? – поинтересовался Смерть Крыс.

– АГА, – кивнул Смерть. – РАНЬШЕ НАС БЫЛО ПЯТЕРО. ПЯТЬ ВСАДНИКОВ. НО САМ ЗНАЕШЬ, КАК БЫВАЕТ. ВОЗНИКЛИ СПОРЫ, ТВОРЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ С СООТВЕТСТВУЮЩИМ ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ОКРУЖАЮЩЕМУ ПРОСТРАНСТВУ. – Он вздохнул. – И ВЫСКАЗЫВАНИЕМ ДРУГ ДРУГУ ТОГО, ЧТО, ВОЗМОЖНО, НЕ СТОИЛО ГОВОРИТЬ.

Он перевернул еще несколько страниц и снова вздохнул. Если ты Смерть и тебе нужен союзник, на кого еще можно положиться?

Его задумчивый взгляд опустился на кружку с изображением плюшевого мишки.

Вот именно, всегда есть семья. И да, он обещал никогда больше так не делать, но обещания всегда были для него смутной материей.

Смерть встал и подошел к зеркалу. Времени оставалось не много. Вещи в зеркале выглядели ближе, чем есть на самом деле.

Но вдруг раздался какой-то мерзкий скользкий звук, за которым последовало мгновение совершенно мертвой тишины, а потом послышался грохот, словно на пол рухнул громадный мешок с кеглями.

Смерть Крыс поморщился. Ворон поспешно поднялся в воздух.

– ПОСЛУШАЙТЕ, МОЖЕТ, КТО-НИБУДЬ МНЕ ПОМОЖЕТ, А? – послышался из теней раздраженный голос. – ХОТЯ БЫ СЧИСТИТЕ ЭТО ТРЕКЛЯТОЕ МАСЛО!

Тик

Ну а этот стол состоял из галактик.

Все блестело и переливалось. Поверхность устлала причудливые

колесики и спирали, ослепительно яркие на черном фоне...

Джереми особенно нравился момент, когда часы разобраны и все части до последней шестерни и пружинки аккуратно разложены на черном бархате. Он как будто смотрел на препарированное Время, каждая часть которого была абсолютно понятной, подконтрольной...

Жаль, его жизнь нельзя разобрать. Вот было бы здорово разложить ее на верстаке, почистить и смазать, а потом собрать все части так, чтобы они вращались и крутились *правильно*, как нужно. Иногда Джереми казалось, что лично его жизнь собирал какой-то неумеха и некие маленькие, но очень важные детальки упали со стола и раскатились по углам мастерской, так там и затерявшись.

К примеру, Джереми хотел бы лучше относиться к людям, но почему-то он с ними как-то... не ладил. Никогда не знал, что сказать. Если представить жизнь одной большой вечеринкой, то он ни разу даже на кухне не побывал. Более того, он очень завидовал тем, кому посчастливилось туда проникнуть. На кухне можно было разжиться остатками праздника, бутылкой или двумя дешевого вина, принесенными кем-то из гостей и вполне пригодными к употреблению, если, конечно, выловить плавающие там окурки. А еще на эту кухню наверняка забредали девицы... Впрочем, Джереми всегда знал границы своего воображения.

Так или иначе, ему на эту вечеринку даже приглашения не прислали.

А вот часы... С часами было совсем другое дело. Он знал, что заставляет часы тикать.

Его полное имя было Джереми Часовсон, и получил он его совсем не случайно. Он стал членом Гильдии Часовщиков, когда ему было всего несколько дней от роду, и все понимали, что это значит. Это значило, что его жизнь началась в корзинке под дверью. Обычное дело, гильдии охотно принимали в свои ряды найденышей, прибывавших вместе с утренним молоком. Это было древней формой благотворительности; а кроме того, быть воспитанным Гильдией – участь не из худших. Сироты получали жизнь, какое-то да воспитание, профессию, будущее и имя. У многих знатных дам, выдающихся ремесленников и городских чиновников были о многом говорящие фамилии типа Лудд или Замес, Шутт или Часовсон. Они получали эти фамилии в честь выдающихся представителей своей профессии или покровительствующего божества, и это объединяло их в своего рода семью. Достигшие преклонного возраста люди помнили, откуда начался их путь, и всякий раз на страждество щедро одаривали едой и одеждой своих многочисленных младших братьев и сестер по корзинке. Ну да, положение дел далеко от идеала, но где в этом мире идеал?

Джереми вырос вполне здоровым, хотя и несколько странным юношей, зато к своей приемной профессии он обладал явным талантом, что в значительной степени компенсировало недостаток других личных качеств.

Зазвонил колокольчик на открывшейся двери мастерской. Джереми вздохнул и положил на стол лупу. Хотя торопиться он не стал. В лавке было на что посмотреть. Иногда ему даже приходилось покашливать, чтобы привлечь к себе внимание покупателей. Впрочем, если уж на то пошло, во время бритья Джереми тоже иногда покашливал – чтобы привлечь внимание собственного отражения.

Вообще Джереми изо всех сил старался быть интересным человеком. Беда заключалась в том, что он принадлежал к категории людей, которые, решив стать интересным человеком, в первую очередь отправлялись на поиски книги «Как стать интересным человеком» – или, быть может, где-то есть такие курсы? Его считали навевающим тоску собеседником, а Джереми никак не мог взять в толк почему. А и правда, ведь он мог говорить о часах любых типов! О часах механических, часах волшебных, часах водяных, часах огневых, часах цветочных, часах свечных, часах песочных, часах с кукушками, даже о крайне редких гершебских жучиных часах... Но по какой-то непонятной причине слушатели у него заканчивались намного раньше, чем часы.

Джереми вышел из-за прилавка и замер.

– О, простите, что заставил ждать, – сказал он. Это была *женщина*. Сначала он увидел ее. А потом двух троллей, вставших по обе стороны от двери. Черные очки и огромные, плохо сидевшие черные костюмы делали их похожими на людей, после встречи с которыми люди, как правило, становятся непохожими на себя. Один из троллей, перехватив взгляд Джереми, выразительно хрустнул костяшками пальцев. Дама была закутана в бескрайнюю и явно очень дорогую белую шубу, которая, возможно, и была причиной присутствия тут троллей. Длинные черные волосы волнами ниспадали на плечи, а лицо покрывал бледный грим, почти не отличавшийся по оттенку от меха шубы. Женщина была... весьма привлекательной, но в красоте ее присутствовал некий монохроматизм. Хотя, конечно, какой из Джереми знаток? «А может, она зомби?» – вдруг осенило его. В последнее время число зомби в городе значительно возросло. Самые предусмотрительные оставляли себе после смерти свои же состояния, а поэтому вполне могли расхаживать в подобных шубах.

– *Жучиные* часы, да? – спросила дама, отвернувшись от стеклянного купола.

– О, э... Да. Поведение гершебского жука-законника подчинено очень строгому расписанию, – сказал Джереми. – Держу их, это, ну, для коллекции.

– Как это... органично, – откликнулась дама и посмотрела на него так, словно он тоже был жуком, но другого вида. – Мы – Мирия ле Гион. *Леди Мирия ле Гион.*

Джереми послушно протянул руку. Терпеливые наставники из Гильдии Часовщиков угробили уйму времени на то, чтобы научить его Общению с Людьюми. Закончилось все весьма плачевно, однако кое-какие полезные привычки все ж привились.

Ее светлость уставилась на протянутую руку. В конце концов к ним подковылял один из троллей.

– Леди не пожимать руки, – пояснил он породившим эхо шепотом. – Не из тех, кто любить всякие там тактильности.

– О? – откликнулся Джереми.

– Довольно же! – перебила леди ле Гион, отступив на шаг. – Ты делаешь часы, а мы...

Из кармана рубашки Джереми донесся мелодичный звон. Он достал огромные карманные часы.

– Они бьют очередной час? Похоже, твои часы немного спешат, – заметила женщина.

– Э... гм... Нет, не в этом дело. Но сейчас я советовал бы вам, ну, это, закрыть уши ладонями, потому что...

Три пополудни. Все часы разом принялись отбивать время. Кукушки закуковали, из свечных часов вывалились соответствующие времени булавки с грузиками, водяные часы забурлили и закачались по мере опорожнения ведер, зазвенели колокола, загрохотали гонги, мелодично запели куранты, а гершебский жук-законник исполнил сальто.

Тролли зажали уши огромными ладонями, а леди ле Гион как ни в чем не бывало стояла подбоченившись и наклонив голову, пока не стихло эхо последнего звука.

– Ага, мы видим, что все точно, – сообщила она.

– Что-что? – переспросил Джереми. «Может, вампирша?» – тем временем пронеслось у него в голове.

– Ты держишь все свои часы в точности, – пояснила леди ле Гион. – Ты весьма скрупулезен в этом вопросе, да, мастер Джереми?

– Часы, которые не показывают правильное время... это неправильные часы, – сказал Джереми.

Ему вдруг очень захотелось, чтобы она ушла. Особенно беспокоили ее

глаза. Он слышал о людях с серыми глазами, и у нее были абсолютно серые глаза, как у слепца, но она видела его насквозь.

– Да, и в связи с этим уже случались неприятности, не так ли? – спросила леди ле Гион.

– Я... я не... я не понимаю, о чем вы...

– В Гильдии Часовщиков? Вильямсон, чьи часы бежали на пять минут? И ты...

– Мне уже гораздо лучше, – холодным голосом перебил Джереми. – Я принимаю лекарства. Гильдия заботится обо мне. А теперь прошу вас, уходите.

– Мастер Джереми, мы хотим, чтобы ты построил нам точные часы.

– Все мои часы точны, – пробормотал Джереми, потупив взор. Положенное лекарство он должен был принять только через пять часов семнадцать минут, но ему очень хотелось выпить его прямо сейчас. – И я должен спросить...

– Насколько же точны твои часы?

– За одиннадцать месяцев погрешность меньше секунды, – без малейших колебаний ответил Джереми.

– А это очень хорошо?

– Да.

Это было очень-очень хорошо. Именно поэтому Гильдия проявила такое понимание. Главное – молоток из рук осторожненько вытащить да кровь с пола стереть. Он же гений, они все немного тогося.

– Мы требуем намного более высокой точности.

– Это невозможно.

– О? То есть ты этого не можешь?

– Не могу. А значит, никто не может. Никто из городских часовщиков. Иначе я бы знал!

– Какая гордость! И ты не сомневаешься в этом?

– Я бы знал.

И в своих словах он не сомневался. Конечно знал бы. Свечные часы и водяные часы были... просто игрушками, которые он держал лишь из уважения к древним методам учета времени, но даже на них он потратил много недель, экспериментируя с воском и ведрами, и теперь по этим примитивным устройствам можно было, что называется, сверять часы. Ну, почти сверять. Да, более высокой точности он добиться не смог, но это его особо и не беспокоило. В конце концов, это были примитивные органические устройства, своего рода пародия на время. Они его не раздражали. А вот настоящие часы... настоящие часы – это механизм,

вещь, основанная на числах, а числа должны быть идеальными.

Она снова наклонила голову.

– А как ты *проверяешь* свою точность?

В Гильдии ему частенько задавали тот же вопрос – ну, после того, как его талант проявился в полной мере. Даже тогда Джереми не мог на него ответить, поскольку сам вопрос был лишен смысла. Если ты делаешь часы, они должны быть точными. Допустим, портретист пишет портрет. Если этот портрет похож на оригинал, значит, это точный портрет. Если часы сделаны правильно, значит, они точны. Зачем их проверять? Ты просто знаешь это.

– Просто знаю это, – сказал он.

– Мы хотим, чтобы ты построил очень-очень точные часы.

– Насколько точные?

– *Точные.*

– Но точность моих часов напрямую зависит от материалов, – объяснил Джереми. – Я... разработал определенные технологии, однако есть еще такие факторы, как вибрация от уличного движения, колебания температуры... Всякое разное.

Внимание леди ле Гион переключилось на полку, на которой были выставлены разные модели бесовских часов. Она взяла наугад одну из них и открыла заднюю крышку. Внутри располагались крошечное седло и педальки, но рабочее место выглядело пустым и давно покинутым.

– Никаких бесенят? – спросила она.

– Эти часы я храню лишь для истории, – пояснил Джереми. – Погрешность составляла несколько секунд в час, а на ночь они и вовсе останавливались. Такими часами можно пользоваться, если вас удовлетворяет точность, так сказать, на двоечку.

Произнося последнее слово, он поморщился. Для него это звучало подобно скрежету ногтей по письменной доске.

– А как насчет инвара? – спросила леди ле Гион, делая вид, что по-прежнему рассматривает часовой музей.

Лицо Джереми потрясенно вытянулось.

– Вы о сплаве? Вот уж не думал, что о его существовании известно кому-нибудь вне стен Гильдии. Инвар стоит *очень* дорого. Гораздо дороже золота.

Леди ле Гион резко выпрямилась.

– Деньги значения не имеют. Использование инвара позволит тебе добиться абсолютной точности?

– Нет. Я уже пытался использовать его. Да, он менее подвержен

температурному воздействию, но и у него есть определенные... пределы. Из незначительных помех всегда вырастают большие проблемы. Парадокс Зенона. Слышали?

– Да, конечно. Эфевский философ, который утверждал, что в бегущего человека никогда не попадешь стрелой?

– Только чисто теоретически, ведь...

– Но всего Зенон создал четыре парадокса, насколько мы помним, – продолжала леди ле Гион. – И все они основаны на том, что в природе существует такая вещь, как наимельчайшая частица времени. И таковая частица должна существовать, не так ли? Возьмем настоящее. Оно просто обязано обладать продолжительностью, потому что один его конец связан с прошлым, а другой – с будущим, и если у настоящего нет продолжительности, значит, его не существует вовсе. Не существует времени, в котором помещалось бы это самое настоящее.

Джерери вдруг влюбился. Последний раз он испытывал подобное чувство в четырнадцать месяцев от роду, когда взломал заднюю дверцу стоявших в яслях часов.

– Вы говорите... о знаменитом «тике вселенной», – сказал он. – Но на целом свете не существует зубореза, который мог бы изготовить столь маленькие шестерни...

– Все зависит от того, что именно называть шестерней. Ты читал это?

Леди ле Гион махнула рукой одному из троллей, который тяжелым шагом пробухал к прилавку и положил на него продолговатый сверток.

Джерери развернул бумагу. И увидел небольшую книжку.

– «Гримуарные сказки»? – удивился он.

– Прочти историю о стеклянных часах Бад-Гутталлинна, – велела леди ле Гион.

– Но это же детские сказки! – удивился Джерери. – Чему из них можно научиться?

– Кто знает. Мы зайдем завтра, – сказала леди ле Гион, – и ты расскажешь нам о своих планах. А тем временем вот тебе скромный подарок, свидетельствующий о нашем добром расположении.

Троль положил на прилавок тяжелый кожаный мешочек. Изнутри донесся глухой сочный звон, который способно издавать только золото. Джерери не обратил на мешочек ни малейшего внимания. Золота у него было много. Его часы покупали даже часовщики, причем самые искусные. Золото имело для него значение только потому, что его наличие позволяло Джерери работать над новыми часами. А новые часы приносили еще больше золота. Таким образом, золото лишь занимало пространство между

часами, не более того.

– А еще мы можем добыть тебе инвар, причем в больших количествах, – продолжала леди ле Гион. – Это будет частью оплаты за твои услуги, хотя признаем, даже инвар не сможет послужить твоим целям. Мастер Джереми, мы оба понимаем, настоящей платой за создание тобой действительно точных часов будет возможность создать первые действительно точные часы, не так ли?

Он несколько натянуто улыбнулся.

– Это было бы... чудесно, да только вряд ли выполнимо. В противном случае это станет... концом всего часового дела.

– Да, – согласилась леди ле Гион. – Больше никто и никогда не будет делать часы.

Тик

А на этом письменном столе царил идеальный порядок.

Лежала стопка книг, рядом с ними – линейка.

И стояли сделанные из картона часы.

Госпожа взяла их в руки.

Других учительниц в школе называли Стефанией, Джоанной и так далее, но ее все без исключения называли «госпожа Сьюзен». Всегда только так, и никак иначе. Это выражение – «и никак иначе» – вообще очень подходило ко всему, что касалось госпожи Сьюзен. Она настаивала на обращении «госпожа Сьюзен» примерно так же, как, допустим, король настаивал на обращении к своей персоне «ваше величество». И примерно по тем же причинам.

Госпожа Сьюзен всегда была одета в черное, к чему директриса относилась весьма неодобрительно, но ничего не могла с этим поделать, потому что черный цвет был *пристойным*. Она была молода, хотя возраст ее не поддавался точному определению. Волосы, которые скорее казались белыми, чем светлыми, с одной иссиня-черной прядью, были всегда стянуты на затылке. К этому директриса относилась тоже неодобрительно и называла Архаичным Образом Учительницы, причем тоном человека, способного произносить заглавные буквы. Зато она никогда не выражала неодобрения по поводу того, как двигалась госпожа Сьюзен, потому что госпожа Сьюзен двигалась как тигрица.

Да и вообще, к госпоже Сьюзен было очень трудно относиться неодобрительно, потому что в таком случае она удостаивала вас Взглядом. Он не был угрожающим, напротив, был холодным и спокойным. Просто

вам очень не хотелось почувствовать его на себе еще раз.

Взгляд оказывался полезным и на уроках. Взять, к примеру, домашние работы, еще одна Архаичная Практика, против которой безрезультатно выступала директриса. У учеников госпожи Сьюзен собака никогда не съедала тетрадку с домашней работой, потому что каждый ученик забирал с собой домой частичку госпожи Сьюзен; вместо этого собака приносила ручку и смотрела на тебя умоляющим взглядом, пока домашняя работа не была выполнена до конца. Госпожа Сьюзен умела безошибочно определять как проявления лени, так и приметы подлинного старания. И вопреки указаниям директрисы, госпожа Сьюзен никогда не позволяла детям делать то, что им нравится. Она, наоборот, позволяла им делать то, что нравится ей. И на поверку это было куда интереснее для всех. Госпожа Сьюзен подняла картонные часы и спросила:

– Кто может сказать, что это такое?

Поднялся целый лес рук.

– Да, Миранда.

– Это часы, госпожа Сьюзен.

Госпожа Сьюзен улыбнулась, перевела взгляд с отчаянно размахивающего рукой и тихонько подвывающего ученика по имени Винсент на мальчика за его спиной.

– Почти правильно, – согласилась она. – Да, Сэмюэль?

– Это картонка, которой *попытались* придать вид часов, – сказал тот.

– Правильно. Всегда видите то, что есть на самом деле. И они хотят, чтобы я учила вас определять время вот по этой штуке!

Госпожа Сьюзен презрительно фыркнула и отбросила картонные часы в сторону.

– Может, попробуем как-нибудь иначе? – предложила она, щелкнув пальцами.

– Да! – хором выкрикнул класс и ахнул, когда стены, потолок и пол исчезли, а парты зависли высоко над городом.

А прямо перед ними, буквально в нескольких футах, находился потрескавшийся огромный циферблат башенных часов Незримого Университета.

Дети принялись возбужденно пихать друг друга локтями. Их совершенно не беспокоил тот факт, что подошвы их ботинок от земли отделяли целых триста футов. Странно было и то, что дети не выглядели удивленными. Им было просто интересно. Они вели себя как знатоки, которые и не такое видали. Впрочем, на уроках госпожи Сьюзен действительно видали и не такое.

– Итак, Мелани, – сказала госпожа Сьюзен. На ее письменный стол, хлопая крыльями, опустился голубь. – Большая стрелка находится на двенадцати часах, а *огромная* стрелка – почти на десяти, и это значит...

Винсент мгновенно вскинул руку.

– У-у-у, госпожа Сьюзен, у-у-у! – завыл он.

– Почти двенадцать часов, – вымолвила Мелани.

– Молодец. А здесь у нас...

Воздух затуманился. Парты по-прежнему стройными рядами опустились на булыжную площадь совершенно другого города. Вместе с ними переместилась и большая часть классной комнаты: шкафы, таблица природоведения и классная доска. А вот стены остались где-то далеко позади.

Никто на площади не обращал на незваных гостей ни малейшего внимания, и, что было еще более странным, никто не пытался пройти сквозь класс. Воздух тут был более теплым, в нем чувствовался запах моря и болот.

– Кто-нибудь знает, где мы находимся? – спросила госпожа Сьюзен.

– У-у-у, госпожа Сьюзен, меня, у-у-у, у-у-у... – Рука Винсента могла бы вытянуться выше только в одном случае: если бы его ноги оторвались от земли.

– Пенелопа, давай послушаем тебя, – предложила госпожа Сьюзен.

– Ну, *госпожа Сьюзен*... – простонал опустошенный Винсент.

Пенелопа, девочка, отличавшаяся красотой, послушанием и откровенной туповатостью, окинула взглядом кишевшую людьми площадь, побеленные известкой стены зданий с маркизами, и на лице ее возникло близкое к панике выражение.

– На прошлой неделе мы были здесь на уроке географии, – подсказала госпожа Сьюзен. – Окруженный болотами город. На реке Вьё. Славится деликатесами. Много морепродуктов...

Пенелопа наморщила прелестный лобик. Голубь слетел с письменного стола госпожи Сьюзен и присоединился к стайке местных голубей, искавших крошки между каменными плитами. Буквально через мгновение он уже был со всеми на «гули-гули».

Мыслительный процесс Пенелопы был явлением величественным и неторопливым, во время которого могло случиться многое. Подождав немного, госпожа Сьюзен махнула рукой в сторону часов над лавкой, что виднелась на противоположной стороне площади.

– Ну хорошо. А кто может сказать, который час здесь, в Орлее?

– У-у-у, госпожа Сьюзен, ну *госпожа Сьюзен*, у-у-у...

Мальчик по имени Гордон осторожно ответил, что здесь, вполне возможно, три часа дня, – к громкому разочарованию надувного Винсента.

– Правильно, – подтвердила госпожа Сьюзен. – А кто-нибудь может объяснить, почему здесь, в Орлее, три часа, а в Анк-Морпорке – двенадцать?

На этот раз ей пришлось уступить. Если бы Винсент взметнул руку вверх еще быстрее, то обжег бы ее о воздух.

– Да, Винсент?

– У-у-у госпожа Сьюзен скорость света госпожа Сьюзен составляет шестьсот миль в час, а солнце встает над Краем рядом с Орлеей а свету до нас еще добираться поэтому тут три а у нас двенадцать госпожа Сьюзен!

Госпожа Сьюзен вздохнула.

– Очень хорошо, Винсент, – сказала она и поднялась из-за стола.

Все ученики дружно провожали ее взглядами, пока она шла к Классному Шкафу. Он переместился вместе с ними, а еще, если уж обращать внимание на всякие мелочи, то можно было заметить едва видимые линии, отмечающие контуры стен, окон и дверей. А если бы внимательный наблюдатель оказался еще и поумнее, он бы не мог не спросить: то есть... эта комната по-прежнему находится в Анк-Морпорке? И в то же время в Орлее? Это что, фокус какой-то? Все происходит в действительности? Или это плод воображения? Или, с точки зрения данной конкретной учительницы, тут нет никакой разницы?

Внутренности шкафа тоже присутствовали в Орлее, и именно в этом темном, пахнувшем бумагой укромном месте она хранила звезды.

Здесь были золотые звезды и серебряные. Одна золотая звезда стоила трех серебряных.

Директриса и к звездам отнеслась с неодобрением. Сказала, что они поощряют Дух Соперничества. А госпожа Сьюзен ответила, что в этом весь смысл, и директриса тут же поспешила удалиться, чтобы не удостоиться Взгляда.

Серебряные звезды присваивались редко, а золотые – и того реже, не чаще одного раза в две недели, поэтому и они ценились соответственно. Сегодня госпожа Сьюзен выбрала серебряную звезду. Очень скоро у Винсента Вездесущего будет собственная галактика. Причем, надо отдать ему должное, Винсента совсем не интересовало, какой именно звездой его награждали. Главное было количество. Сама госпожа Сьюзен про себя называла его Мальчиком, Которого Однажды Убьет Собственная Жена.

Наконец госпожа Сьюзен вернулась к столу и, храня загадочное молчание, положила звезду перед собой.

– У меня остался еще один *дополнительно-особенный* вопрос, – с некоторым коварством в голосе промолвила она. – Значит, там – это «тогда», а здесь – это «сейчас»?

Рука застыла, не успев подняться.

– У-у-у... – заскулил было Винсент и вдруг замолк. Потом нерешительно произнес: – Но, госпожа Сьюзен, тут ведь нет никакого смысла...

– Винсент, в вопросах не обязательно должен быть смысл, – возразила госпожа Сьюзен. – Главное – чтобы он был в ответах.

Пенелопа издала звук, немного похожий на вздох. К удивлению госпожи Сьюзен, личико, которое наверняка и очень скоро заставит отца Пенелопы нанять телохранителей, стремительно теряло привычное мечтательное выражение и перестраивалось в попытке сформулировать ответ. Алебастровая ручка медленно, но верно поднялась.

Весь класс замер в ожидании.

– Да, Пенелопа?

– Дело все в том, что...

– Ну?

– Везде и всегда есть только сейчас, да, госпожа Сьюзен?

– Совершенно верно. Молодец! Винсент, ты получаешь серебряную звезду, а ты, Пенелопа...

Госпожа Сьюзен снова подошла к шкафу со звездами. Пенелопа заслуживала звезды хотя бы за то, что спустилась с небес на землю и ответила на вопрос, ну а столь глубокое философское рассуждение было достойно золота.

– Я хочу, чтобы вы все открыли тетради и записали то, что нам только что сказала Пенелопа, – весело произнесла госпожа Сьюзен, усаживаясь обратно за стол.

И вдруг она увидела, что чернильница на ее столе начала подниматься – неторопливо, как рука Пенелопы. Керамическая баночка плотно входила в предусмотренное для нее круглое отверстие в столешнице, но сейчас она поднималась все выше и выше, пока не оказалось, что стоит она на лучащемся жизнерадостностью черепе Смерти Крыс.

А затем госпожа Сьюзен увидела, как синий огонек, горящий в одной из глазниц, подмигнул ей.

Быстрым движением, даже не глядя вниз, она одной рукой отставила чернильницу в сторону, а другой схватила лежавшую на столе толстую книгу сказок и так сильно ударила по отверстию, что по булыжникам

площади расплескались иссиня-черные чернила.

Потом госпожа Сьюзен подняла крышку стола и заглянула внутрь.

Конечно, там ничего не было. По крайней мере, ничего такого смертельного...

...если не считать плитки шоколада со следами крысиных зубов и записки, написанной жирным готическим шрифтом, которая гласила:

Надо повидаться

Внизу она увидела знакомый символ, состоящий из альфы и омеги, и подпись:

Дедушка

Госпожа Сьюзен схватила записку и скомкала ее, дрожа от ярости. Да как он *посмел*? И еще эту крысу прислал!

Она бросила скомканную записку в корзину для бумаг. Госпожа Сьюзен никогда не промахивалась. Правда, иногда корзина двигалась по полу, чтобы обеспечить это.

– А теперь мы посмотрим, который сейчас час в Клатче, – объявила она внимательно наблюдавшим за ней ученикам.

Книга, лежащая на столе, открылась на некой странице. Чуть позже настанет время читать сказку, и госпожа Сьюзен задастся вопросом, правда слишком поздно: а откуда вообще эта книга взялась на ее столе? Ну а иссиня-черная клякса останется на бульжной мостовой Орлеи до тех самых пор, пока ее не смоев вечерний ливень.

Тик

Когда в эту затерянную, гонгозвонную и йети-обитаемую долину приходили искатели озарения, то первые слова, которые их встречали, были написаны в «Жызнеописании Когда Вечно Изумленнага».

И первый вопрос, который они задавали, был примерно таким: «И чему такому он вечно изумлялся?»

А им отвечали: «Когд изучил природу времени и осознал, что вселенная мгновение за мгновением воссоздается заново. Таким образом, он понял, что прошлого в действительности не существует, а существуют только воспоминания о прошлом. Закройте и откройте глаза, и вы увидите, что мира, который существовал, когда вы их закрывали, больше нет. Вот

почему Когд заявил, что единственным уместным состоянием разума является изумление. А единственным уместным состоянием души является радость. Небо, которое вы видите сейчас, вы не видели никогда прежде. Сейчас – это и есть идеальный миг. Возрадуйтесь же ему!»

Ну а первыми словами, которые прочел молодой Лю-Цзе, искавший недоумения на темных, многолюдных, залитых дождем улицах Анк-Морпорка, были следующие: «Комнаты. Здаю. Дешево». И он воистину возрадовался этим словам.

Тик

Где существовала земля, пригодная для выращивания зерна, там люди занимались сельским хозяйством. Уж они-то знали вкус почвы, которая могла родить. И выращивали на ней зерно.

Где существовала земля, пригодная для выплавки стали, там печи ночь напролет красили небо в багряный цвет. Ни на мгновение не смолкал стук молотов. Люди давали металл.

Также существовали земли, пригодные для добычи угля, скотоводства и выращивания травы. В мире полным-полно земель, которые определяются одной-единственной вещью, и люди там определяются ею же. И вот здесь, в высокогорных долинах, раскинувшихся вокруг Пупа мира, там, где снег всегда рядом, – здесь пролегает земля озарения.

Тут обитают люди, которые знают наверняка, что в действительности нет никакой стали, а есть лишь представление о ней^[5]. Они дают имена всему тому, что только начинает существовать, и тому, чего не существует вовсе. Они находятся в постоянном поиске сущности бытия и природы души. Они рождают мудрость.

Над каждой долиной нависает обязательный ледник, и в каждой долине имеется обязательный храм. Ветер тут даже посреди лета несет в себе льдинки.

Здесь живут Слушающие Монахи, которые пытаются расслышать во всемирном гвалте голосов призрачное эхо звуков, некогда приведших эту вселенную в движение.

Здесь также живут Крутые Братья – весьма замкнутая и скрытная секта, приверженцы которой верят, что только через абсолютную крутизну можно осмыслить вселенную, черный цвет идет ко всему, а хром никогда не выйдет из моды.

В своем головокружительном храме, крест-накрест перечеркнутом

туго натянутыми канатами, Балансирующие Монахи пытаются натяжение мира. Именно отсюда они отправляются в свои долгие рискованные путешествия, дабы восстановить его равновесие. Результаты их труда можно увидеть на горных пиках и маленьких островках. Как правило, эти монахи пользуются небольшими бронзовыми грузиками размером примерно с кулак. И что интересно, помогает! Реально помогает! Как вы сами можете видеть, мир до сих пор не перевернулся.

А в самой высокогорной, продуваемой всеми ветрами долине, где растут абрикосы, а в горных ручьях даже в самый жаркий день плавают льдинки, – в этой долине находится монастырь Ой-Донг и живут боевые монахи из Ордена Когда. Прочие секты еще называют их Историческими Монахами. Не многое известно о том, чем именно они занимаются, хотя некоторые наблюдатели отмечают достаточно странный факт: в крошечной долине всегда стоит прекрасный весенний денек, а вишневые деревья постоянно цветут.

Слухи гласят, что на этих монахов возложена достаточно странная обязанность следить за тем, чтобы завтра наступило в соответствии с каким-то мистическим планом, разработанным человеком, который не переставал изумляться.

Правда же была куда более невероятной и значительно более опасной^[6].

Исторические монахи должны были следить за тем, чтоб завтра вообще наступало.

Наставник послушников встретился с Ринпо, главным прислужником настоятеля и очень влиятельным человеком (по крайней мере, в данный момент времени). Настоятель пребывал в том самом состоянии, когда за человека делают почти все, а не понимает он почти ничего. И в подобных обстоятельствах, разумеется, всегда найдется кто-то, готовый взвалить на себя непосильное бремя. Ринпо существуют всегда и везде.

– С Луддом снова проблемы, – сказал наставник послушников.

– О небеса. Тебе причиняет столько хлопот какой-то непослушный мальчишка?

– Какой-то – нет. Именно этот. Откуда он вообще взялся?

– Его прислал наставник Сото. Помнишь его? Из нашего анк-морпорского филиала. Нашел его на улице. Сказал, у мальчика природный талант, – пояснил Ринпо.

Наставник послушников был явно шокирован.

– Талант? Да он просто ворюга! И кстати, был учеником в Гильдии Воров!

– Ну и что? Дети иногда приворовывают. Но сразу перестают, как только их выпороть. Основы образования, знаешь ли, – пожал плечами Ринпо.

– Ага. Но есть еще одна проблема.

– Да?

– Он очень, *очень* проворен. Вокруг него постоянно пропадают вещи. Мелочи. Не имеющие никакой ценности. Но никто не видел, чтобы он их брал. А смотрели очень внимательно.

– Так может, он их и не брал?

– Стоит ему просто войти в комнату, как сразу что-то пропадает! – воскликнул наставник послушников.

– Что, настолько проворен? Как же Сото его поймал? Видимо, очень повезло. Так или иначе, воровство – это...

– Правда, потом все пропавшее появляется. В самых неожиданных местах, – вынужден был признаться наставник послушников. – Это он из озорства так делает, я уверен.

Легкий ветерок пронес по террасе аромат цветов вишни.

– Слушай, к непослушанию я привык, – продолжал наставник. – Оно – часть жизни послушников. Но он еще и постоянно опаздывает!

– Опаздывает?

– Да! Опаздывает на уроки.

– Но как можно опаздывать на уроки *здесь*?

– Судя по всему, господину Лудду просто на все наплевать. Господин Лудд считает, что может поступать так, как ему заблагорассудится. А кроме того, он... толковый.

Прислужник кивнул. Ага. Толковый, значит. Здесь, в долине, это слово обретало особый смысл. Толковый мальчишка считал, что знает больше своих наставников, перебивал их, часто дерзил. Толковый мальчишка был куда хуже бестолкового.

– Он не признает дисциплину? – уточнил главный прислужник.

– Буквально вчера веду это я в Каменной зале теорию времени, как вдруг вижу: он таращится в стену! Явно игнорируя все то, что я говорю! Но когда я попросил его решить написанную на доске задачу, прекрасно зная, что он этого сделать не сможет, он ее решил! Мгновенно! И правильно!

– И что с того? Ты же сам назвал его толковым. Наставник послушников сразу смутился.

– Видишь ли... Задача на доске... Ну, она была не совсем по теме. Чуть раньше я принимал экзамен у полевых агентов пятого дьима и

оставил на доске часть задания. Это была *крайне* сложная задача, связанная с фазовым пространством и остаточными гармониками в *n*-историях. Никто из агентов так и не смог ее решить. Честно говоря, я сам подсмотрел ответ.

– Стало быть, ты наказал его за то, что он ответил, так сказать, не в тему, да?

– Именно. Своим поведением он оказывает дурное влияние на других учеников. Мне кажется, что большую часть времени он где-то отсутствует. Вечно где-то витает, но всегда отвечает правильно. Однако объяснить свой ответ не может! Нельзя же каждый раз пороть его за это! Этот мальчишка – дурной пример. Он показывает дурной пример другим ученикам. Известно же, как толкового ни учи, все без толку!

Главный прислужник задумчиво наблюдал за кружением стайки белых голубей над крышами монастыря.

– Но и отослать его мы не можем, – сказал он наконец. – Сото сообщил, что этот мальчишка прямо на его глазах принял Стойку Койота! Именно так он его и нашел! Можешь себе представить? Его никто этому не учил! А теперь попробуй представить, что может случиться, если оставить настолько одаренного ребенка без присмотра? К счастью, Сото был начеку.

– Он всего-навсего превратил свою проблему в мою. Этот мальчишка нарушает упорядоченное.

Ринпо вздохнул. Наставник послушников был хорошим, добросовестным человеком, но слишком много времени минуло с тех пор, как он выходил в мир. Такие люди, как Сото, проводят в мире времени день за днем. И быстро учатся гибкости, ибо непреклонность там равносильна смерти. Такие люди, как Сото... Впрочем, неплохая мысль...

Он посмотрел в дальний конец террасы, где двое слуг сметали с пола опавшие лепестки цветов вишни.

– Я вижу весьма гармоничное решение, – сказал он.

– Правда?

– Такой необычайно одаренный мальчик, как Лудд, нуждается в чутком учителе, а не в строгой дисциплине классной комнаты.

– Возможно, но...

Наставник послушников заметил, куда смотрит Ринпо.

– О, – сказал он, и его губы расплылись в улыбке, которая была не то чтобы очень приятной.

В ней чувствовался элемент предвкушения, намек на неприятности, которые ждали того, кто, по мнению улыбающегося, их несомненно заслуживал.

– Мне пришло в голову одно имя, – промолвил Ринпо.

– Мне тоже, – поддакнул наставник послушников.
– Имя, которое я слышу слишком часто, – продолжал Ринпо.
– Полагаю, либо он подчинит себе мальчишку, либо мальчишка подчинит его себе. Впрочем, всегда существует возможность, что они подчинят себе друг друга... – задумчиво пробормотал наставник.
– В мирском языке нет такого понятия, как обратная сторона.
– Но одобрит ли это настоятель? – задумчиво произнес наставник, пытаясь найти слабые точки в столь привлекательной идее. – Он всегда испытывал определенное и весьма утомительное уважение к... этому метельщику.
– Настоятель – добрый и умный человек, но в данное время его беспокоят зубы, а ходит он так и вообще с трудом, – ответил Ринпо. – А времена тяжелые. Уверен, он с радостью воспримет наши совместные рекомендации. В конце концов, это очень даже обычное дело, ничем не выделяющееся из повседневных забот.

Таким образом, будущее было предрешено.

Они не были дурными людьми. И трудились на благо долины уже многие сотни лет. Но с течением времени всегда существует опасность обрести привычку к весьма своеобразному мышлению. Ну, допустим: несмотря на то что все важные предприятия нуждаются в тщательной организации, организовывать следует прежде всего организацию, а не предприятие. А еще: порядок – превыше всего.

Тик

На столе рядом с кроватью Джереми стоял ряд будильников. На самом деле он в них не нуждался, потому что всегда просыпался тогда, когда хотел. Эти будильники проходили тут испытание. Он заводил их на семь часов и просыпался в шесть пятьдесят девять, дабы убедиться в том, что они зазвонят вовремя.

На этот раз он отправился отдыхать пораньше, прихватив стакан воды и «Гримуарные сказки».

Сказками Джереми никогда не увлекался – ни в детстве, ни тем более сейчас, – поскольку никак не мог понять их основополагающую идею. Ни одно художественное произведение он не дочитал до конца. Зато он помнил, как его бесила в детстве книжка стишков «Раз-два-три-четыре-пять», на одной из иллюстраций которой были изображены часы совершенно из другого временного периода.

Он попытался начать читать «Гримуарные сказки». Некоторые из них

носили названия типа «Как Злой Королеве Довелось Станцевать в Раскаленных Докрасна Башмаках» или «Старушка В Печи». И ни в одной из этих сказок ни разу не упоминались часы. Более того, авторы как будто специально избегали их упоминания.

Хотя в сказке «Стеклянные часы Бад-Гутталлинна» часы действительно обнаружили. Своего рода.

Достаточно... необычные часы. Один злой человек, а читатели сразу же понимали, что он злой, поскольку так было написано черным по белому, сделал часы из стекла, в которые поймал и заточил Время, но все пошло наперекосяк, потому что одна пружинка, которую он не смог выточить из стекла, не выдержала напряжения и лопнула. В результате пленница вырвалась на свободу, а злой человек буквально за секунду постарел на десять тысяч лет и обратился в прах. И больше его никто никогда не видел, что, по мнению Джереми, было совсем неудивительно. Заканчивалась сказка следующей моралью: «Успех Крупных Предприятий Зависит От Мелких Деталей». Хотя, по мнению того же Джереми, моралью вполне могла служить и следующая фраза: «Не Фиг Запирать В Часы Несуществующих Женщин». Или: «Была Б Пружина Из Стекла, Могло Бы И Прокатить».

Но даже на непосвященный взгляд самого Джереми, в сказке было что-то не так. Автор как будто пытался объяснить то, что он видел, или то, о чем слышал, но все это он понял неправильно. Кроме того, – ха! – действие происходило много сотен лет тому назад, а в те времена даже в самом Убервальде существовали лишь примитивные часы с кукушкой, тогда как художник изобразил на иллюстрации напольные часы, которые появились всего пятнадцать лет назад. О, глупость людская! Было бы смешно, если бы не было так грустно!

Он отложил книгу в сторону и посвятил оставшуюся часть вечера одной заказанной Гильдией работенке. Эти заказы всегда хорошо оплачивались, при условии, что сам он в Гильдии обещал не появляться.

Потом Джереми положил законченную работу на прикроватный столик рядом с часами, задул свечу и заснул. И приснился ему сон.

Стеклянные часы тикали. Они стояли посреди дощатого пола мастерской и излучали серебристый свет. Джереми обошел их кругом, или это часы плавно описали окружность.

Они были выше человеческого роста. Внутри прозрачного корпуса мерцали, словно звездочки, красные и синие огоньки. В воздухе пахло кислотой.

Потом его взгляд каким-то образом проник в некую похожую на

кристалл штурковину и стал опускаться все ниже и ниже сквозь многочисленные слои стекла и кварца. Эти слои проносились мимо, превращались в стены, которые уходили на сотни миль вверх, а он все летел в бездну, но вдруг заметил, как стены по сторонам стали грубыми и зернистыми...

...испещренными отверстиями. Красные и синие огоньки сопровождали его, струились мимо.

И только потом возник звук. Он доносился из тьмы впереди, размеренное биение, показавшееся странно знакомым, усиленное в миллионы раз биение сердца.

...чум...чум...

...каждый удар величественней, чем горы, грандиозней, чем сами миры, темный и кроваво-красный. Он услышал еще несколько ударов, прежде чем падение замедлилось, прекратилось, и он начал взмывать вверх сквозь морозящий свет, пока сияние впереди не превратилось в комнату.

Он должен все это запомнить! Как же все просто, надо было лишь увидеть! Настолько просто! Так легко! Он видел все до мельчайших деталей, как они соединялись друг с другом, как были сделаны.

А потом изображение начало тускнеть.

Конечно, это был всего лишь сон. Он убедил себя в этом, чтобы успокоиться. Впрочем, следовало признать, пробуждаться от этого сна он не спешил. Например, он запомнил дымящуюся кружку чая на одном из верстаков, звук голосов, доносившихся из-за двери...

Раздался стук в дверь. «Интересно, закончится ли сон, когда откроется дверь?» – подумал Джереми. Потом дверь исчезла, а стук продолжился. Он доносился с нижнего этажа.

Шесть часов сорок семь минут. Джереми бросил взгляд на будильники, удостоверившись, что они идут правильно, закутался в халат и поспешил вниз. Приоткрыл входную дверь. И никого за ней не увидел.

– Не, друг, ниже гляди. Ниже обнаружился гном.

– Тя Часовсон зовут? – спросил гном.

– Да?

В щель просунул планшет.

– Подпиши там, где «Подпись». Спасибо. Эй, парни, выгружай...

За спиной гнома два тролля перевернули ручную тележку. На бульжники с грохотом вывалился большой деревянный ящик.

– А это еще что? – изумился Джереми.

– Срочная посылка, – ответил гном, забирая планшет. – Из самого

Убервальда. Кто-то кучу денег отвалил. Глянь, одних печатей да нашлепок сколько.

– А не могли бы вы занести... – неуверенно произнес Джереми, но тележка уже катилась прочь по булыжной мостовой, весело позвякивая и побрякивая содержащимися в ней хрупкими изделиями.

Начался дождь. Джереми наклонился, чтобы посмотреть на приклеенный к ящику ярлык. Посылка, несомненно, была адресована ему, все надписи были сделаны аккуратным круглым подчерком, а над ними красовался герб Убервальда в виде двухголовой летучей мыши. Другой маркировки не было, за исключением надписи у самого дна, гласившей:

ВЕРХ ТУТА

А затем ящик принялся ругаться – глухим голосом и на иностранном языке; впрочем, содержание самих ругательств было вполне даже интернациональным.

– Э... Привет? – неуверенно окликнул Джереми.

Ящик закачался и перевернулся на одну из длинных сторон, вслед за чем раздался очередной взрыв ругательств. Потом изнутри послышался стук, еще *более* громкие ругательства, ящик снова закачался и наконец перевернулся так, чтобы предполагаемый верх действительно находился «тама», где нужно.

Скользнула в сторону одна из маленьких досок, потом на мостовую со звоном вывалился ломик. Голос, который совсем недавно выкрикивал ругательства, произнес:

– Вы ли не бывайт фтоль любезны?

Джереми вставил ломик в показавшуюся ему подходящей щель и надавил.

Ящик развалился. Джереми выронил ломик. Внутри обнаружилось некое... *существо*.

– Йа не понимайт! – воскликнуло оно, стряхивая с себя остатки упаковочного материала. – Вофемь дней не имейт ни малейших проблем, а потом дас идиотен ошибаться у фамый порог! – Оно кивнуло Джереми. – Гутен морген, фэр. Полагайт, ты гофподин Джереми?

– Да, но...

– Меня прозывайт Игорь, фэр. Мои паспортирен, фэр.

Рука, выглядевшая так, словно ее сшили после ужасного несчастного случая на производстве, протянула Джереми пачку бумаг. Он машинально

отшатнулся, но через мгновение, смутившись, взял ее.

– Думаю, тут произошла какая-то ошибка...

– Найн, фэр, найн ошибка, – заверил его Игорь, вытаскивая из обломков ящика дорожный баул. – Ви нуждаться помощник. Игорь ефть лучший помощник. Вфе это знавайт! Но, фэр, не могли бы мы убегайт от дождя? Мои колени быфтро ржавейт.

– Какой помощник? Мне не нужен помощник... – начал было Джереми, но тут же замолчал.

Он говорил неправду. Просто никто из подмастерьев у него не задерживался. Ну, самое большее неделю.

– Утро доброе, сэры! – раздался бодрый голос.

Подъехала еще одна тележка. Она сверкала свежей, гигиенически белой краской, была забита бидонами с молоком, а на борту красовалась надпись «Рональд Соак, Молошник». Совершенно сбитый с толку Джереми поднял взгляд на сияющее лицо господина Соака, державшего в каждой руке по бутылке молока.

– Одну пинту, сударь, как всегда. Или, может, еще одну, раз ты не один?

– Э, э, э... Да, спасибо.

– Сударь, на этой неделе замечательно йогурт удался, – поощряющим тоном произнес молочник.

– Э, э, спасибо, господин Соак, не думаю.

– Не хочешь ли приобрести яйца, сливки, масло, пахту или сыр?

– Только не это, господин Соак.

– Вот и ладненько! – воскликнул, нисколько не смутившись, тот. – Стало быть, до завтрава.

– Э, конечно, – ответил Джереми, когда тележка тронулась с места. Господин Соак был его другом, что, согласно весьма ограниченному светскому словарю Джереми, означало «некто, с кем я разговариваю раз или два в неделю». Джереми с одобрением относился к молочнику, потому что тот всегда был пунктуальным и оставлял бутылки с молоком у порога каждое утро, ровно когда часы начинали бить семь. – Э-э... До свидания.

Он повернулся к Игорю.

– Но как ты узнал, что мне нужен... – произнес он, однако странный гость уже вошел в дом, и Джереми поспешил вслед за ним в свою мастерскую.

– Йа, зер-зер мило, – признал Игорь, окидывая взглядом знатока мастерскую. – Это же ефть микротокарный фтанок «Круготочь Марка Три»! Я видайт его в каталог. Зер гутт, йа...

– Я никому не говорил, что нуждаюсь в помощнике! – воскликнул Джереми. – Кто тебя прислал?

– Мы ефть Игори, фэр.

– Да, это ты уже говорил. Но я не...

– Верно, фэр. «Мы – Игори», фэр. *Организация*, фэр.

– Какая организация?

– По *игореуфтройфту*, фэр. Видишь ли, фэр, чафто так бывайт, что Игорьь теряйт фвой мафтер. Не по фвоей вине, натюрлих! Это ф одной фтороны...

– ...И с другой стороны тоже! – вдруг выдохнул Джереми, который не смог сдержаться. – У тебя по два больших пальца на каждой руке!

– О, йа, фэр, зер удобно, – кивнул Игорьь, даже не опустив взгляд. – Так вот, а ф другой фтороны, много-много людей желайт фвоего Игоря. Поэтому моя тетя Игорина фздавайт наше кляйне, но элитарен агентфтво!

– Она как бы... приторговывает Игорями? – уточнил Джереми.

– О йа, нас хватайт! Мы имейт гросс фемья. Игорьь передал Джереми визитную карточку. Она гласила:

Мы – Игори

«Рука В Помощь, И Кое-Што Исчо»

Старый Дурдом

Бад-Гутгаллинн

к-почта: Йамойгеррмафтер Убервальд

Джереми уставился на адрес клик-почты. То, что не было связано с часами, его вообще никак не волновало, но данный случай был исключением. Услышав, что в новой кросс-континентальной семафорной системе используется большое число часовых механизмов, позволяющих ускорить поток сообщений, он очень заинтересовался этим новым изобретением. Значит, теперь можно нанять Игоря по семафору? По крайней мере, это объясняло его столь стремительное появление.

– Дурдом... – неуверенно произнес он. – Это что-то типа муниципалитета, да?

– Йа, фэр, его еще и так называйт, – мгновенно подтвердил Игорьь.

– А у вас в Убервальде действительно есть семафорные адреса?

– О, йа! Мы хватайт будущее обеими руками, фэр.

– И четырьмя большими пальцами...

– Йа! Мы хватайт что угодно и как угодно.

– А потом ты послал самого себя сюда по почте?

– Яволь, фэр. Мы, Игори, ф дифкомфортом на «ты»!

Джереми опустил взгляд на переданные ему бумаги, и одно имя мгновенно привлекло его внимание.

Верхний лист был подписан. Ну, в некотором роде подписан. Сначала шли аккуратные заглавные буквы, похожие на печатные, за которыми следовала фамилия.

ОН МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫМ ЛЕ ГИОН

– А, так за всем этим стоит леди ле Гион! – воскликнул он. – Это она послала тебя ко мне?

– Вфе правильно, фэр.

Почувствовав, что Игорь ожидает от него большего, Джереми просмотрел остальные бумаги, которые оказались рекомендательными письмами. Некоторые были написаны – во всяком случае, он так надеялся – темно-бурыми чернилами, одно – цветным карандашом, многие опалены по краям. И все письма без исключения были хвалебными. Впрочем, вчитавшись, можно было заметить некоторую закономерность среди лиц, подписавших характеристики.

– Вот это письмо... Его подписал некий Безумный Доктор Тогось, – сказал Джереми.

– О, по чефти говорийт, «безумный» бывайт его прозвищем. Кличкой то ефть.

– Так он был безумным или нет?

– Эх, фэр, кто ж теперь это знавайт... – абсолютно равнодушно пожал плечами Игорь.

– А Чиканутый Барон Хаха? В графе «Причина Увольнения» указано, что он погиб под обломками сгоревшей мельницы.

– То бывайт результат нелепой ошибки, фэр.

– Правда?

– Йа, фэр. Насколько мне извештно, толпа принимайт его за Орущего Доктора Берферка.

– О, понятно. – Джереми опустил взгляд. – На которого, как я вижу, ты тоже успел поработать.

– Йа, фэр.

– И который умер от заражения крови.

– Йа. Виной вфему грязные вилы, фэр.

– А... Шампур Пронзила?

– О, фэр, предфтавляйте фебе, на фамом деле он управляйт

шашлычной!

– Что, правда?

– Йа. Только не фовфем обычной.

– То есть он тоже был чокнутым?

– А. Фледует признавать, ф ним не вфе бывайт в порядке, но Игорь никогда не подвергайт критика фвой герр или фрау. Так глафийт Кодекф Игорей, – объяснил он терпеливо. – Ефли б мы бывайт похожи, фтарый добрый мир фтавайт бы таким фкучным мефтом!

Джереми совершенно не понимал, что ему делать дальше. Он плохо умел разговаривать с людьми, и этот разговор, за исключением беседы с леди ле Гион и пререканий с господином Соаком по поводу ненужного сыра, был самым длинным за весь прошедший год. Возможно, все это потому, что Игорь не совсем вписывался в категорию людей. До сегодняшнего дня Джереми как-то не думал, что значение «люди» способно включать в себя существ, на которых швов больше, чем на дамской сумочке.

– Не знаю, найдется ли у меня для тебя работа, – признался он. – Я получил новый заказ, но вообще не представляю, как... Кроме того, я не сумасшедший!

– Это вовфе не обязательное уфловие, фэр.

– У меня даже есть специальная бумага! В которой написано, что я абсолютно здоров.

– Очень мудро, фэр.

– Такую бумагу кому попало не дают!

– Вфе верно, фэр.

– И я принимаю лекарство.

– Вефьма разумно, фэр, – похвалил Игорь. – Йа ходийт готовить завтрак, яволь? Пока ты одеваешьфя... мой мафтер.

Джереми поспешно запахнул полы влажного халата.

– Я скоро спущусь, – сказал он и поспешил вверх по лестнице.

Игорь окинул взглядом стеллажи с инструментами. Не увидел на них ни пылинки. Напильники, молоточки и щипчики были разложены по размерам, детали на верстаке располагались с геометрической точностью.

Он открыл ящик и увидел идеально ровные ряды винтиков.

Обвел взглядом стены. Они были голыми, если не считать полук с часами. Это не могло не удивлять – даже у Слюнявого Доктора Флюида на стене висел календарь, единственное цветное пятно в прочей довольно-таки унылой обстановке. Да, нельзя не признать, что календарь выпустила компания «Кислотные Ванны и Смирительные Рубашки» из Омерзбурга, и

в цветовом пятне преобладали кровавые оттенки, но тем не менее это было хотя бы какое-то признание того, что за четырьмя стенами существует внешний мир.

Игорь был озадачен. Он никогда раньше не работал на вменяемого человека. Он работал на многих... ну, мир, как правило, называл их сумасшедшими, работал на нескольких *нормальных* людей, которые были вовлечены лишь в незначительные и социально приемлемые безрассудства, но он не мог припомнить, чтобы когда-либо работал на абсолютно вменяемого человека.

Ну да, все логично. Если привычка вставлять винты себе в ноздри считается сумасшествием, то привычка хранить их в аккуратных ячейках, каждый под своим номерком, – это признак вменяемости, поскольку является полной противоположностью...

Ха. Да нет же. Ничего подобного. Игорь улыбнулся. Он начинал чувствовать себя как дома.

Тук

Метельщик Лю-Цзе был занят тем, что пропалывал свои любимые горы в саду Пяти Неожиданностей. Метла стояла у изгороди.

Над ним и садами монастыря возвышалась огромная каменная статуя Когда Вечно Изумленного. Глаза статуи были широко распахнуты, а лицо вытянуто в окаменевшем выражении приятного изумления.

Выращивание гор в качестве хобби привлекает, как правило, тех людей, про которых в нормальных обстоятельствах говорят: «У них слишком много свободного времени». Но у Лю-Цзе времени не было вообще. Для него время являлось тем, что обычно происходило с другими людьми; он относился ко времени так, как находящиеся на берегу люди относятся к морю. Оно было большим, всегда было рядом, иногда было очень приятно потрогать его пальцем ноги, но жить в нем?.. Упаси боги. Кроме того, от него кожа покрывалась морщинками.

В данный момент, непрекращающийся и постоянно воссоздаваемый заново в залитой солнцем безмятежной долине, Лю-Цзе возился с крошечными зеркалами, лопатками, морфическими резонаторами и прочими куда более странными устройствами, предназначенными для того, чтобы горы вырастали максимум в две ладони.

Вишневые деревья по-прежнему пышно цвели. Здесь они цвели всегда. Со стороны храма донесся удар гонга. Стайка белых голубей сорвалась с крыши монастыря.

На горные кручи упала тень.

Лю-Цзе взглянул на незваного гостя и сразу принял универсальную смиренную позу. Над ним стоял мальчишка в одеянии послушника. На лице мальчишки застыло раздражение.

– Да, господин? – спросил Лю-Цзе.

– Я ищу того, кого называют Лю-Цзе, – ответил мальчишка. – Хотя лично мне кажется, что такого человека не существует.

– Я сумел вырастить ледник, – похвастался Лю-Цзе, не обратив внимания на последнюю фразу. – Долго его растил. Видишь, господин? Он не больше дюйма в длину, а уже создает для себя крохотную долину. Изумительно, не правда ли?

– Да-да, очень красиво, – сказал мальчишка, проявляя разумную снисходительность к стоящему ниже. – Это ведь сад Лю-Цзе?

– Ты имеешь в виду Лю-Цзе, который славится своими горами-бонсай?

Послушник поднял взгляд от выставленных в ряд небольших тарелок на морщинистое лицо улыбающегося ему старика.

– Так ты и есть Лю-Цзе? Не может быть, ты же простой метельщик! Я видел, как ты убирался в наших спальнях. Видел, как тебе отвешивали пинки!

Лю-Цзе, очевидно не расслышав мальчика, поднял с земли тарелку не больше фута в поперечнике, на которой курился крошечный конус из пепла.

– А как тебе это, господин? – поинтересовался он. – Вулкан. Вырастить его было невольннно трудно, прости мой клатчский.

Послушник сделал еще один шаг, наклонился и заглянул метельщику прямо в глаза.

Лю-Цзе было крайне сложно привести в замешательство, но именно это сейчас и произошло.

– Ты – Лю-Цзе?

– Да, малыш. Я – Лю-Цзе.

Послушник сделал глубокий вдох и протянул тощую руку с зажатым в ней крошечным свитком.

– От настоятеля... э... о светлейший!

Свиток дрожал в вытянутой руке.

– Почти все называют меня Лю-Цзе, юноша. Или метельщиком. Некоторые, пока не узнают поближе, кличут «Эй, Прочь С Дороги», – сообщил Лю-Цзе, тщательно вытирая инструменты. – Светилом, конечно, тоже называли, но, как правило, на другую букву.

Лю-Цзе осмотрел тарелки в поисках миниатюрной лопатки, при

помощи которой он трудился над ледником, однако нигде ее не увидел. Но буквально секунду назад он положил ее вот сюда, на землю.

Послушник наблюдал за ним. На лице его застыл благоговейный страх с легкой примесью остаточного недоверия. О таких людях, как Лю-Цзе, слышали все. О нем нельзя было не слышать. Этот человек совершил... практически все, если, конечно, верить слухам. Но он был совсем не похож на такого человека. Он был маленьким, лысым, с чахлой бородкой и добродушной улыбкой.

Лю-Цзе ободряюще похлопал послушника по плечу.

– Ну, посмотрим, что понадобится настоятелю, – сказал он, разворачивая рисовую бумагу. – О, судя по этому свитку, ты должен проводить меня к нему.

Лицо послушника приняло паническое выражение.

– Что? Я не могу. Послушникам запрещено входить во Внутренний храм!

– Правда? В таком случае позволь мне проводить *тебя*, чтобы ты проводил *меня*, чтобы я увидел *его*, – предложил Лю-Цзе.

– Тебе разрешено входить во Внутренний храм? – изумился послушник, вскинув руки ко рту. – Но ты же простой метель... О...

– Правильно! Даже не монахи и тем более не донги, – произнес метельщик весело. – Поразительно, не правда ли?

– Но, судя по тому, что говорят о тебе люди, ты чуть ли не выше самого настоятеля!

– Ну и ну, конечно же нет, – покачал головой Лю-Цзе. – Во мне нет ничего святого. К примеру, вселенскую гармонию мне так и не удалось познать.

– Но ты совершил все эти невероятные...

– О, я и не говорил, что плохо исполняю свои обязанности, – сказал Лю-Цзе и зашагал прочь, положив метлу на плечо. – Просто я не святой. Ну, идем?

– Э... Лю-Цзе? – обратился к нему послушник, когда они вышли на древнюю, вымощенную кирпичом дорожку.

– Да?

– А почему это место называется садом Пяти Неожиданностей?

– Как тебя звали в миру, о торопливый отрок? – спросил Лю-Цзе.

– Ньюгейт. Ньюгейт Лудд, о светлей... Лю-Цзе предостерегающе поднял палец.

– А?

– Я хотел сказать, метельщик.

- Лудд, значит? То есть ты из Анк-Морпорка?
- Да, о метельщик, – ответил мальчишка куда тише, чем раньше. Он, похоже, догадывался, что за слова последуют далее.
- Был воспитанником Гильдии Воров? «Люди Лудда»? Из них был?
- Мальчик, которого раньше звали Ньюгейтом, посмотрел старику прямо в глаза и произнес монотонным голосом, как человек, которому приходилось отвечать на этот вопрос бесчисленное количество раз:
- Да, метельщик. Да, я был найденьшем. Да, в честь одного из основателей Гильдии нас называли Людьми Лудда. Да, такую фамилию мне дали. Да, жизнь была хорошей, и иногда я о ней жалею.
- Лю-Цзе словно не слушал его.
- А кто прислал тебя к нам?
- Меня нашел монах по имени Сото. Сказал, что у меня есть талант.
- Марко? Волосатый такой?
- Верно. Но я думал, что по правилам все монахи должны быть бритыми.
- О, Сото говорит, что под волосами он совершенно лысый, – уверил Лю-Цзе. – А еще он уверен, что волосы – это совершенно самостоятельное существо, которое поселилось у него на голове. Когда он поделился с братьями этим откровением, его мгновенно перевели в полевые агенты. Очень работоспособный и прилежный работник. И очень дружелюбный, если не касаться его волос. Отсюда очень важный урок: соблюдая все правила, в полевых условиях не выживешь. Иногда нужно кое-чем жертвовать, и способность к здравомыслию не исключение. А какое имя тебе дали в монастыре?
- Лобсанг, о свет... метельщик.
- Лобсанг Лудд?
- Э... Да, метельщик.
- Поразительно. Итак, Лобсанг Лудд, ты попытался сосчитать местные неожиданности. Все это делают. Неожиданность лежит в основе природы Времени, а пять – это число Изумления.
- Да, метельщик. Я обнаружил мостик, который наклоняется и сбрасывает тебя в пруд с карпами...
- Хорошо. Молодец.
- ...А еще я нашел бронзовую статую бабочки, которая начинает хлопать крыльями, если на нее подуть...
- Уже два.
- Нельзя не изумиться тому, как эти маргаритки опыляют тебя ядовитой пылью...

– Разумеется. Свойства их пыльцы для многих стали большой неожиданностью.

– Я думаю, что номер четыре – это поющий йодлем палочник.

– Просто молодец, – просияв, похвалил послушника Лю-Цзе. – Просто здорово.

– Но Пятую Неожиданность я так и не смог найти.

– Правда? Что ж, когда обнаружишь, обязательно сообщи, – сказал Лю-Цзе.

Некоторое время Лобсанг Лудд обдумывал эти слова, шагая за метельщиком.

– Сад Пяти Неожиданностей – это испытание, – сказал он наконец.

– О да. Как, по сути своей, и все остальное.

Лобсанг кивнул. Это было очень похоже на сад Четырех Элементов. Бронзовые символы трех из них найти было не так трудно: в пруду с карпами, под камнем и на воздушном змее, но Огонь никто из одноклассников Лобсанга так и не нашел. Огня в саду как будто не было.

А потом Лобсанг сделал следующий вывод: в действительности существует пять Элементов, как их и учили. Из четырех состоит вселенная, а пятый – Изумление – обеспечивает ее существование. Никто не утверждал, что четыре элемента в саду обязательно были материальными, поэтому четвертым элементом могло быть изумление от того факта, что Огня тут нет. Кроме того, огонь – редкий гость в садах, а вот символы других элементов действительно находились в своих стихиях. Поэтому Лобсанг спустился в пекарню, открыл одну из печей и тут же увидел под буханками пылающий красный Огонь.

– Тогда я полагаю, что Пятая Неожиданность состоит в том, что Пятой Неожиданности нет вовсе, – сказал он.

– Хорошая попытка, но цилиндрическая дымящаяся штучка обычно действует безотказнее, – ответил Лю-Цзе. – Разве не начертано: «О, твой ум настолько востер, что однажды ты можешь порезаться о него»?

– Я пока еще не добрался до этого места в священных текстах, – неуверенно произнес Лобсанг.

– И не доберешься, – заверил Лю-Цзе.

С залитой хрупким солнечным светом улицы они вошли в прохладу храма и продолжили путь по древним залам и вырубленным в скале лестницам. Их сопровождали звуки доносившихся издалика песнопений. Лю-Цзе, который не был святым и которому в голову могли лезть самые нечестивые мысли, иногда гадал про себя: а есть ли в монашеских песнопениях какой-то смысл или они просто повторяют бесконечное

«аахааахаха»? Различить нечто большее мешало вечное эхо.

Лю-Цзе свернул из главного коридора в боковой и коснулся ладонью двух огромных полированных дверей красного дерева. Потом оглянулся. Лобсанг замер на месте в нескольких шагах за его спиной.

– Ну, ты идешь?

– Но сюда даже донгам запрещено входить! – воскликнул Лобсанг. – Ты должен быть, по крайней мере, тингом третьего дьима!

– Ну да, ну да. Но здесь можно срезать. Пойдем, а то сквозняк слишком сильный.

Крайне неохотно, ожидая в любой момент услышать гневный и властный окрик, Лобсанг поплелся за метельщиком.

Подумать только, всего-навсего метельщик! Один из людей, подметавших полы, стиравших белье и чистивших отхожие места! Никто ведь никогда даже не упоминал об этом! Послушники слышали легенды о Лю-Цзе с самого первого дня своего пребывания в монастыре – о том, как он распутывал самые запутанные временные узлы; как умело лавировал на перекрестках истории; как обращал время вспять одним словом и как потом на основе этого умения создал самое тонкое из всех известных боевых искусств...

...И этот человек оказался тощим старичком неопределенной этнической группы, таким человеческим эквивалентом дворняги, в некогда белой, но сейчас захваченной пятнами и заплатами одежде и поддерживаемых бечевкой сандалиях. А эта его дружелюбная улыбка, как будто он все время ждал, что вот-вот произойдет нечто замечательное... И *никакого пояса*, только веревка, чтоб полы не развевались. Немыслимо! До серого донга любой послушник дослуживался, причем некоторые – в самый первый год обучения!

В додзё было полным-полно оттачивавших свое мастерство старших монахов. Лобсанг едва успел отскочить в сторону, когда мимо него пронеслась пара бойцов, руки и ноги их мелькали с невообразимой скоростью, нарезая время на все более тонкие ломтики; каждый пытался найти слабое место в обороне противника...

– Эй! Метельщик!

Лобсанг испуганно оглянулся, но окрик был адресован Лю-Цзе. Тинг, который, судя по новенькому поясу, только что получил третий дым, с побагровевшим от ярости лицом наступал на старичка.

– Да как ты посмел войти сюда, чистильщик нечистот? Тебе запрещено быть тут!

Улыбка на лице Лю-Цзе слегка изменилась. Он выудил из-за пазухи

небольшой кисет.

– Решил срезать путь, – пояснил он, достав из кисета щепотку табака. Похоже, он собирался скрутить самокрутку прямо на глазах у разъяренного, нависшего над ним тинга. – А у вас тут грязновато. Я определенно должен поговорить с человеком, который отвечает за уборку местных полов.

– Да как ты смеешь меня оскорблять! – завопил монах. – Убирайся к себе на кухню, презренный метельщик!

Лобсанг, съжившийся от страха за спиной у Лю-Цзе, вдруг понял, что в додзё стало очень тихо и взоры всех монахов обратились к ним. Кое-кто перешептывался. Восседающий в своем кресле наставник до-дзё – его можно было узнать по коричневого цвета одеяниям – равнодушно наблюдал за происходящим, подперев голову рукой.

Двигаясь утонченно и неторопливо, подобно самураю, создающему изысканный букет, Лю-Цзе аккуратно раскладывал табачные крупинки на листочке тончайшей папиросной бумаги. Что, разумеется, еще больше выводило из себя.

– Если не возражаешь, я предпочту выйти вон через ту дверь, – сказал он.

– Подумать только, какова дерзость! Значит, ты хочешь драться, о злейший враг грязи?

Монах отскочил назад и поднял руки, приняв стойку Хека. Резко повернувшись, он нанес удар ногой по висевшему рядом кожаному мешку, причем настолько сильный, что цепь, поддерживающая мешок, лопнула. Монах снова повернулся лицом к Лю-Цзе; руки его изогнулись, говоря о том, что он собирается начать атаку Змеи.

– Аи! Шао! Хай-иии... – завопил он. Наставник додзё поднялся.

– Остановись! – велел он. – Ужели ты не хочешь узнать имя человека, которого собираешься уничтожить?

Боец, не меняя позы, свирепо посмотрел на Лю-Цзе.

– Мне ни к чему знать имя какого-то метельщика, – заявил он.

Лю-Цзе наконец скрутил тоненькую самокрутку и подмигнул разъяренному монаху, чем распалил его еще больше.

– Знать имя метельщика есть большая мудрость, о юноша, – сказал наставник додзё. – И мой вопрос был адресован не тебе.

Тик

Джереми устался на простыни.

Они были испещрены словами. Написанными его рукой.

Надписи переходили на подушку, а потом и на стену. Были и эскизы, оставившие штукатурке глубокий след.

Свой карандаш он нашел под кроватью. Он умудрился заточить его. Во сне. Он *заточил* карандаш во сне! И, судя по виду карандаша, он писал и рисовал несколько часов кряду. Конспектируя свой сон.

На краю стеганого одеяла обнаружился список необходимых деталей.

Сон, когда он его видел, был абсолютно понятен и прост. Словно молоток, палка или Гравитационный Регулятор Колесника. Джереми как будто старого друга встретил. А теперь... Он уставился на собственные каракули. Он писал настолько быстро, что не обращал внимания ни на пунктуацию, ни на пропущенные буквы. Но некоторый смысл уловить было можно.

Он читал о подобных явлениях. Основой многих величайших изобретений были сны или грезы. Взять, к примеру, Гепцибу Герпеса. Идея часов с регулируемым маятником пришла ему в голову, когда он, подрабатывая на общественных началах, управлял виселицей. А Вильфрам Белибертон? Разве он не говорил, что идея Рыбохвостного Регулятора пришла ему после того, как он обожрался лобстерами?

Да, во сне все было предельно ясно и понятно. А день показал, что предстоит еще немало потрудиться.

Из крохотной кухни за мастерской донесся звон посуды. Он поспешил вниз, волоча за собой простыню.

– Обычно я... – начал было Джереми.

– Тофт, фэр, – объявил Игорь, поворачиваясь к нему от плиты. – Флегка подрумяненный, йа полагайт.

– Откуда ты знал?

– Игорь умейт предугадывайт пожелания мафтера, фэр, – сказал Игорь. – Какая вундебар кляйне кюхен, фэр. Никогда не выдайт ящик ф надписью «Ложки», в котором лежайт только ложки.

– Игорь, а ты умеешь работать со стеклом? – вдруг спросил Джереми, не обратив внимания на последнее замечание.

– Найн, фэр, – ответил Игорь, намазывая тост маслом.

– Нет?

– Йа не просто умейт работайт стекло, сэр, йа чертовфки здорово его работайт. Многие мои мафтера требовайт вефьма... *фнецифичефкий* прибор, который ты нигде не дофтавайт. А что именно надобляетфя?

– Как насчет попробовать построить нечто подобное? – спросил Джереми, расстилая на столе простыню.

Тост выпал из черных ногтей Игоря.

– Что-нибудь не так? – встревожился Джереми.

– Йа чувфत्वовайт фебя так, будто кто-то ходийт моя могила, фэр, – ответил Игорь, чье лицо было откровенно потрясенным.

– Э... Но у тебя ж еще нет могилы? – уточнил Джереми.

– Это фигурная речь, фэр, – обиделся Игорь.

– Так вот, мне пришла мысль... построить такие часы...

– Фтеклянные чафы, – сказал Игорь. – Я знавайт такие. Мой дед Игорь помогайт фтроить фамые первые.

– Самые первые? Но это же всего лишь детская сказка! Мне они приснились, и я...

– Мой дед Игорь вфегда говорийт: то бывайт очень фтранные чафы, – поведал Игорь. – Этот взрыв, ну и вфе офтальное...

– Что? Часы взорвались? Из-за металлической пружинки?

– Не фовфем взрывайт, – ответил Игорь. – Мы, Игори, фо взрывами на короткой ноге. – Он пощупал свою ногу. – Найн, флучайтфя нечто... зер-зер фтранное. А мы, Игори, и фо фтранным на той же короткой ноге. И даже руке.

– Ты хочешь сказать, стеклянные часы действительно существовали? Вопрос, казалось, несколько смутил Игоря.

– Йа, – кивнул он. – И в то же время найн.

– Вещи либо существуют, либо нет, – нахмурился Джереми. – В этом я совершенно уверен. Я специальное лекарство принимаю.

– Они фущефтвовайт, – сказал Игорь. – А потом, пофле, никогда не фущефтвовайт. Так фказывайт мне мой дед, а он делает те чафы этими вот руками.

Джереми опустил взгляд. Руки Игоря были узловатыми и грубыми. Присмотревшись, он заметил широкие шрамы вокруг запястий.

– В нашем фемейфтве мы дорожийт фвоим нафледием, – гордо поделился Игорь, перехватив его взгляд.

– Ага. Типа... сам поносил, дай другому, аха-ха-ха, – сказал Джереми. Интересно, где он вчера оставил лекарство?

– Очень фмешно, фэр. Но дед часто фказывайт, что пофле вфе бывайт... как фон, фэр.

– Как сон...

– Мафтерфкая фтановийтфя фовфем другая. Без чафов. А Дебильноватый Доктор Фпрыг, который тогда бывайт мафтером моего деда, делает фовфем не фтеклянный чафы, а извлечение фвета из апельфинов. Вфе поменяйтфя, фэр, да таким ф тех пор и офтавайтфя. Фловно ничего и

не бывайт вовфе.

– Но сказка-то осталась!

– Йа, фэр. Нафтоящая мифтификация, фэр.

Джереми уставился на испещренную собственными каракулями простыню. Самые точные часы на свете. И всего-то. Часы, после создания которых отпадет необходимость во всех остальных часах, как сказала леди ле Гион. Человек, создавший такие часы, неминуемо войдет в историю отсчета времени. В книге говорилось, будто бы в эти часы заточили само Время, но Джереми всегда относился ко Всяким Выдумкам снисходительно. Часы просто *измеряют* время. Не было ни одного такого случая, чтобы расстояние попадало в плен к рулетке. Часы просто отсчитывают зубчики на шестеренке. Или... на свете...

Свет с зубчиками. Он видел такой во сне. Не тот яркий, небесный свет, а свет в виде возбужденной линии, волнами прыгающей вверх-вниз.

– Так ты сможешь... построить нечто подобное? – спросил он.

Игорь еще раз посмотрел на чертеж.

– Йа, – кивнул он. Потом показал на ту часть чертежа, где были изображены нескольких больших стеклянных сосудов вокруг центральной колонны часов. – И йа знавайт, что это такое.

– Мне сни... мне казалось, они должны как-то искриться, – сказал Джереми.

– Эти фофуды тайное, очень тайное знание, – сказал Игорь, пропуская слова Джереми мимо ушей. – Фэр, где-то здефь можно приобретаит медные штыри?

– В Анк-Морпорке? Легко.

– А цинк?

– В любом количестве.

– Ферную кифлоту?

– В бутылках? Конечно.

– О, йа, должно быйт, умирайт и попадайт небефа! – воскликнул Игорь. – Пуфкайт меня к медь, цинк и кифлота, фэр, и йа показывайт вам такие ифкры!

Тик

– Меня зовут, – сказал Лю-Цзе, опершись на метлу и глядя, как разгневанный тинг заносит руку, – Лю-Цзе.

В додзё воцарилась гробовая тишина. Боевой клич застрял в горле монаха.

– Аи! Хао-гнг? ОйляяяОйляяяОйляяя...

Монах, казалось, не пошевелился, а просто сложился внутрь самого себя, перейдя из боевой стойки в позу до смерти напуганного, во всем раскаивающегося грешника.

Лю-Цзе склонился и чиркнул спичкой по его незащищенному подбородку.

– Как тебя зовут, отрок? – спросил он, раскуривая измятую самокрутку.

– Его зовут грязь, Лю-Цзе, – сказал подошедший наставник додзё и дал пинка неподвижно застывшему забияке. – Итак, грязь, ты знаешь правила. Дерись с человеком, которому ты бросил вызов, иначе лишишься пояса.

Юноша в течение нескольких секунд оставался неподвижным, потом очень осторожно, почти нарочито осторожно, показывая, что никого не хочет оскорбить, стал развязывать пояс.

– Нет-нет, нам этого не нужно, – мягким голосом остановил его Лю-Цзе. – Вызов был хорош. Вполне пристойный «Аи!» и сносный «Хай-иии!» Давненько мне не приходилось слышать добротных боевых воплей. Кроме того, мы ведь не хотим, чтобы с него свалились штаны, да еще в такой момент, верно? – Он принял и добавил: – *Особенно* в такой момент.

Он похлопал съжившегося монаха по плечу.

– Главное – всегда помни самое первое правило, которому научил тебя твой учитель. А теперь ступай вымойся – кому-то из нас придется наводить за тобой порядок.

Потом он повернулся и кивнул наставнику додзё.

– Наставник, я хотел бы продемонстрировать молодому Лобсангу Беспорядочные Шары.

Наставник додзё низко поклонился.

– Все, что пожелаешь, метельщик Лю-Цзе.

Лобсанг поспешил за Лю-Цзе, а за его спиной раздался голос наставника додзё, который, подобно всем учителям, не упустил возможности закрепить наглядный урок:

– Итак, додзё! Каково же Правило Номер Один?

Так и не поднявшийся с колен монах тоже присоединился к дружному хору голосов:

– При встрече с лысыми морщинистыми улыбчивыми старичками веди себя крайне осторожно!

– Хорошее правило, кстати, – пробормотал Лю-Цзе, провожая своего нового ученика в следующий зал. – Я встречал немало людей, которым бы оно очень пригодилось.

Он остановился, не глядя на Лобсанга, и протянул руку.

– А теперь, будь так добр, верни лопатку, которую ты украл, когда мы с тобой познакомились.

– Но я даже не приближался к тебе, о учитель!

Улыбка продолжала играть на губах Лю-Цзе.

– О да, ты прав. Прими мои извинения. Обычный стариковский вздор. Разве не написано: «Я б и собственную голову потерял, не будь она приколочена»? Идем же.

Пол в этом зале был дощатым, а высокие, обитые войлоком стены были испещрены красновато-бурыми пятнами.

– Э-э, у нас есть такая машина в додзё для послушников, о метельщик, – сообщил Лобсанг.

– Но ваши шары сделаны из мягкой кожи, не так ли? – спросил старик, подходя к высокому деревянному кубу. На грани, обращенной в сторону длинной части зала, виднелся ряд отверстий, доходивший примерно до высоты человеческого роста. – И летят они достаточно медленно, насколько я помню.

– Э... Да, – согласился Лобсанг, наблюдая, как старик нажимает на очень большой рычаг.

Откуда-то снизу донесся лязг металла о металл, потом шум бурного потока воды. Из соединений куба со свистом стал выходить воздух.

– Эти шары – деревянные, – спокойным тоном сказал Лю-Цзе. – Попробуй их поймать.

Что-то чиркнуло Лобсанга по уху, потом вздрогнула от сильнейшего удара обитая войлоком стена, и через мгновение шар упал на пол.

– Может, чуть-чуть медленнее... – сказал Лю-Цзе, поворачивая рукоять.

Из пятнадцати выпущенных машиной шаров Лобсанг поймал только один. Животом. Лю-Цзе вздохнул и перевел рычаг в исходное положение.

– Молодец, – похвалил он.

– Но, метельщик, я не могу... – произнес юноша, поднимаясь на ноги.

– Я знал, что ты не сможешь поймать ни одного шара, – перебил его Лю-Цзе. – Даже наш неистовый приятель, оставшийся в соседнем зале, не смог бы это сделать. На такой-то скорости!

– Но ты же сказал, что сделал скорость поменьше!

– Только чтобы тебя не убило. Хотел испытать тебя. Наша жизнь – одно сплошное испытание. Пошли, юноша. Не стоит заставлять настоятеля ждать.

И Лю-Цзе, оставляя за собой след табачного дыма, двинулся дальше.

Лобсанг последовал за ним, почему-то чувствуя все возрастающее

беспокойство. Этот старик действительно был Лю-Цзе, происшествие в додзё доказало это. Впрочем, он, Лобсанг, сразу это понял. Посмотрел на маленькое круглое лицо, на дружелюбный взгляд, устремленный в сторону разъяренного бойца, и понял. Но... простой метельщик? Без каких-либо знаков различия? Без статуса? Нет, статус все же был, потому что наставник додзё поклонился ему ниже, чем самому настоятелю, но...

А теперь Лобсанг шел за ним по коридорам, вход в которые под страхом смерти был запрещен даже монахам. Рано или поздно неминуемо должна была случиться беда.

– Метельщик, мне правда нужно вернуться на кухню, я ведь дежурю... – неуверенно произнес он.

– О да, Дежурство по кухне, – улыбнулся Лю-Цзе. – Чтобы развить привычку к повиновению и тяжелому труду, верно?

– Да, метельщик.

– И она развивается?

– О да.

– Правда?

– Нет.

– Должен сказать, не все так просто, как может показаться. А сейчас, отрок, – сказал Лю-Цзе, миновав арочный вход, – ты увидишь, что такое настоящее образование!

Лобсанг вошел в зал, больше которого ему видеть не доводилось. Лучи света врывались в огромное помещение сквозь застекленные отверстия в крыше. А ниже под присмотром старших монахов, осторожно ходивших по висевшим на тросах мосткам, не меньше ста ярдов в поперечнике, находилась...

Лобсангу приходилось слышать о Мандале.

Словно кто-то взял тонны цветного песка и разбросал их по полу, создав совершенно беспорядочно расположенные радужные завихрения. А среди хаоса боролся за жизнь порядок, переживал взлеты и падения, но постоянно разрастался. Миллионы беспорядочно кувыркающихся песчинок составляли часть узора, который, повторяясь, распространялся по окружности, отвергался другими узорами или сливался с ними, чтобы в итоге раствориться во всеобщем беспорядке. Это происходило снова и снова, превращая Мандалу в бесшумную яростную войну цветов.

Лю-Цзе ступил на выглядевший весьма непрочным канатный деревянный мост.

– Ну? – произнес он. – Что скажешь?

Лобсанг сделал глубокий вдох. Ему казалось, что если он упадет с

моста, то скроется в бешеной пучине цветов и никогда, никогда не достигнет пола. Он заморгал и потер лоб.

– Весьма зловещее зрелище, – откликнулся он.

– Правда? – удивился Лю-Цзе. – Не многие так говорят. Обычно используют несколько другие слова. Типа «чудесное» или «великолепное».

– Что-то не так!

– Что именно?

Лобсанг схватился за канатные перила.

– Узоры...

– История повторяется, – сказал Лю-Цзе. – Они всегда одни и те же.

– Нет, они... – Лобсанг пытался вобрать в себя всю картину. Под узорами были другие узоры, замаскированные под часть хаоса. – Я имел в виду... *другие* узоры...

И тут он свалился с моста.

Воздух был холодным, мир вращался, а земля мчалась навстречу, чтобы заключить его в свои объятия.

И вдруг остановилась, всего в нескольких дюймах.

Воздух вокруг шипел, словно поджариваемый на медленном огне.

– Ньюгейт Лудд?

– Лю-Цзе? – сказал он. – Мандала – это... Но куда подевались цвета? Почему воздух стал влажным и запахло городом? А потом ложные воспоминания исчезли. Исчезая, они сказали: «Как мы можем быть воспоминаниями, если нам еще предстоит случиться? Ты помнишь только то, что происходило сейчас. А происходило следующее: ты карабкался на крышу Гильдии Пекарей, но вдруг обнаружил, что кто-то расшатал камни карниза».

И последнее умирающее воспоминание сказало: «Эй, это же случилось несколько месяцев назад...»

– Нет, мы не Лю-Цзе, о таинственный падающий отрок, – произнес голос, обращаясь к нему. – Ты повернуться можешь?

С огромным трудом Ньюгейт повернул голову. Он как будто весь увяз в смоле.

В нескольких футах от него на перевернутом ящике сидел коренастый молодой человек в грязном желтом халате. Он был немного похож на монаха, если бы не волосы, потому что волосы были немного похожи на совершенно отдельный организм. Сказать, что они были черными и собранными на затылке в хвостик, значило лишиться прекрасной возможности использовать характеристику «слоновастые». Это были

волосы с индивидуальностью.

– Меня, как правило, зовут Сото, – заявил мужчина под волосами. – Марко Сото. Но я не буду утруждать себя запоминанием твоего имени, пока мы не узнаем, останешься ты в живых или нет, хорошо? Итак, ответь же: задумывался ли ты когда-нибудь о преимуществах духовной жизни?

– Прямо сейчас? Конечно! – воскликнул... «Гм, ну да, Ньюгейт. Меня ведь так зовут. Откуда ж тогда взялся какой-то Лобсанг?» – Я, э... как раз обдумывал возможность сменить род занятий!

– Весьма разумный карьерный ход, – согласился Сото.

– Это какое-то волшебство? – Ньюгейт попытался пошевелиться, но добился лишь того, что стал медленно переворачиваться в воздухе прямо над поджидающей его землей.

– Не совсем. Судя по всему, ты перекроил время.

– Я? И как это у меня вышло?

– А ты сам не знаешь?

– Нет!

– Ха, вы только послушайте его! – воскликнул Сото так, словно разговаривал с задушевым приятелем. – Думаю, потребовался вращательный цикл целого Ингибитора, чтобы твоя маленькая шалость не причинила непоправимого вреда всему миру. И ты не знаешь, как тебе это удалось?

– Нет!

– Значит, мы тебя научим. Тебя ждет сладкая жизнь и замечательные перспективы. По крайней мере, – фыркнул он, – куда лучше тех, что светят тебе в данный момент.

Ньюгейт попытался повернуть голову чуть больше.

– Научите чему?

Сото вздохнул.

– Опять вопросы, юноша? Ты согласен или нет?

– Но...

– Слушай, я даю тебе шанс на новую жизнь, усек?

– И чем этот шанс так исключителен?

– Нет, ты меня не понял. Я, Марко Сото, даю тебе, то есть Ньюгейту Лудду, шанс *продолжить* твою жизнь. В противном случае, причем в очень противном для тебя, эта самая жизнь очень скоро оборвется.

Ньюгейт задумался. Он чувствовал покалывание по всему телу. В некотором смысле он все еще падал. Откуда взялось это знание, он понятия не имел, но оно было весьма реальным, как булыжники прямо под ним. Если он сделает неправильный выбор, падение продолжится. Пока оно

было отчасти даже забавным. Но, судя по всему, последние несколько дюймов будут до смерти неприятными.

– Должен признать, мне не нравится, куда сейчас движется моя жизнь, – сказал он. – Возможно, стоит рискнуть и избрать несколько иное направление.

– Отлично.

Оволосенный мужчина достал что-то из-под халата. Предмет чем-то напоминал сложенные в несколько раз счеты, но когда он стал их раскладывать, части, ярко сверкая, принялись исчезать, словно перемещались туда, где их не было видно.

– Что ты делаешь?

– Ты знаешь, что такое кинетическая энергия?

– Нет.

– Это то, чего у тебя в данный момент слишком много. – Пальцы Сото заплясали по бусинам, исчезая и появляясь вновь. – Полагаю, ты вешишь порядка ста десяти фунтов, да?

Затем, сунув похожий на счеты предмет в карман, он зашагал к стоявшей неподалеку телеге. Что-то там сделал – Ньюгейт не заметил, что именно, – и вернулся.

– Через несколько секунд ты завершишь падение, – пообещал он, положив что-то на землю прямо под юношей. – Попытайся воспринять это как начало новой жизни.

Ньюгейт упал. На землю. Воздух вспыхнул ослепительным лиловым светом, груженная телега на противоположной стороне улицы подпрыгнула на фут и с грохотом развалилась. Одно колесо укатилось прочь по бульжной мостовой.

Сото наклонился и пожал безвольную руку Ньюгейта.

– Ну, как дела? – спросил он. – Не сильно ушибся?

– Немного больно, – ответил потрясенный Ньюгейт.

– Вероятно, ты все-таки тяжелее, чем кажешься. Давай-ка...

Сото подхватил Ньюгейта под руки и потащил в туман.

– А можно, я...

– Нет.

– Но Гильдия...

– Для Гильдии ты больше не существуешь.

– Это глупо. Я числюсь в тамошних списках.

– Нет, не числишься. Мы об этом позаботимся.

– Каким образом? Историю нельзя переписать!

– Поспорим на доллар?

– Куда я попал?
– В самое тайное общество, которое только можешь себе представить.
– Правда? И кто вы такие?
– Исторические монахи.
– Ха? Никогда о вас не слышал!
– Вот видишь, настолько мы хороши?
И они правда были настолько хороши.
А затем время полетело в обратную сторону. И вернулось настоящее.

– Эй, отрок, с тобой все в порядке?
Лобсанг открыл глаза. Рука болела так, словно ее вывернули из тела.
Он поднял взгляд и увидел Лю-Цзе, который лежал на раскачивающемся мостике и держал его за руку.

– Что произошло?
– По-моему, ты слишком переволновался. Или у тебя закружилась голова. Только не смотри вниз.

Снизу доносился шум, похожий на жужжание роя очень рассерженных пчел. Машинально Лобсанг стал опускать голову.

– Я сказал: не смотри вниз! Просто расслабься.

Лю-Цзе поднялся на ноги. Лобсанг, словно перышко, поднимался на его вытянутой руке, пока сандалии юноши не оказались над деревянным мостиком. Внизу по другим мосткам бегали монахи и что-то взволнованно кричали.

– Глаза держи закрытыми... *Не смотри вниз!* Я переведу тебя на другую сторону, хорошо?

– Я, э... вспомнил... как тогда, в городе, когда меня нашел Сото... я вспоминал... – бормотал слабым голосом Лобсанг, ковыляя за монахом.

– И этого и следовало ожидать, – сказал Лю-Цзе. – В таких-то обстоятельствах.

– Но я отчетливо помню, что там, в Анк-Морпорке, я вспомнил, как был здесь. Вспомнил тебя и Мандалу!

– Но разве не написано в священном писании: «Есть многое, по-моему, на свете, о чем мы не имеем представленья»? – спросил Лю-Цзе.

– До этого изречения... я тоже еще не добрался, о метельщик, – ответил Лобсанг.

Он почувствовал, что воздух стал прохладнее, значит, они уже совсем рядом с тоннелем в скале на другой стороне зала.

– И не доберешься. Если будешь изучать тексты, что хранятся здесь, – хмыкнул Лю-Цзе. – Кстати, глаза можешь открыть.

Они продолжили путь. Лобсанг постоянно потирал лоб ладонью, смущенный своими необычными мыслями.

За их спинами сердитые вихри на разноцветном колесе, появившиеся в том месте, куда должен был упасть Лобсанг, постепенно бледнели и растворялись.

Как гласит Первый свиток Когда Вечно Изумленного, и пришли Когд и Удурок в зеленую долину меж вздымающихся в небо горных вершин, и сказал Когд:

– Сё место. И будет здесь храм, посвященный сворачиванию и разворачиванию времени. Я вижу его.

– А я нет, о учитель, – откликнулся Удурок.

– Он вон там, – показал рукой Когд, и она исчезла.

– А, – сказал Удурок. – Вон там.

Несколько лепестков слетели с растущих вдоль горных ручьев цветущих вишен и опустились на голову Когда.

– И этот чудесный день будет длиться вечно, – продолжал он. – Свежий воздух, яркое солнце, льдинки в ручьях. Каждый день в этой долине будет столь же чудесным.

– А по-моему, слегонца скучновато, о учитель, – заметил Удурок.

– Это потому, что ты пока не умеешь обращаться со временем, – пояснил Когд. – Но я научу тебя этому. Обращаться с ним так же просто, как с накидкой, которую ты надеваешь, когда это необходимо, и снимаешь, когда в ней отпала надобность.

– И его тоже нужно будет иногда стирать? – спросил Удурок.

Когд смотрел на него пристально и долго.

– Одно из двух. Либо это плод достаточно сложных размышлений с твоей стороны, либо ты решил таким глупым способом расширить мою метафору. И что же это было, а, Удурок?

Удурок потупил взор. Потом посмотрел на небо. Потом – на Когда.

– Наверное, я совсем глуп, о учитель.

– И это хорошо, – откликнулся Когд. – Весьма примечательно, что в это время моим учеником оказался именно ты. Если я смогу научить тебя, о Удурок, значит, я смогу научить кого угодно.

Удурок, почувствовав явное облегчение, поклонился.

– Ты оказываешь мне слишком большую честь, о учитель.

– Но у моего плана есть еще и вторая часть, – ответил Когд.

– А! – сказал Удурок с выражением, которое, по его мнению, придавало ему умный вид, а в действительности делало похожим на

страдающего запором человека. – План со второй частью – всегда хороший план, о учитель.

– Найди мне песок всех цветов и плоский камень. Я научу тебя, как делать потоки времени видимыми.

– О, понял.

– Впрочем, у моего плана есть и третья часть.

– Еще и третья?!

– Я могу научить одаренных контролировать время, замедлять и ускорять его, хранить и направлять, как воду в этих ручьях. Но боюсь, большинство людей не позволят себе обрести данные способности. Мы должны будем помочь им. Должны будем создать... устройства, которые будут хранить время и выпускать его там, где это необходимо, ибо люди не способны развиваться, если время гоняет их, словно ветер – опавшие листья. Люди должны иметь возможность тратить время, создавать время, терять время и покупать время. Это и станет нашей самой главной задачей.

Удурок с искаженным лицом отчаянно пытался осмыслить услышанное. Потом он медленно поднял руку.

Когд вздохнул.

– Ты собираешься спросить, а с накидкой-то что? Я прав?

Удурок кивнул.

– Забудь о ней. Она не имеет значения. Помни лишь: ты – чистый лист бумаги, на котором я буду писать... – Увидев, что Удурок открывает рот, Когд поспешно вскинул руку. – Просто еще одна метафора, еще одна метафора. А теперь позаботься об обеде.

– Метафорическом или реальном, о учитель?

– И о том и о другом.

Стайка белых птиц вылетела из леса и сделала несколько кругов над их головами, прежде чем упорхнуть прочь.

– И будут голуби, – пообещал Когд, глядя вслед Удурку, который побежал собирать хворост для костра. – Каждый день будут голуби.

Послушника Лю-Цзе оставил в приемной. Возможно, те, кто питал к нему неприязнь, весьма удивились бы, увидев, как он поправляет одежду, прежде чем показаться на глаза настоятелю, но Лю-Цзе всегда относился к людям уважительно, пусть даже правила не уважал никогда. Он затушил пальцами самокрутку и сунул ее за ухо. Настоятеля он знал почти шестьсот лет и, надо признать, весьма его уважал. Не многие люди достаивались подобной чести. В основном Лю-Цзе лишь терпел их.

Уважение метельщика к людям, как правило, было обратно

пропорционально занимаемому ими положению. И наоборот. Старшие монахи... конечно, у столь просветленных людей не могут возникать скверные мысли, но вид Лю-Цзе, с самоуверенным видом вышагивающего по храму, наверняка попортил пару-другую карм. Для мыслителей определенного типа метельщик был в некотором роде личным оскорблением – он ведь не мог похвастаться ни формальным образованием, ни официальным статусом. Путь его был мелок и незначителен, а достижения оставляли желать много лучшего. Не могло не удивлять и то, что настоятель относился к нему с симпатией, ибо не было другого обитателя этой маленькой долины, столь самоуверенного в себе и при этом столь заменяемого и ненужного. Но с другой стороны, способность удивлять заложена в самой природе вселенной.

Лю-Цзе кивнул младшим служителям, распахнувшим перед ним огромные полированные двери.

– Как чувствует себя настоятель?

– Его по-прежнему беспокоят зубы, о Лю-Цзе, но он выдерживает последовательность и совсем недавно предпринял ряд весьма удовлетворительных первых шагов.

– Да, то-то мне показалось, я слышал гонг. Группа монахов, толпившихся в центре комнаты, расступилась, когда Лю-Цзе подошел к детскому манежу. Это, к сожалению, было необходимо. Настоятелю так и не удалось овладеть искусством циклического старения. Таким образом, он был вынужден добиваться долголетия более традиционным способом, то есть через последовательные перевоплощения.

– А, метейщик, – пробормотал настоятель, неловко отбрасывая в сторону желтый мяч и расплываясь в улыбке. – Как там твои гоы? *Хотю койку хотю койку!*

– Мне определенно удалось добиться вулканизма, о просвятлейший. Это весьма обнадеживает.

– И со здоовьем, как всегда, все в поийдке? – поинтересовался настоятель, сжал пухлой ручонкой деревянного жирафа и принялся колотить им по решетке.

– Да, ваше просветлейшество. Очень приятно снова видеть тебя на ногах.

– Увы, пока удайось сдейать всего нескойко шагов. *Койку койку хотю койку!* К сожайению, мойодые тейа не всегда подчиняются йазуму. *КОЙКУ!*

– Ты послал мне сообщение, ваше просветлейшество. Там говорилось: «Подвергни этого юношу испытанию».

– И что ты думаешь о нашем *хотю койку хочю койку хочю койку*

мойодом Йобсанге Йудде? – Служитель подбежал с блюдом сушеных корочек. – Кстати, койочку не жейяешь? – спросил настоятель и добавил: – *Няма койка.*

– Нет, о просветлейший, спасибо, у меня нет лишних зубов, – ответил метельщик.

– Йудд – загадка, не так йи? Его наставники *няма койка ммм ммм койка* скажйи, что он, несомненно, одайенный юноша, но какой-то вечно отсутствующий. Впьючем, ты с ним не знаком, не знаешь истойию его жизни, и я *няма койка* с удовойствием высйушай бы твое беспыистьястное мнение *няма КОЙКА!*

– Он не просто быстр, – сказал Лю-Цзе. – Мне кажется, скоро он начнет реагировать на события прежде, чем они произойдут.

– Йазве такое возможно? *Хотю мисю хотю мисю хотю МИСЮ!*

– Я поставил его перед Беспорядочными Шарами в додзё старших монахов и заметил, что за долю секунды до того, как из отверстия вылетал шар, он начинал двигаться в нужную сторону.

– Быть может, своего йода гугу тейепатия?

– Если примитивная машина развила собственный разум, нам грозят большие неприятности, – ответил Лю-Цзе и глубоко вздохнул. – А в зале Мандалы он сумел различить порядок в хаосе.

– Ты позволил новообращенному увидеть *Мандалу*? – с ужасом в голосе встрял главный прислужник Ринпо.

– Если хочешь узнать, умеет ли человек плавать, столкни его в реку, – пожал плечами Лю-Цзе. – Разве есть другой способ?

– Но даже смотреть на нее без надлежащего обучения...

– Он заметил образы, – перебил Лю-Цзе. – И *отреагировал* на Мандалу.

Он не стал добавлять, что Мандала тоже отреагировала на Лобсанга. Потому что хотел поразмыслить над этим. Когда смотришь в бездну, не жди, что она приветливо помашет тебе в ответ.

– Тем не менее, – сказал настоятель, – это категойически *мишкамишкамишкамишкауа* запьещено. – Он порылся в игрушках, выбрал большой деревянный кирпич с изображением веселого синего слоника и неловко метнул его в Ринпо. – Иногда ты позвойяешь себе сьишком много, метейщик, *этя сйоник!*

Некоторые прислужники льстиво заплодировали продемонстрированному настоятелем умению узнавать животных.

– Он заметил порядок. Он *знает*, что происходит. Просто не знает, что он это знает, – упрямо повторил Лю-Цзе. – А еще буквально через

несколько секунд после встречи со мной он украл весьма ценный для меня предмет, и я до сих пор не могу понять, как ему это удалось. Неужели он действительно настолько проворен, хотя его этому никто не учил? Кто же такой этот мальчишка?

Тик

Кто же такая эта девчонка?

Мадам Фрукт – директриса Фруктовой академии и изобретательница Фруктового Метода Обучения Через Игрища – часто задавала себе этот вопрос, когда ей предстоял разговор с госпожой Сьюзен. Конечно, та была всего лишь наемной работницей, но... мадам Фрукт и сама не слишком положительно относилась к дисциплине, быть может, именно поэтому она и разработала свой Метод, для которого никакой дисциплины не требовалось. Обычно она предпочитала вести с людьми игривую беседу, пока они, исключительно из смущения, не переходили на ее сторону.

Госпожа Сьюзен, судя по всему, никогда не чувствовала смущения ни по какому поводу.

– Сьюзен, я попросила тебя зайти потому... э... причина в том... – заикаясь, произнесла мадам Фрукт.

– На меня снова жаловались? – спросила госпожа Сьюзен.

– Э... нет... э, хотя госпожа Смит сказала, что дети после твоих занятий ведут себя чересчур беспокойно. Она говорит, у твоих учеников способность к чтению, э-э, немного слишком хорошо развита, и это весьма прискорбно, поскольку...

– Госпожа Смит считает хорошей книгой ту, в которой описывается мальчик и его собачка, гоняющаяся за большим красным мячиком, – перебила госпожа Сьюзен. – А мои дети уже понимают, что в любой истории должен быть сюжет. Неудивительно, что они ведут себя немного беспокойно. Кстати, в данный момент мы читаем «Гримуарные сказки».

– Это достаточно грубо с твоей стороны, Сьюзен...

– Скорее наоборот, мадам, слишком вежливо. Грубым с моей стороны было бы утверждение о том, что существует круг преисподней, специально зарезервированный для таких учителей, как госпожа Смит.

– Какой кошм... – Мадам Фрукт замолчала и начала снова: – Их вообще еще нельзя учить читать! – рявкнула она, но получилось как-то неубедительно. Вышел скорее мявк.

Госпожа Сьюзен подняла взгляд, и мадам Фрукт вжалась в спинку кресла. Эта девушка обладала ужасной способностью уделять *все* свое

внимание. И чтобы выдержать интенсивность этого внимания и остаться в живых, нужно было быть человеком куда лучше, чем мадам Фрукт. Госпожа Сьюзен словно изучала саму твою душу и отмечала красными кружками особенно непонравившиеся места. Когда госпожа Сьюзен смотрела на тебя, она, казалось, выставляла *оценки*.

– Я имею в виду, – промямлила директриса, – что детство – это время для игр и...

– ...Учебы, – закончила за нее госпожа Сьюзен.

– Учебы *через* игру, – поправила мадам Фрукт, обрадовавшись тому, что оказалась на знакомой территории. – В конце концов все щенки и котята...

– ...Вырастают и становятся собаками и кошками, что уже совсем не интересно, – перебила госпожа Сьюзен. – А дети должны расти, чтобы стать взрослыми.

Мадам Фрукт вздохнула. Ни о каком прогрессе тут и речи быть не могло. Вот всегда так. И изменить что-либо было нельзя. Слухи о госпоже Сьюзен разносились за много земель. Обеспокоенные родители, решившие прибегнуть к Методу Обучения Через Игрища, поскольку поняли тщетность попыток научить своих отпрысков чему-либо Методом Внимательно Выслушивать То, Что Им Говорят, вдруг замечали, что эти самые отпрыски возвращаются домой какими-то тихими и спокойными, с кучей домашних заданий, которые – с ума сойти! – выполняли без напоминаний и даже без помощи собаки. А еще они приходили домой с рассказами о госпоже Сьюзен.

Госпожа Сьюзен говорила на всех языках. Госпожа Сьюзен знала все обо всем. Госпожа Сьюзен устраивала такие замечательные экскурсии...

...Что особенно сбивало с толку, поскольку, как было известно мадам Фрукт, никакие экскурсии официально не планировались. В классной комнате госпожи Сьюзен неизменно царила напряженная тишина. Это не могло не беспокоить. Вызывало воспоминания о недобрых временах, когда детей Распределяли по классам, которые были Пыточными Палатами для Умненьких Крошек. Но другие учителя говорили, что периодически слышали шум. Иногда из классной комнаты доносился шелест волн или звуки джунглей. Однажды – мадам Фрукт готова была поклясться, если бы умела, – она услышала, проходя по коридору, шум ожесточенной битвы. Такое часто случалось в процессе Обучения Через Игрища, но на сей раз звуки труб, свист стрел и крики павших показались ей слишком натуральными.

Она распахнула дверь и тут же услышала, как что-то просвистело в

дьюме над ее головой. Госпожа Сьюзен сидела на стуле, склонившись над книгой, а ученики, поджав ноги, устроились полуколем на полу и смотрели на нее замороженными взглядами. Именно такие старомодные образы, на которых ученики, будто Молящиеся, окружали Алтарь Знаний, мадам Фрукт ненавидела больше всего.

Никто не произнес ни слова. И уставившиеся на нее ученики, и сама госпожа Сьюзен вежливым молчанием ясно давали ей понять, что ждут, когда она уйдет.

Мадам Фрукт выбежала в коридор, и дверь с легким щелчком закрылась за ней. Только тогда она заметила длинную грубую стрелу, еще дрожавшую в противоположной стене.

Мадам Фрукт посмотрела на дверь, покрытую знакомой зеленой краской, потом – опять на стрелу.

Которая вдруг взяла и исчезла.

Она перевела в этот класс Джейсона. Это было, конечно, жестоко, но мадам Фрукт решила про себя, что идет какая-то странная необъявленная война.

Если бы дети были оружием, Джейсона запретили бы международной конвенцией. У Джейсона были ослепленные любовью родители, а продолжительность его внимания составляла минус несколько секунд, за исключением тех случаев, когда дело касалось изощренных пыток маленьких пушистых животных – вот тут он мог быть крайне терпеливым. Джейсон лягался, бил кулаками, кусался и плевался. Его рисунки до смерти напугали госпожу Смит, а эта учительница всегда находила добрые слова по отношению к любому ученику. Он определенно был мальчиком с особыми потребностями. И по единогласному мнению учительского совета, этим потребностям не помешал бы первым делом экзорцизм.

Итак, Джейсон заходит в класс, а мадам Фрукт склоняется к замочной скважине. Вот Джейсон начинает закатывать первую за этот день истерику, как вдруг воцаряется тишина. Что именно сказала госпожа Сьюзен, она так и не расслышала.

Через полчаса мадам Фрукт изыскала предлог, чтобы войти в класс, где увидела, как Джейсон помогает двум девочкам мастерить кролика из картона.

Чуть позже родители признались ей, что были поражены произошедшими изменениями до глубины души. Хотя теперь ребенок спит только с включенным светом.

Затем мадам Фрукт попыталась расспросить эту новую учительницу. В конце концов блестящие рекомендации – это одно, но госпожа Сьюзен была

всего лишь наемной работницей. Вот только Сьюзен умела говорить так, что мадам Фрукт уходила весьма удовлетворенной. Лишь вернувшись в свой кабинет, она понимала, что не получила ни одного надлежащего ответа на поставленные вопросы, но к тому времени было уже слишком поздно.

Слишком поздно было всегда, потому что у школы вдруг появился список ожидающих зачисления детей. Родители буквально дрались за то, чтобы их дети были зачислены в класс госпожи Сьюзен. Ну а что касается некоторых историй, которые рассказывали детишки по возвращении домой... Всем ведь известно, насколько живым бывает воображение у детей, не так ли?

Тем не менее оставалось еще сочинение, которое написала Богатая Хиггс. Мадам Фрукт нащупала очки, которые стеснялась носить постоянно и потому держала на шнурке на шее, нацепила их на нос и еще раз прочла сочинение. Которое во всей своей полноте гласило:

Человек весь из костей пришел поговорить с нами он был совсем нистрашный с большой белой лошадью которую мы гладили. А исчо у него была каса. Он рассказал нам много интереснаго и предупридил што дарогу нужно перехадить астарожно.

Мадам Фрукт через стол передала лист бумаги госпоже Сьюзен, которая с серьезным выражением лица прочла текст. Потом достала красный карандаш, исправила ошибки и вернула сочинение мадам Фрукт.

– Ну, что скажешь? – спросила мадам Фрукт.

– Да, боюсь, правила расстановки знаков препинания ей следует подучить. И непонятно, что именно она имела в виду – «косу» или «кассу».

– Но кто... а как насчет большой белой лошади в классе? – осмелилась спросить мадам Фрукт.

Госпожа Сьюзен с жалостью посмотрела на нее.

– Мадам, ну *откуда* в *нашем* классе *лошадь*? Мы же на втором этаже.

Однако на сей раз мадам Фрукт твердо решила идти до конца. Она показала еще одно короткое сочинение.

Сегодня мы гаварили с господином Шлеппом каторый был страшылой а теперь стал хорошим. Он научил нас как засчисчаться. Можно закрыть голову одиялом но лучше закрыть одиялом голову страшылы тогда он подумат что его нет и прападет. Он рассказал нам много историй о людях на которых прыгал из тимноты а потом сказал что раз госпажа Сьюзен наша учителиница никакие страшылы нам нистрашны потомушто страшылы

больше всего на свете бояцца госпожу Сьюзен.

– Значит, страшила, да, Сьюзен? – уточнила мадам Фрукт.

– Чего только дети не придумают, – сказала госпожа Сьюзен с непроницаемым лицом.

– Ты решила познакомить детей с оккультным? – с подозрением спросила мадам Фрукт. Такой поворот событий грозил большими неприятностями со стороны родителей, это она знала точно.

– О да.

– *Что?* Зачем?

– Чтобы избавить их от потрясений в будущем, – спокойным тоном ответила Сьюзен.

– Но госпожа Робертсон сообщила мне, что ее Эмма постоянно бродит по дому в поисках прячущихся в шкафах чудовищ! А раньше она ужасно их боялась!

– Бродит с палкой? – уточнила Сьюзен.

– С отцовским мечом!

– Молодчина.

– Послушай, Сьюзен... по-моему, я понимаю, чего ты пытаешься добиться, – сказала мадам Фрукт, хотя на самом деле ничего не понимала. – Но родители вряд ли поймут тебя и одобрят.

– Конечно, – согласилась Сьюзен. – Иногда мне кажется, что люди должны сдать соответствующий и *надлежащий* экзамен, прежде чем заслужить право быть родителями. И я имею в виду не только практическую сторону вопроса.

– Тем не менее мы обязаны уважать их мнение, – сказала мадам Фрукт, правда, несколько неуверенно, потому что иногда ей в голову приходили такие же мысли.

Не стоило забывать и о Родительском Вечере. Мадам Фрукт была слишком напряжена и занята, чтобы слушать, что именно говорит новая учительница. Она видела, как госпожа Сьюзен тихим голосом разговаривает с супружескими парами, и очнулась она только в тот момент, когда мать Джейсона схватила стул и погналась вслед за удирающим отцом Джейсона. На следующий день мать Джейсона прислала Сьюзен огромный букет цветов, но еще больше цветов прислал учительнице отец Джейсона.

Многие другие пары тоже отходили от письменного стола госпожи Сьюзен с выражением обеспокоенности и тревоги на лицах. И мадам Фрукт никогда не видела, чтобы люди так охотно расставались с деньгами, оплачивая очередной семестр своего чада.

А потом это странное, постоянно преследующее ее чувство... Мадам Фрукт, директриса, которую должны волновать лишь расходы, платежи и репутация учебного заведения, периодически слышала далекий голос госпожи Фрукт, которая была хорошей, хоть и несколько застенчивой учительницей, и этот голос подбадривающее улюлюкал Сьюзен.

Лицо Сьюзен приобрело озабоченное выражение.

– Вы недовольны моей работой, мадам?

Мадам Фрукт оказалась в тупике. Да, она была недовольна, но причины своего недовольства объяснить не могла. И до нее по мере продолжения разговора постепенно начинало доходить: она не может ни уволить госпожу Сьюзен, ни, что еще хуже, позволить ей уйти по собственному желанию. Если та создаст собственную школу и об этом узнают люди, Школа Обучения Через Игрища сразу лишится учеников и, что особенно важно, денег.

– Ну конечно нет... в смысле довольна... во многих аспектах... – промямлила она и вдруг заметила, что Сьюзен смотрит куда-то мимо нее.

Там... мадам Фрукт поспешно схватила свои очки, но обнаружила, что шнурок запутался в пуговицах блузки. Она, прищурившись, посмотрела на каминную полку, пытаясь разглядеть расплывчатое пятно.

– Ух ты, похоже... на белую крысу в крохотном черном плаще, – сказала она. – И ходит на задних лапках! Ты видишь?

– Не могу представить, с чего бы крысе носить плащ, – сказала госпожа Сьюзен, тяжело вздохнула и щелкнула пальцами.

Щелкать пальцами было совсем необязательно, но время тем не менее остановилось.

По крайней мере, для всех, кроме госпожи Сьюзен.

И крысы на каминной полке.

Которая на самом деле была скелетом крысы, что, впрочем, не мешало ей пытаться взломать банку леденцов, которую мадам Фрукт хранила для Особо Послушных Детишек.

Сьюзен решительно подошла к камину и схватила крысу за плащ.

– ПИСК? – спросил Смерть Крыс.

– Я так и думала, что это ты! – рявкнула Сьюзен. – Как ты посмел снова сюда явиться! Мне показалось, что в прошлый раз ты понял намек. И тогда, месяц назад! Думаешь, я тебя не видела, когда ты заявился за душой хомячка Генри?! Ты хоть можешь представить, как трудно вести урок географии, когда кто-то швыряется какашками из колеса бедного покойного хомячка?

– СНХ-СНХ-СНХ, – захихикал Смерть Крыс.

– И ты смеешь прямо на моих глазах жрать леденец?! Ну-ка, немедленно верни его в банку!

Сьюзен бросила крысу на стол перед временно застывшей мадам Фрукт и задумалась.

Подобного рода вещи она всегда старалась решать другими способами, но иногда приходилось вспоминать, кто она есть на самом деле. Сьюзен открыла нижний ящик стола, чтобы проверить в бутылке уровень того, что было надежей и опорой мадам в чудесном мире по имени Система Образования, и не без удовольствия отметила, что в последнее время старушка не больно-то налегает на средство утешения. У большинства людей свой способ заполнения бреши между восприятием и реальностью, и в данных обстоятельствах есть вещи куда хуже, чем глоток джина.

Еще немного времени она потратила на то, чтобы просмотреть личные бумаги мадам Фрукт, и в этой связи следовало отметить следующее: Сьюзен вовсе не казалось, что она поступает скверно, хотя она прекрасно понимала, что поступок считался бы весьма дурным, если бы его совершил кто-нибудь, кроме Сьюзен Сто Гелитской. Бумаги хранились в достаточно надежном сейфе, и даже умелому вору пришлось бы повозиться с ним минут двадцать. Сейчас дверца открылась при первом же прикосновении, и данный факт свидетельствовал о том, что здесь применялись несколько другие навыки.

Для госпожи Сьюзен не существовало закрытых дверей. Это было семейное. Некоторые гены передаются через душу.

Узнав все новости, касающиеся жизни школы (в основном для того, чтобы продемонстрировать крысе, что она не тот человек, который бежит куда угодно по первому зову), Сьюзен встала.

– Ну хорошо, – устало произнесла она. – Ты ведь все равно от меня не отстанешь.

Смерть Крыс посмотрел на нее, склонив череп набок.

– ПИСК, – победно заявил он.

– Ну конечно, он мне нравится, – ответила она. – В известной мере. Но понимаешь, все это *неправильно*. Зачем ему я? Он – Смерть! Трудно назвать его беспомощным! А я – обычный человек!

Крыса пискнула еще раз, прыгнула на пол и пробежала сквозь закрытую дверь. Через мгновение появилась снова и поманила ее.

– Ладно, ладно, – сдалась Сьюзен. – *Почти* обычный.

Тук

И кто же такой этот Лю-Цзе?

Рано или поздно каждый послушник задавал сей достаточно сложный вопрос. Иногда проходили многие годы, прежде чем послушники узнавали, что маленький человечек, который подметает полы, безропотно вывозит содержимое выгребных ям и иногда вдруг изрекает инородные, чужеземные пословицы, на самом деле и есть тот самый легендарный герой. Тот самый, с которым, возможно, они когда-нибудь удостоятся чести встретиться. А потом, когда они с ним все-таки встречались... на самом деле самые смысленные из них видели перед собой самих себя.

Метельщиками в основном работали жители расположенных в долине деревень. Они входили в штат монастыря, но никаким статусом не обладали. Выполняли самую утомительную и грязную работу. Они были... фигурами на заднем плане, подрезавшими вишневые деревья, мывшими полы, чистившими пруды с карпами и, разумеется, подметавшими. Имен у них не было.

Вернее, как сразу понял бы всякий вдумчивый послушник, имена у них наверняка были, те самые, под которыми одни метельщики были известны другим метельщикам, но на территории храма имен не было, а были только указания. Никто не знал, где они проводили ночи. Они были просто метельщиками. Таким же был и Лю-Цзе.

Однажды группа старших послушников шалости ради разрушила крохотный алтарь, который Лю-Цзе воздвиг рядом со своей спальней циновкой.

На следующее утро ни один метельщик не вышел на работу. Они остались в своих хижинах, задвинув на дверях все засовы. Настоятель, которому в то время было всего пятьдесят лет от роду, навел справки и вызвал к себе троих послушников. У стены стояли три метлы. И молвил он следующее:

– Знаете ли вы, что страшнейшую Битву Пяти Городов удалось предотвратить лишь потому, что посыльный прибыл вовремя?

Они это знали. Выучили в самом начале обучения. И поклонились они робко, ибо, в конце концов, стояли перед самим настоятелем.

– Стало быть, вы знаете и то, что, когда у лошади слетела подкова, посыльный заметил на обочине дороги человека, который нес на плече переносную кузню, а на тележке толкал перед собой наковальню?

Они и это знали.

– А знаете ли вы, что этим человеком был Лю-Цзе?

И это они знали.

– И вы, несомненно, знаете, что Джанда Хвать, великий мастер

окидоки, торо-фу и чан-фу, потерпел поражение только от одного человека.

Они знали.

– А вы знаете, что этим человеком был Лю-Цзе?

Они знали.

– И помните ли вы алтарь, который вчера растоптали ногами?

Они помнили.

– А вы знаете, кому он принадлежал?

Воцарилось молчание. Затем самый смысленный из послушников поднял на настоятеля полный ужаса взгляд, проглотил комок в горле, взял одну из метел и вышел из комнаты.

Оставшиеся двое сообразительностью не отличались, и поэтому им пришлось участвовать в этой истории до самого конца.

– Но то был алтарь какого-то метельщика! – воскликнул один из них.

– Вы возьмете в руки метлы и начнете мести, и будете мести каждый день, пока не повстречаетесь с Лю-Цзе и не осмелитесь сказать ему в лицо: «Метельщик, это я разрушил и разбросал твой алтарь, а теперь смиренно готов последовать за тобой в додзё Десятого Дьима, чтобы научиться Истинному Пути». Только после этого, если, конечно, будете способны, вы продолжите свое обучение. Понятно?^[7]

Монахи постарше частенько выражали недовольство, но среди них всегда находился один, который говорил: «Помните, Путь Лю-Цзе – это не наш Путь. Помните, он узнал все, подметая, а мы учились у других. И помните, он был везде и совершил немало подвигов. Возможно, он может показаться... немного странным, но следует помнить, что именно он вошел в крепость, полную вооруженных людей и ловушек, и тем не менее позаботился о том, чтобы паша За-Луны подавился невинной рыбьей костью. Никто из монахов не умеет лучше Лю-Цзе найти нужное Время и Место».

Тот, кто пребывал в неведении, мог спросить: «Но что это за Путь, который дает ему такую неограниченную власть?»

И ему отвечали: «Это Путь госпожи Мариетты Космопилит, Анк-Морпорк, улица Щеботанская, дом № 3. Сдаются комнаты. Дешево. Нет, мы тоже не понимаем. Скорее всего, ничего не значащая белиберда».

Тук

Лю-Цзе, опершись на метлу, слушал разговор старших монахов. Искусству слушать он учился в течение долгих лет, давно поняв, что, если

слушать внимательно и достаточно долго, люди скажут больше, чем знают сами.

– Сото – хороший оперативник, – наконец произнес он. – Странноватый, но хороший.

– Падение отразилось даже на Мандале, – ответил Ринпо. – Юноша не знал, как следует поступать в таких случаях. Сото сказал, что тот действовал инстинктивно. Сказал, что лично ему ни разу не доводилось быть свидетелем того, чтобы человек так близко приближался к нулю. Буквально через час Сото отправил его в горы. Затем целых три дня проводил Закрытие Цветка в Гильдии Воров, куда юношу, очевидно, подбросили еще в младенческом возрасте.

– И как, церемония прошла успешно?

– Мы разрешили использовать рабочее время двух Ингибиторов. Возможно, у кое-кого останутся смутные воспоминания, но Гильдия – большая, всех не закроешь.

– Ни братьев, ни сестер. Ни любящих родителей. Только братство воров, – с печалью в голосе промолвил Лю-Цзе.

– Он тем не менее был хорошим вором.

– Не сомневаюсь. Сколько ему лет?

– Судя по всему, шестнадцать или семнадцать.

– Значит, учить уже поздно. Старшие монахи переглянулись.

– Мы и не можем ничему научить его, – сказал наставник послушников. – Он...

Лю-Цзе предостерегающе вскинул тощую руку.

– Позволь догадаться. Он уже все знает.

– Он ведет себя так, как будто ему рассказывают то, что он уже знал, но на секунду забыл, – добавил Ринпо. – Быстро начинает скучать и злиться. Словно переносится в другое место, если хочешь знать мое мнение.

Лю-Цзе почесал грязную бороду.

– Таинственный мальчик, – пробормотал он. – Одаренный от природы.

– И мы спящим себя *хотю пипи хотю пипи* почему сейчас, почему именно в это время? – встрял настоятель, покусывая ногу игрушечного яка.

– Но разве не сказано: «Для Всего есть Время и Место»? – спросил Лю-Цзе. – Как бы то ни было, о просветлейшие, вы занимаетесь обучением послушников в течение многих веков. А я всего лишь метельщик.

Он отсутствующе протянул руку и ловко поймал яка, выпавшего из неловких ручонек настоятеля.

– Лю-Цзе, – покачал головой наставник послушников, – если быть кратким, тебя мы тоже так и не смогли ничему научить. Помнишь?

– Но потом я нашел свой Путь, – ответил Лю-Цзе.

– Ты будешь учить его? – спросил настоятель. – Майчик дойжен ммм брмм найти себя.

– А разве не написано: «Увы, у меня всего одна пара рук»? – загадочно молвил Лю-Цзе.

Ринпо посмотрел на наставника послушников.

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Лично я ни разу не встречал изречений, которые ты постоянно цитируешь.

Лю-Цзе по-прежнему с задумчивым видом, словно мысли его были заняты совсем другим, сказал:

– Это может быть только здесь и сейчас, ибо сказано: «Если уж пришло, открывай ворота настезь».

Ринпо на секунду задумался, и вдруг его осенило.

– Счастье! – с довольным видом произнес он. – Недаром говорят: счастье привалило.

Лю-Цзе печально покачал головой.

– А звук от хлопка одной ладони – это «хл», – сказал он. – Хорошо, ваше просветлейшество. Я помогу ему найти Путь. Что-нибудь еще, о просветлейшие?

Тик

Лобсанг встал, когда Лю-Цзе вернулся в приемную, но сделал это неохотно, словно стеснялся проявить к нему уважение.

– Ладно, – сказал Лю-Цзе, проходя мимо него. – Слушай правила. Во-первых, ты не будешь называть меня учителем, а я не стану обзывать тебя всякими насекомыми. Обучать тебя не входит в мои обязанности, поэтому будешь учиться сам. Ибо написано: «На фигу оно мне все надо». Делай, что я говорю, и мы прекрасно поладим. Понятно?

– Что? Ты хочешь сделать меня своим учеником? – спросил Лобсанг, едва поспевая за метельщиком.

– Нет, в моем возрасте ученик мне не нужен, но ты будешь поступать так, чтобы мы с наибольшей пользой для нас обоих использовали ситуацию, понял?

– И ты научишь меня всему?

– Ну, насчет всего не знаю; например, я плохо разбираюсь в судебной минералогии. Но я научу тебя всему, что знаю и что полезно будет узнать

тебе.

- И когда?
- Уже поздно...
- Завтра на рассвете?
- Нет, перед рассветом. Я тебя разбужу.

Тик

На некотором расстоянии от Академии мадам Фрукт, на Эзотерической улице, располагались клубы для настоящих джентльменов.

Было бы чересчур цинично сказать, что термин «настоящий джентльмен» просто определял «человека, способного заплатить ежегодный членский взнос в пятьсот долларов», потому что, кроме того, потенциальный член клуба должен был получить рекомендации большого числа других джентльменов, способных заплатить аналогичный взнос.

И им не слишком нравилось находиться в обществе дам. Нет, конечно, они не были джентльменами особого рода, у которых были свои, гораздо богаче обставленные клубы в другой части города, в которых, как правило, было гораздо веселее и где вообще происходило много всякого. О нет, наши джентльмены принадлежали к классу, представители которого с самого раннего возраста подвергались всяческому издевательствам со стороны разного рода дам. Их жизнями управляли няни, гувернантки, экономки, матери и жены, и примерно через четыре-пять десятилетий такой жизни средний слабохарактерный джентльмен не выдерживал и как можно вежливее удалялся в один из таких клубов, где спокойно мог подремать днем в удобном кожаном кресле, расстегнув верхнюю пуговицу на брюках^[8].

Самым избранным из этих клубов был клуб «Фигли-с», и отличался он вот чем – Сьюзен не пришлось даже становиться невидимой, поскольку она точно знала, что члены клуба все равно не заметят ее, а если и заметят, то не поверят в ее существование. Женщин в клуб не пускали, за исключением правила 34б, в соответствии с которым члены семьи женского пола или порядочные замужние женщины старше тридцати пусть и нехотя, но все же могли быть приглашены на чай в Зеленую гостиную от трех часов пятнадцати минут до четырех часов тридцати минут пополудни при условии обязательного присутствия одного из постоянных сотрудников клуба. Правило действовало так долго, что многие члены «Фигли-с» начали переносить его в реальную жизнь: женщинам вообще разрешалось существовать лишь в течение семидесяти пяти минут в день, а

следовательно, все женщины, которые попадались им на глаза в другое время, были плодом их воображения.

В отношении Сьюзен, облаченной в строгое черное платье школьной учительницы и в туфлях на пуговицах, у которых словно вырастали каблуки, когда она становилась внучкой Смерти, данное утверждение вполне могло соответствовать действительности.

Стук каблуков по мраморному полу эхом разносился по коридору, когда она решительным шагом шла к библиотеке.

Для нее до сих пор оставалось загадкой, почему Смерть решил использовать для встреч именно этот клуб. Конечно, Смерть обладал многими качествами настоящего джентльмена – владел домом в сельской местности, правда очень далекой и темной, был крайне пунктуален, вежливо относился ко всем, с кем ему доводилось встречаться – а рано или поздно встретиться с ним предстояло всем, – хорошо, пусть и несколько мрачновато одевался и был настолько хорошим всадником, что даже вошел в легенды.

Не соответствовал идеалу лишь тот факт, что он был еще и Мрачным Жнецом.

Почти все кресла в библиотеке были заняты отобедавшими членами клуба, которые счастливо посапывали, закрыв лица номерами «Анк-Морпоркской правды». Сьюзен огляделась и наконец отыскала газету, из-под которой виднелись пола черного балахона и две костистые ноги. К спинке кресла была прислонена коса. Она приподняла газету.

– ДОБРЫЙ ДЕНЬ, – сказал Смерть. – ТЫ УЖЕ ОБЕДАЛА? СЕГОДНЯ ПОДАЮТ РУЛЕТ.

– Почему ты так ведешь себя, дедушка? Ты же никогда не спишь.

– ЭТО МЕНЯ УСПОКАИВАЕТ. С ТОБОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

– Было все в порядке, пока не появилась крыса.

– ПО СЛУЖБЕ ПРОДВИГАЕШЬСЯ? ЗНАЕШЬ, Я ОЧЕНЬ ЗА ТЕБЯ ПЕРЕЖИВАЮ.

– Спасибо, – коротко ответила Сьюзен. – Итак, почему ты...

– НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ ПРОСТО ПОБОЛТАТЬ? ХОТЬ ЧУТОК?

Сьюзен вздохнула. Она догадывалась, что стоит за всем этим, и догадка эта была безрадостной. Очень грустной и одинокой. И гласила она примерно следующее: у них двоих никого нет, кроме них самих. Вот. От этой догадки впору было разрыдаться в платочек, но она целиком и полностью соответствовала действительности.

Да, у Смерти был слуга по имени Альберт, и, конечно, рядом всегда

находился Смерть Крыс. Если это можно назвать обществом.

Что же касалось Сьюзен...

Она была частично бессмертной, и этим сказано все. Она видела то, что действительно существовало^[9], могла по собственному желанию останавливать и запускать время. Правила, которые применялись ко всем, например сила тяготения, применялись к Сьюзен, только если она сама разрешала им это. Подобные вещи не могут не влиять на твои отношения с обществом, как ни старайся. Трудно ладить с людьми, если некая крохотная часть тебя определяет их как временный набор атомов, который прекратит существование буквально через несколько десятилетий.

И в этом ее крошечная часть соответствовала крошечной части Смерти. Всякий раз, когда он начинал относиться к людям как к чему-то реальному, у Смерти с ними возникали проблемы.

И дня не проходило, чтобы Сьюзен не жалела об этой своей исключительности. Она часто размышляла о том, что было бы, если б она могла идти по миру, не чувствуя при каждом шаге всех камней под ногами и всех звезд над головой, если б она обладала всего пятью человеческими чувствами... Каково это – быть почти слепой и глухой?

– ДЕТИ В ПОРЯДКЕ? МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ, КАКИМ ОНИ МЕНЯ ИЗОБРАЗИЛИ НА СВОИХ РИСУНКАХ.

– Да. А как Альберт?

– ХОРОШО.

«...И если б не приходилось говорить о всяких пустяках», – добавила про себя Сьюзен. В большой вселенной нет места маленьким разговорам.

– МИР БЛИЗИТСЯ К КОНЦУ. Ого, а вот это уже не пустяки.

– Когда?

– В СРЕДУ НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ.

– Почему?

– АУДИТОРЫ ВЕРНУЛИСЬ, – ответил Смерть.

– Эти злобные мелкие твари?

– ДА.

– Терпеть их не могу.

– ЧТО КАСАЕТСЯ МЕНЯ, ТО МНЕ ЭМОЦИИ ВООБЩЕ НЕДОСТУПНЫ, – ответил Смерть с таким «покерным» лицом, какое может быть только у черепа.

– И что они задумали на этот раз?

– НЕ МОГУ СКАЗАТЬ.

– Я думала, ты можешь помнить будущее!

– ДА, НО ЧТО-ТО ИЗМЕНИЛОСЬ. ПОСЛЕ СРЕДЫ БУДУЩЕГО

НЕТ.

– Должно же остаться хоть что-то! Хоть какой-то... ну, не знаю, мусор, руины, хоть что-то!

– НЕТ. ПОСЛЕ ЧАСА ПОПОЛУДНИ В СЛЕДУЮЩУЮ СРЕДУ НЕТ НИЧЕГО. ЕСТЬ ТОЛЬКО ЧАС ПОПОЛУДНИ В СЛЕДУЮЩУЮ СРЕДУ, И ОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВЕЧНО. НИКТО НЕ БУДЕТ ЖИТЬ. НИКТО НЕ БУДЕТ УМИРАТЬ, ВОТ ЧТО Я СЕЙЧАС ВИЖУ. БУДУЩЕЕ ИЗМЕНИЛОСЬ, ПОНИМАЕШЬ?

– А какое отношение это имеет ко мне?

«Задай этот вопрос кто-либо еще, он бы звучал крайне глупо», – подумала Сьюзен.

– МНЕ КАЗАЛОСЬ, КОНЕЦ СВЕТА ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ КО ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ – КАК К БЕССМЕРТНЫМ, ТАК И К СМЕРТНЫМ. ВОЗНИКЛИ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ... КОЛЕБАНИЯ.

– Они собираются что-то сделать со временем? Я думала, им подобные действия запрещены.

– ДА. ИМ. НО НЕ ЛЮДЯМ. ТАКОЕ УЖЕ СЛУЧАЛОСЬ ОДНАЖДЫ.

– Неужели нашелся приду...

Сьюзен замолчала. Ну конечно, такой глупец обязательно найдется. Некоторые люди готовы сотворить что угодно, лишь бы выяснить, возможно это или нет. Если где-нибудь в глубокой пещере установить большой рычаг с огромной такой надписью «Конец Света/Включить. ПРОСЬБА НЕ ТРОГАТЬ!», то даже краска не успеет высохнуть.

Некоторое время она думала. Смерть внимательно наблюдал за ней.

– Странно, но сейчас я читаю ученикам одну книгу. Нашла ее на своем столе. Она называется «Гримуарные сказки»...

– А, ВЕСЕЛЫЕ СКАЗОЧКИ ДЛЯ МАЛЫШНИ, – сказал Смерть без тени иронии.

– ...В них в основном рассказывается о том, какая мучительная смерть ждет всех нехороших людей. Действительно странно. Но детям, судя по всему, такая идея нравится. Они не испытывают ни малейшего беспокойства.

Смерть промолчал.

– ...За исключением сказки «Стеклянные часы Бад-Гутталлинна», – добавила Сьюзен, глядя ему прямо в глазницы. – Эта сказка детей огорчила, хотя у нее достаточно счастливый конец.

– БЫТЬ МОЖЕТ, ПОТОМУ, ЧТО ИСТОРИЯ ПРАВДИВА.

Сьюзен достаточно хорошо знала Смерть, чтобы спорить.

– Кажется, я понимаю, – кивнула она. – Это ты позаботился о том,

чтобы книга оказалась на моем столе.

– ДА. ПРОЧАЯ ЧЕПУХА О ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦАХ – НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ДОПОЛНЕНИЕ. АУДИТОРЫ, КОНЕЧНО, НЕ ИЗОБРЕТАЛИ ЧАСЫ. ЭТУ РАБОТУ ВЫПОЛНИЛ ОДИН СУМАСШЕДШИЙ. НО ОНИ ОЧЕНЬ ХОРОШО УМЕЮТ ПОДСТРАИВАТЬСЯ. НЕ УМЕЮТ СОЗДАВАТЬ, НО УМЕЮТ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ. И ЧАСЫ В ДАННЫЙ МОМЕНТ ВОССОЗДАЮТСЯ.

– Время действительно было остановлено?

– ЗАПЕРТО. БУКВАЛЬНО НА МГНОВЕНИЕ, НО ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЯВЛЯЮТСЯ ДО СИХ ПОР. ИСТОРИЯ БЫЛА УНИЧТОЖЕНА, РАЗБИТА НА МЕЛКИЕ КУСОЧКИ. ПРОШЛОЕ ПОТЕРЯЛО СВЯЗЬ С БУДУЩИМ. ИСТОРИЧЕСКИМ МОНАХАМ ПРИШЛОСЬ ВОССТАНАВЛИВАТЬ ВСЕ ПРАКТИЧЕСКИ ЗАНОВО.

Сьюзен не стала тратить силы на всякие восклицания в духе «Но ведь это невозможно!» и так далее. Подобную чушь способен произнести только тот, кто искренне убежден, что живет в реальном мире.

– На это, неверное, потребовалось некоторое... время, – сказала она.

– СО ВРЕМЕНЕМ ПРОБЛЕМ НЕ ВОЗНИКЛО. ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ РАЗНОВИДНОСТЬ ЛЕТ, ОСНОВАННУЮ НА ЧАСТОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПУЛЬСА. ТАКИХ ЛЕТ ПОТРЕБОВАЛОСЬ ПОРЯДКА ПЯТИСОТ.

– Но если история была уничтожена, где они взяли...

Смерть переплел пальцы.

– А ТЫ ПОПРОБУЙ МЫСЛИТЬ ТЕМПОРАЛЬНО. СКОРЕЕ ВСЕГО, УКРАЛИ ВРЕМЯ ИЗ РАННИХ ЭПОХ РАЗВИТИЯ МИРА, ГДЕ ОНО БЕСЦЕЛЬНО РАСТРАЧИВАЛОСЬ НА ВСЯКИХ РЕПТИЛИЙ. ДА И В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЧТО ЕСТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ ОГРОМНОЙ ЯЩЕРИЦЫ? ТЫ ВИДЕЛА ТЕХ ИНГИБИТОРОВ, КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗУЮТ МОНАХИ? ПОИСТИНЕ ЧУДЕСНЫЕ ШТУКОВИНЫ. ОНИ СПОСОБНЫ ПЕРЕМЕЩАТЬ ВРЕМЯ, ХРАНИТЬ ЕГО, РАСТЯГИВАТЬ... ВЕСЬМА ОРИГИНАЛЬНО. ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ ВОПРОСА, КОГДА ИМЕННО ЭТО ПРОИЗОШЛО, ОН НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА. ЕСЛИ БУТЫЛКА РАЗБИТА, КАКАЯ РАЗНИЦА, КУДА ИМЕННО БЫЛ НАНЕСЕН УДАР? ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, ОСКОЛКИ ДАННОГО СОБЫТИЯ В ВОССТАНОВЛЕННУЮ ИСТОРИЮ НЕ ВОШЛИ.

– Подожди, подожди... Разве можно взять кусок древней эпохи и *вшить* его в современность? Неужели люди не заметят... – Сьюзен запнулась на мгновение, – что на воинах другие доспехи, что дома не те и вокруг бушует война, закончившаяся много веков назад?

– СЬЮЗЕН, ПОВЕРЬ МОЕМУ ОПЫТУ: ОЧЕНЬ МНОГИЕ ЛЮДИ ЖИЛИ, ЖИВУТ И БУДУТ ЖИТЬ ТЕМИ САМЫМИ ВОЙНАМИ, КОТОРЫЕ ДАВНЫМ-ДАВНО ЗАКОНЧИЛИСЬ.

– Весьма мудро замечено, но я имела в виду...

– НЕ ПУТАЙ СОДЕРЖИМОЕ С СОСУДОМ. – Смерть вздохнул. – ТЫ ПОЧТИ ЧЕЛОВЕК, ПОЭТОМУ НУЖДАЕШЬСЯ В МЕТАФОРЕ. ДУМАЮ, НЕ ПОМЕШАЕТ НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР. ПОЙДЕМ-КА.

Он встал и направился по коридору в столовую. Там, застыв с вилками и ложками в руках, с заткнутыми за воротники салфетками, сидели те, кто припозднился с обедом. В воздухе витала атмосфера счастливых углеводов.

Смерть подошел к уже накрытому для ужина столу и взял скатерть за угол.

– ВРЕМЯ – ЭТО ТКАНЬ, – сказал он. – СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ И ТАРЕЛКИ – ЭТО СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В ТЕЧЕНИЕ ЭТОГО ВРЕМЕНИ...

Раздалась барабанная дробь. Сьюзен опустила взгляд и увидела Смерть Крыс, сидевшего за крохотной ударной установкой.

– СМОТРИ ЖЕ.

Смерть быстрым движением сдернул скатерть со стола. Зазвенели столовые приборы, ваза с цветами пережила момент неопределенности, но почти вся посуда осталась на месте.

– Понятно, – ответила Сьюзен.

– СТОЛ, КАК И ПРЕЖДЕ, НАКРЫТ, А СКАТЕРТЬ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ДРУГОЙ ТРАПЕЗЫ.

– Однако ты опрокинул солонку, – указала Сьюзен.

– ТЕХНОЛОГИЯ НЕ ИДЕАЛЬНА.

– А еще на скатерти видны пятна от предыдущего ужина.

Смерть просиял.

– АГА. ОТЛИЧНАЯ МЕТАФОРА ПОЛУЧИЛАСЬ, НЕ ПРАВДА ЛИ?

– Люди обязательно заметили бы!

– ПРАВДА? ЛЮДИ – САМЫЕ НЕНАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА ВО ВСЕЛЕННОЙ. ДА, КОНЕЧНО, СУЩЕСТВУЕТ МНОГО ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМЫ, РАССЫПАННАЯ СОЛЬ, ТАК СКАЗАТЬ, НО ИСТОРИКИ С ЛЕГКОСТЬЮ ИХ ОБЪЯСНЯЮТ. ТУТ ОНИ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫ, НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ.

Сьюзен знала, что существуют некие Правила. Неписанные, разумеется; нельзя же написать, допустим, гору. Но куда более фундаментальные с точки зрения работы вселенной, чем такие чисто механические штуки, как сила притяжения. Аудиторы всем своим несуществующим сердцем

ненавидели беспорядок, учиненный возникновением жизни, но Правила не позволяли им вмешиваться. Поэтому появление человечества стало для них великим благом. Наконец-то появился вид, представителя которого можно уговорить пальнуть из обоих стволов себе в ногу.

– Но я-то тут при чем? – пожала плечами Сьюзен.

– ПРИ ВСЕМ. ТЫ ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО СМОЖЕШЬ, – ответил Смерть. – Я ЖЕ, СОГЛАСНО ОБЫЧАЯМ, БУДУ ЗАНЯТ ДРУГИМИ ДЕЛАМИ.

– Какими именно?

– ОЧЕНЬ ВАЖНЫМИ.

– О которых не можешь мне ничего рассказать?

– О КОТОРЫХ И НЕ НАМЕРЕВАЮСЬ ТЕБЕ РАССКАЗЫВАТЬ. ДОСТАТОЧНО ТОГО, ЧТО ЭТИ ДЕЛА КРАЙНЕ ВАЖНЫЕ. ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, Я ВЫСОКО ЦЕНЮ ТВОЮ ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ, И ТВОИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ВЕСЬМА ПОЛЕЗНЫМИ. ТЫ МОЖЕШЬ ПРОНИКНУТЬ ТУДА, КУДА МНЕ ПУТЬ ЗАКРЫТ. Я ВСЕГО-НАВСЕГО ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ, А ТЫ СПОСОБНА ИЗМЕНИТЬ ЕГО.

– А где именно воссоздают эти часы?

– ЭТОГО Я ТОЖЕ НЕ МОГУ СКАЗАТЬ. Я И ТАК МНОГО ЧЕГО ВЫЯСНИЛ, НО СУТЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ ЗАКРЫТОЙ ОТ МЕНЯ.

– Почему?

– ПОТОМУ ЧТО МНОГОЕ ПРЯТАЛИ СПЕЦИАЛЬНО ОТ МЕНЯ. В ЭТОМ ДЕЛЕ ЕСТЬ УЧАСТНИК, КОТОРЫЙ... МНЕ НЕПОДВЛАСТЕН. – Смерть выглядел слегка смущенным.

– Бессмертный?

– ОН ПОДВЛАСТЕН... КОЕ-КОМУ ДРУГОМУ.

– Тебе придется выразиться пояснее.

– СЬЮЗЕН... ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я УДОЧЕРИЛ И ВЫРАСТИЛ ТВОЮ МАТЬ. НАШЕЛ ЕЙ ДОСТОЙНОГО МУЖА...

– Да-да, – обрубил Сьюзен. – Разве можно забыть об этом? Я каждый день смотрюсь в зеркало.

– МНЕ... ОЧЕНЬ ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО Я НЕ БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ, С КОТОРЫМ СЛУЧИЛОСЬ ПОДОБНОЕ. ПОЧЕМУ ТЫ ВЫГЛЯДИШЬ УДИВЛЕННОЙ? БОГИ ВЕДЬ ПОСТОЯННО ВЫКИДЫВАЮТ ТАКИЕ ШУТКИ. ИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ.

– Боги – да, но такие, как ты...

– ТАКИЕ, КАК Я, ТОЖЕ ТАКИЕ, КАК ЛЮДИ... И тут Сьюзен повела

себя довольно необычно – она попробовала вслушаться в его слова. А это совсем непростая задача для учительницы.

– СЬЮЗЕН, ТЫ ПОТОМ САМА ПОЙМЕШЬ: МЫ, ТЕ, КТО РАСПОЛОЖЕН КАК БЫ... ВНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...

– Как раз я стараюсь от человечества не отрываться, – резко оборвала его Сьюзен. – Просто у меня есть некоторые... особые способности.

– Я НЕ ИМЕЛ В ВИДУ ТЕБЯ. Я ИМЕЛ В ВИДУ ТЕХ, ДРУГИХ, КОТОРЫЕ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЛЮДЬМИ, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СТАЛИ ЧАСТЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ, – ЭТО ВОЙНА, РОК, ЧУМА, ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ... ТАК ВОТ, ЛЮДИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ НАС ЛЮДЬМИ, И ПОЭТОМУ МЫ В РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ ПРИОБРЕТАЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ. ИНАЧЕ И БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. САМА ФОРМА ТЕЛА НАВЯЗЫВАЕТ НАШИМ РАЗУМАМ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СПОСОБ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВСЕЛЕННОЙ. ВМЕСТО БОЛЕЗНЕЙ МЫ ПОДХВАТЫВАЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОВАДКИ... ЛЮБОПЫТСТВО, ГНЕВ, БЕСПОКОЙСТВО...

– Все это элементарно, дедушка.

– ДА. ВОТ ПОЧЕМУ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС СТАЛИ... ПРОЯВЛЯТЬ ИНТЕРЕС К ЛЮДЯМ.

– Уж кому бы ты рассказывал. Я и есть результат этого самого интереса.

– ДА. Э... НО НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС СТАЛИ ПРОЯВЛЯТЬ ИНТЕРЕС, Э-Э, КОТОРЫЙ БЫЛ НЕСКОЛЬКО БОЛЕЕ...

– Интересным?

– ...ЛИЧНЫМ. Я, ПО-МОЕМУ, КАК-ТО УПОМИНАЛ ПРИ ТЕБЕ О... ПЕРСОНИФИКАЦИИ ВРЕМЕНИ...

– Да, но весьма туманно. Сказал только, что она, то есть Время, живет в стеклянном дворце.

Сьюзен испытывала легкое, немного постыдное, но весьма приятное удовольствие, видя Смерть смущенным. Сейчас он был похож на человека, которого заставили вытащить из шкафа давным-давно хранящийся там скелет.

– ДА. Э... ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ВРЕМЯ ВЛЮБИЛАСЬ В ЧЕЛОВЕКА...

– О, как романтик! – воскликнула Сьюзен, нарочно произнося данное слово, как это принято в Орлее.

Она понимала, что ведет себя как испорченный ребенок, но жизнь в качестве внучки Смерти нельзя было назвать легкой, поэтому иногда у Сьюзен возникало непреодолимое желание досадить деду.

– А. КАЛАМБУР. ТО ЕСТЬ ИГРА СЛОВ, – устало произнес Смерть. – ХОТЯ ПОДОЗРЕВАЮ, ТЕБЕ ПРОСТО ЗАХОТЕЛОСЬ ПОВРЕДНИЧАТЬ.

– Так или иначе, подобные события частенько происходили в древности, – сказала Сьюзен. – Поэты постоянно влюблялись в лунный свет, гиацинты или еще что-нибудь, а богини вечно...

– НО ЭТО СОБЫТИЕ БЫЛО РЕАЛЬНЫМ, – сказал Смерть.

– Насколько реальным?

– У ВРЕМЕНИ РОДИЛСЯ СЫН.

– Но каким образом...

– У ВРЕМЕНИ РОДИЛСЯ СЫН. ПОЧТИ СМЕРТНЫЙ. ТАКОЙ ЖЕ, КАК ТЫ.

Тик

Члены Гильдии Часовщиков навещали Джереми раз в неделю. Визиты не были официальными. Все равно нужно было либо передать ему заказ на новую работу, либо забрать выполненную, ведь паренек был настоящим гением, что бы о нем ни говорили.

А также во время этих визитов можно было исподволь убедиться в том, что юноша принимает лекарство и крыша у него более-менее на месте.

Уж кто-кто, а часовщики прекрасно понимали, что сложный механизм человеческого мозга легко может дать сбой. Члены Гильдии в основном были очень щепетильными, занудными людьми, вечно стремящимися к нечеловеческой точности, и это, разумеется, не могло не сказываться. Могли возникнуть определенные проблемы. Ведь заводятся не только пружины. В комитет Гильдии входили большей частью добрые и отзывчивые люди. С коварством они были мало знакомы.

Доктор Хопкинс, секретарь Гильдии, весьма удивился, когда дверь мастерской Джереми открыл человек, который, судя по всему, пережил некий ужасный несчастный случай.

– Э... я пришел навестить господина Джереми, – вымолвил он.

– Йа, фэр. Герр мафтер дома, фэр.

– А ты, гмм...

– Игорьь, фэр. Мафтер Джереми бывайт фтоль любезен, что принимайт меня на работу, фэр.

– Ты работаешь на него? – уточнил доктор Хопкинс, рассматривая Игоря с головы до ног.

– Йа, фэр.

– Гм... Ты, видимо, слишком близко подошел к какому-то опасному

механизму?

– *Найн*, фэр. Он в мафтерфкой, фэр.

– Господин Игорь, – спросил доктор Хопкинс, когда искалеченная рука втащила его в дом, – а известно ли тебе, что господин Джереми должен принимать лекарство?

– *Йа*, фэр. Он чафто об этом упоминайт.

– А он, гмм, ну, состояние его здоровья...

– Зер гутт, фэр. Работа увлекайт его на всю голову, фэр. Глаза горяйт, хвост виляйт.

– Хвост, значит, виляйт? – едва слышно повторил доктор Хопкинс. – Гмм... Вообще-то господин Джереми, как правило, обходится без слуг. Последнему своему помощнику он запустил часами в голову.

– Правда, фэр?

– Гмм, а тебе в голову он часами не бросался?

– *Найн*, фэр. Он выглядейт вполне нормально, – сказал Игорь, человек с четырьмя большими пальцами и швом вокруг шеи. Он открыл дверь в мастерскую. – Герр мафтер, к вам приходийт доктор Хопкинф. Я приготавлийт чай, фэр.

Джереми, вытянувшись в струнку, сидел за столом. Глаза его и правда горели.

– А, доктор! – воскликнул он. – Как любезно с вашей стороны навестить меня!

Доктор Хопкинс окинул взглядом мастерскую.

Он заметил явные изменения. Чуть сбоку на подставке стоял достаточно большой кусок оштукатуренной стены, весь испещренный карандашными надписями и эскизами. Верстаки, на которых обычно лежали часы, пребывающие на разных этапах сборки, сейчас были завалены обломками кристаллов и толстыми стеклянными панелями. Очень сильно пахло кислотой.

– Гмм... Что-то новенькое? – спросил доктор Хопкинс.

– Да, доктор. Я исследовал свойства некоторых сверхплотных кристаллов, – ответил Джереми.

Доктор Хопкинс вздохнул с облегчением.

– А, геология. Прекрасное хобби, прекрасное! Очень рад. Знаешь, постоянно думать только о часах – это крайне вредно, – бодро, с легким оттенком надежды добавил он.

Лоб Джереми покрылся морщинками, так, словно мозг, скрывающийся за ним, попытался объять эту странную и доселе неведомую концепцию.

– Да, – сказал наконец Джереми. – Доктор, а вы знаете, что октират

меди вибрирует с частотой ровно два миллиона четыреста тысяч семьдесят восемь колебаний в секунду?

– Так часто? – изумился доктор Хопкинс. – Ну и ну.

– Именно так. А луч света, проходящий через естественную призму октивиумного кварца, расщепляется только на три цвета.

– Поразительно, – признал доктор Хопкинс, подумав про себя, что Джереми выглядит более-менее и вообще-то могло быть куда хуже. – Гмм... Мне кажется или здесь действительно пахнет чем-то... *острым*?

– Канализация, – пояснил Джереми. – Мы чистили трубы. Кислотой. Поэтому нам понадобилась кислота. Чтобы прочистить канализацию.

– Канализацию, значит?

Доктор Хопкинс заморгал. В мире канализации он чувствовал себя неуверенно. Вдруг раздался треск, и в щели под кухонной дверью замерцал голубоватый свет.

– Твой слуга, гм, Игорь... – вспомнил доктор Хопкинс. – С ним все в порядке?

– Да, доктор, спасибо, что поинтересовались. Кстати, он из Убервальда.

– О. Большая страна... Убервальд. Очень большая. – Больше об Убервальде доктор почти ничего не знал. Он нервно откашлялся и добавил: – Я слышал, там встречаются несколько странные люди.

– Игорь говорит, что никогда не имел с такими людьми ничего общего, – спокойным тоном уверил Джереми.

– Отлично, отлично. Очень хорошо, – обрадовался доктор. Застывшая на губах Джереми улыбка начинала действовать ему на нервы. – Я, гм, заметил много швов и шрамов на его теле.

– Да, это этническое.

– Этническое, значит?

Доктор Хопкинс сразу успокоился. Он относился к тем людям, которые в любом человеке видят что-то хорошее. Просто... город очень изменился по сравнению с тем, каким был в его, доктора Хопкинса, детстве. Появились всякие гномы, тролли, големы и даже зомби. Конечно, доктору Хопкинсу нравилось далеко не все, что происходило в городе, но многое было, так сказать, этническим, а возражать против этого просто глупо, вот он и не возражал. Назвав проблему этнической ты словно бы решал ее, сделав вид, что если она и существует, то не здесь и не сейчас.

Свет под дверью погас. Через мгновение появился Игорь с двумя чашками чая на подносе.

Доктор не мог не признать, что чай был отличным, но от паров

кислоты в воздухе слегка слезились глаза.

– Гмм, а как продвигается работа над новыми навигационными таблицами? – спросил он.

– Имбирное печенье, фэр? – раздался над его ухом голос Игоря.

– О, э... Да, конечно. Очень вкусно, герр Игорьь.

– Бери фразу два, фэр.

– Благодарю, – произнес доктор Хопкинс, осыпав окрестности крошками. – Итак, навигационные таблицы, – повторил он.

– Боюсь, тут мне почти нечем похвастаться, – сказал Джереми. – Я был слишком занят изучением свойств кристаллов.

– Да-да, ты говорил. Мы, конечно, благодарны за каждую минуту, которую ты счел должным потратить на наши затеи, – поспешно промолвил доктор Хопкинс. – А еще позволь, гм, заметить, мне очень приятно видеть, что ты нашел новое увлечение. Слишком сильная сосредоточенность на одном, гм, предмете способствует развитию всяких дурных мыслей.

– Я принимаю лекарство, – напомнил Джереми.

– Да, конечно. Э... кстати, я как раз проходил мимо аптеки... – Доктор Хопкинс достал из кармана большой, завернутый в бумагу флакон.

– Спасибо. – Джереми показал на полку за своей спиной. – Как видите, лекарство почти кончилось.

– Да, я так и предположил, – поддакнул доктор Хопкинс таким тоном, словно часовщики и не думали следить за уровнем жидкости в стоявшей на полке бутылке. – Ну, мне пора. Очень рад, что ты увлекся кристаллами. В детстве я коллекционировал бабочек. Прекрасно, когда у тебя есть хобби. Я был счастлив, словно маленький жаворонок, стоило только взять в руки морилку и сачок.

Джереми по-прежнему улыбался. В его улыбке было что-то стеклянное.

Доктор Хопкинс залпом допил чай и поставил чашку на блюде.

– Что ж, мне действительно пора уходить, – пробормотал он. – Так много дел. Не хочу отвлекать тебя от работы. Кристаллы, значит? Просто чудесно. Такие красивые.

– Вы так считаете? – спросил Джереми. И вдруг задумался, как будто решая какую-то незначительную проблему. – Ах да. Игра света. Его образы.

– Блестючие такие, – добавил доктор Хопкинс. Игорь поджидал доктора Хопкинса у входной двери. Он кивнул.

– Гмм... Ты уверен насчет лекарства? – шепотом спросил доктор Хопкинс.

– Йа, фэр. Цвай раз в день глотайт ложка ф верхом.

– Отлично. Иногда он становится немного... э... плохо ладит с людьми, в общем.

– Йа, фэр?

– У него, гм, легкий крен насчет точности.

– Йа, фэр.

– Что в целом совсем неплохо. Точность прекрасна, – промолвил доктор Хопкинс и понюхал воздух. – До определенного момента, конечно. Всего тебе доброго.

– И тебе того же, фэр.

Когда Игорь вернулся в мастерскую, Джереми осторожно наливал лекарство в ложку. Когда ложка наполнилась, он опорожнил ее в раковину.

– Меня проверяют, понимаешь? Думают, я не замечаю.

– Уверен, они желают только добра, фэр.

– Увы, но я теряю ясность мысли, когда принимаю лекарство, – сказал Джереми. – Без него я гораздо лучше себя чувствую, как мне кажется. Это лекарство меня замедляет. Я начинаю отставать.

Игорь предпочел промолчать. Из собственного опыта он знал, что многие величайшие мировые открытия были совершены людьми, которых, согласно общепринятым нормам, стоило бы признать сумасшедшими. Безумие зависит исключительно от твоей точки зрения, любил говаривать он, и если смотреть на все сквозь собственные подштанники, то мир выглядит просто замечательно.

Однако молодой мастер Джереми начинал беспокоить его. Он никогда не смеялся, а Игорю нравился старый добрый маниакальный смех. Такому смеху можно доверять.

Прекратив принимать лекарство, Джереми, вопреки всем ожиданиям, не стал заговариваться или орать нечто вроде: «Безумец! Они называют меня безумцем! Но я им всем покажу. Аха-ха-ха!» Наоборот, он стал более... сосредоточенным.

А потом эта его улыбочка. Игоря было не просто напугать, иначе бы он не смог смотреться в зеркало. Однако тут даже он начал чувствовать легкое беспокойство.

– Итак, на чем мы остановились? – хлопнул руками Джереми. – Ах да, помоги-ка мне.

Вдвоем они отодвинули стол. Под ним стояло полдюжины шипящих стеклянных колб.

– Маловато мощнофти, – сказал Игорь. – Кроме того, мы неправильно уфтанавливают зеркало, фэр.

Джереми сдернул тряпку со стоящего на верстаке устройства.

Засверкали стекло и кристаллы, причем в некоторых отдельных случаях блеск был несколько странным. Как еще вчера заметил Джереми, вернувший себе ясность мыслей после того, как дважды в день, словно по часам, начал выливать лекарство в раковину, – так вот, по его словам, некоторые углы, похоже, были неправильными. Один кристалл, когда его зафиксировали, вдруг взял и исчез, и в то же время он явно остался на месте, поскольку продолжал исправно отражать свет.

– И флишком много металлических чафтей, фэр, – проворчал Игорь. – Пофледний раз все портийт пружина.

– Ничего, мы найдем способ, – пообещал Джереми.

– Фамодельная молния никогда не равняйт нафтоящая, – возразил Игорь.

– И такой вполне достаточно, чтобы проверить принцип.

– Проверяйт принцип, проверяйт принцип, – пробормотал Игорь. – Прощайт меня, фэр, но Игори «не проверяйт принципы». Наш девиз: «Привязывай к верфтак и попуфкайт фтарый добрый молния». Вот как нужно проверяйт.

– Игорь, ты выглядишь неважно.

– Извиняйт меня, фэр, – сказал Игорь. – Климат плохо дейфत्वовайт. Привыкайт регулярный гроза.

– Я слышал, некоторые люди во время грозы в буквальном смысле слова оживают, – поддакнул Джереми, аккуратно регулируя угол наклона кристалла.

– Так и бывайт, когда я арбайтн на барон Финкельштейн, – подтвердил Игорь.

Джереми отошел от верстака. Это, конечно, были не часы. Предстояло выполнить еще немало работы (но, закрывая глаза, он видел результат как наяву), прежде чем получатся часы. Сейчас был готов лишь образец, который подтверждал правильность выбранного пути.

А путь был выбран правильный. Он не сомневался в этом.

Тик

Сьюзен прошагала по замершим улицам, вернулась в кабинет мадам Фрукт, села на стул и позволила себе нырнуть обратно в поток времени.

Она так и не смогла понять, как это у нее получалось. Просто получалось, и все. Время не останавливалось для остального мира и не останавливалось для нее – она как будто входила во временную петлю, и все прочее оставалось неизменным, пока она не заканчивала свои дела. Это

было еще одной переданной по наследству семейной чертой. Если не думать, все получалось легче легкого, как при хождении по канату. Так или иначе, сейчас было много других вещей, о которых стоило побеспокоиться.

Мадам Фрукт отвернулась от каминной полки, на которой, разумеется, никакой крысы уже не было.

– О! – воскликнула она. – Пропала!

– Скорее всего, просто обман зрения, мадам, – сказала Сьюзен.

«Почти смертный. Такой же, как я», – подумала она.

– Ну да, э-э, само собой... – Мадам Фрукт наконец надела очки, несмотря на то что шнурок по-прежнему цеплялся за пуговицу.

Это означало, что она приковала себя к собственной груди, но ей нужно было надеть очки, и никакой чертов шнурок не мог ей в этом воспрепятствовать.

Сьюзен могла вывести из себя даже ледник. Ей достаточно было сидеть тихо с учтивым и внимательным видом.

– Что именно вы хотели, мадам? – спросила она. – Я оставила класс заниматься алгеброй, и дети могут начать шалить, когда выполняют задание.

– Алгеброй? – Мадам Фрукт вынужденно уставилась на собственную грудь, которая, следует отметить, никогда такого пристального внимания не удостоивалась. – Но этот предмет слишком сложен для семилетних детей!

– Да, но я им этого не говорила, а сами они пока не догадались, – сказала Сьюзен. Ну все, похоже, пришло время ускорить события. – Полагаю, вы хотели поговорить о моем письме, мадам?

Мадам Фрукт явно была озадачена.

– О каком таком... – начала было она. Сьюзен вздохнула и щелкнула пальцами.

Она обошла стол, открыла ящик рядом с замершей мадам Фрукт, достала лист бумаги и некоторое время потратила на написание письма. Дала чернилам высохнуть, несколько раз сложила и развернула лист, чтобы он выглядел слегка потрепанным, и положила его в стопку бумаг на столе мадам Фрукт так, чтобы край его было нетрудно заметить.

Затем она вернулась на свой стул и еще раз щелкнула пальцами.

– ...письме? – закончила мадам Фрукт и опустила взгляд на стол. – О.

Сьюзен знала, что поступает жестоко. Мадам Фрукт была вовсе не плохим человеком, с добротой относилась к детям, но в некотором суетливом смысле она была глупа. А у Сьюзен не было времени на всякие глупости.

– Я просила предоставить мне отпуск на несколько дней, – сообщила она. – В связи с неотложными семейными делами. Разумеется, я

позаботилась о том, чтобы детям было чем заняться во время моей отлучки.

Мадам Фрукт медлила с ответом. На это у Сьюзен времени тоже не было. Она щелкнула пальцами.

– СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ, А ЭТО ВЫХОД! – произнесла она голосом, обертоны которого проникали прямо в подсознание. – ЕСЛИ ЕЕ НЕ ПРИТОРМОЗИТЬ, ДЕТЕЙ СКОРО НЕЧЕМУ БУДЕТ УЧИТЬ! ОНА И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ СОВЕРШАЕТ МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО И ВСЯКО ЗАСЛУЖИВАЕТ УВЕЛИЧЕНИЯ ЖАЛОВАНЬЯ.

Затем Сьюзен откинулась на спинку стула, снова щелкнула пальцами и принялась наблюдать, как слова укладываются в лобных долях мозга ее начальницы. Губы мадам Фрукт безмолвно двигались в такт.

– Да, конечно, – наконец пробормотала она вслух. – Ты очень напряженно работала и... и... – Существуют области, в которые не может проникнуть даже самый сверхъестественный глас, и как раз одна из таких областей в мозгу директрисы заведовала повышением жалованья. – ...Мы подумаем над тем, чтобы повисить вам жалованье. Чуть-чуть. Через пару-другую месяцев.

Сьюзен вернулась в класс и посвятила оставшуюся часть дня совершению маленьких чудес, а именно – вычищению клея из волос Богатейи, выливанию мочи из башмаков Билли и краткому посещению всем классом Четырехиксового континента.

Когда родители пришли за детьми, весь класс размахивал листками с карандашными изображениями кенгуру, и Сьюзен оставалось только надеяться на то, что красная пыль – в случае Билли красная грязь, поскольку он так и не научился вовремя отпрашиваться – на детских башмаках останется незамеченной. Но скорее всего, так и будет. Не только в клубе «Фигли-с» взрослые не замечают того, что, согласно их представлениям, никак не может существовать.

Она откинулась на спинку своего стула.

Было что-то приятное в пустой классной комнате. Впрочем, как заметил бы любой учитель, самым приятным в ней было то, что тут сейчас не было детей. А в частности, Джейсона.

Но парты и стеллажи свидетельствовали о том, что семестр прошел незря. Стены были увешаны рисунками, которые демонстрировали правильное использование перспективы и цвета. Из картонных коробок ученики построили модель белой лошади в натуральную величину и в процессе этого многое узнали о лошадях, а Сьюзен, в свою очередь, многое узнала о невероятной наблюдательности Джейсона. Ей даже пришлось отобрать у него картонную трубку и объяснить, что нет, это правильная

лошадь, а не та, что он некогда видел на лугу.

День выдался долгим и трудным. Сьюзен подняла крышку своего стола и достала том «Гримуарных сказок». Попутно она сдвинула рукой какие-то бумаги, под которыми обнаружилась картонная коробочка, украшенная черно-золотистыми узорами.

Это был небольшой подарок от родителей Винсента.

Она долго смотрела на коробку.

Каждый день ей приходилось проходить через *это*. Просто смешно. Было бы понятно, если бы Хиггс и Микинс делали особо хороший шоколад, а так – обычные конфеты из масла, сахара и...

Она пошарила внутри коробки среди унылых фантиков из коричневой бумаги и достала конфету. В конце концов, имеет она право съесть хоть одну конфетку?

Положила ее в рот.

Проклятье, *проклятье*, проклятье! Внутри была нуга. Всего одна конфетка в день, а внутри эта треклятая искусственная розово-белая липкая поганая *нуга*!

Нет, эта конфета не в счет ^[10]. И никто ее, Сьюзен, не осудит, если она возьмет еще одну кон...

Та ее часть, которая была учительницей и, соответственно, имела глаза на затылке, заметила какое-то движение. Она резко обернулась.

– Никакой беготни с косами!

Смерть Крыс, вприпрыжку бегущий вдоль таблицы природоведения, замер на месте и виновато посмотрел на нее.

– ПИСК?

– И не вздумай залезать в Классный Шкаф, – машинально предупредила Сьюзен.

Она захлопнула крышку стола.

– ПИСК!

– Нет, хотел. Я слышала, как ты *думал* об этом.

Со Смертью Крыс было нетрудно справиться. Главное – воспринимать его как очень маленького Джейсона.

Классный Шкаф! Он был местом самых великих битв в истории класса, а также домом для игр. Право собственности на этот дом обычно определялось без вмешательства Сьюзен; ей достаточно было держать наготове мазь от синяков и платки для соплей, а также выражать легкую симпатию проигравшим, ведь борьба за Классный Шкаф была войной на истощение. В нем хранились банки с сухими красками, пачки бумаги,

коробки с цветными карандашами и некоторые более своеобразные предметы, такие как запасные штаны для Билли, который на самом деле честно старался изо всех сил. Также там хранились Ножницы, которые, в соответствии с классными правилами, считались чуть ли не Машиной Страшного Суда и, конечно, коробки со звездами. Право открывать шкаф имела только Сьюзен и, как правило, Винсент. Несмотря на все старания Сьюзен (разумеется, к жульничеству она не прибегала), Винсент всегда был «лучшим по всем предметам» и каждый день удостаивался великой чести, которая заключалась в том, что он подходил к шкафу, доставал из него карандаши и раздавал их ученикам. Для всех прочих, особенно для Джейсона, Классный Шкаф оставался таинственным волшебным царством, куда следовало проникнуть при первой же возможности.

«Честно говоря, – подумала Сьюзен, – главное, чтобы ты могла не подпустить никого к Классному Шкафу, перехитрить Джейсона и сохранить жизнь классному питомцу до конца семестра, и все, ты уже наполовину учительница».

Она расписалась в журнале, полила чахлые растения на подоконнике, сходила к живой изгороди за свежими ветками для палочников, которые заменили покойного хомячка Генри (и были выбраны потому, что крайне сложно определить, мертвы они или нет), убрала разбросанные карандаши и окинула взглядом пустые маленькие стульчики. Иногда ее немного беспокоило то, что почти все знакомые ей люди были не больше метра ростом.

Она так и не смогла понять, стоит ли доверять дедушке в подобных ситуациях. Все дело было в Правилах. Он не имел права вмешиваться, но знал ее слабости, всегда мог заинтриговать, завести и выпустить во внешний мир...

«*Такой же, как я*». О да, он умел пробудить в ней интерес.

«*Такой же, как я*. В мире внезапно появились крайне опасные часы, и мне вдруг сообщили, что существует некто *такой же, как я*».

«*Такой же, как я*. Только не совсем такой. Я, по крайней мере, знаю, кем были мои родители». Она выслушала рассказ Смерти о высокой темноволосой женщине, которая, обливаясь слезами, бродила из комнаты в комнату по своему бескрайнему замку из стекла и скучала по сыну, которого родила, которого могла видеть каждый день и к которому не могла прикоснуться...

Так с чего же *начать*?

Тик

Лобсанг многое узнал. К примеру, то, что у каждой комнаты есть, по крайней мере, четыре угла. И то, что метельщики приступают к работе, когда небо становится настолько светлым, чтобы можно было разглядеть пыль, и продолжают работать до самого заката.

Как учитель, Лю-Цзе был достаточно добр к нему. Всегда обращал его внимание на те места, которые Лобсанг пропустил.

Пережив свой первоначальный гнев, а потом насмешки бывших одноклассников, Лобсанг начал находить определенную прелесть в работе метельщика. Дни плыли мимо, подгоняемые взмахами метлы...

...Пока что-то не щелкнуло у него в голове – так громко, что щелчок как будто прозвучал наяву. Тогда-то он и решил, что с него довольно. Закончив подметать свою часть коридора, он подошел к Лю-Цзе, сонно перемещавшемуся с метлой по террасе.

– Эй, метельщик?

– Да, отрок?

– Что ты пытаешься мне внушить?

– Прошу прощения?

– Я вовсе не собирался становиться... метельщиком! Ты ведь сам Лю-Цзе! Я хотел стать учеником... как бы героя!

– Правда? – Лю-Цзе поскреб свою бороденку. – Ну и ну. Вот проклятье. Кажется, я понимаю, в чем проблема. Нужно ж было раньше сказать... Почему же ты молчал? Я ведь больше не занимаюсь подобными вещами.

– Не занимаешься?

– Все эти игры с историей, беготня, людские треволнения... Не хочу. Честно говоря, я и не был никогда уверен, что именно этим мы должны заниматься. Лично меня вполне устраивает работа метельщика. Есть что-то... *настоящее* в добротных чистых полах.

– Это испытание, да? – холодно осведомился Лобсанг.

– Конечно.

– В смысле, я-то знаю, как оно все делается. Учитель заставляет ученика выполнять самую грязную работу, а потом оказывается, что на самом деле ученик получил драгоценные знания... Но мне кажется, что я никаких знаний не получил и ничего не узнал. За исключением того, что люди, как правило, весьма неаккуратны и бесцеремонны.

– Тем не менее неплохой урок, – ответил Лю-Цзе. – Разве не написано: «Тяжелая работа еще никому не вредила»?

– И где это все написано, а, Лю-Цзе?! – рявкнул окончательно

выведенный из себя Лобсанг.

Метельщик мгновенно повеселел.

– А, – молвил он. – Кажется, ученик готов к учебе. Что ж, если ты не хочешь познать Путь Метельщика, быть может, тебя устроит Путь госпожи Космопилит?

– Кого?

– Мы отлично все подмели. Пойдем-ка в сад. Ибо разве не написано: «Бывать на свежем воздухе весьма полезно для здоровья»?

– Что, правда так и написано? – уточнил совершенно сбитый с толку Лобсанг.

Лю-Цзе достал из кармана маленький потрепанный блокнот.

– Вот здесь. Написано, – сказал он. – Уж я-то знаю.

Тик

Лю-Цзе терпеливо устанавливал крошечное зеркальце так, чтобы лучи солнца лучше освещали горы-бонсай. Он что-то едва слышно напевал.

Лобсанг сидел, скрестив ноги, на каменных плитах и осторожно перелистывал страницы древнего блокнота, испещренные выцветшими чернильными надписями. «Путь госпожи Космопилит».

– Ну как? – спросил Лю-Цзе.

– В этом Пути есть ответы почти на все вопросы, да?

– Да.

– В таком случае... – Лобсанг кивнул на крошечный, слабо курившийся вулкан. – Почему он работает? Он же стоит на блюдце!

Лю-Цзе уставился прямо перед собой и зашевелил губами.

– Кажется, страница семьдесят шесть, – сообщил он.

Лобсанг открыл нужную страницу.

– Потому, – прочел он.

– Хороший ответ, – сказал Лю-Цзе, осторожно глядя крошечный отрог кисточкой из верблюжьей шерсти.

– Просто «потому»? Без каких-либо объяснений?

– Объяснений? А как можно объяснить существование горы? Пройдут годы, и ты узнаешь, что все ответы в итоге сводятся к простому «потому».

Лобсанг ничего не ответил. С «Книгой Пути» у него возникли определенные проблемы. Ему хотелось сказать примерно следующее: «Лю-Цзе, все написанное здесь похоже на высказывания какой-то старухи. Старухи примерно такое обычно и говорят. Ну что это за коан: “Не ковыряй, будет только хуже”? Или: “Если съешь все, у тебя будут кудрявые

волосы”? Или: “Все приходит к тому, кто умеет ждать”? Такие изречения обычно вылетают из страждественских хлопущек!»

– Правда? – спросил Лю-Цзе, не отрывая взгляда от горы.

– Я ничего не говорил.

– О, значит, мне показалось. Скучаешь по Анк-Морпорку?

– Да. Там меня не заставляли подметать полы.

– Ты был хорошим вором?

– Я был фантастически хорошим вором.

Ветер принес аромат цветов вишни. «Как приятно было бы, – подумал Лю-Цзе, – хотя бы разок поесть спелых вишен».

– Мне приходилось бывать в Анк-Морпорке, – сообщил он, выпрямившись и переходя к следующей горе. – Ты видел людей, что иногда приходят сюда?

– Да, – ответил Лобсанг. – Все смеются над ними.

– Правда? – Лю-Цзе удивленно поднял бровь. – Пусть даже они прошли тысячи и тысячи миль в поисках истины?

– Но разве Когд не говорил, что если истина существует где-либо, значит, она существует везде? – пожал плечами Лобсанг.

– Молодец. Я вижу, кое-чему ты уже научился. А вот мне некогда казалось, – как и почти всем, кстати, – что мудрость можно обрести только вдали от дома. Поэтому я отправился в Анк-Морпорк. Все стремились попасть туда, вот и я направился в этот город.

– В поисках *просветления*?

– О нет. Мудрец не ищет просветления, он ждет, когда оно само снизойдет на него. Я стал ждать, а потом вдруг подумал: будет ведь куда интереснее отправиться на поиски недоумения, – сказал Лю-Цзе. – В конце концов, просветление начинается именно там, где кончается недоумение. И я действительно обрел недоумение. А вместе с ним определенное просветление. Я провел в городе всего пять минут, когда группа людей в темном переулке попыталась просветить меня, сколь малым я на самом деле обладаю. Это был весьма ценный урок о тщете всего сущего.

– Но почему именно Анк-Морпорк? – спросил Лобсанг.

– Загляни в конец книги, – посоветовал Лю-Цзе. Лобсанг обнаружил пожелтевший, рассыпающийся в руках клочок бумаги. Развернул его.

– Это же страница из «Ещегодника», – узнал юноша. – Он весьма популярен в Анк-Морпорке.

– Да. Его оставил здесь, в монастыре, некий искатель мудрости.

– Э... Тут напечатаны только фазы луны.

– Переверни страницу, – велел метельщик. Лобсанг перевернул ее.

– А на этой стороне реклама Гильдии Купцов, – удивился он. – «В Анк-Морпорке есть все!» – Он посмотрел на улыбавшегося Лю-Цзе. – И ты... ты подумал, что...

– Да, я старый и простой, – сказал метельщик. – А ты молодой и сложный. Но разве Когд не видел предзнаменования в узорах каши или полете птиц? Он читал то, что *написано*. Я хочу сказать, что полет птиц весьма сложен, но из него можно сложить *слова*. И, проведя целую жизнь в поисках, я наконец увидел начало Пути. *Моего* Пути.

– И проделал весь путь до Анк-Морпорка... – едва слышно произнес Лобсанг.

– И оказался я, спокойный разумом, но начисто лишенный денег, на улице Щеботанской, – сказал метельщик, и губы его тронула улыбка, вызванная нахлынувшими воспоминаниями. – И заметил я вывеску в окне, что сдаются комнаты. Так я познакомился с госпожой Космопилит, которая открыла дверь на мой стук и, когда я замялся, не зная, на каком языке к ней обратиться, произнесла: «Знаешь, я тут весь день торчать не могу». Почти дословно одно из изречений Когда! И я мгновенно понял, что наконец нашел искомое! Днем я мыл посуду в одной столовой за двадцать пенсов в день и объедки, а по вечерам помогал госпоже Космопилит убирать дом и внимательно слушал все, что она говорила. Она была прирожденной метельщицей, обладавшей хорошим чувством ритма и совершенно бездонной мудростью. Буквально через два дня она повторила слова, которые были произнесены Когдом, вдруг понявшим истинную природу времени! Я попросил снизить плату за жилье, потому что спал не на кровати, и вдруг услышал в ответ: «Я не вчера родилась, господин Цзе!» Поразительно! Ведь она нигде не могла изучать священное писание!

Лицо Лобсанга было похоже на тщательно выполненный рисунок.

– «Я не вчера родилась»? – переспросил он.

– Да, я понимаю, ты еще послушник и мог не дойти в изучении писаний до этого места, – понимающе произнес Лю-Цзе. – Это случилось, когда он заснул в пещере и во сне ему явилась Время и показала, что вселенная каждую секунду воссоздается заново, а прошлое – это всего лишь воспоминание. Потом он вышел из пещеры в действительно новый мир и воскликнул: «Воистину, я не вчера родился!»

– Да, конечно, – сказал Лобсанг. – Но он имел в виду, что...

– О, госпожа Космопилит... – Взгляд Лю-Цзе затуманился. – Как эта женщина умела поддерживать чистоту! Если бы она работала уборщицей здесь, то просто запретила бы ходить по полам. А ее дом! Какой удивительный дом! Настоящий дворец! Простыни меняла каждую неделю!

А как она умела готовить! Только ради того, чтобы попробовать ее Бобы На Тосте, стоило пожертвовать целым вселенским циклом!

– Гм, – откликнулся Лобсанг.

– Я прожил у нее три месяца, подметал дом, как подобало ученику, а когда вернулся сюда, Путь для меня был абсолютно ясен.

– А эти легенды о тебе...

– Все правда. Почти все. С некоторыми преувеличениями, конечно, но правда.

– А легенда о За-Лунной цитадели, паше и рыбной кости?

– Да, конечно.

– Но как ты проник туда, куда не могли пробраться полдюжины хорошо обученных и вооруженных людей?

– Я был всего-навсего неприметным человечком с метлой, – пожал плечами Лю-Цзе. – У каждого человека в доме есть мусор, который необходимо убрать. И какую опасность может представлять человек с метлой?

– Что? И это все?

– Ну а дальше в ход пошла кулинария. Паша был скверным человеком да к тому же обжорой. Обожал пироги с рыбой.

– И никаких боевых искусств? – спросил Лобсанг.

– Это всегда самое последнее средство. История нуждается в пастухах, а не мясниках.

– И ты владеешь окидоки?

– Набор нелепых прыжков, не более.

– Шиитакэ?

– Если мне захочется сунуть руку в горячий песок, я пойду на пляж.

– Опань-ки?

– Бесплезная трата хороших кирпичей.

– Не-мо-гу?

– Это ты только что придумал.

– Там-пипи?

– Искусство составлять букеты в дурном расположении духа.

– Дежа-фу?

На этот раз реакция последовала. Лю-Цзе удивленно поднял брови.

– Дежа-фу? И до тебя дошли эти слухи? Ха! Никто из здешних монахов не владеет дежа-фу, – фыркнул он. – Об этом я сразу же узнал бы. Послушай меня, мой мальчик, насилие – удел насильников. Почти из всех безвыходных положений можно выйти при помощи самой обычной палки от метлы.

– Почти из всех? – уточнил Лобсанг, не скрывая сарказма.

– О, *понятно*. Желаешь встретиться со мной в до-дзё? Ведь как гласит древняя истина: когда ученик побеждает учителя, не остается ничего такого, чего не мог бы сказать ему учитель, ибо обучение закончилось. Хочешь получить урок?

– Ага! Я *знал*, что мы все-таки доберемся до уроков!

Лю-Цзе выпрямился.

– Почему ты? – спросил он. – Почему здесь? Почему сейчас? «Для всего есть время и место». Почему в этом месте и в это время? Если я соглашусь пойти с тобой в додзё, ты вернешь мне то, что украл. И немедленно!

Он опустил глаза на тиковый столик, за которым работал над своими горами.

Крошечная лопатка лежала на месте. Несколько вишневых лепестков плавно опустилось на землю.

– Понятно, – сказал он. – Ты настолько проворен? Я ничего не заметил. Лобсанг промолчал.

– Это мелкая, ничего не стоящая вещь, – продолжал Лю-Цзе. – Зачем ты ее взял?

– Чтобы проверить, получится или нет. Мне было скучно.

– А, *понятно*. Что ж, посмотрим, сможем ли мы сделать твою жизнь более интересной. Ты очень быстро режешь время, неудивительно, что тебе становится скучно.

Лю-Цзе покрутил в руках маленькую лопатку.

– Очень быстро... – повторился он, наклонился и сдул лепестки с крошечного ледника. – Ты нарезаешь время так же быстро, как будто у тебя десятый дым. А ведь ты почти не учился. Наверное, ты был великим вором! А теперь... мне придется сразиться с тобой в додзё...

– Нет, в этом вовсе нет никакой необходимости! – воскликнул Лобсанг, потому что Лю-Цзе выглядел испуганным и униженным, он даже как будто стал ниже ростом.

– Я настаиваю, – промолвил старик. – Покончим с этим немедленно. Ибо начертано: «Нет времени, кроме настоящего», и госпожа Космопилит понимала это, как никто другой.

Он вздохнул и поднял взгляд на гигантскую статую Когда.

– Посмотри на него. Он тоже был юношей, верно? Пребывал в постоянном экстазе от вселенной. Рассматривал прошлое и будущее как единое живое существо, писал «Книги Истории», рассказывая, как должен развиваться сюжет. И ни разу в жизни не поднял руку на другого человека.

– Послушай, я правда не хотел...

– А другие статуи ты разглядывал? – спросил Лю-Цзе, как будто забыв о додзё.

Лобсанг встревоженно поднял глаза и посмотрел туда, куда смотрел метельщик. На высокой каменной площадке вдоль всего сада стояли сотни небольших статуй, в основном вырезанных из дерева, и все они были раскрашены в кричащие цвета. У некоторых фигур было больше глаз, чем ног, больше хвостов, чем зубов; другие представляли собой чудовищное слияние рыбы, кальмара, тигра и пастернака; ну а в целом все существа выглядели так, словно создатель мира опрокинул ящик с запасными частями, а потом наобум соединил их вместе и выкрасил розовой, оранжевой, лиловой и золотой краской. Взгляды всех фигур были устремлены на долину.

– А, дланги... – отозвался Лобсанг.

– Демоны? Да, иногда их так называют, – кивнул метельщик. – А настоятель кличет их Врагами Разума. Знаешь, Когд посвятил им целый свиток. Назвал вот *этого* самым мерзким.

Он показал на небольшую серую фигуру в плаще с капюшоном, которая смотрелась довольно-таки неуместно на этом празднике дичайших крайностей.

– Выглядит не слишком опасной, – заметил Лобсанг. – Послушай, метельщик, я вовсе не хочу...

– Не выглядящие опасными существа могут оказаться крайне опасными, – перебил Лю-Цзе. – И опасны они именно потому, что совсем не похожи на опасных. Ибо написано: «Нельзя судить книгу по обложке».

– Лю-Цзе, я действительно не хочу драться с тобой...

– О, наставники обещают, что боевые искусства научат тебя нарезать время, и это в принципе соответствует действительности, – продолжал Лю-Цзе, не обращая внимания на его слова. – Но возможно, ты уже заметил, что такого же результата можно добиться, просто подметая полы. «Главное – подгадать идеальный момент», – говорил Когд. Просто люди предпочитают использовать этот самый момент, чтобы врезать своему противнику по шее. Желательно ногой и сзади.

– Но это не было вызовом. Я просто хотел, чтобы ты показал мне...

– И я покажу. Пошли. Я заключил соглашение и должен сдержать свое слово, вот ведь старый дурак!

Ближайшим оказалось додзё Десятого Дъима. Там не было никого, за исключением двоих монахов, которые танцевали друг перед другом, заворачиваясь во время и расплываясь в воздухе.

Лобсанг знал, что Лю-Цзе прав. Время – это средство. Ты можешь научиться ускорять или замедлять его, именно поэтому монахи могли ходить сквозь толпу так, что их никто не видел. А еще монахи могли застыть на пару секунд, чтобы полюбоваться, как солнце и луна гоняются друг за другом по мерцающему небу. Монахи умели уложить целый день медитаций в одну минуту. Здесь, в долине, день длился вечно. Цветы никогда не становились вишнями.

Размытые от быстроты движений фигуры монахов замерли в ожидании, когда вошел Лю-Цзе. Он поклонился.

– Я прошу разрешения использовать додзё, чтобы ученик проучил меня за старческое безрассудство, – сказал он. – Это много времени не займет.

– Я правда не хотел... – начал было Лобсанг, но Лю-Цзе ткнул его локтем под ребра.

Монахи смотрели на старика встревоженными взглядами.

– Додзё в твоём распоряжении, Лю-Цзе, – наконец промолвил один из них.

Оглядываясь на маленькую фигурку метельщика, спотыкаясь и путаясь в собственных ногах, монахи поспешили к выходу.

– Итак, здесь нам предстоит научиться, что есть время и как им управлять, – провозгласил Лю-Цзе, провожая монахов взглядом. – И боевые искусства помогут нам в этом. На большее они не способны. По крайней мере, именно ради этого они и были придуманы. Даже в реальном мире хорошо тренированный человек способен постичь в пылу боя, какой гибкостью на самом деле обладает время. Здесь же все основано только на этом. Мы можем сжимать время. Растягивать время. Останавливать мгновение. Выбивание почек через ноздри является не более чем нелепым побочным эффектом.

Лю-Цзе взял со стойки острый как бритва меч пикка и передал его шокированному юноше.

– Приходилось видеть такие, а? Он, конечно, не для послушников, но ты способный ученик.

– Приходилось, метельщик, вот только...

– Умеешь им пользоваться?

– Я неплохо владею тренировочными мечами, но они сделаны из...

– Возьми меч и нападай на меня. Послышался какой-то шум наверху. Лобсанг поднял взгляд и увидел монахов, поспешно рассаживающихся на галерее для зрителей. Среди них было и несколько больших наставников. В маленьком мире долины новости распространялись быстро.

– Правило Второе, – сказал Лю-Цзе. – Никогда не отказывайся от оружия. – Он отступил на несколько шагов. – Как только будешь готов, отрок.

Лобсанг неуверенно взмахнул изогнутым мечом.

– Ну? – осведомился Лю-Цзе.

– Но я же не могу просто...

– Это ведь додзё Десятого Дьима? – вдруг вспомнил Лю-Цзе. – Боги милостивые, кажется, да. Это означает, что здесь нет правил. Разрешено все, любое оружие, любая стратегия. Ты понимаешь? Или ты полный глупец?

– Но я не могу убить человека только потому, что меня об этом *попросили!*

– Почему же? Куда подевались твои хорошие манеры?

– Но...

– У тебя в руках смертельное оружие! Ты стоишь перед безоружным человеком, принявшим позу повиновения! И боишься?

– Да! Боюсь!

– Хорошо. Это Правило Номер Три, – сказал Лю-Цзе спокойным голосом. – Видишь, как много ты уже узнал. Я стер улыбку с твоего лица, не так ли? Ладно, положи меч на место и возьми... Да, возьми палку дакка. Ею ты сможешь лишь немного повредить мои старые кости.

– Я предпочел бы, чтобы на тебе был защитный костюм...

– Ты так хорошо владеешь палкой?

– Я очень проворен...

– В таком случае, если ты не начнешь драться немедленно, я отберу у тебя палку и сломаю ее о твою голову, – пригрозил Лю-Цзе, отходя на шаг назад. – Готов? Мне говорили, что единственная защита – это нападение.

Лю-Цзе скрестил руки на груди, а когда Лобсанг, пританцовывая, направился к нему, закрыл глаза и улыбнулся.

Лобсанг поднял палку.

И замер.

Лю-Цзе улыбался.

Правило Второе, Правило Третье... А куда подевалось Правило Первое?

Всегда помни Правило Номер Один...

– Лю-Цзе!

В дверях появился главный прислужник настоятеля, запыхавшийся и отчаянно махавший руками.

Лю-Цзе открыл один глаз, потом – второй и подмигнул Лобсангу.

– Чудом избежал смерти, да? – спросил он и повернулся к прислужнику. – Да, просветленный господин?

– Ты должен немедленно прийти! И все монахи, которые очищены для путешествия во внешний мир! В зал Мандалы! Немедленно!

Со стороны галереи донеслось шарканье ног – несколько монахов пробивались сквозь толпу.

– А, оживление, – промолвил Лю-Цзе, взял палку из безвольных рук Лобсанга и поставил ее на место.

Зал быстро пустел. По всему Ой-Донгу разносился звук гонга.

– Что происходит? – спросил Лобсанг, когда мимо пробежали последние монахи.

– Полагаю, скоро нас поставят в известность, – промолвил Лю-Цзе и принялся скручивать самокрутку.

– Может быть, стоит поторопиться? Все убежали! – Топот сандалий уже стихал в дали.

– Кажется, никакого пожара нет, – спокойным тоном произнес Лю-Цзе. – Кроме того, если мы подождем еще немного, то, когда придем туда, все уже перестанут драть глотки и начнут говорить осмысленно. Предлагаю выбрать тропу Часов. В это время дня оттуда открывается особо прекрасный вид.

– Но... Но...

– Ибо написано: «Прежде чем бежать, научись сначала ходить», – пояснил Лю-Цзе, вскидывая на плечо метлу.

– Опять госпожа Космопилит?

– Поразительная женщина. И работающая, аки тысяча демонов.

Тропа Часов огибала основной комплекс монастыря, поднимаясь по террасам садика, а затем соединялась с более широкой дорогой у самого входа в пробитый в склоне тоннель. Послушники постоянно спрашивали, почему она называлась тропой Часов, ведь никаких часов там не было.

Снова слышались удары в гонг, но они были приглушены густой растительностью. Лобсанг слышал топот ног по главной дороге. А здесь едва слышно щебетали перелетавшие с цветка на цветок птицы, которым было совершенно наплевать на людские проблемы.

– Интересно, который сейчас час, – сказал шагавший впереди Лю-Цзе.

Все вокруг – испытание. Лобсанг бросил взгляд на клумбу.

– Четверть десятого, – ответил он.

– О? И как же ты определил?

– Полевые коготки распустились, красные песчанки распускаются, лиловые плющовники закрылись, а желтые козьебороды закрываются, –

отрапортовал Лобсанг.

– Ты разобрался в цветочных часах самостоятельно?

– Да, это элементарно.

– Правда? А в котором часу распускается белый водолильник?

– В шесть часов утра.

– Ты приходил сюда, чтобы посмотреть?

– Да. Этот сад ведь разбил ты?

– Ага, одно из моих скромных... достижений.

– Здесь очень красиво.

– В предрассветные часы эти клумбы не отличаются точностью. В нашей местности мало растений, которые распускаются ночью. А зато для мотыльков они...

– Времени бы понравился такой способ измерения, – сказал Лобсанг.

– Правда? Впрочем, я не эксперт, – пожал плечами Лю-Цзе, загасил самокрутку пальцами и сунул ее за ухо. – Ладно, пошли. Все недоразумения, наверное, уже выяснены. Тебе не страшно снова оказаться в зале Мандалы?

– Нет, все будет в порядке. Я просто... забыл о том, что там случилось.

– Правда? Но и раньше ты никогда там не бывал. Впрочем, время частенько подшучивает над всеми нами. Знаешь, однажды... – Лю-Цзе замолчал и уставился на ученика. – С тобой все в порядке? Ты побледнел.

Лобсанг поморщился и покачал головой.

– Происходит... что-то странное. – Он махнул рукой в сторону низины, протянувшейся бескрайним зелено-серым полем до самого горизонта. – Где-то там...

Стеклянные часы. Огромный стеклянный дом и там, где их быть не должно, стеклянные часы. Они едва заметны – представляют собой лишь мерцающие в воздухе контуры, как будто на блестящую поверхность без самой поверхности поймали искорку света.

Все здесь было прозрачным – изящные кресла, столы, вазы с цветами. И вдруг он понял, что слово «стеклянный» не подходит к этому дому. Материал был похож на хрусталь или лед – тонкий безупречный лед, который появляется после внезапных сильных холодов. Были заметны лишь кромки всех предметов.

Сквозь далекие прозрачные стены проступали лестницы. Вверх, вниз и во все стороны уходили бесконечные стеклянные комнаты. И тем не менее место казалось ему знакомым. Он чувствовал себя как дома.

Звуки заполняли стеклянные залы. Разносились чистыми резкими нотами, похожими на гудение, которое издает бокал, если провести по его

ободку мокрым пальцем. Было заметно движение – дымка за прозрачными стенами, колеблющаяся, переменчивая, дрожащая... наблюдающая за ним...

– Что там может происходить? И что именно показалось тебе странным? – услышал он голос Лю-Цзе.

Лобсанг растерянно заморгал. Да нет, вовсе не то, а *это* странное место, суровый и неприветливый мир...

А потом данное чувство ослабело и бесследно пропало.

– Да так, просто. Показалось буквально на мгновение, – пробормотал он.

Почувствовал, что щеки стали влажными. Поднял руку и коснулся их пальцами.

– Всегда говорил: все беды от прогорклого ячьего масла, которое кладут в чай, – покачал головой Лю-Цзе. – Госпожа Космопилит никогда... Так, а вот это действительно странно, – добавил он, вскидывая голову.

– Что? Что? – Лобсанг тупо посмотрел на влажные пальцы, потом поднял глаза на безоблачное небо.

– Какой-то Ингибитор пошел вразнос. – Лю-Цзе сделал еще несколько шагов. – Неужели не чувствуешь?

– Я ничего не слышу! – удивился Лобсанг.

– Надо не слышать, а чувствовать. Ногами, сквозь сандалии. Упс, еще один... И еще. Не чувствуешь? Последний – это старина Шестьдесят Шестой. Его так и не смогли нормально отбалансировать. Услышим буквально через минуту... Ну и ну. Посмотри на цветы. Ты только посмотри на цветы!

Лобсанг обернулся.

Распускались бутоны ледянушек. А цветы полевого осота закрывались.

– Утечка времени, – пояснил Лю-Цзе. – Уж можешь мне поверить! Теперь слышишь? Они как попало сбрасывают время! Бежим!

Как гласит Второй Список Когда Вечно Изумленного, и выпилил Когд Вечно Изумленный первого Ингибитора из ствола дерева вамвам, и вырезал на нем должные символы, и установил бронзовый шпindel, и позвал к себе тогда ученика Удурка.

– Очень красиво, о учитель, – сказал Удурок. – Молитвенное колесо, да?

– Нет, все гораздо проще, – ответил Когд. – Эта вещь хранит и перемещает время.

– Всего-то?

– И сейчас я ее проверю, – молвил Когд и повернул Ингибитор на пол-оборота.

– Очень красиво, о учитель, – сказал Удурок. – Молитвенное колесо, да?

– Нет, все гораздо проще, – ответил Когд. – Эта вещь хранит и перемещает время.

– Всего-то?

– И сейчас я ее проверю, – молвил Когд и на сей раз повернул Ингибитор чуть меньше.

– Всего-то?

– И сейчас я ее проверю, – молвил Когд, и на сей раз он осторожно подвигал Ингибитор взад-вперед.

– Все-все-все... Всего-го-го-го-то-то, то-то? – спросил Удурок.

– И я ее проверил, – заключил Когд.

– И что, работает, о учитель?

– Думаю, да. – Когд поднялся. – Дай мне веревку, которой ты перевязываешь хворост. И... да, косточку от одной из вишен, которые ты собирал вчера.

Он обмотал потрепанной веревкой цилиндр, а косточку бросил на клочок земли. Удурок торопливо отскочил в сторону.

– Видишь те горы? – спросил Когд, дернув веревку.

Цилиндр закрутился и, набрав скорость, едва слышно загудел.

– Да, о учитель, – послушно произнес Удурок.

Здесь практически ничего не было, кроме гор. Которых было так много, что иногда их было весьма непросто увидеть, ведь они загораживали друг друга.

– Сколько времени нужно камню? – спросил Когд. – Или глубокому морю? Мы переместим время туда, – он поднес левую руку к вращающемуся цилиндру, – где оно востребовано.

Когд посмотрел на вишневую косточку. Пошевелил губами, словно пытаясь решить особо трудную задачу. Потом указал правой рукой на косточку.

– Отойди, – велел он и осторожно коснулся пальцем цилиндра.

Никаких звуков не было, кроме треска раздвинувшегося воздуха и шипения вырвавшегося из земли пара.

Когд посмотрел на молодое деревце и улыбнулся.

– Я же велел тебе отойти, – покачал головой он.

– Учитель, можно, я отсюда слезу? – донесся голос из цветущих

ветвей.

– Только осторожно, – сказал Когд и тяжело вздохнул, когда Удурок рухнул на землю в облаке белых лепестков.

– Здесь всегда будут цвести вишни, – изрек он.

Лю-Цзе, подобрав полы халата, мчался вниз по тропе. Лобсанг бежал следом. Ему казалось, что скалы издают какой-то необычный высокий вой. Метельщик обогнул пруд с карпами, на поверхности которого появились странные волны, и кинулся по тенистой узкой тропе вдоль ручья. В панике взлетела стая красных ибисов...

Лю-Цзе вдруг остановился и упал на каменные плиты.

– Ложись!

Но Лобсанг уже нырнул вперед. Он услышал, как что-то пролетело над его головой с заунывным звуком, обернулся и увидел, как закувыркался в воздухе, теряя перья и сокращаясь в размерах, последний ибис, окруженный ореолом бледно-голубого света. Птица пронзительно крикнула и с хлопком исчезла.

Но исчезла не совсем. Яйцо еще какое-то время следовало прежней траектории, а потом упало на камни и разбилось.

– Случайное время! Бежим! – закричал Лю-Цзе.

Он вскочил на ноги, подбежал к декоративной решетке, вмурованной в склон, и с поразительной силой вырвал ее из камня.

– Немного высоковато, но постарайся перекатиться вперед, и все будет в порядке, – сказал он, опускаясь в дыру.

– Куда она ведет?

– К Ингибиторам, конечно!

– Но послушникам под страхом ужасной смерти запрещено приближаться к ним!

– Какое совпадение, – хмыкнул Лю-Цзе, цепляясь за край дыры кончиками пальцев. – Потому что именно смерть ждет тебя здесь, если ты останешься.

И он упал в темноту. Через мгновение снизу донеслось совсем не одухотворенное ругательство.

Лобсанг тоже спустился в дыру, повис на кончиках пальцев, разжал руки, упал и, коснувшись ногами дна, послушно кувырнулся.

– Молодец, – похвалил его Лю-Цзе из темноты. – Если сомневаешься, выбирай жизнь. Сюда!

Проход привел их в широкий коридор. Шум стоял оглушительный. Что-то механическое билось в предсмертных муках.

Потом раздался хруст, а затем – оживленные голоса.

Несколько дюжин монахов в толстых пробковых шлемах помимо традиционных ряс выбежали из-за угла. Многие что-то возбужденно кричали. Некоторые, те, что поумнее, предпочитали тратить воздух не на крики, а на то, чтобы бежать быстрее. Лю-Цзе перехватил одного из них, но монах тут же попытался вырваться.

– Отпусти меня!

– Что происходит?

– Просто постарайся унести ноги, пока они *все* не слетели с катушек!

Монах наконец высвободился и поспешил за остальными.

Лю-Цзе наклонился, поднял свалившийся с головы монаха пробковый шлем и торжественно вручил его Лобсангу.

– Соблюдай правила безопасности на рабочем месте, – сказал он. – Это очень важно.

– Он меня правда защитит? – спросил Лобсанг, надевая шлем.

– Вряд ли. Но когда найдут твою голову, тебя хотя бы можно будет опознать. Мы входим в зал. *Ни к чему не прикасайся!*

Лобсанг ожидал увидеть сводчатое величественное нечто. О зале Ингибиторов говорили как о некоем огромном соборе. Но он увидел только клубы синеватого дыма. А ближайший цилиндр заметил только после того, как глаза привыкли к клубящемуся полумраку.

Это была приземистая каменная колонна порядка трех метров диаметром и шесть метров в высоту. Цилиндр вращался так быстро, что очертания его были смазаны. Вокруг в воздухе мерцали серебристо-синие искорки.

– Видишь? Идет выброс! Сюда! Быстрее!

Лобсанг побежал за Лю-Цзе и узрел сотни, нет, тысячи цилиндров. Некоторые из них доходили до самого потолка пещеры.

Здесь еще оставались монахи – металась между колодцами и цилиндрами с ведрами воды, которая мгновенно превращалась в пар, когда ее выливали на дымящиеся каменные подшипники у основания Ингибиторов.

– Идиоты... – пробормотал метельщик, приложил ладони к губам и закричал: – Где-тут-попечитель?

Лобсанг показал на деревянный помост, прикрепленный к стене зала. Там валялся гниющий пробковый шлем и стояла пара поношенных сандалий. Между ними лежала кучка серого праха.

– Бедняга, – посочувствовал Лю-Цзе. – Поймал разряд аж в пятьдесят тысяч лет. – Он яростно воззрился на суетившихся монахов. – Эй, вы, а ну,

быстро сюда! Дважды просить не буду!

Несколько монахов, вытерев глаза от пота, послушно затрусили к помосту. Они явно почувствовали облегчение, услышав хоть какой-то приказ. За их спинами визжали Ингибиторы.

– Итак! – крикнул Лю-Цзе, увидев, что все прочие монахи тоже стекаются к нему. – А теперь слушайте меня! Это просто выбросной каскад! Вы все знаете, что такое периодически случается! Мы сможем с этим справиться! Нужно всего-навсего перекрестно соединить будущее и прошлое! Значит, начинаем с самых близких точек и двигаемся...

– Бедный господин Шобланг уже пытался это сделать, – перебил один из монахов и кивнул на очень грустно выглядящую кучку пепла.

– Значит, мне нужны две команды... – Лю-Цзе замолчал. – Впрочем, нет, у нас нет времени! Как говорится, нам остается лишь положиться на свои подошвы! По одному человеку – к маховикам, чтобы ставить перемычки, когда я скажу! Будьте готовы действовать, когда я начну называть числа!

Лю-Цзе поднялся на помост и окинул взглядом панель с рядами деревянных катушек. Над каждой из них парил синий или красный нимб.

– Ну и дела! Просто беда, – охнул он.

– И что они означают? – спросил Лобсанг. Руки Лю-Цзе нависли над катушками.

– Так. Катушки красного цвета разматывают время, ускоряют его, – пояснил он. – Синие катушки сматывают время, то есть замедляют его. Яркость цвета показывает, насколько быстро они это делают. Вот только сейчас все они вращаются свободно, потому что выброс отрезал их, понятно?

– От чего отрезал?

– От нагрузки. От нашего *мира*. Посмотри-ка туда! – Он махнул рукой в сторону двух длинных стеллажей, тянувшихся вдоль всей стены пещеры. На каждом располагался ряд шарнирных заслонок: один ряд – синих, второй – красных.

– Чем больше становится окрашенных заслонок, тем больше времени сматывается или наматывается?

– Ты просто молодец, отрок! Мы должны поддерживать равновесие! А сделать это можно, только соединив маховики парами, чтобы они сматывали и разматывали время друг с друга. Уравновесили себя сами. Бедняга Шобланг, полагаю, попытался вернуть их в работу, но в случае каскада это невозможно. Следует позволить всему произойти, а уж потом, когда все успокоится, собрать оставшееся. – Он бросил взгляд на катушки,

потом перевел его на толпу монахов. – Начали, ты – сто двадцать восьмую с семнадцатой, а потом сорок пятую с восемьдесят девятой. Пошел.

А ты... пятьсот девяносто шестую с... сейчас глянем... да, с четыреста второй...

– Семьсот девяностая! – закричал Лобсанг, показывая на катушку.

– В чем дело?

– Семьсот девяностая!

– Не говори ерунды. Она по-прежнему разматывается. Сейчас лучше заняться четыреста второй.

– Семьсот девяностая катушка вот-вот начнет наматывать время!

– Она все еще ярко-синяя.

– Она начнет. Я точно знаю. Потому что... – палец послушника нерешительно скользнул над панелью и остановился над катушкой совершенно с другой стороны, – она вращается с такой же скоростью, как эта!

Лю-Цзе присмотрелся.

– Да, недаром написано: «Спустишь-ка я лучше к подножию лестницы!» Они образуют естественную инверсию. – Он, прищурившись, взглянул на Лобсанга. – Слушай, а ты, часом, не чья-то реинкарнация? В этих местах такое частенько случается.

– Вряд ли. Просто я заметил... очевидное.

– Мгновение назад ты понятия не имел, что тут к чему!

– Ну да, а потом присмотрелся и все понял.

– Все понял? *Все* понял? Хорошо. Панель твоя, чудо-отрок. – Лю-Цзе отошел в сторонку.

– Моя? Но я...

– Приступай к работе. Это *приказ*.

На мгновение вокруг Лобсанга возникло едва заметное голубоватое свечение. Лю-Цзе задумчиво на него посмотрел: интересно, в какое количество времени обернулся за эту секунду его ученик? Уж точно хватило, чтобы как следует подумать.

Потом юноша выкрикнул с полдюжины пар чисел. Лю-Цзе повернулся к монахам.

– Поторапливайтесь, ребята. Господин Лобсанг встал у панели! А вы следите за подшипниками!

– Но он всего лишь послушник... – неуверенно произнес один из монахов, однако замолчал и попятился, увидев выражение лица Лю-Цзе. – Конечно, метельщик... Все будет сделано...

Через миг раздался грохот устанавливаемых перемычек. Лобсанг

выкрикнул очередной ряд чисел.

Пока монахи метались от чанов с маслом к цилиндрам и обратно, Лю-Цзе наблюдал за ближайшей колонной. Она по-прежнему вращалась очень быстро, но ему начало казаться, что он уже может различить резные узоры на ее поверхности.

Лобсанг в очередной раз осмотрел панель, перевел взгляд на грохочущие цилиндры, потом – на ряд заслонок.

Лю-Цзе знал: о происходящем никто нигде ничего не писал. Как бы ни старались, этому в классе научить невозможно. Хороший контролер вращения постигал свое ремесло на ощупь, потому что теория была бессильна ему помочь. Он учился *чувствовать* потоки, видеть в рядах Ингибиторов стоки или фонтаны времени. Старина Шобланг был настолько хорош, что незаметно для заскучавших учеников мог забрать из класса пару часов зря растрчиваемого времени и аккуратно переместить его за тысячи миль в напряженно работающую мастерскую.

А этот фокус с яблоком, который он любил показывать послушникам! Он клал яблоко на одну из находившихся рядом с ними колонн и переключал на нее время от одного из маленьких маховиков. На мгновение, прежде чем обратиться в прах, появлялась небольшая рощица раскачивающихся деревьев. «Так будет и с вами, – говорил он ученикам, – если ошибетесь».

Лю-Цзе опустил взгляд на кучку серого праха под останками шлема. Может, именно такой смерти хотел Шобланг...

Визг испытывающего ужасные муки камня заставил его поднять глаза.

– Хорошенько смазывайте подшипники, ленивые дьяволы! – заорал он, пробегая вдоль рядов. – И следите за перекладами! Руки прочь от шпонок! У нас все получается!

Он бежал и не спускал глаз с колонн. Они вращались уже не столь беспорядочно. В их вращении появилась целенаправленность.

– Кажется, отрок, ты побеждаешь! – крикнул он фигуре на помосте.

– Да, но мне никак не удастся их сбалансировать! Слишком много времени намоталось, и его некуда девать!

– Сколько?

– Почти сорок лет!

Лю-Цзе бросил взгляд на заслонки. Сорок лет – возможно, но точно ли...

– Сколько-сколько?

– Сорок! И для них нигде нет места!

– Нет проблем! Отводи их в сторону! Переноси нагрузку! Потом

восстановимся. Сбрасывай!

– Но куда?

– Найди участок моря побольше! – Метельщик показал на примитивную карту мира, нарисованную на стене. – Ты знаешь, как... ты *видишь*, как придать ему правильное вращение и направление?

И снова в воздухе возникло голубоватое свечение.

– Да! Кажется!

– Я так и думал! В общем, действуй!

Лю-Цзе покачал головой. Сорок лет? Его волнуют какие-то *сорок лет*? Какая мелочь! Местные подмастерья сбросили туда уже порядка пятидесяти тысяч лет. В этом и заключалась вся прелесть моря. Оно оставалось большим и мокрым. Всегда было большим и мокрым. Да, возможно, в сети рыбаков начнут попадаться странные усатые рыбы, которые раньше встречались только в виде окаменелостей, но кого волнует, куда подевался какой-то косяк трески?

Звук изменился.

– Что ты делаешь?

– Я нашел пространство на четыреста двадцать второй! Сорок лет поместится! Нет смысла терять время! Я возвращаю его!

Звук снова стал другим.

– Получилось! Уверен, что получилось!

Некоторые большие цилиндры уже начали останавливаться. Лобсанг перемещал ручки на панели с такой быстротой, что ошеломленный Лю-Цзе не успевал следить за ним. Над его головой захлопывались и по очереди теряли окраску заслонки, превращаясь в почерневшее от времени дерево.

Никто не может быть настолько точным.

– Мальчик мой, ты уже перешел на месяцы! На месяцы! – закричал Лю-Цзе. – Давай дальше! А вот уже и дни пошли... дни! Внимательно следи за мной!

Метельщик кинулся в конец зала, туда, где находились Ингибиторы поменьше. Здесь производилась точная настройка времени – цилиндрами из мела, дерева и других недолговечных материалов. К его немалому удивлению, некоторые из них уже замедляли свое вращение.

Он промчался мимо дубовых колонн высотой всего в метр. Но даже Ингибиторы, отсчитывающие время в часах и минутах, постепенно замолкали.

Послышался скрип.

В самом конце прохода меловой цилиндр гремел и раскачивался на подшипниках, как волчок.

Не сводя с него глаз, Лю-Цзе подкрался поближе и вскинул руку... Тишину нарушали только скрип и потрескивание остывающих подшипников.

– Еще немного! – крикнул он. – Он останавливается... Подожди еще немного... Еще...

Меловой Ингибитор размерами не больше катушки с нитками вращался все медленнее, пока наконец не... остановился. На стеллажах захлопнулись две последние заслонки.

Лю-Цзе опустил руку.

– *А теперь... Отключай панель! Никому ни к чему не прикасаться!*

На мгновение в зале воцарилась мертвая тишина. Монахи замерли, затаив дыхание.

Это был момент вне времени – миг идеального равновесия.

Тик

И в этот неподвластный времени момент дух господина Шобланга, который смотрел на происходящее как будто сквозь марлю, воскликнул:

– Это просто невозможно! Ты это видел?

– ВИДЕЛ ЧТО? – уточнила темная фигура за его спиной.

Шобланг обернулся.

– О, – сказал он и добавил с абсолютной уверенностью: – Ты Смерть, да?

– ДА. Я НЕМНОГО ОПОЗДАЛ. И МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ.

Дух, который недавно был известен всем под именем Шобланг, посмотрел на кучку праха, которая представляла собой его мирское пристанище в течение последних шестисот лет.

– Мне тоже, – ответил он. Чуть выждав, он ткнул Смерть под ребра. – Ну?

– ЧТО НУ?

– Мне тоже жаль, что я немного опоздал. Та-да!

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Ну, в смысле... я пытался все исправить и не успел. Смерть кивнул.

– ЭТО Я ПОНЯЛ. НЕПОНЯТНО, ЧТО ТАКОЕ «ТА-ДА».

– Таким образом я обозначал шутку, – сказал Шобланг.

– АГА. КАЖЕТСЯ, Я ТЕПЕРЬ ПОНИМАЮ, ЗАЧЕМ НУЖЕН ЭТОТ ЗВУК. НА САМОМ ДЕЛЕ, ГОСПОДИН ШОБЛАНГ, ОПОЗДАВ, ТЫ ПОСПЕШИЛ. ТА-ДА.

– Пардон?

– УМЕР СЛИШКОМ РАНО, ПРЕЖДЕ СРОКА.
– Вот и мне так показалось!
– ЕСТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ МЫСЛИ, ПОЧЕМУ? ЭТО ВЕДЬ ВЕСЬМА НЕОБЫЧНЫЙ ФАКТ.

– Знаю только, что маховики словно взбесились, а я, видимо, слишком быстро снял нагрузку, когда один из них пошел вразнос, – ответил Шобланг. – Эй, ты только глянь на этого мальчишку. Смотри, как он заставляет этих шельмецов танцевать! Жаль, он не был моим учеником! Да что я несу? Он сам многому мог бы меня научить!

Смерть огляделся.

– КОГО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ?
– Того мальчишку на помосте, видишь?
– БОЮСЬ, Я НИКОГО ТАМ НЕ ВИЖУ.
– Что? Да вон же он торчит! Отчетливо виден, как нос на ли... Ну, только не на твоём лице, конечно...

– Я ВИЖУ, КАК ДВИГАЮТСЯ ЦВЕТНЫЕ ВТУЛКИ...

– А кто, по-твоему, их двигает? Ты же Смерть, верно? Я думал, ты всех видишь!

Смерть уставился на танцующие катушки.

– ВСЕХ... КОГО НУЖНО, – сказал он, не спуская глаз с помоста.
– Гм, – откликнулся Шобланг.
– ДА. ИТАК, НА ЧЕМ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ?
– Слушай, если я, как тебе кажется, поспешил, так, быть может, ты...
– ВСЕ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ОСТАЕТСЯ СЛУЧИВШИМСЯ.
– Это что еще за философия?

– ЕДИНСТВЕННАЯ, КОТОРАЯ РАБОТАЕТ. – Смерть достал жизнеизмеритель и внимательно посмотрел на него. – ВИЖУ, ИЗ-ЗА ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ ТВОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ. У ТЕБЯ ЕСТЬ ГДЕ ОСТАНОВИТЬСЯ?

– Остановиться? Я – покойник! Это тебе не ключи от дома потерять! – рявкнул Шобланг, уже начинавший терять отчетливые очертания.

– А КАК-НИБУДЬ МОЖНО ПРИБЛИЗИТЬ СРОК ТВОЕГО ПЕРЕРОЖДЕНИЯ?

Шобланг исчез.

В этот вневременной момент Смерть повернулся, чтобы еще раз посмотреть на зал маховиков...

Тук

Меловой цилиндр, тихонько поскрипывая, снова начал вращаться.

Потом по очереди пришли в движение дубовые Ингибиторы, принимая на себя возрастающую нагрузку. На сей раз отчаянного визга подшипников не было слышно. Цилиндры вращались медленно, как престарелые балерины, взад и вперед, постепенно компенсируя напряжение, по мере того как миллионы людей во внешнем мире искажали время в соответствии со своими прихотями. Ингибиторы поскрипывали, будто чайный клипер, огибавший мыс Гнева при слабом бризе.

Затем застонали большие каменные колонны, забиравшие себе время, с которым не могли справиться их меньшие собратья. Помимо скрипа возник глухой гул, но он тоже был тихим и управляемым...

Лю-Цзе осторожно опустил руку и выпрямился.

– Изящный, чистый переход, – констатировал он. – Все отлично поработали.

Он повернулся к изумленным запыхавшимся монахам и поманил к себе самого старшего из них. Достал из-за уха помятую самокрутку.

– Итак, Рамбут Рукопут, что, по твоему мнению, это было?

– Э... Ну... Случился выброс, который сорвал...

– Нет, после этого, – перебил его Лю-Цзе, чиркнув спичкой по подошве своей сандалии. – Лично мне кажется, *не* произошло буквально следующее – вы не метались по залу, будто свора куриц с отрубленными головами, а послушник не поднимался на помост и не восстанавливал равновесие, причем уверенно, четко и гладко. Этого не могло произойти, потому что *не могло произойти никогда*. Я прав?

Монахи, работавшие в зале Ингибиторов, не относились к самым великим мыслителям монастыря. Они занимались тем, что чистили, смазывали, разбирали и ремонтировали, выполняя указания стоявшего на помосте человека. Рамбут Рукопут наморщил лоб.

Лю-Цзе вздохнул.

– А произошло, как мне кажется, вот что, – продолжил он, пытаясь помочь монаху. – Вы все, парни, оказались на высоте и напугали меня и этого молодого человека до смерти демонстрацией своего невиданного мастерства. Настоятель будет счастлив до пузырей. Можете быть уверены: на обед получите добавку момо к своей тугпе, если понимаете, что я имею в виду.

Рукопут поднял услышанное по мысленному флагштоку, и к небесам вознеслась молитва. Он улыбнулся.

– Однако, – сказал Лю-Цзе, подойдя ближе и понизив голос, –

вероятно, я очень скоро появлюсь здесь снова – зал нуждается в хорошей уборке, – и если через неделю увижу, что вы продолжаете бездельничать и отсиживать свои задницы... у нас случится серьезный разговор.

Улыбка мигом исчезла.

– Да, метельщик.

– Вы должны проверить все маховики и позаботиться о подшипниках.

– Да, метельщик.

– Кстати, и подметите господина Шобланга.

– Да, метельщик.

– Ну, хорошо тут позабавиться. А нам с молодым Лобсангом пора. Вы много сделали для его образования.

Он взял безвольного Лобсанга за руку и повел по залу мимо длинных рядов вращающихся, гудящих Ингибиторов. Под высоким потолком все еще висел синеватый дым.

– Воистину начертано: «Можно сбить с ног даже перышком», – пробормотал он, когда они шагали к выходу по наклонному тоннелю. – Ты заметил инверсию, прежде чем она произошла. А я зашвырнул бы всех нас на неделю вперед. По меньшей мере.

– Извини, метельщик.

– Извини? Тебе не за что извиняться. Я никак не могу взять в толк, сынок, кто же ты такой. Ты слишком быстро соображаешь. Ты вел себя здесь как утка в воде. Тебе не нужно изучать предметы, на простое знакомство с которыми у всех прочих уходят долгие годы. Старина Шобланг, да перевоплотится он там, где красиво и тепло, – даже он не умел распределить нагрузку до секунды. Именно до секунды. По всему треклятому миру! – Он поежился. – Слушай совет. Никому не рассказывай об этом. Люди могут повести себя странно.

– Да, метельщик.

– И вот еще что, – сказал Лю-Цзе, выходя из пещеры в залитый солнцем сад. – Что это с тобой приключилось прямо перед тем, как Ингибиторы вышли из-под контроля? Ты что-то почувствовал?

– Не знаю точно. Мне просто показалось, что... на мгновение все стало неправильным.

– А раньше такое происходило?

– Не-ет. Но было немного похоже на то, что случилось в зале Мандалы.

– Ладно, об этом тоже никому не говори. Нынешние большие шишки даже понятия не имеют, как работают маховики. Всем сегодня плевать на Ингибиторы. То, что работает исправно, никто никогда не замечает. В

старые времена ты даже монахом не мог стать, если не проработал в зале Ингибиторов ажно шесть месяцев смазчиком, уборщиком и грузчиком. И всем оттого было только лучше! А чему учат сегодня? Послушанию да космической гармонии! В старые времена ты всему обучался на своей шкуре. Быстро узнавал, что если не отпрыгнуть в сторону, услышав крик «Сброс!», то получишь пару лет в самое болезненное место. И нет более совершенной гармонии, нежели вид плавно вращающихся маховиков!

Тропа поднималась к главному храмовому комплексу. Со всех окрестностей в зал Мандалы все еще стекались людские ручейки.

– Ты точно уверен, что сможешь смотреть на нее? – спросил Лю-Цзе.

– Да, метельщик.

– Ну и ладушки. Тебе лучше знать.

Все балконы над залом были забиты монахами, однако Лю-Цзе пробился вперед, вежливо, но твердо используя свою метлу. Старшие монахи толпились у самого края.

Его заметил Ринпо.

– А, метельщик, – сказал он. – Никак не мог оторваться от любимой уборки?

– Маховики вышли из-под контроля и пошли вразнос, – пробормотал Лю-Цзе.

– Понятно, но тебя вызвал сам настоятель, – с укоризной произнес главный прислужник.

– Некогда, давным-давно, – промолвил Лю-Цзе, – мы, все до единого, со всех ног бежали к Ингибиторам, едва слышав удары гонга.

– Да, но...

– БРРбрррбр, – изрек настоятель. Лобсанг поднял взгляд и увидел его сидящим на плечах у главного прислужника. На голове у настоятеля красовался вышитый чепчик, чтобы случайно не простудиться. – Йю-Цзе всегда пьедпочитай пьяктический подход. БРРбрр. – Он пустил немного молочных слюней прямо в ухо прислужника. – Впьочем, я йад, что пьоблема устьянена, Йю-Цзе.

Метельщик поклонился, а настоятель принялся лупить главного прислужника по голове деревянным медведем.

– Истоия повтояется, Йю-Цзе. Бам-бам-БББРРР...

– Стекланные часы? – уточнил Лю-Цзе.

Старшие монахи от удивления даже рты пораскрывали.

– Но как ты догадался? – спросил главный прислужник. – Мы ведь еще не успели перезапустить Мандалу.

– Разве не написано: «Струющаяся вода может многое подсказать»? –

пожал плечами Лю-Цзе. – Всего однажды, насколько мне известно, все маховики вдруг разом вышли из-под контроля. *Все до единого.* Как будто взбесились. Это сдвиг времени. Кто-то снова пытается создать стеклянные часы.

– Но это невозможно! – воскликнул главный прислужник. – Мы уничтожили их, не оставив и следа!

– Ха! Но написано ведь: «Я столько не зелен, сколько похож на капусту»! – рявкнул Лю-Цзе. – Подобное нельзя уничтожить без следа! Что-нибудь обязательно просочится. Слухи. Сны. Рисунки на стенах пещер, еще что-нибудь...

Лобсанг опустил взгляд на пол Мандалы. Монахи толпились вокруг высоких цилиндров в дальнем конце зала. Цилиндры чем-то напоминали Ингибиторы, но только самый маленький из них медленно вращался. Остальные, испещренные символами сверху донизу, оставались неподвижными.

«Хранилище образов», – почему-то подумал он. Именно здесь хранились узоры и образы Мандалы, чтобы их можно было воспроизвести. Сегодняшние узоры – на маленьком цилиндре, образы долгого использования – на больших.

Внизу пульсировала Мандала, пятна разных цветов и обрывки узоров скользили по ее поверхности.

Один из стоявших в дальнем конце зала монахов что-то крикнул, и маленький цилиндр остановился.

Непрерывно перекатывавшиеся разноцветные песчинки замерли.

– Вот так это выглядело двадцать минут назад, – сказал Ринпо. – Видишь сине-белую точку? Потом она стала разрастаться...

– Знакомая картина, – мрачно произнес Лю-Цзе. – Я был здесь, когда это случилось в прошлый раз! Ваше просветлейшество, вели воспроизвести последовательность с прежними Стеклянными Часами! У нас очень мало времени!

– Вряд ли стоит так... – начал было главный прислужник, но мигом замолчал, получив резиновым кирпичом по голове.

– *Хотюпипихотюпипихотюпипи* есьи Йю-Цзе пьав, нам не стоит тейять вьема, господа. Есьи же он ошибается, вьемени у нас хоть отбавьяй, и мы можем чуть-чуть им пожейтвовать. *Пипихотюхотюхотю.*

– Благодарю, настоятель, – кивнул метельщик. Он поднес ладони к губам. – Эй, вы! Второй шпендель, четвертый бинг, примерно в районе девятнадцатой гупы! И шевелитесь!

– Со всем уважением, ваше просветлейшество, не могу не выразить

протест, – сказал главный прислужник. – Мы подготовились к такой чрезвычайной ситуации...

– Я знаю все о подготовке к действиям в чрезвычайных ситуациях, – перебил его Лю-Цзе. – Вечно чего-нибудь да упустишь.

– Вздор! Мы приложили все усилия...

– И как всегда, самую чрезвычайную ситуацию не учли. – Лю-Цзе повернулся к залу и озабоченным монахам. – Готовы? Отлично! Выводите на пол, немедленно! Или мне самому спуститься к вам? Учтите, я *очень* не хочу туда к вам спускаться!

Люди отчаянно закопошились вокруг цилиндров, и на полу под балконом новый узор сменил старый. Линии и цвета были другими, но сине-белая точка занимала центр.

– Смотрите, – сказал Лю-Цзе. – Такая картина возникла меньше чем за десять дней до того, как часы начали бить.

Монахи промолчали. Лю-Цзе невесело улыбнулся.

– А через десять дней...

– Время остановилось, – закончил Лобсанг.

– Можно и так выразиться, – согласился Лю-Цзе. Его лицо почему-то покраснело.

Один из монахов положил руку ему на плечо.

– Все в порядке, метельщик, – промолвил он успокаивающим тоном. – Мы знаем, что ты просто не мог оказаться там вовремя.

– Предполагается, что мы всегда должны оказываться там, где надо, вовремя, – возразил Лю-Цзе. – Проклятье, я стоял у самых дверей, Чарли. Слишком много замков, слишком мало времени...

За его спиной Мандала постепенно возвращалась к измерению настоящего.

– Ты ни в чем не виноват, – повторил монах. Лю-Цзе сбросил с плеча его руку и повернулся к настоятелю, сидевшему на плечах главного прислужника.

– Ваше просветлейшество, я прошу разрешить мне расследовать происшествие и определить причину! – Он постучал себя по носу. – Я чувствую запах! Я ждал такой возможности все эти годы! На сей раз я тебя не подведу!

Воцарилась тишина. Настоятель выдул пузырь.

– Это случится опять в Убервальде, – промолвил Лю-Цзе с нотками мольбы в голосе. – Именно там любят играть с электричеством. Я знаю эту страну как свои пять пальцев! Дай мне пару толковых людей, и мы раздавим беду еще в зародыше!

– Бабабабаба... Это нужно обсудить, Йю-Цзе, но мы бйагодайны тебе за пйедьожение, – ответил настоятель. – Йинпо, всех бдумбдумбдум стайших пойевых монахов собъять в зайе Мойчания чейез пять бабаба минут! Сейчас маховики йаботают бдумбдум гаймонично?

Один из монахов оторвался от изучения свитка, который ему передали.

– Судя по всему, да, ваше просветлейшество.

– Мои поздйавйения упьявьяющему панейю ИКИК!

– Но Шобланг умер, – пробормотал Лю-Цзе. Настоятель разом перестал выдувать пузыри.

– Печайные новости. Наскойко я знаю, он бый твоим дьугом.

– Этого не должно было случиться, – покачал головой метельщик. – Не должно было.

– Собейись, Лю-Цзе. Мы еще поговорим. Икик! – Ударом резиновой обезьяной по уху настоятель направил главного прислужника к выходу.

Остальные монахи тоже начали расходиться по своим делам. Лю-Цзе и Лобсанг остались на балконе, стали наблюдать за пульсирующей Мандалой.

Лю-Цзе откашлялся.

– Видишь маховики в конце зала? – спросил он. – Маленькие записывают узоры за день, из них отбираются самые интересные, и уже они сохраняются на больших.

– Я только что предвспомнил, что ты это скажешь.

– Ну и ну, ну и ну. Какой одаренный отрок. – Лю-Цзе перешел на шепот. – За нами кто-нибудь следит?

Лобсанг огляделся.

– Здесь еще остались люди. Лю-Цзе снова заговорил громко:

– Ты что-нибудь слышал о Великом Крахе?

– Только слухи, метельщик.

– Да, слухов было предостаточно. «День, когда остановилось время» и прочая ерунда. – Лю-Цзе вздохнул. – Знаешь, почти все, чему тебя учили, ложь. Иначе и быть не могло. Есть такая правда, которую сразу и не осознаешь. Ее надо подавать порциями. Ты ведь хорошо ориентируешься в Анк-Морпорке? В Опере приходилось бывать?

– Только отгачивая мастерство карманника, о метельщик.

– А ты когда-нибудь обращал внимание на крошечный театр на другой стороне улицы? Кажется, он называется «Дискум».

– Ну конечно! Помню, как-то раз мы ходили туда. Купили самые дешевые билеты, сидели на земле и кидались орехами на сцену.

– А ты когда-нибудь думал о том несоответствии? Огромный оперный

театр весь в бархате и золоте, с огромным оркестром и крошечный театрик под соломенной крышей, с деревянными декорациями, без кресел, с одним музыкантом, играющим на крамбоне?

– Никогда, – пожал плечами Лобсанг – Такова жизнь.

Лю-Цзе почти улыбнулся.

– Человеческий разум – очень гибкая штука, – сказал он. – Просто поразительно, насколько он способен растягиваться, вбирая в себя нужное ему объяснение. Мы неплохо там потрудились...

– Лю-Цзе?

Сбоку от них возник один из младших прислужников.

– Настоятель желает видеть тебя немедленно. – Он почтительно склонил голову.

– Хорошо, – ответил метельщик и толкнул Лобсанга в бок. – Мы едем в Анк-Морпорк, парень.

– Что? Но ты же просил, чтобы тебя послали в... Лю-Цзе подмигнул ему.

– Ибо начертано: «Никогда не получишь то, что просишь», понятно? Знай, отрок: кроме плинга есть и другие способы заставить дангданга подавиться.

– Правда?

– Да. Очень много плинга. А теперь идем к настоятелю. Сейчас его будут кормить. Хвала богам, твердой пищей. По крайней мере, в кормилице больше нет необходимости. Он стеснялся, девушка стеснялась, ты не знал, куда девать глаза... Ему ведь, с точки зрения умственного развития, девятьсот стукнуло...

– Вероятно, он очень мудр.

– Достаточно мудр, вполне достаточно. Но как я не раз убеждался, возраст и мудрость не всегда находятся в прямой зависимости друг от друга, – промолвил Лю-Цзе, когда они подходили к покоям настоятеля. – Некоторые люди, получив власть, глупеют. Хотя, конечно, к нашему настоятелю это не относится.

Настоятель сидел на высоком стуле. Он только что облил питательной кашей главного прислужника, который улыбался так, как может улыбаться только человек, чья будущая работа напрямую зависит от того, насколько довольным он будет выглядеть, когда у него со лба стекает пюре из пастернака и крыжовника.

Лобсангу показалось, причем не впервые, что атаки настоятеля на этого человека вовсе не случайны. Главный прислужник был весьма неприятной личностью. При встрече с ним у любого нормального человека

появлялось непреодолимое стремление вылить ему на голову что-нибудь липкое или треснуть его резиновым яком, а настоятель был уже в том возрасте, когда человек начинает прислушиваться к сидящему внутри ребенку.

– Ты за мной посылал, ваше просветлейшество, – поклонился Лю-Цзе. Настоятель перевернул миску на грудь главного прислужника.

– Уахахахаха да, Йю-цзе. Скойко тебе сейчас йет?

– Восемьсот, ваше просветлейшество. Но разве это возраст!

– Тем не менее ты пьовел очень много вьемени, путешествуя по мийу. Наскойко я понимаю, ты собийялся уйти на покой и заняться уходом за садом?

– Да, но...

– Но, – настоятель ангельски улыбнулся, – как стаый боевой конь, ты воскьицаешь «ха-ха!», засйышав звук тьюб, да?

– Не думаю, – ответил Лю-Цзе. – Лично я ничего смешного в трубах не вижу.

– Я имею в виду, что тебе не тейпится снова бьоситься в бой. Ты помогай обучать наших агентов в течение дойгих йет, не так йи? Этих вот господ?

Несколько плотных и мускулистых монахов сидели у стены. Они явно готовились к длительному путешествию – облачились в просторную черную одежду, повесили на спины свернутые циновки. Монахи робко поклонились Лю-Цзе, и взгляд их поверх черных полумасок был смущенным.

– Сделал все, что от меня зависело, – подтвердил Лю-Цзе. – Учили их другие люди, я лишь пытался возместить нанесенный ущерб. Лично я никогда не учил их быть ниндзями. – Он толкнул Лобсанга в бок. – Это, ученик, на агатском языке означает «внезапные ветры», – добавил он сценическим шепотом.

– Я намейеваюсь посять их на задание немедьенно. УА! – Настоятель ударил ложкой по стулу. – Это пьиказ, Йю-Цзе. Ты, конечно, йегенда, но сьишком давно ты ею стай. Почему бы тебе не начать вейить в будущее? ИК!

– Понятно, – печальным тоном произнес Лю-Цзе. – Да, когда-нибудь это должно было случиться. Большое спасибо за уважение к возрасту, ваше просветлейшество.

– Бррмбрмм... Йю-Цзе, я давно тебя знаю! Ты не будешь пьибьижаться к Убейвайду бьиче чем на сто мий, договойийись?

– Не договорились, ваше просветлейшество.

– Это пьиказ!

– Понимаю.

– Ты и йяньше не выпойняй *баабаба* мои пьиказы. В Омнии, как мне сейчас помнится.

– Это было тактическое решение, принятое человеком на месте, ваше просветлейшество. Скорее это было *интерпретацией* твоего приказа, – сказал Лю-Цзе.

– Это когда ты отпьявись туда, куда тебе четко и ясно запьетийи ходить, и сдейай то, что дейать было абсойютно запьещено?

– Да, ваше просветлейшество. Иногда, чтобы пилить, нужно нажимать на другой конец пилы. Когда я сделал то, что не должен был делать, там, где не должен был находиться, я добился того, что должно было быть достигнуто в том месте, где это должно было произойти.

Настоятель долго и пристально смотрел на Лю-Цзе, как могут смотреть только маленькие дети.

– Йю-Цзе, ты не поедешь в *нммнбубу* в Убейвайд и даже не пьибьизишься к гьяницам этой стьяны, понятно? – спросил он.

– Понятно, ваше просветлейшество. Ты, как всегда, прав. Но по своему старческому слабоумию, прошу разрешения пойти путем не насилия, а мудрости. Я хотел бы помочь этому юноше найти... Путь.

Сидевшие вдоль стены монахи засмеялись.

– Путь Прачки? – уточнил Ринпо.

– Госпожа Космопилит – портниха, – спокойно парировал Лю-Цзе.

– Мудрость, которую можно оценить по таким изречениям, как «Не ковыряй, будет только хуже»? – уточнил Ринпо, подмигнув монахам.

– Ковыряние и правда только усугубляет дело. Любое дело, – сказал Лю-Цзе; его невозмутимость напоминала большое озеро спокойствия. – Возможно, данный путь кажется тебе недостойным, но, каким бы мелким и ненадежным он ни был, это *мой* Путь. – Он повернулся к настоятелю. – Так ведь издревле повелось, ваше просветлейшество. Помнишь? Учитель и ученик странствуют по миру, и во время этого странствия ученик наблюдает за своим учителем и обучается на практических примерах, после чего обретает свой Путь, в конце которого...

– ...обьетает самого себя бдум, – закончил настоятель.

– Но сначала он обретает учителя, – сказал Лю-Цзе.

– Ему очень повезйо, что таким учителем бдум-бдум будешь ты.

– Достопочтенный господин, – промолвил Лю-Цзе, – незнание, кто именно станет твоим учителем, предопределено самой природой Пути. Я могу лишь указать ему дорогу.

– В стойону некоего бойшого гойода бдум, – заметил настоятель.

– Да, – согласился Лю-Цзе. – И Анк-Морпорк находится достаточно далеко от Убервальда. Ты не посылаешь меня в Убервальд, потому что я слишком стар. Однако, со всем уважением, я прошу тебя побаловать старика.

– Когда ты так ставишь вопьос, у меня не остается выбоия, – ответил настоятель.

– Но, ваше просветлейшество... – неуверенно произнес Ринпо.

Настоятель ударил ложкой по подносу.

– У Йю-Цзе отличная йепутация! – закричал он. – И я безоговойочно вейю в то, что он поступит пьявийно! Жай тойко, что блмбумбум не вейю в то, что он поступит так, как я бумбумбум хочу! Я запьетий ему появьяться в Убейвайде! Тепей ты хочешь, чтобы я запьетий ему не появьяться в Убейвайде? ИК! Я все сказал! Соизвойте удайиться, господа, у меня возникйи неотьюжные дейа.

Лю-Цзе поклонился и схватил Лобсанга за руку.

– Уходим! – прошептал он. – Нужно поскорее скрыться, пока никто ничего не понял!

На выходе им встретился младший прислужник, несущий в руках ночной горшок с изображениями маленьких забавных крольчат.

– Перевоплощаться не так просто, как кажется, – на бегу сказал Лю-Цзе. – Теперь нам нужно отбыть, прежде чем кому-нибудь в голову полезут всякие дурные мысли. Захвати сумку и циновку.

– Но кто осмелится отменить приказ самого настоятеля? – изумился Лобсанг, следом за Лю-Цзе сворачивая за угол.

– Ха! Через десять минут он уснет, а когда проснется, ему дадут новую игрушку и он так увлечется забиванием квадратных зеленых колышков в круглые синие отверстия, что забудет обо всем, что говорил, – ответил Лю-Цзе. – Политика, отрок. Всякие идиоты сразу начнут утверждать: мол, именно они точно знают, что имел в виду настоятель. Поспеши. Встретимся через минуту в саду Пяти Неожиданностей.

Когда Лобсанг пришел в сад, Лю-Цзе аккуратно укладывал одну из гор-бонсай в бамбуковую клетку. Завязав последний узел, он забросил клетку за спину.

– А ей ничего не будет? – спросил Лобсанг.

– Это же гора, что ей может быть? – Лю-Цзе поднял с земли свою метлу. – Перед тем как идти, заглянем к одному моему старому приятелю. Может, возьмем у него что-нибудь полезное.

– Метельщик, что происходит? – спросил Лобсанг, едва поспевая за

Лю-Цзе.

– Примерно следующее, юноша. Я, настоятель и тот мальч, к которому мы направляемся, давно знаем друг друга. Но сейчас ситуация стала несколько иной. Настоятель не может просто сказать: «Лю-Цзе, ты – старый мошенник, и именно ты заставил всех думать об Убервальде, однако я вижу, ты что-то пронюхал, поэтому ступай туда, куда ведет тебя твой нос».

– Но я считал его верховным правителем!

– Вот именно! А знаешь, как трудно заставить что-то происходить, когда ты верховный правитель? Слишком много людей путается под ногами. Парни, которых ты видел, немного побегают по Убервальду с воплями «Йа» и «Хаи!», а мы, мой мальчик, направимся в Анк-Морпорк. И настоятелю об этом известно. *Почти* наверняка.

– А откуда ты знаешь, что новые часы собирают в Анк-Морпорке? – спросил Лобсанг, шагая за Лю-Цзе по поросшей мхом тропинке, которая вела сквозь густые заросли рододендрона к монастырской стене.

– Просто *знаю*. Можешь мне поверить, юноша, если кто-нибудь когда-нибудь вытащит пробку из сливного отверстия вселенной, то цепочка от пробки протянется прямым в Анк-Морпорку и на конце ее наверняка окажется какой-нибудь придурок, который в свое оправдание лишь руками разведет: «Я просто хотел посмотреть, что будет!» Все дороги ведут в Анк-Морпорк.

– Я думал, все дороги ведут *из* Анк-Морпорка.

– Только не та, по которой пойдём мы. Ага, вот мы и на месте.

Лю-Цзе постучал в дверь грубо построенной, но большой хижины, прислонившейся прямо к монастырской стене. В тот же самый момент внутри прогремел взрыв и кто-то – нет, поправил себя Лобсанг – половина кого-то вылетела из незастекленного окна и со всей мощи брякнулась на тропинку. Лишь когда это нечто подкатилось к его ногам, Лобсанг понял, что перед ним такое. Деревянный манекен в монашеской рясе.

– Ку *вовсю* развлекается, как вижу, – заметил Лю-Цзе.

Он даже не пошевелился, хотя манекен пролетел совсем рядом с его ухом.

Дверь распахнулась, и из хижины выглянул взволнованный тучный монах.

– Вы это видели? Нет, вы *видели*?! – воскликнул он. – Всего от одной ложки! – Он кивнул им. – А, привет, Лю-Цзе. Я тебя ждал. Кое-что уже подготовил.

– Что именно? – спросил Лобсанг.

– А это что за паренек? – в ответ поинтересовался Ку, приглашая их в хижину.

– Сего неискушенного отрока зовут Лобсанг. – Лю-Цзе окинул взглядом хижину. На каменном полу виднелся дымящийся круг, в разные стороны от которого протянулись черные подпалины из песка. – Новые игрушки, да, Ку?

– Разрывная мандала, – с довольным видом произнес Ку, сделав шаг вперед. – Чертишь где нужно простенький узорчик, присыпаешь его особым песком, и первый враг, на него наступивший... Бах! Мгновенная карма! *Не трогай это!*

Лю-Цзе поспешно вырвал из любопытных рук Лобсанга жертвенную миску, которую тот только что взял со стола.

– Всегда помни Правило Номер Один, – сказал он, метнув ее в дальний угол хижины.

От вращения скрытые лезвия мгновенно раскрылись, и миска воткнулась в балку.

– Такой без труда можно снести человеку голову! – воскликнул Лобсанг.

И тут все услышали тихое тиканье.

– ...Три, четыре, пять... – сосчитал Ку. – Ложись!

Лю-Цзе повалил Лобсанга на пол буквально за мгновение до взрыва миски. Металлические осколки со смертоносным свистом разлетелись по комнате.

– С тех пор как ты видел ее в последний раз, я внес в конструкцию некоторые изменения, – с гордостью сообщил Ку, поднимаясь на ноги. – Теперь это прибор широкого назначения. Из нее даже можно рис есть. Ах да, а это ты видел?

Он взял в руки молитвенный барабан. Лю-Цзе и Лобсанг машинально отступили назад.

Ку покрутил барабан, и грузы на шнурках застучали по туго натянутой коже.

– Шнурок можно быстро выдернуть и использовать как гарроту, – сообщил Ку. – А сам барабан снимается, вот так, и являет нам... весьма полезный кинжал.

– Кроме того, его, разумеется, можно использовать и для молитвы тоже? – уточнил Лобсанг.

– Верно подмечено, – кивнул Ку. – Смышленный мальчуган. Молитва еще никогда никому не вредила. Кстати, я работал над весьма многообещающей молитвой, звуковые волны которой оказывают

определенное воздействие на нервную систему че...

– Ку, вряд ли нам понадобятся все эти штуковины, – перебил Лю-Цзе.

Ку вздохнул.

– Давай хоть твою метлу в тайное оружие превратим. Я показывал тебе чертежи...

– Это и есть тайное оружие, – перебил его Лю-Цзе. – Это метла.

– А как насчет яков, новой, выведенной нами породы? Если натянуть поводья, их рога мгновенно...

– Нам нужны маховики, Ку.

Лицо монаха сразу приобрело виноватое выражение.

– Маховики? Какие маховики?

Лю-Цзе пересек комнату и надавил ладонью на стену, часть которой скользнула в сторону.

– Вот эти маховики, Ку. И не дури мне голову. У нас нет на это времени.

Лобсанг увидел два устройства, очень похожие на маленькие Ингибиторы, каждый из которых находился внутри металлической, установленной на доске рамы. К каждой доске были прикреплены ремни.

– Настоятель ведь ничего о них не знает, я прав? – спросил Лю-Цзе, взяв в руки одно устройство. – Иначе бы мигом прикрыл твою деятельность.

– И я думал, никто не знает! – воскликнул Ку. – Но откуда тебе-то...

Лю-Цзе усмехнулся.

– На метельщика никто не обращает внимания, – сказал он.

– Но это опытные образцы! – Ку явно начинал паниковать. – Я обязательно рассказал бы о них настоятелю, просто хотел их доработать, чтобы было что продемонстрировать! Представь, какая беда могла бы случиться, попади они не в те руки!

– Вот мы и позаботимся о том, чтобы этого не произошло, – пообещал Лю-Цзе, осматривая ремни. – Как они приводятся в действие?

– Грузы и храповики оказались слишком ненадежными, – пожал плечами Ку. – Пришлось вернуться к часовому механизму.

Лю-Цзе напрягся и посмотрел на монаха испепеляющим взглядом.

– К часовому механизму?

– Только в качестве движущей силы! Движущей силы! – запротестовал Ку. – У меня не было выбора!

– Слишком поздно. Придется довольствоваться этим, – нахмурился Лю-Цзе, передавая вторую доску Лобсангу. – Бери, отрок. Если завернуть в мешковину, сойдет за рюкзак.

– Что это?

Ку вздохнул.

– Переносные Ингибиторы. И пожалуйста, постарайтесь не сломать.

– Но зачем они нам?

– Надеюсь, ты этого никогда не узнаешь, – ответил Лю-Цзе. – Спасибо, Ку.

– Уверены? А может, лучше возьмете временные бомбы? – с надеждой в голосе предложил Ку. – Если бросить такую на пол, время замедлится...

– Спасибо, но нет.

– Другие монахи были полностью экипированы, – сказал Ку.

– Ну а мы путешествуем налегке, – твердым тоном заявил Лю-Цзе. – Ку, мы покинем тебя через заднюю дверь, ладно?

Задняя дверь выходила на узкую тропинку, которая вела к калитке в стене. Расчлененные манекены и обугленные камни свидетельствовали о том, что Ку и его помощники часто пользовались этой тропинкой. А потом они вышли на другую тропу, которая вилась по берегу одного из многочисленных ледяных горных ручьев.

– Ку желает только хорошего, – промолвил, ускоряя шаг, Лю-Цзе. – Но если делать так, как он говорит, то будешь лязгать, когда ходишь, и взрываться, когда садишься.

Лобсанг едва поспевал за ним.

– Слушай, метельщик, до Анк-Морпорка ведь несколько *недель* пути!

– А мы *прорежемся* туда, – ответил Лю-Цзе и остановился, чтобы посмотреть на Лобсанга. – Как думаешь, у тебя получится?

– Я делал это сотни раз... – пожал плечами Лобсанг.

– Да, но только в Ой-Донге, – напомнил Лю-Цзе. – В долине предусмотрены всевозможные защиты, все находится под контролем. Ты этого не знал? Резать время в Ой-Донге очень просто, юноша. Но здесь все иначе. А снаружи воздух всячески пытается тебе помешать. Малейшая ошибка, и он превращается в камень. Нарезанное время нужно сформировать вокруг себя так, чтобы двигаться как рыба в воде. Ты это умеешь?

– Немного знаю теорию, но...

– Сото сказал, что в городе ты сам остановил время. Это называется Стойкой Койота. Ее очень сложно принять, и, насколько мне известно, в Гильдии Воров этому не учат.

– Думаю, мне просто повезло, метельщик.

– Отлично. Так держать. У тебя будет достаточно времени попрактиковаться, прежде чем мы выйдем из полосы снегов. Научись все

делать правильно, прежде чем ступить на траву, иначе можешь попрощаться со своими ногами.

Они называют это «резать время»...

Существует способ игры на определенных музыкальных инструментах, который называется циклическим или круговым дыханием и позволяет людям играть на диджериду или волынке так, чтобы не взорваться и не оказаться засосанным в трубу. «Нарезка времени» была чем-то похожим, только время заменяло воздух и вело себя значительно тише. Хорошо обученный монах мог растянуть секунду на целый час...

Но этого недостаточно. Еще придется научиться перемещаться в жестком, неподатливом мире. Придется научиться видеть по отблескам, слышать по отзвукам и делать так, чтобы время потихонечку все же просачивалось в эту маленькую новосозданную вселенную. Научиться всему этому нетрудно, нужно только обрести уверенность в себе, ведь нарезанный мир может выглядеть почти нормальным, за исключением цвета...

Это было похоже на предзакатную прогулку, разве что солнце зависло в небе и почти не двигается. Мир впереди был окрашен в лиловые тона, а мир позади, когда Лобсанг оглядывался, походил по цвету на старую кровь. А еще ему было одиноко. Но хуже всего, как скоро понял Лобсанг, тишина. Какие-то звуки все же доносились, но они напоминали глухое шипение на самом пороге слышимости. Шаги звучали странно и приглушенно, и раздавались они совсем не в такт опускающимся на землю ногам.

Наконец они подошли к краю долины и покинули мир вечной весны, чтобы оказаться в реальном мире снегов. К телу подкрался холод – медленно, как нож садиста. Лю-Цзе шагал впереди и, казалось, не испытывал ни малейших неудобств.

Ну да, конечно, ведь одна из легенд о Лю-Цзе гласила о том, как он преодолел долгий-долгий путь в погоду, когда сами облака замерзли и падали с неба. Поговаривали, якобы холод на него вообще не действует.

И тем не менее...

В легендах Лю-Цзе был большим и сильным... совсем не похожим на тощего лысого старичка, который предпочитал лишний раз не лезть в драку.

– Эй, метельщик!

Лю-Цзе остановился и повернулся. Очертания его тела были нечеткими, и Лобсанг сбросил с себя покров времени. В мир вернулись краски, холод перестал пронизывать до костей, но все же был весьма ощутим.

– Да, отрок?

– Ты будешь меня учить, верно?

– Если еще осталось то, чего ты не знаешь, о чудо-отрок, – сухо ответил Лю-Цзе. – Ты хорошо нарезаешь время. Уж мне можешь поверить.

– Но как ты выдерживаешь такой холод?!

– А, ты не знаешь этот секрет...

– Путь госпожи Космопилит придает тебе сил?

Лю-Цзе подобрал рясу и сплясал на снегу, явив изумленному Лобсангу толстые желтоватые кальсоны, в которые были облачены его костлявые ноги.

– Молодец, отличный ответ, – похвалил он. – Госпожа Космопилит по-прежнему присылает мне эти одеяния двойной вязки – внутри шелк, потом три слоя шерсти, с утепленными вставками и парой весьма предусмотрительно размещенных клапанов. И по весьма разумной цене шесть долларов за пару, как постоянному покупателю! Ибо написано: «Одевайся тепло, иначе так и смерть словить недолго».

– Так это простой обман?

Лю-Цзе выглядел удивленным.

– Что?

– Я спросил, обман ли все это? Все считают тебя великим героем, а ты... даже не дерешься! Все думают, что ты обладаешь разносторонними знаниями, а ты... просто обманываешь людей. В том числе и настоятеля! Я думал, ты научишь меня тому, что... действительно нужно знать...

– У меня есть ее адрес, если тебя это интересует. Можешь сказать от меня, и тогда... О, понимаю, ты вовсе не это имел в виду.

– Не хочу показаться неблагодарным, я просто подумал...

– Подумал, что я держу свои ноги в тепле лишь благодаря неким мистическим знаниям, обретенным в процессе долгого и трудного обучения? Так, да?

– Ну...

– И ради своих коленок я пренебрег святым учением? Да?

– Ну, если ты так ставишь вопрос...

Затем что-то заставило Лобсанга опустить глаза.

Он стоял в шестидюймовом снегу. А Лю-Цзе – нет. Его сандалии тонули в двух лужах. Лед таял вокруг пальцев ног. Теплых розовых пальцев ног.

– Пальцы – это совсем другое дело, – пояснил метельщик. – Госпожа Космопилит вяжет чудесные кальсоны, но так и не научилась правильно вязать пяточку. – Он подмигнул поднявшему глаза Лобсангу. – Не забывай о

Первом Правиле, понятно?

Лю-Цзе похлопал потрясенного юношу по плечу.

– У тебя все получается, – сказал он. – Давай посидим немного, попьем чайку.

Он показал на большие скалы, которые могли немного защитить от пронизывающего ветра. С наветренной стороны скал громоздились огромные белые сугробы.

– Лю-Цзе?

– Да, отрок?

– У меня есть вопрос. Ты можешь дать на него прямой ответ?

– Попробую, конечно.

– *Что, черт возьми, происходит?*

Лю-Цзе смахнул снег с камня.

– О, – сказал он. – Сразу к самому сложному.

Тик

Игорь вынужден был признать: когда необходимо было создать что-то действительно причудливое, благоразумие укладывало безумие на обе лопатки.

Он привык к хозяевам, которые исполняли впечатляющие сальто на самом краю пропасти, ведущей к полной умственной катастрофе, и в то же время не могли без карты надеть собственные штаны. Как и все Игори, он научился сживаться с такими людьми. Честно говоря, работа не была сложной (хотя иногда приходилось работать в ночь), и, привыкнув к распорядку дня хозяина, можно было спокойно заниматься собственными делами, потому что беспокоили тебя только тогда, когда нужно было поднять громоотвод.

С Джереми все обстояло иначе. По этому человеку воистину можно было проверять часы. Игорю не доводилось прежде встречать человека, жизнь которого была настолько организованной, такой распisanной, такой спланированной по времени. Он скоро понял, что думает о своем новом хозяине как о... тиктакшике.

Один из прежних хозяев Игоря создал заводного человека, состоящего из рычагов, шестеренок, кривошипов и часового механизма. Вместо мозга у него в голове была длинная лента с пробитыми отверстиями, вместо сердца – мощная пружина. При условии, что все на кухне было расставлено по местам, это устройство могло подметать пол и заваривать вполне сносный чай. А вот если на кухне не было все расставлено *точно* по своим

местам или если это тикающее, пощелкивающее существо наткнулось на неожиданное препятствие, оно сдирало со стен всю штукатурку и подавало чайник с хорошо заваренной и бешеной от ярости кошкой.

Потом у его хозяина родилась идея заставить эту механическую штуку *жить*, то есть сделать так, чтобы она сама пробивала отверстия в ленте и заводила пружину. Однажды вечером перед действительно сильной грозой Игорь, который отлично понимал, когда следует выполнять указания абсолютно точно, покорно собрал классическую установку, состоящую из стола и поднимающегося громоотвода. Сам он не видел, что именно произошло, когда молния ударила в часовой механизм, потому что был в другом месте – со всех ног бежал вниз по склону к деревне, сложив свои немудреные пожитки в дорожный мешок. Тем не менее раскаленное добела зубчатое колесо со свистом пролетело над его головой и воткнулось в ствол дерева.

Верность хозяину, конечно, имела очень большое значение, но по отношению к верности содружеству Игорей она все же занимала второе место. Если мир когда-нибудь будет населен прихрамывающими слугами, все они, без сомнения, будут носить имя Игорь.

И этому Игорю казалось, что, если бы заводного человека можно было сделать живым, он стал бы похожим на Джереми. А сам Джереми тикал все быстрее и быстрее, по мере того как работа над часами близилась к завершению.

Самому Игорю часы не нравились. Он предпочитал иметь дело с людьми. С существами, из которых течет кровь. И по мере того, как часы собирались, обрастали мерцающими кристаллами, многие из которых были не совсем *здесь*, Джереми все больше уходил в работу, а Игорь все больше напрягался. Определенно, тут создавалось нечто новое, и, несмотря на то что Игори всегда стремились к познанию новых горизонтов, у этих самых горизонтов тоже был предел. К примеру, Игори не верили в «запретные знания» и в «То, Что Людям Знать Не Следует»; впрочем, людям определенно не следовало знать то, как чувствует себя человек, когда каждая частица его тела всасывается в крошечную дырочку, а именно такой вариант развития событий казался Игорю вполне реальным в ближайшем будущем.

Не следовало забывать и о леди ле Гион. Она вызывала у Игоря нервную дрожь, а он не относился к тем людям, которых часто беспокоят мурашки. Она не была зомби, она не была вампиршей – хотя бы потому, что запах был другой. Ее запах был ни на что не похож. А Игорь знал, что все чем-то да пахнет.

И существовала еще одна проблема.

– Ее ноги не трогайт земля, – говорил Игорь.

– То есть не касаются? Ну как это? – возражал Джереми, протирая часть механизма рукавом. – Она должна появиться здесь через минуту и семнадцать секунд. И я уверен, что ее ноги будут очень даже касаться земли.

– То ефть они иногда трогайт, фэр. Но ты фмотрейт внимательно, как она поднимайт или фпуфкайт по лефтница, фэр. У нее это не вфегда получаетфя правильно. Иногда йа видейт тень под ее нофками.

– Ножками? Похоже, ты к ним очень ласково относишься.

– Нофками туфель, – со вздохом произнес Игорь. Иногда шепелявость создавала проблемы. Игорь мог легко от нее избавиться, но она являлась частью существования Игорей. С таким же успехом он мог перестать хромать.

– Иди и стой наготове у двери, – велел Джереми. – Способность летать по воздуху еще не делает человека плохим.

Игорь пожал плечами. Лично он считал, что такая способность заведомо делает тебя *не* человеком. А еще его несколько беспокоило то, что этим утром Джереми уделил своей одежде большее, чем обычно, внимание.

Игорь решил, что в сложившейся ситуации, пожалуй, не стоит поднимать вопрос его найма, над ответом на который он уже давно ломал голову. Его ведь наняли за некоторое время до того, как ее светлость поручила Джереми выполнить эту работу? Это свидетельствовало лишь о том, что она хорошо разбирается в людях. Но она *лично* наняла его. В Бад-Гутталлинне. И он тут же отправился в путь на почтовой карете. А леди ле Гион, как оказалось, нанесла визит Джереми тем же вечером.

Единственным средством сообщения между Убервальдом и Анк-Морпорком, более быстрым, чем почтовая карета, была магия, если, конечно, никто не открыл способ передвижения по семафору. А леди ле Гион не больно-то походила на ведьму.

Часы в мастерской подняли ужасный шум, возвещавший о наступлении семи часов, когда Игорь распахнул дверь. Предвосхитить стук в дверь? Сделано. Это было одним из пунктов Кодекса Игорей.

Дверь была распахнута.

– Две пинты, сударь, вкуснейшего и свежайшего! – объявил господин Соак, протягивая бутылки. – И в такой приятный денек никак не обойтись без свежей сметанки, верно?

Игорь смерил его испепеляющим взглядом, но бутылки взял.

– Йа предпочитайт ее, когда она только-только начинайт зеленеть, –

надменно промолвил он. – Приятного тебе дня, гофподин Фоак.

Он закрыл дверь.

– Это была не она? – удивился Джереми, когда Игорь вернулся в мастерскую.

– Это бывайт молочник, фэр.

– Она опаздывает на целых двадцать пять секунд?! – встревоженным тоном воскликнул Джереми. – Как думаешь, с ней ничего не случилось?

– Нафтающие леди вфегда немного по-модному опаздывайт, фэр, – сообщил Игорь, убирая молоко. Оно было настолько холодным, что даже Игорева пальцы покалывало.

– Я уверен, что ее светлость – настоящая леди.

– Я это не разбирайт, фэр, – ответил Игорь, у которого, как упоминалось выше, возникли весьма серьезные сомнения по этому поводу.

Он вернулся к двери и коснулся ручки как раз в тот момент, когда раздался стук.

Леди ле Гион пронеслась мимо Игоря. Два тролля, не обращая на него ни малейшего внимания, встали по обеим сторонам двери в мастерскую. Игорь всегда относился к ним как к наемным булыжникам, готовым на что угодно за два доллара в день плюс чаевые.

Ее светлость явно впечатлилась.

Огромные часы были почти собраны. И они совсем не походили на то приземистое массивное устройство, о котором рассказывал Игорю его дед. Джереми постарался сделать часы величественными и красивыми – к немалому удивлению Игоря, ведь в доме не было ни единого украшения,

– Твой дед помогал создавать первые часы, – говорил Джереми. – Так давай попробуем собрать настоящие дедушкины часы, а?

И вот они почти собраны – высокие часы-башенка из кристаллов и стеклянного волокна, и отражаемый ими свет вызывал странное чувство беспокойства и тревоги.

На улице Искусных Умельцев Игорь оставил целое состояние. В Анк-Морпорке можно было купить буквально все, включая людей, главное, чтобы у тебя хватило денег. И он распределил все заказы по разным огранщикам и стекольщикам таким образом, чтобы ни один из них не мог даже смутно представить себе, каким будет законченное изделие. Впрочем, как оказалось, беспокоился Игорь напрасно. За деньги можно было приобрести в том числе и незаинтересованность, причем в любых количествах. Да и кто поверил бы в то, что время можно измерять кристаллами?

Ну а сборка происходила уже в мастерской.

Внимательно слушая, как Джереми хвастается своим творением, Игорь ковылял вокруг часов, полируя то один кристалл, то другой.

– ...И вовсе нет никакой необходимости в металлических деталях, – говорил Джереми. – Мы придумали способ пропускать сквозь стекло укрощенную молнию и нашли мастера, который умеет выгибать стеклянные пластины...

Игорь отметил про себя это «мы». Так всегда происходило. «Мы» в данном случае означало следующее: хозяин говорил, что ему нужно, а Игорь придумывал, как это сделать. Так или иначе, укрощение молний было передаваемым по наследству семейным увлечением. Если у тебя есть песок и химические вещества и если ты посвящен в некоторые тайны, ты заставишь молнию стоять перед тобой на задних лапках.

Леди ле Гион протянула руку и коснулась ладонью в перчатке боковой стенки часов.

– А это механизм делителя... – пустился в объяснения Джереми, поднимая с верстака странного вида конструкцию из кристаллов.

Но ее светлость не могла отвести взгляд от часов.

– Ты сделал циферблат и стрелки, – заметила она. – Зачем?

– О, они весьма эффективно могут использоваться для измерения обычного времени, – пояснил Джереми. – Стекло совершенно во всех отношениях. Теоретически они никогда не будут нуждаться в настройке, потому что определяют время по вселенскому тикку.

– Ага, значит, ты его все-таки вычислил?

– Это время, которое требуется на то, чтобы самое незначительное событие, которое может произойти, произошло. И я знаю: этот тик существует.

Его слова почти произвели впечатление.

– Но работа над часами еще не закончена, – промолвила ее светлость.

– В некоторых случаях приходится прибегать к методу проб и ошибок, – ответил Джереми. – Но у нас все получится. Игорь утверждает, что в понедельник ожидается сильная гроза, мощности которой будет вполне достаточно. И тогда... – Лицо Джереми озарилось улыбкой. – Не вижу причины, почему бы всем часам в мире не показывать одно и то же время!

Леди ле Гион бросила взгляд на Игоря, который с еще большим рвением принялся полировать очередную часовую деталь.

– А слугой ты доволен?

– Иногда ворчит немного. Но с сердцем у него все в порядке. Если что,

кстати, у него есть запасное. И в некоторых ремеслах он поразительно искусен.

– Да, все Игори этим отличаются, – рассеянно произнесла леди. – Они великолепно овладели искусством передачи мастерства по наследству.

Она щелкнула пальцами. Один из троллей подошел к ней и протянул две сумки.

– Золото и инвар, – сказала она. – Как и было обещано.

– Ха, когда работа над часами завершится, инвар станет никому не нужен! – воскликнул Джереми.

– Мы не понимаем? Ты хочешь больше золота?

– Нет, нет! Вы и так были слишком щедры.

«Вот именно», – подумал Игорь, яростно натирая верстак.

– Тогда до следующей встречи, – сказала леди ле Гион.

Тролли уже поворачивались к двери.

– А вы будете присутствовать при запуске? – спросил Джереми.

Игорь тем временем поспешил в прихожую открывать дверь; как бы он ни относился к ее светлости, традиция есть традиция.

– Возможно. Но мы тебе всецело доверяем, Джереми.

– Гм...

Игорь напрягся. Раньше он не слышал подобных ноток в голосе хозяина. Это были *плохие* нотки.

Джереми задышал глубоко и взволнованно, словно обдумывал тончайший и крайне сложный часовой механизм, который, если не относиться к нему крайне осторожно, разлетится шестеренками по всему полу.

– Гм... Я тут подумал, гм, ваша светлость, может, гм, вы согласитесь поужинать со мной сегодня, гм...

Джереми улыбнулся. Даже у трупов Игорю доводилось видеть более приятные улыбки. А затем Игорю показалось, что лицо леди ле Гион словно затрепетало. Вернее сказать, замерцало. Одно выражение сменялось другим, как серия стоп-кадров; причем в промежутке между кадрами черты лица оставались совершенно неподвижными. Привычное равнодушие сменилось задумчивостью, затем – удивлением. А потом, к изумлению самого Игоря, лицо начало краснеть.

– Господин Джереми, я... я... не знаю, что и сказать, – запинаясь, произнесла ее светлость; ее ледяное самообладание таяло, превращаясь в теплую лужу. – Я действительно... не знаю... может, в другой раз? У меня очень важная встреча, рада была повидать тебя, мне пора. До свидания.

Игорь встал по стойке «смирно», вытянувшись в струнку, насколько

может вытянуться в струнку среднестатистический Игорь, и почти захлопнул дверь за ее светлостью, когда она, вылетев за порог, побежала вниз по лестнице.

Буквально на мгновение она зависла в воздухе, в полудюйме над тротуаром. Действительно на мгновение, после чего она быстро опустилась на землю. Никто ничего не заметил, за исключением Игоря, чей недобрый глаз всматривался в щель между дверью и косяком.

Затем Игорь быстренько заковылял обратно в мастерскую. Джереми стоял на месте, как окаменевший, с покрасневшим от смущения лицом. Сейчас они с леди ле Гион образовали бы весьма одноцветную парочку.

– Йа ходийт забирайт у фтекольщик новые детали для умножитель, – быстро произнес Игорь. – Их уже наверняка фделайт. Йа?

Джереми развернулся на каблуках и быстрым шагом зашагал к верстаку.

– Да, Игорь, займись этим. Спасибо, – сказал он каким-то странно глухим голосом.

Леди ле Гион со свитой отошла уже довольно далеко, когда Игорь, выскользнув из дома, быстро спрятался в тени.

На перекрестке леди ле Гион небрежно взмахнула рукой, и дальше тролли пошли самостоятельно. Игорь внимательно следил за ней. Несмотря на фирменную хромоту, Игоря могли передвигаться весьма быстро, если в этом возникала необходимость. А такая необходимость возникала часто, когда толпа брала штурмом мельницу^[11].

На улице Игорь заметил и другие несоответствия в поведении ее светлости. Двигалась она как-то странно. Словно постоянно контролировала свое тело, вместо того чтобы полностью довериться ему, как это делают все нормальные люди. Даже зомби после определенной тренировки овладевают этим искусством. Заметить эту ее странность было трудно, но все Игоря отличаются наблюдательностью. Она двигалась как существо, которое не совсем привыкло к собственной коже.

Итак, она быстро шагала прочь по узкой улице, и Игорь почти пожалел о том, что рядом нет никого из Гильдии Воров. Интересно было бы посмотреть, как ее светлость отреагирует, когда ее слегонца огреют по голове, что, как правило, было прелюдией к переговорам. Вчера один вор попытался поступить так с Игорем и очень удивился, услышав металлический звон, а потом и вовсе был поражен до глубины души, когда ему с анатомической точностью сломали руку.

Ее светлость свернула в узкий переулок между двумя зданиями.

Игорь задумался. Первый же пункт местной памятки для самоубийц гласил: «Встань прямо перед темным переулком на фоне яркого неба». Но с другой стороны, он ведь не совершает ничего предосудительного? И она не выглядела вооруженной.

Из переулка не доносилось ни звука. Он подождал немного и выглянул из-за угла.

Леди ле Гион нигде не было. И выхода из переулка тоже не было – неподалеку виднелся заваленный мусором тупик.

Зато Игорь заметил некий серый силуэт в воздухе, таявший прямо на глазах. Серый, словно туман, плащ с капюшоном. Слившись с полумраком переулка, силуэт окончательно исчез.

Итак, она свернула в переулок, а потом в кого-то превратилась.

Игорь почувствовал зуд в руках.

Некоторые Игори являлись специалистами в отдельных узких областях, но все до единого были умелыми хирургами. Ни один Игорь не позволит, чтобы что-то пропало зря. Или кто-то. Высоко в горах, где работали в основном лесорубы и рудокопы, считалось большой удачей, если рядом жил Игорь. Всегда существовала возможность того, что топор отскочит от дерева или вдруг пила взбрыкнет, а оказавшийся рядом Игорь мог одолжить кисть или, если повезет, даже целую руку.

Таким образом, Игори бесплатно и щедро практиковали свое мастерство, помогая обществу, но с особенным тщанием они относились к делу, когда речь шла о них самих. Превосходное зрение, пара здоровых легких, безотказно действующий пищеварительный тракт.

Ну как можно отдавать такое богатство червям? Вот они и не отдавали. Оставляли в семье, так сказать. У Игоря действительно были дедовы руки. И сейчас они сами собою сжимались в кулаки.

Тик

Очень маленький чайник закипал на костерке из щепок и ячьего навоза.

– Давно это было, – начал Лю-Цзе. – Когда именно, не имеет значения, главное – *что именно* там произошло. В самом вопросе «когда» больше нет никакого смысла. Все зависит от того, где ты находишься. В некоторых местах это произошло сотни лет назад, в других... возможно, еще не произошло. Так вот, жил в Убервальде один человек. Он изобрел часы. *Поразительные* часы. Они измеряли тиканье вселенной. Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Я тоже. Об этом лучше спросить у настоятеля. Сейчас подумаю... ладно... представь себе самый маленький промежуток времени. Действительно маленький. Такой крохотный, что секунда по сравнению с ним покажется миллиардом лет. Представил? Так вот один космический квантовый тик – так его называет настоятель – много, много меньше. Это промежуток времени, который необходим для перехода из «сейчас» в «тогда». Время, необходимое атому, чтобы задуматься о колебании. Это...

– Это время, которое требуется, чтобы самое незначительное событие, которое может произойти, произошло? – спросил Лобсанг.

– Вот именно. Молодчина, – похвалил его Лю-Цзе и сделал глубокий вдох. – А еще это время, которое необходимо на то, чтобы уничтожить всю вселенную в прошлом и восстановить в будущем. Не смотри на меня так – это не мои слова, а настоятеля.

– И это происходило, пока мы разговаривали? – спросил Лобсанг.

– Миллионы раз. Просто удлеплексное количество.

– А это много?

– Это слово придумал настоятель. Оно означает число, до которого едва ли возможно досчитать в течение одного йонка.

– А что такое йонк?

– Очень продолжительный период времени.

– И мы ничего не чувствуем? Вселенная *разрушается*, и мы ничего не чувствуем?

– Говорят, что ничего. Когда мне впервые объяснили это, я было разнервничался, но потом понял: все происходит слишком быстро, чтобы мы заметили.

Лобсанг долго-долго смотрел на снег.

– Хорошо, продолжай, – сказал он наконец.

– Какой-то человек в Убервальде построил часы из стекла. В действие они приводились молнией, насколько я помню. Каким-то образом он добился такого уровня точности, что часы тикали в унисон с самой вселенной.

– А зачем ему это понадобилось?

– Послушай, он жил в Убервальде, в огромном старом замке, стоявшем на краю утеса. Подобным людям не нужны другие причины, кроме как «я это могу».

Им приснился кошмарный сон? Они сразу бросаются его воплощать.

– Но послушай, такие часы сделать невозможно, потому что они находятся внутри вселенной и постоянно должны... восстанавливаться

одновременно с ней. Я прав?

Лю-Цзе был потрясен, о чем и сказал.

– Я просто потрясен, – сказал он.

– Это словно пытаться открыть ящик ломом, который находится внутри ящика.

– Настоятель считает, что часть часов находилась вне вселенной.

– Невозможно, чтобы часть чего-либо находилась *вне*...

– Расскажи это человеку, который посвятил решению данной проблемы целых девять жизней, – посоветовал Лю-Цзе. – Ты хочешь дослушать историю до конца или нет?

– Да, о метельщик.

– *Итак...* в то время нас было мало, но был один молодой метельщик...

– Ты, – узнал Лобсанг. – Это был ты, не так ли?

– Да-да, – закивал Лю-Цзе раздраженно. – И меня послали в Убервальд. В то время история развивалась почти стандартно, и мы определили, что рядом с Бад-Гутталлинном должно было произойти какое-то важное событие. Несколько недель я занимался поисками. Знаешь, сколько в этой стране уединенных замков, которые стоят на краю утеса? Плюнуть некуда!

– Поэтому найти нужный вовремя ты не успел, – констатировал Лобсанг. – Я помню, что ты сказал настоятелю.

– Когда в башню ударила молния, я был в долине, – продолжал Лю-Цзе. – Ибо написано: «Важные события всегда отбрасывают тень». Но я не мог точно определить место, пока не стало слишком поздно. Затем я предпринял спринтерский подъем со скоростью молнии по склону горы длиной в полмили... Никто не смог бы повторить это. Впрочем, я почти успел – уже врывался в дверь, когда все пошло прахом!

– Тогда тебе не за что себя винить.

– Да, но знаешь, как бывает... Постоянно думаешь: «А вот если бы я пришел чуть раньше»... Или: «А вот если б я выбрал другую дорогу...», – покачал головой Лю-Цзе.

– В общем, часы пробили... – сказал Лобсанг.

– Пробили, но не время. Они своего рода пробилы вселенную. И остановились. Я же говорил, часть часов находилась вне этой вселенной. Поэтому не смогла влиться в поток. Она пыталась считать тики, а не двигаться вместе с ними.

– Но ведь вселенная огромна! Она не может быть остановлена каким-то часовым механизмом!

Лю-Цзе бросил окуроч в огонь.

– Настоятель утверждает, что размер не имеет значения, – пожал плечами он. – Послушай, ему понадобилось прожить девять жизней, чтобы узнать то, что он сейчас знает. Поэтому мы не виноваты, что чего-то не понимаем. История разбилась вдребезги. Она единственная поддавалась воздействию. Очень странное событие. Повсюду зияли трещины. Эти самые, ну... не помню точное слово... нити, по которым можно было узнать, к каким отрывкам настоящего принадлежат отрывки прошлого, – все эти нити были оборваны.

Некоторые утрачены навсегда. – Лю-Цзе пристально смотрел на угасающее пламя. – Мы соединили их, как смогли, – добавил он. – Залатали всю историю снизу доверху. А прорехи заполнили временем, позаимствованным из других эпох. Заплат поставили.

– Неужели люди ничего не заметили?

– А почему они должны были заметить? Когда мы закончили, все стало так, как было всегда. Ты удивишься, узнав, что сошло нам с рук. Например...

– Слушай, наверняка кто-нибудь что-нибудь заметил.

Лю-Цзе искоса посмотрел на Лобсанга.

– Странно слышать подобное именно от тебя. Я и сам часто задумывался над этим. Люди привыкли спрашивать: «Интересно, куда подевалось все время?» или «Это же было как будто вчера, а?» В любом случае, у нас не было другого выхода. И все получилось не так уж плохо.

– Но люди могли посмотреть в учебники по истории и увидеть...

– Слова, юноша. Больше ничего. Люди играют со временем с тех самых пор, как стали людьми. Тратят его попусту, убивают, экономят, наворачивают. Уж поверь мне. Головы людей созданы для игр со временем. Они делают то же, что и мы, но мы лучше обучены и обладаем рядом дополнительных способностей. И мы многие века потратили на восстановление порядка. Посмотри как-нибудь на работу Ингибиторов в обычный, спокойный день. Они непрерывно перемещают время, растягивают его в одном месте, сжимают в другом... Нелегкая работенка. Я не допущу, чтобы второй раз все пошло прахом. Если это случится, восстанавливать будет нечего.

Лю-Цзе посмотрел на тлеющие угли.

– Забавно то, – промолвил он, – что в самом конце жизни Когда начали приходить всякие курьезные мысли по поводу времени. Помнишь, я рассказывал, что он считал время живым? По крайней мере, говорил, что оно ведет себя как живое существо... Очень странная идея. Он утверждал,

что встречался с временем и оно оказалось женщиной. Так ему показалось. Все твердят, мол, это такая сложная метафора... Быть может, я сильно стукнулся головой или со мной еще что случилось, но в тот день, посмотрев буквально за мгновение до взрыва на стеклянные часы, я увидел...

Он встал и взял в руки метлу.

– Пора продолжать путь, сынок. Еще две-три секунды, и мы в Бонг-Футе.

– Но ведь ты не закончил свой рассказ, – сказал Лобсанг, торопливо вскакивая на ноги.

– Это была так, стариковская болтовня, – отмахнулся Лю-Цзе. – Когда тебе переваливает за седьмую сотню, мысли начинают слегка путаться. Идем же.

– Метельщик?

– Да, отрок?

– А зачем мы тащим с собой эти маховики?

– Всему свое время, отрок. Надеюсь.

– Мы несем с собой запас времени, правильно? И если время остановится, мы сможем продолжить свой путь. Как... нырятьщики?

– Прямо в точку.

– И?..

– Еще вопрос?

– Время – это «она»? Никто из учителей даже не упоминал об этом, и в свитках я ничего подобного не видел.

– Не смей даже думать об этом. Когда написал... ну, в общем, это называется Тайным Свитком. Его хранят в закрытой комнате. Видеть его разрешается только настоятелю и самым старшим монахам.

Лобсанг не мог не обратить на это внимания.

– В таком случае как ты...

– Не думаешь же ты, что столь высокопоставленные лица сами подметают там пол? – осведомился Лю-Цзе. – А там ужасно много пыли.

– И что в этом свитке написано?

– Я прочел совсем немного. Почувствовал себя как-то неловко, – ответил Лю-Цзе.

– Ну и? Что же там было?

– Поэма о любви. Кстати, очень талантливо написанная.

Лю-Цзе принялся нарезать время, и тело его сразу потеряло свои очертания, а затем потускнело и вовсе исчезло. Зато на заснеженном поле появилась цепочка следов.

Лобсанг обернулся во время и последовал за ним. Вдруг из ниоткуда возникло воспоминание: «Когда был прав».

Тик

Существует множество похожих на склады помещений. Особенно много их в каждом старом городе, вне зависимости от того, насколько дорога земля под застройку. Иногда пространство просто теряется.

Строится мастерская, а рядом – еще одна. Фабрики, кладовые, сараи и пристройки ползут друг к другу, встречаются и сливаются. Крышами пространств между наружными стенами служит рубероид. Участки земли странной формы колонизируются сколачиванием стен и вырубкой дверных проемов. Ненужные двери закрываются штабелями дров или новыми стеллажами для инструментов. Старики, которые знали, где что находилось, переезжают и умирают, как мухи, которыми усыпаны толстые паутины на заляпанных грязью окнах. А у молодых людей, привыкших жить в шумном мире урчащих станков, малярных мастерских и заваленных деталями верстаков, на всякие исследования просто нет времени.

Итак, стоит себе склад с очень-очень грязной стеклянной крышей, и каждый из четырех хозяев фабрики считает, что этот склад принадлежит кому-то из остальных трех, если вообще вспоминает о его существовании. В действительности каждому из них принадлежало по одной стене, а кто именно возводил над ними крышу, этого уже и не помнят. За стенами со всех четырех сторон люди и гномы ковали железо, пилили доски, вили веревки и вворачивали винты. Но здесь царила тишина, ведомая только крысам.

Как вдруг возникло движение в воздухе, впервые за несколько лет. Клубки пыли покатались по полу. Крошечные пылинки замерцали, кружась в лучах света, что с трудом пробивались сквозь грязную крышу. В окружающем пространстве пришла в движение, невидимо и едва уловимо, материя. Она поступала из бутербродов рабочих, из скопившейся в сточных канавах грязи и голубиных перьев, молекулами и атомами она незаметно стекалась в центр пустого склада.

Материя закрутилась спиралью. В конце концов, приняв несколько странных, древних и кошмарных образов, она превратилась в леди ле Гион.

Леди ле Гион качнулась, но все же сумела сохранить вертикальное положение.

Потом появились другие Аудиторы, и когда это случилось, могло показаться, что на самом деле они всегда *не* были здесь. Мертвая серость

света просто приняла отчетливые очертания, они появились как корабли из тумана. Вы пристально смотрите на туман и вдруг понимаете, что часть его на самом деле – это корпус, и он надвигается, и вам остается только бежать со всех ног к спасательным шлюпкам.

– Я не могу больше перевоплощаться туда-сюда, – сказала леди ле Гион. – Слишком болезненно.

«О, вы можете объяснить, что есть боль? – сказал один. – Мы часто задумываемся над этим».

– Нет, вряд ли. Это относится к... телу. Не слишком приятное ощущение. Начиная с этого мгновения я остаюсь в теле.

«Это может быть опасно», – сказал один. Леди ле Гион пожала плечами.

– Мы через это уже проходили. Это всего-навсего внешняя оболочка, – ответила она. – И подумать только, именно эта оболочка так упрощает общение с людьми!..

«Вы пожали плечами. И говорите ртом. Отверстием для воздуха и еды», – сказал один.

– Поразительно, верно?

Тело леди ле Гион отыскало старый ящик, подтащило поближе и село на него. Мышцы действовали почти автоматически.

«Вы ведь не едите, не так ли?» – сказал один.

– Пока нет.

«Пока нет? – сказал один. – В связи с этим возникает весьма неприятный вопрос об... отверстиях».

«А как вы научились пожимать плечами?» – сказал один.

– Тело делает это самостоятельно, – ответила ее светлость. – Раньше мы этого не понимали, да? Судя по всему, большую часть вещей оно исполняет автоматически. Не требуется ни малейших усилий для того, чтобы стоять вертикально. И с каждым разом любое движение становится проще.

Тело изменило положение и скрестило ноги. «Поразительно, – подумала она. – Оно само сделало так, чтобы ему стало удобно. Мне не пришлось даже думать об этом. А мы и не подозревали».

«Могут возникнуть вопросы», – сказал один.

Аудиторы ненавидели вопросы. Они ненавидели их почти так же сильно, как решения, а решения – почти так же, как индивидуальную личность. Но больше всего они ненавидели то, что движется беспорядочно.

– Поверьте, все будет в порядке, – промолвила леди ле Гион. – Мы не будем нарушать никакие правила. Всего-навсего остановится время, вот и

все. После этого воцарится идеальный порядок. Все живы-здоровы, только не двигаются. Очень аккуратно.

«И мы сможем завершить систематизацию», – сказал один.

– Именно так, – подтвердила леди ле Гион. – Этот человек сам хочет закончить работу. Как ни странно, он совершенно не задумывается о последствиях.

«Превосходно», – сказал один.

Возникла одна из тех пауз, в течение которой никто не был готов говорить, а потом...

«Опишите нам... На что это похоже?» – сказал один.

– Похоже что?

«Быть безумным. Быть человеком», – сказал один.

– Очень необычные ощущения. Дезорганизация. Мышление происходит одновременно на нескольких уровнях. Существуют явления, которым мы не придумали названия. Например, мысль о еде приобрела для меня некоторую притягательность. Тело говорит мне об этом.

«Притягательность? Как притяжение?» – сказал один.

– Да-а. Еда притягивает человека.

«Еда в больших количествах?» – сказал один.

– Даже в маленьких.

«Но насыщение – это просто функция. Какая может быть... притягательность в выполнении функции? Достаточно понимания того, что она жизненно необходима для выживания», – сказал один.

– Этого я объяснить не могу, – ответила леди ле Гион.

«Вы настойчиво продолжаете использовать личное местоимение», – сказал один Аудитор.

«И вы не умерли! – добавил один Аудитор. – Быть личностью значит жить, а жить значит умереть!»

– Да. Я знаю. Но людям необходимо использовать личные местоимения. Они делят вселенную на две части. Темноту за глазами, где живет тихий голос, и все остальное. Это... ужасное чувство. Тебя как будто... непрерывно допрашивают.

«А что такое тихий голос?» – сказал один.

– Иногда мышление похоже на разговор с другим человеком, но этот человек – тоже ты.

Она поняла, что ее слова встревожили остальных Аудиторов.

– Мне бы не хотелось пребывать в этой оболочке дольше, чем это необходимо, – сказала она и вдруг поняла, что солгала.

«Мы вас не виним», – сказал один.

Леди ле Гион кивнула.

Аудиторы могли заглядывать в головы людей. Могли видеть там возникновение и бурление мыслей. Но читать мысли они не могли. Потоки энергии перетекали от одного нервного узла к другому, мозг сверкал, словно страдцевенская игрушка. Но что именно там происходит, Аудиторы не понимали.

И тогда они создали человека.

Поступить так было вполне логично. Они и раньше использовали людей в качестве своих агентов, потому что еще давным-давно поняли: ради достаточного количества золота многие люди готовы на что угодно. Это казалось Аудиторам весьма странным, потому что для человеческого тела золото не обладало никакой ценностью – это тело нуждалось в железе, цинке и меди и лишь в ничтожных количествах золота. Поэтому они пришли к логическому выводу, что нуждающиеся в золоте люди ущербны, а значит, любая попытка использовать их обречена заранее. Но *почему* эти люди ущербны?

Создать человека было достаточно просто – Аудиторы *точно* знали, как управлять материей. Беда заключалась в том, что потом результат их трудов просто лежал и медленно разлагался. Это не могло не тревожить, поскольку те же человеческие существа без какой-либо подготовки или образования легко создавали действующие копии самих себя. А потом Аудиторы открыли, что если внутрь созданного ими человеческого тела поместить Аудитора, то оно оживет.

Конечно, такой шаг был связан с огромным риском. Смерть – вот одна из множества опасностей, которые угрожали смельчаку. Аудиторы никогда не заходили настолько далеко, чтобы обрести жизнь, и таким образом они избегали смерти. Они стремились быть незаметными, как атомы водорода, но без испытываемых последними радостей жизни. Незадачливый Аудитор рисковал встретить смерть, «управляя» телом. Однако потом в результате долгих дискуссий Аудиторы пришли к выводу, что если «оператор» будет вести себя осторожно и постоянно поддерживать связь с остальными Аудиторами, то риск будет минимальным и вполне оправданным, учитывая цель, которая могла быть достигнута.

И создали они женщину. Выбор был вполне логичным. Да, мужчины обладали большей властью, но достигали оной, ставя под угрозу собственную безопасность, а никому из Аудиторов такая перспектива не нравилась. С другой стороны, красивые женщины зачастую добивались больших успехов, просто улыбаясь могущественным мужчинам.

Особые проблемы возникли с понятием красоты. На молекулярном

уровне оно не имело никакого смысла. Дальнейшие исследования показали, что женщина, изображенная на картине Леонарда Шеботанского «Дама с дурностаем», считается воплощением красоты, поэтому Аудиторы создали леди ле Гион по ее образу и подобию. Конечно, они внесли некоторые изменения. Лицо на картине было асимметричным, не считая менее значительных изъянов, которые они очень тщательно устранили.

Результат превзошел бы самые дикие мечты Аудиторов, если бы, конечно, они умели мечтать. Теперь, когда у них появился свой так называемый туз в рукаве, свой *надежный* человек, для них не было ничего невозможного. Они быстро учились или, по крайней мере, собирали информацию, что считалось аналогичным обучению.

Итак, появилась леди ле Гион. Она была человеком уже в течение двух недель – двух полных, удивительных, невероятных, шокирующих недель. Кто бы мог подумать, что мозг работает именно так? Или что в цветах есть смысл, уходящий далеко за пределы спектрального анализа? Ну разве это возможно, описать синеву синего? С чего вообще *начать*? И какую часть процесса мышления мозг выполняет сам по себе? Это не могло не вселять ужас. Половину времени ее собственные мысли казались ей чужими.

И она очень удивилась, осознав, что не хочет говорить об этом остальным Аудиторам. Она вообще много о чем не хотела им говорить. Да и *не должна* была!

У нее появилась власть. Не только над Джереми, хотя, пусть и неоспоримая, эта власть начинала ее слегка беспокоить. К примеру, ее тело ни с того ни с сего начало самостоятельно выполнять некоторые действия, например краснеть от смущения. Но также у нее появилась власть над другими Аудиторами. Тут уже *она*, леди ле Гион, вызывала беспокойство у *них*.

Ну конечно, она желала успешного завершения проекта. Это было их общей целью. Создание опрятной, предсказуемой вселенной, где все расставлено по своим местам. Если бы Аудиторы могли мечтать, это было бы их очередной мечтой.

Вот разве что... разве что...

Молодой человек улыбнулся ей, и эта улыбка беспокоила, заставляла нервничать... Вселенная грозила стать более хаотичной, чем даже Аудиторы могли себе представить.

Хаос овладевал сознанием леди ле Гион.

Тук

Лю-Цзе и Лобсанг миновали Бонг-Фут и Прочь-Сон, будто призраки в сумерках. Люди и звери выглядели как синеватые статуи, и к ним, по словам Лю-Цзе, нельзя было прикоснуться ни при каких обстоятельствах.

В некоторых домах Лю-Цзе пополнял запасы еды, набивая дорожную котомку, но никогда не забывал оставлять взамен несколько медных кругляшей.

– Это означает, что мы им обязаны, – сказал он, заполняя и мешок Лобсанга тоже. – Следующий монах, которому доведется забрести в эти места, возможно, уделит кому-нибудь пару лишних минут.

– Не больно-то щедро.

– Это целая жизнь для умирающей женщины, которая хочет попрощаться со своими детьми, – ответил Лю-Цзе. – Разве не написано: «Дорога каждая секунда»? Пошли.

– Я устал, метельщик.

– Я же сказал, дорога каждая секунда.

– Но людям нужно время от времени спать!

– Да, но не сейчас, – настаивал Лю-Цзе. – Отдохнем в пещерах у Песеннет. Во сне ты не можешь складывать время, а оно очень дорого.

– А маховики мы не можем использовать?

– Теоретически можем.

– Теоретически? Они размотают для нас время, и мы проспим всего несколько секунд...

– Они предназначены только для чрезвычайных ситуаций, – отрезал Лю-Цзе.

– Метельщик, а какую ситуацию ты считаешь чрезвычайной?

– Чрезвычайной я считаю ту ситуацию, угодив в которую я решу использовать изобретенные Ку заводные маховики, о чудо-отрок. Они могут стать спасательным поясом, который сохранит тебе жизнь. Только в такой ситуации я доверюсь некалиброванному, неосвященному маховику, который приводится в действие какой-то там пружиной. То есть когда мне придется. Да, знаю, Ку утверждает...

Лобсанг заморгал и покачал головой. Лю-Цзе схватил его за руку.

– Ты снова что-то почувствовал?

– Гм... словно из моего мозга только что вырвали зуб, – сказал Лобсанг, потирая лоб. Он ткнул пальцем. – Ощущение пришло вот отсюда.

– Отсюда? И это была боль? – уточнил Лю-Цзе, пристально глядя на юношу. – Но мы так и не смогли придумать способ обнаружить источник... – Он замолчал и принялся рыться в котомке. Потом ею же смахнул снег с плоского камня. – Посмотрим, что...

Стеклянный дом.

На сей раз Лобсанг все же смог сосредоточиться на заполнявших воздух звуках. Мокрым пальцем по ободку бокала? Но палец должен был принадлежать богу, а ободок – небесной сфере. И чудесные, сложные, постоянно меняющиеся звуки не заполняли воздух, они и были самим воздухом.

Неясный силуэт за стенами подошел ближе. Вот он уже за ближней стеной... Но потом он, видимо, отыскал открытую дверь и... исчез.

Что-то появилось за спиной Лобсанга.

Он обернулся. Ничего не увидел, но почувствовал движение, и что-то теплое легонько коснулось его щеки...

– ...покажет песок, – хмыкнул Лю-Цзе, высыпая содержимое небольшого мешочка на камень.

Цветные песчинки, подпрыгивая, рассыпались по поверхности. Они, конечно, не обладали чувствительностью Мандалы, но в кажущемся хаосе преобладал синий цвет.

Лю-Цзе внимательно посмотрел на Лобсанга.

– Гм... Как мы только что доказали, никто не может того, что можешь ты. Мы там у себя, в монастыре, за сотни лет так и не научились определять, где именно возникает возмущение во времени.

– Э, прости... – Лобсанг коснулся пальцами щеки и почувствовал влагу. – Что, по твоим словам, я могу?

– Для этого требуется огромная... – Лю-Цзе замолчал. – Там находится Анк-Морпорк. Ты это знал?

– Нет! Но ты же сам говорил: в Анк-Морпорке что-то должно произойти!

– Да, но я пришел к этому выводу лишь благодаря богатому жизненному опыту и цинизму! – Лю-Цзе собрал песок в мешочек. – А у тебя прирожденный талант. Пошли.

Четыре тонко нарезанные секунды позволили им спуститься ниже границы снегов на склоны, покрытые очень скользким щебнем, а еще через пару секунд они углубились в заросли ольхи чуть выше их роста. Там-то они и наткнулись на отряд сидевших кружком охотников.

Охотники почти не обратили на них внимания. В этих местах монахи встречались частенько. Главный охотник, вернее человек, который кричал громче всех, а именно такие обычно оказывались главными, бросил на путников взгляд и взмахом руки разрешил идти мимо.

Лю-Цзе, однако, остановился и приветливо посмотрел на существо в центре охотничьего круга. Существо в ответ посмотрело на него.

– Хорошая добыча, – заметил он. – И что вы с ним будете делать?
– А тебя это как касается? – спросил главный.
– Это я просто интерес проявляю, – пожал плечами Лю-Цзе. – Вы, парни, из долины пришли?
– Да. И ты поразишься, когда узнаешь, сколько монет могут отвалить за такую вот тварь.
– Ага, – согласился Лю-Цзе. – *Могли бы* отвалить.
Лобсанг посмотрел на охотников. Их было больше дюжины, все хорошо вооружены, и все настороженно смотрели на Лю-Цзе.
– Девять сотен долларов за хорошую шкуру. Плюс тысячу за лапы, – сказал главный.
– Так много? – удивился Лю-Цзе. – Куча денег за пару ступней.
– Потому что они большие, – пояснил охотник. – А ты знаешь, что говорят о мужчинах с большими ногами, а?
– Что таким мужчинам нужны очень большие башмаки?
– Ну да, типа, – усмехнулся охотник. – Ерунда это все, конечно, но богатые старички с Противовесного континента, женившиеся на молодухах, готовы выложить целое состояние за порошок из ступней йети.
– А я думал, что они относятся к охраняемым видам, – ответил Лю-Цзе, прислоняя свою метлу к стволу дерева.
– Да они ж как тролли! Кто будет их здесь охранять? – буркнул охотник.
За его спиной местные проводники, которые отлично знали Правило Номер Один, развернулись и пустились наутек.
– Я, – сказал Лю-Цзе.
– О? – изумился охотник, и на этот раз его усмешка стала злобной. – У тебя ведь даже нет оружия. – Он повернулся, чтобы посмотреть на улепетывающих проводников. – А, ты, по ходу, один из таинственных монахов, живущих в горных долинах?
– Верно, – ответил Лю-Цзе. – Маленький, улыбающийся таинственный монах. Совершенно безоружный.
– А нас пятнадцать, – напомнил охотник. – *Хорошо* вооруженных, как ты видишь.
– Это очень важно, что вы вооружены до зубов. – Лю-Цзе закатал рукава. – Так будет честнее.
Он потер ладони. Никто, судя по всему, отступать не собирался.
– Парни, кто-нибудь из вас слышал о существовании правил? – спросил он через некоторое время.
– Правил? – изумился один из охотников. – Каких правил?

– Ну понимаете, – махнул рукой Лю-Цзе, – просто правил. Например, есть Правило Второе или, скажем, Правило Двадцать Седьмое. Любых правил, которые подходят к данному описанию.

Главный охотник нахмурился.

– Не пойму, о чем ты толкуешь, господин?

– Ну не совсем «господин», скорее маленький, достаточно умный, престарелый, совершенно безоружный, таинственный монах – перечислил Лю-Цзе. – Мне просто интересно, ничто из этой ситуации не заставляет вас немного... нервничать?

– Ты имеешь в виду, что нас больше, мы вооружены, а ты все равно не собираешься отступить? – спросил один из охотников.

– Да, – кивнул Лю-Цзе. – Быть может, мы встретились здесь с чем-то этническим, а? Как насчет этого? – Он встал на одну ногу, немного покачиваясь, и поднял вверх обе руки. – Аи! Хай-иии! Хо? Йе-хи? Нет? Ну, кто-нибудь?

В рядах охотников возникло некоторое замешательство.

– Это книга? – предположил один из них, чуть поумнее прочих. – Сколько слов?

– Я хочу выяснить вот что, – сказал Лю-Цзе. – Кто-нибудь из вас имеет представление о том, что обычно бывает, когда толпа сильных вооруженных мужчин пытается напасть на маленького престарелого *невооруженного* монаха?

– Насколько мне известно, – откликнулся мозг группы, – с монахом случается очень большое несчастье.

Лю-Цзе пожал плечами.

– Ну хорошо, – продолжал он. – Придется прибегнуть к более доходчивому способу.

Что-то расплывчатое мелькнуло в воздухе и нанесло удар интеллектуалу по шее. Главарь попытался сделать шаг вперед, но слишком поздно понял, что шнурки башмаков связаны вместе. Охотники потянулись за ножами, которых вдруг не оказалось в ножнах, а мечи необъяснимым образом очутились сложенными у дерева на дальнем конце поляны. Кто-то невидимый ставил охотникам подножки, молотил локтями по мягким частям тел. Удары градом сыпались из пустоты. Упавшие предпочитали оставаться в том же положении. Поднятой голове моментально делалось очень больно.

Отряд храбрых охотников быстро превратился в валяющихся на земле и тихо стонущих людей. А потом они услышали ритмичный глухой звук.

Это йети хлопал в ладоши. Аплодисменты были редкими из-за

длинных лап существа. Прodelав долгий путь, ладони наконец встретались и были рады встрече друг с другом. Аплодисменты эхом разносились между гор.

Лю-Цзе наклонился и поднял голову главаря за подбородок.

– Если тебе понравилось, как ты провел день, расскажи об этом своим друзьям, – промолвил он. – А еще передай, чтобы они никогда не забывали Правило Номер Один.

Он отпустил его подбородок, подошел к йети и поклонился.

– Тебя освободить, господин, или предпочитаешь сделать это сам?

Йети встал, опустил взгляд на свисающий с ноги грубый капкан и на мгновение сосредоточился.

В конце этого же мгновения он оказался на некотором расстоянии от капкана, который вдруг зарылся обратно в листья, распахнув свои огромные челюсти.

– Bravo, – похвалил Лю-Цзе. – Методично. И очень ловко. Ты в долину направлялся?

Йети пришлось сложиться вдвое, чтобы его длинное лицо оказалось на уровне лица Лю-Цзе.

– Да-а-а, – пророкотал он.

– Как собираешься поступить с этими людьми?

Йети окинул взглядом съездившихся от страха охотников.

– Скоро темно, – сказал он. – Проводники убе-га-а-ать...

– Но есть факелы, – заметил Лю-Цзе.

– Ха. Ха. – ответил йети. Именно произнес эти звуки, а не засмеялся. – Умный человек. Факелы ночью видны.

– Ха! Да. Ты нас не подбросишь? Это очень важно.

– Ты и плавучий мальчишка?

Пятно серого воздуха на краю поляны вдруг стало запыхавшимся Лобсангом. Он выронил из руки толстую ветку.

– Мальчишку зовут Лобсанг. Я его учитель, – объяснил Лю-Цзе.

– Похоже, тебе придется поторопиться. Иначе у тебя кончатся вещи, которых он не знает, – сказал йети. – Ха. Ха.

– Метельщик, ты... – воскликнул подбежавший Лобсанг.

Лю-Цзе приложил палец к губам.

– Только не в присутствии наших падших друзей, – промолвил он. – Полагаю, после сегодняшнего Первое Правило будет пользоваться куда большим уважением в этой местности.

– Но ведь это же я...

– Нам пора. – Взмахом руки Лю-Цзе заставил его замолчать. –

Надеюсь, у нас получится вздремнуть на руках у нашего друга.

Лобсанг поднял взгляд на йети, потом посмотрел на Лю-Цзе. Потом – снова на йети. Он действительно был высоким. Немного напоминал троллей, которых ему приходилось встречать в городе, разве что тонко раскатанных. Йети вдвое превосходил его по росту, в основном благодаря тощим рукам и ногам. Туловище представляло собой клубок шерсти, а ступни действительно были огромными.

– Если он мог выбраться из капкана в любой момент... – начал было Лобсанг.

– Ты ученик, не так ли? – перебил его Лю-Цзе. – А я учитель? Уверен, я где-то это записывал...

– Но ты обещал никогда не отвечать этими своими всезнайными...

– Не забывай Правило Номер Один! Да, возьми один меч. Он скоро понадобится. Ну что ж, ваша честь...

Йети осторожно поднял их, положил себе под мышки и зашагал сквозь заросли и снег.

– Уютно, правда? – через некоторое время спросил Лю-Цзе. – Шерсть у них из камня, но чувствуешь себя в ней очень удобно.

Ответа со стороны другой подмышки не последовало.

– Некоторое время я жил среди йети, – продолжал Лю-Цзе. – Поразительные существа. Многому меня научили. Получил очень ценные знания. Ибо написано: «Век живи, век учись».

Все та же тишина в ответ. Но на сей раз *умышленно* мрачная.

– Если б меня в твоём возрасте таскал на руках самый настоящий йети, я бы счел себя весьма счастливым отроком. Многие жители долины никогда не видели ни одного из них. Кстати, в наше время они редко приближаются к поселениям. Особенно после того, как разнесся этот дурацкий слух об их ступнях.

У Лю-Цзе вдруг начинало складываться впечатление, что он участвует в диалоге один.

– Ничего не хочешь сказать? – спросил он.

– Собственно говоря, хочу, – отозвался Лобсанг. – Мне пришлось выполнить всю работу одному! Ну а ты ничегошеньки не собирался делать!

– Я позаботился о том, чтобы все внимание было обращено на меня, – возразил Лю-Цзе.

– Зачем?

– Чтобы они не обращали его на тебя. Я был в тебе совершенно уверен. Хороший учитель всегда даст ученику продемонстрировать свое мастерство.

– Слушай, а если бы меня не было рядом? Как бы ты расхлебывал всю эту кашу?

– Какой-нибудь очень большой ложкой, – ответил Лю-Цзе.

– Что-что?

– Полагаю, придумал бы способ использовать их глупость против них самих, – пожал плечами Лю-Цзе. – Обычно так и происходит. А что, какие-то проблемы?

– Я просто... думал... просто подумал, ты меня будешь чему-нибудь учить...

– Я постоянно учу тебя чему-нибудь, – заверил Лю-Цзе. – Или это ты не учишься?

– О, понятно, – фыркнул Лобсанг. – Очень самоуверенно. Кстати, может, попытаешься рассказать мне об этом йети? И хотя бы намекнешь, зачем ты заставил меня взять меч?

– Тебе понадобится меч, чтобы ближе познакомиться с йети, – ответил Лю-Цзе.

– Каким образом?

– Через несколько минут мы найдем удобное место для стоянки, и ты сможешь отрубить ему голову. Ты ведь не возражаешь, а, господин?

– Нйе-е-ет, не возражать, – откликнулся йети.

Во Втором Свитке Когда Вечно Изумленного содержится история о том, как однажды ученик Удурок, пребывая в мятежном настроении, подошел к Когду и произнес следующее:

– Учитель, в чем состоит разница между гуманистической, то бишь монашеской системой веры, в которой истина ищется при помощи очевидно абсурдной системы вопросов и ответов, и кучей мистической чепухи, придуманной экспромтом?

Когд задумался на некоторое время, а потом воскликнул:

– В рыбе?!

И ушел Удурок вполне довольным.

Тик

Кодекс Игорей был весьма строг.

Никогда Не Возражать. В обязанности Игоря не входило лезть под руку со всякими умными фразами типа: «Нет, герр мафтер, это артерия». Хозяин всегда прав.

Никогда Не Жаловаться. Со стороны Игоря такие фразы, как «Но это

же в тыфяче миль офюда!», были абсолютно недопустимы.

Никогда Не Язвить. Игорь даже в мыслях не мог произнести что-нибудь вроде: «Ефли б я так хохотайт, я бы на вфякий флучай повидайт доктор».

И Никогда, Никогда Не Задавать Вопросов. Конечно, под этим имелись в виду ВАЖНЫЕ вопросы. Вопрос «Не хотейт ли герр мафтер чашку чая?» задавать было можно, а вопрос «Зачем герру мафтеру целая фотня девфтвениц?» или «Где же мне ифкайт в это время футок человечефкий мозг?» – нет. Игори предоставляли надежный, верный сервис и не задавали лишних вопросов. Улыбка, разумеется, бесплатно. По крайней мере, кривая ухмылка. Как минимум шрам на должном месте^[12].

Поэтому Игорь беспокоился все больше и больше. Все шло неправильно, а уж когда Игорь говорит о неправильности, это повод для громадного беспокойства. Самая большая сложность состояла в том, чтобы донести все это до Джереми, не нарушив Кодекса. Игорь чувствовал себя крайне неудобно, сталкиваясь с такой явной, абсолютной разумностью. И все же он попытался.

– Ее фветлофт фнова будет заглядывайт к нам фегодня утром, – сказал он, наблюдая вместе со своим хозяином, как очередной кристалл наливается светом.

«И я знаю, что ты это знаешь, – добавил он про себя. – Потому что ты уложил свои волосы мылом и надел чистую рубашку».

– Да, – кивнул Джереми. – Жаль, с прошлого раза мы не многого достигли. Но сейчас я уверен: мы совсем рядом!

– Йа, и это зер-зер фтранно.

– Странно, говоришь?

– Меня можно называйт дураком, фэр, но вфякий раз, когда ее фветлофт заглядывайт нашу обитель, мы фтоим фамый порог уфпеха. А как только она уходит, мы фразу пытайт новые труднофти.

– На что ты намекаешь, Игорь?

– Йа, фэр? Йа не отнофийт фебя к людям, которые намекают, фэр. Но в прошлый раз трещина пролегайт по делителю...

– Я же тебе говорил! Я считаю, это все из-за межизмерительной нестабильности!

– Йа, фэр.

– Игорь, а почему ты так странно на меня смотришь?

Игорь пожал плечами. То есть на мгновение оба плеча оказались на одинаковой высоте.

– Это не йа, это мое лицо, фэр.

– Вряд ли она платила бы нам такие деньги, если бы хотела сорвать проект, согласись? Ей-то это зачем нужно?

Игорь медлил с ответом. Он уже чувствовал, как лопатки упираются в Кодекс.

– Я и фам вфю голову фломайт. И так ф ней, и фяк, но фовфем нет фмыфлу, фэр.

– Что-что, прости? Не понял тебя.

– Не знаю, можем ли мы доверять ей, фэр, – терпеливо объяснил Игорь.

– Ладно, ступай и займись калибровкой сложностного резонатора.

Игорь, немного поворчав, повиновался.

Когда Игорь следил за их благодетельницей во второй раз, она скрылась в гостинице. А на следующий день посетила некий большой дом в Королевском проезде, где встретила с жирным прохиндеистым типом, который устроил целое представление из передачи ей ключей. Игорь проводил его до самой конторы на соседней улице, где узнал – при виде его испещренного шрамами лица люди сразу становились весьма разговорчивыми, – что она взяла в аренду дом, расплатившись большим слитком золота.

После этого Игорь решил прибегнуть к древней анк-морпоркской традиции и для слежки за ее светлостью нанял специального человека. Боги свидетели, в мастерской хватало золота, а хозяин не проявлял к нему ни малейшего интереса.

Леди ле Гион ходила в оперу. Леди ле Гион посещала художественные галереи. Леди ле Гион жила полной жизнью. Вот разве что рестораны никогда не посещала. И еду на дом ей никогда не доставляли.

Леди ле Гион что-то замышляла. Это Игорь определил без труда. Кроме того, леди ле Гион не значилась ни в «Книге Пэров», ни в «Убервальдском Ежеготнике», ни в других соответствующих справочниках, которые Игорь, разумеется, проверил, а значит, ей и правда было что скрывать. Конечно, ему не раз приходилось работать на хозяев, которым было что скрывать, – иногда в глубоких ямах темной ночью. Но эта ситуация с моральной точки зрения была совсем иной, причем сразу по двум причинам. Во-первых, ее светлость не являлась его хозяйкой, а хозяином был Джереми, и только по отношению к нему Игорь должен был соблюдать лояльность. А во-вторых, эта ситуация была совсем иной, с моральной точки зрения самого Игоря.

Он подошел к стеклянным часам.

Они были почти готовы. Джереми сконструировал механизм, который должен был располагаться за циферблатом, а Игорь изготовил его – исключительно из стекла. Впрочем, этот механизм не имел ничего общего с другим механизмом, который мерцал сразу за маятником и после сборки занимал обескураживающе мало места, потому что ряд деталей находился совсем в другом измерении по отношению к остальным. Но у часов был циферблат, а значит, нужны были стрелки, поэтому стеклянный маятник раскачивался, стеклянные стрелки шли по кругу и показывали обычное время. Тиканье было звонким, словно кто-то постукивал ногтем по винному бокалу.

Игорь посмотрел на свои наследственные руки. Последнее время они вели себя как-то странно. Сейчас, когда стеклянные часы стали похожи на часы, руки сразу начинали дрожать, стоило только Игорю приблизиться к творению мастера Джереми.

Тик

На Съезден в библиотеке Гильдии Историков никто не обращал внимания. Она зарылась в книги и периодически делала записи в блокноте.

Возможно, это был всего-навсего еще один дар, перешедший ей по наследству от Смерти, но она всегда говорила своим ученикам: есть, так сказать, ленивый глаз, а есть глаз деловой. Смотреть на мир можно по-разному. Ленивый глаз замечает только то, что лежит на поверхности. Но деловой глаз способен видеть то, что скрывается внутри.

Она перевернула страницу.

История под ее пытливым деловым глазом выглядела достаточно странно. Отчетливо выделялись рубцы. Например, не могла не озадачивать история Эфеба. Либо его знаменитые философы были долгожителями, либо их имена передавались по наследству, либо в хронике событий были вшиты дополнительные периоды. В истории Омнии вообще царил хаос. Два столетия были сокращены до одного, и никто из омниан этого даже не заметил. Впрочем, неудивительно, прошлое, будущее и настоящее в их религии тоже были перепутаны так, что не развяжешь.

А как насчет Кумской долины? Все знали, что там произошла великая битва между гномами, троллями и наемниками с обеих сторон, но сколько именно битв было на самом деле? Историки утверждали, что долина занимала на спорной территории очень удобное место, поэтому и стала ареной для разрешения всех конфликтов. В действительности же было куда легче поверить – особенно если ты была внучкой Смерти – в то, что

подходящую по размеру заплатку вшивали в историю много-много раз. Поэтому снова и снова несколько поколений переживали глупейшую катастрофу, выкрикивая обязательное: «Помни Кумскую долину!»^[13]

Такие аномалии встречались во всех эпохах.

И никто ничего не замечал.

Вообще, человеческим существам следовало отдать должное. Они обладали самой странной особенностью во вселенной. Даже ее дед не раз отмечал это. Ни один другой вид на Плоском мире так и не смог придумать скуку. Возможно, именно скука, а вовсе не умственное развитие, заставляла людей подниматься по лестнице эволюции. Тролли и гномы тоже приобрели это странное свойство смотреть на вселенную и думать: «О, то же самое, что и вчера, как уныло. Интересно, что будет, если я тресну камнем вон по той башке?»

И наряду с этим развилась еще одна, тесно связанная с вышеупомянутой особенностью – воспринимать все происходящее, как будто так и должно быть. Мир переживал сильнейшее потрясение, а через несколько дней люди начинали воспринимать произошедшее как вполне нормальное событие. Люди обладают поразительной способностью закрываться и забывать все, что их не устраивает. Они рассказывают друг другу всякие выдумки, чтобы объяснить необъяснимое и чтобы все выглядело *нормально*.

Особенно преуспели в этом историки. Если вдруг выяснялось, что в четырнадцатом веке не происходило ничего особо значительного, они мгновенно придумывали двадцать разных теорий. И ни одна из них не предполагала, что большая часть этого периода была просто вырезана и перенесена в девятнадцатый век, ведь там из-за Великого Краха просто не осталось времени на все, что должно было случиться, и в результате на изобретение хомута ушла всего неделя.

Исторические монахи сделали все, что могли, но главным их союзником была способность людей мыслить *повествовательно*. И люди оказались на высоте положения. Они, например, говорили: «Уже четверг? А куда подевалась целая неделя?» Или: «О, как быстро летит время!» Или: «Кажется, это было только вчера...»

Хотя некоторые вещи оставались неизменными.

С другой стороны, монахи тщательно вырезали время, в которое начали бить стеклянные часы. Хирургическим путем оно было удалено из истории. Ну, почти удалено...

Сьюзен снова взяла в руки «Гримуарные сказки». Когда она была маленькой девочкой, родители не покупали ей подобных книжек. Они

стремились вырастить ее нормальным человеком, понимали, что нежелательно простому человеку поддерживать слишком близкие отношения со Смертью. Они научили ее тому, что факты важнее фантазий. Потом она выросла и поняла, что Бледный Всадник, зубные феи и страшилы – это как раз не фантазии, а самые что ни на есть неоспоримые факты. А фантазией был как раз тот мир, где бутерброду было все равно, какой стороной падать на пол, где логика была разумной и где события можно было поворачивать вспять.

Но Стеклянные Часы были слишком значительными, чтобы их можно было взять и просто так спрятать. Слухи о них просочились через темные, тайные лабиринты человеческого мозга и превратились в сказку. Люди попытались приукрасить ее всякими слащавостями и волшебными мечами, однако ее истинная суть таилась, будто грабли в заросшей лужайке, готовые в любой момент выпрыгнуть под неосторожной ногой.

Сейчас кто-то опять пытался наступить на те же грабли, и самое главное заключалось в том, что лоб, который подставлялся под удар, принадлежал...

...такому, как я...

Она посидела немного, глядя в пустоту. Вокруг нее историки лазали по библиотечным лестницам, таскали книги на кафедры, то есть всячески пытались воссоздать картину прошлого так, чтобы она была приемлемой с точки зрения настоящего. Впрочем, один из этих историков на самом деле искал свои очки.

«У Времени есть сын, – подумала она. – И он ходит по миру людей».

Когда-то жил человек, который посвятил всю свою жизнь изучению времени, отдал ему все свое сердце, и время стало для него реальным. Он изучил пути времени, и Время заметила его. Так сказал Смерть. Между ними возникло нечто вроде любви.

И у Времени родился сын.

Каким образом? Разум Сьюзен мог испортить подобными вопросами любое повествование. Время и смертный мужчина. Да и вообще, время всегда было она, откуда вдруг смена пола? Ну хорошо, такое бывает. Но как они могли?.. Вернее, как они *смогли*?

А потом она подумала: «Мой дед – Смерть. Удочерил мою мать. Мой отец был его учеником. Вот и все. Они оба были людьми, и я появилась на свет самым обычным способом. То есть я не должна ходить сквозь стены, жить вне времени и быть немного бессмертной, но мне все это доступно, а значит, к данной области здравый смысл и, посмотрим правде в лицо, теоретическая биология не имеют совершенно никакого отношения.

Так или иначе, время постоянно создает будущее. В будущем содержатся события, которых не существует в прошлом. Какой-то ребенок? Да проще простого, учитывая, что ты каждое мгновение создаешь вселенную заново.

Сьюзен вздохнула. Также не следует забывать, что Время не обязательно было временем, как Смерть был не совсем смертью, а Война – не совсем войной. Она встречалась с Войной – огромным толстяком с неадекватным чувством юмора и дурной привычкой терять нить разговора; так вот, он вовсе не на каждой мелкой сваре присутствовал. Чуму она недолюбливала, потому что он странно поглядывал на нее, а Голод был очень худым и чудноватым. И никто из них не контролировал всю свою... назовем это отраслью. Они всего-навсего олицетворяли ее.

Учитывая то, что Сьюзен водила знакомство с зубной феей, мясленичной уткой и самим Лихо, можно было только удивляться, что она выросла в основном человеком и причем почти нормальным.

Пока Сьюзен листала блокнот, ее завязанные тугим узлом волосы вдруг распустились и перешли в свое нормальное состояние, то есть в состояние, в которое переходят волосы человека, коснувшегося предмета с мощным электрическим зарядом. Волосы превратились в настоящее облако вокруг ее головы, в котором черной полоской пролегла одна единственная, почти нормальная прядь.

Дедушка мог считаться абсолютным разрушителем миров и вселенской истиной в последней инстанции, но это не значило, что его не интересовала жизнь обычных людей. Может, Время испытывала к этим созданиям такой же интерес?

Сьюзен улыбнулась.

Говорят, время никого не ждет.

Быть может, на сей раз все было иначе и Время дождалась? Своего единственного?

Сьюзен почувствовала на себе чей-то взгляд, повернулась и увидела Смерть Крыс. Он важно воззрился на нее сквозь очки, которые, очевидно, принадлежали несколько обескураженному мужчине, искавшем у их в другом конце комнаты. На бюсте какого-то давно забытого историка чистил перья ворон.

– Ну? – сказала она.

– ПИСК!

– Что, прямо сюда?

Дверь в библиотеку медленно открылась, и в комнату вошла белая лошадь. Среди коневодов-любителей существует ужасная привычка

называть белых лошадей серыми, хотя любой представитель этого кривоногого братства сейчас безропотно признал бы: эта лошадь именно белая. Не такая белая, как снег, потому что это мертвый белый цвет, но белая, как молоко, потому что этот белый цвет живой. Уздечка и поводья, как и седло, были, разумеется, черными, и использовались они в основном для внешнего эффекта. Если лошадь Смерти милостиво позволит тебе взобраться на ее спину, то оттуда ты никуда не денешься, неважно, есть седло или нет. И не было предела числу людей, которых могла бы перевезти эта лошадь за один раз. Что в принципе неудивительно: порой эпидемии выкашивали целые континенты.

Историки как будто ничего не заметили. Лошади ведь не ходят в библиотеки.

Сьюзен села в седло. Сколько уже раз она жалела о том, что не родилась обычным, совершенно нормальным человеком. Она бы с радостью отдала все свои сверхъестественные способности...

...Отдала бы все, но только не Бинки.

Через мгновение в воздухе над библиотекой остались только четыре раскаленных, как плазма, следа копыт, но скоро они потускнели и исчезли.

Тик

Тишину нарушал лишь хруст снега под огромными ступнями йети да постоянно завывающий в горах ветер.

Потом Лобсанг сказал:

– Когда ты упомянул отрубание головы, ты имел в виду...

– Отделение головы от туловища, – закончил за него Лю-Цзе.

– И, – продолжал Лобсанг голосом человека, исследующего каждый угол населенной призраками пещеры, – он нисколечко не будет возражать?

– Ну-у, – протянул йети. – Ощущения не есть приятные. Это вроде как фокус. Но коли надо, я – не, не против. Метельщик всегда был хороший дру-у-уг. Мы много должны ему.

– Я пытался показать им истинный Путь, – с гордостью пояснил Лю-Цзе.

– Да-а. Самый смак, – одобрил йети. – «Мытый чайник никогда не кипит».

Судя по лицу Лобсанга, сейчас в его голове любопытство вело бой с беспокойством. И похоже, одержало безусловную победу.

– Я что-то пропустил? – спросил он. – Так ты не умрешь?

– Йа-а? Не умру-у? Без головы? Бугагашеньки! Хо. Хо. Конечно умру.

Но все это ерунда.

– Долгие годы мы пытались разобраться в жизни йети, – встрял Лю-Цзе. – Их жизненные циклы вносили сумятицу в Мандалу, пока настоятель не научился делать на них поправку. Они уже трижды вымирали. То есть вообще вымирали.

– Трижды? – переспросил Лобсанг. – Многовато. Я хочу сказать, что у большинства видов это получалось только один раз.

Йети вошел в более высокие заросли древних сосен.

– Вот, подходящее место, – кивнул Лю-Цзе. – Опустите нас на землю, о господин.

– Ага, опусти, и мы откочерыжим тебе башку, – едва слышно произнес Лобсанг. – Да что я несую?! Никаких голов лично я рубить не стану!

– Ты сам слышал, это его не больно-то волнует, – ответил Лю-Цзе, когда их осторожно опустили на землю.

– Не в этом дело! – с жаром воскликнул Лобсанг.

– Это его голова, – заметил Лю-Цзе.

– Но *мне*-то не все равно!

– Что ж, в таком случае... – пожал плечами Лю-Цзе. – Разве не начертано: «Если хочешь сделать что-нибудь правильно, сделай это сам»?

– Да-а. Именно так, – подтвердил йети. Лю-Цзе взял меч из безвольной руки Лобсанга. Он держал его осторожно, как человек, не привыкший держать оружие. Йети послушно опустился на колени.

– Ты готов? – спросил Лю-Цзе.

– Да-а.

– Не могу поверить, что ты действительно собираешься это сделать, – изумился Лобсанг.

– Забавненькое совпадение, – сказал Лю-Цзе. – Госпожа Космопилит утверждает: «Видеть значит верить». А Великий Когд говорил: «Я видел. И я верю!»

Он резко взмахнул мечом и отрубил йети голову.

Тик

Раздался звук, словно кочан капусты разрубили надвое, и голова покатила в корзину под одобрительные вопли толпы: «О, браво! Вот красава! Молодец!» Щеботан был милым, тихим и законопослушным городом, и городской совет исправно поддерживал его в таком состоянии, проводя карательную политику, которая совмещала в себе максимум наглядного устрашения и минимум возможностей для повторного

нарушения закона.

– ХВАТ «МЯСНИК» ШМАРЦ?

Покойный Хват потер шею.

– Я требую, ента, повторного суда!

– ТВОЕ ТРЕБОВАНИЕ БУДЕТ УДОВЛЕТВОРЕНО, НО НЕМНОГО ПОГОДЯ, – отозвался Смерть.

– Это не может считаться убийством, потому что... – душа Хвата Шмарца пошарила в спектральных карманах в поисках призрачного клочка бумаги, развернула его и продолжила голосом человека, для которого чтение было подобно подъему на крутой склон, – ...равна... равновесие моего разума было, ента, тогось, нарушено.

– ПРАВДА? – отозвался Смерть.

Он давно понял, что новопреставленным лучше дать выговориться и облегчить душу.

– Ага, я ведь типа ну вааще как хотел его убить! Разве ж енто нормально? Да и вааще он был гномом. Где ж тута человекоубивство?

– НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ОН БЫЛ СЕДЬМЫМ ГНОМОМ, ПОГИБШИМ ОТ ТВОИХ РУК, – сказал Смерть.

– Я ну кирдык как склонен к умственным расстройством, – ответил Хват. – На самом деле жертва в этом деле – я! Мне ж чо было нужно? Понимание! Чтоб кто-нибудь меня вы-слу-шал! Мою, енту, точку зрения...

– И КАКОЙ ЖЕ *БЫЛА* ТВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ?

– Я вот что считаю: все эти гномы, енто, их под зад! Ногой, и под зад! Э... А ты, чо ли, Смерть?

– ДА, ВЕРНО.

– Сыш, я ж твой фанат! Почесноку! Всегда мечтал с тобой познакомиться. У меня даже тату с тобой, вот тутова, на руке, зырь. Сам колол.

Вдруг раздался стук лошадиных копыт, и покойный Хват повернулся. Молодая женщина, вся в черном, совершенно игнорируемая толпой, собравшейся вокруг палаток с закусками, киосков с сувенирами и гильотины, вела к ним под уздцы крупную белую лошадь.

– О, чувак, у тя даже спецпарковка с обслугой! – воскликнул Хват. – Ну ты вааще реальный пацан!

Произнеся эти слова, он исчез.

– ЗАНЯТНАЯ ЛИЧНОСТЬ, – сказал Смерть. – А, СБЮЗЕН. СПАСИБО, ЧТО НАВЕСТИЛА МЕНЯ. ОБЛАСТЬ НАШЕГО ПОИСКА СУЖАЕТСЯ.

– Нашего поиска?

– В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ТВОЕГО ПОИСКА.
– Ах, уже только моего?
– У МЕНЯ ЕСТЬ ДРУГИЕ ДЕЛА.
– Более важные, чем конец света?
– КОНЕЦ СВЕТА УЖЕ НАСТУПАЕТ. ПРАВИЛА ГЛАСЯТ, ЧТО
ВСАДНИКАМ ПОРА В ПУТЬ.

– Вспомнил старую легенду? Но ты-то тут при чем?
– ЭТО ОДНА ИЗ МОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. Я ДОЛЖЕН
СОБЛЮДАТЬ ПРАВИЛА.

– Почему? Они же их нарушают!
– СКОРЕЕ, НЕ СОВСЕМ ТОЧНО ВЫПОЛНЯЮТ. ОНИ НАШЛИ
ЛАЗЕЙКУ. Я НЕ МОГУ ПОХВАСТАТЬСЯ ТАКИМ БОГАТЫМ
ВООБРАЖЕНИЕМ.

«Это очень похоже на Джейсона и Битву за Классный Шкаф», – подумала Сьюзен. В школе очень быстро начинаешь понимать, что фраза «Никому не разрешается открывать шкаф с канцелярскими принадлежностями» является не всегда понятным для семилетних детей запретом. Следует хорошенько продумать и перефразировать запрет, используя более четкую формулировку, к примеру: «Никому, Джейсон, несмотря ни на что, даже если кому-то показалось, что он слышит крики о помощи, никому, Джейсон, ты меня понимаешь, не разрешается открывать дверь классного шкафа, или случайно падать на ручку так, чтобы эта дверь открылась, или обещать украсть у Богатеи плюшевого мишку, если она не откроет дверь классного шкафа, или стоять рядом и ждать, когда таинственный ветер вдруг подует из ниоткуда и распахнет дверь шкафа, честно-честно-так-все-и-было, и никому – это значит вообще никому не разрешается открывать, становиться причиной открытия, просить кого-либо открыть, подпрыгивать на половицах так, чтобы шкаф открылся, или каким-либо другим образом пытаться проникнуть в шкаф с канцелярскими принадлежностями, ты все понял, Джейсон?!»

– Лазейку, значит, – повторила Сьюзен.
– ДА.
– Ладно, а почему ты тоже не можешь найти какую-нибудь лазейку?
– Я – МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ. НЕ ДУМАЮ, ЧТО ЛЮДИ ОДОБРЯТ, ЕСЛИ
Я НАЧНУ РАЗВИВАТЬ... СВОИ ТВОРЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ. ОНИ
ПРЕДПОЧИТАЮТ, ЧТОБЫ Я ВЫПОЛНЯЛ ПОРУЧЕННУЮ МНЕ
РАБОТУ, КАК ОПРЕДЕЛЕНО ОБЫЧАЯМИ И УСТАНОВИВШИМСЯ
ПОРЯДКОМ.

– И ты просто так возьмешь и уедешь?

– ДА.

– И куда же?

– В ВЕЗДЕ. КСТАТИ, ТЕБЕ МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ ЭТО.

Смерть передал ей жизнеизмеритель.

Это был один из особых измерителей, чуть больше обычных. Она неохотно взяла его в руки. Он походил на песочные часы, но маленькие частицы, падавшие вниз, были не песчинками, а секундами.

– Ты ведь знаешь, я не люблю заниматься, ну, тем, что... связано с косой, – запротестовала она. – Это не... Ой, какой тяжелый!

– ЕГО ЗОВУТ ЛЮ-ЦЗЕ, ОН ИСТОРИЧЕСКИЙ МОНАХ. ПРОЖИЛ УЖЕ ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ. КАК Я ВЫЯСНИЛ, У НЕГО ЕСТЬ УЧЕНИК. НО ЭТОГО УЧЕНИКА Я НЕ МОГУ НИ ЧУВСТВОВАТЬ, НИ ВИДЕТЬ. ОН ТОТ, КТО НАМ НУЖЕН. БИНКИ ОТВЕЗЕТ ТЕБЯ К МОНАХУ, ТЫ НАЙДЕШЬ ПАРНЯ.

– А что потом?

– ДУМАЮ, ЕМУ ПОНАДОБИТСЯ ТВОЯ ПОМОЩЬ. КОГДА НАЙДЕШЬ ЕГО, ОТПУСТИ БИНКИ. МНЕ БЕЗ НЕЕ НЕ ОБОЙТИСЬ.

У Сьюзен зашевелились губы. Некое воспоминание в ее голове столкнулось с некоей мыслью.

– Ты на ней уедешь? Везде? – спросила она. – Ты действительно говоришь об Абокралипсисе? Серьезно? В него ведь уже давно никто не верит!

– Я ВЕРЮ.

У Сьюзен отвисла челюсть.

– И ты правда собираешься так поступить? Зная то, что ты знаешь?

Смерть похлопал Бинки по морде.

– ДА, – сказал он.

Сьюзен искоса посмотрела на деда.

– Подожди, подожди, тут наверняка что-то кроется! Ты что-то задумал, но не хочешь говорить даже мне, верно? Ты же не собираешься просто дожидаться конца света и как следует *отпраздновать* его?

– МЫ ОТПРАВИМСЯ В ПУТЬ.

– Нет!

– ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРИКАЗАТЬ РЕКАМ НЕ ТЕЧЬ. НЕ МОЖЕШЬ ПРИКАЗАТЬ СОЛНЦУ НЕ СВЕТИТЬ И НЕ МОЖЕШЬ ПРИКАЗЫВАТЬ МНЕ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ, А ЧТО – НЕТ.

– Но это же так... – Выражение лица Сьюзен изменилось, и Смерть вздрогнул. – Я думала, тебе *не все равно!*

– ВОЗЬМИ ЕЩЕ ВОТ ЭТО.

Сьюзен неохотно взяла у деда жизнеизмеритель чуть меньшего размера.

– ВОЗМОЖНО, ОНА СОГЛАСИТСЯ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ.

– Кто?

– ПОВИТУХА, НАЙДИ СЫНА, – сказал Смерть. И он исчез.

Сьюзен посмотрела на жизнеизмерители в своих руках. «Ему *снова* удалось обвести тебя вокруг пальца! – закричала она на себя. – Ты вовсе не должна это делать! Поставь эти штуки на землю, вернись в класс к ученикам, стань снова нормальной! Хотя ты знаешь, что не сможешь так поступить, и он это знает...»

– ПИСК?

Смерть Крыс сидел между ушей Бинки, держась за белую гриву, и всем своим видом выражал нетерпение отправиться в путь. Сьюзен подняла было руку, чтобы сбросить его, но вовремя остановилась. Вместо этого она сунула жизнеизмерители в крысиные лапки.

– Помоги хоть чем-нибудь, – буркнула она и натянула поводья. – О боги, и почему я все это делаю?..

– ПИСК.

– Неправда! Характер у меня совершенно отвратительный!

Тик

Удивительно, но крови было не много. Голова покатилась по снегу, тело медленно упало навзничь.

– Теперь ты убил... – начал было Лобсанг.

– Секундочку, – перебил его Лю-Цзе. – Это может случиться в любой момент...

Обезглавленное тело исчезло. Стоявший на коленях йети повернулся к Лю-Цзе и подмигнул.

– Больновато-о-о.

– Извини.

Лю-Цзе повернулся к Лобсангу.

– Обязательно сохрани это в своей памяти! – приказал он. – Воспоминание попытается исчезнуть, но тебя ведь не зря учили. Ты должен заставить себя помнить: ты видел то, чего на самом деле не было, понятно? Помнить, что время куда менее неумолимо, чем думают люди! Если у тебя есть голова на плечах, ты все это запомнишь! Вот он, наш небольшой урок! Видеть значит верить!

– Но как ему это удалось?

– Хороший вопрос. Любой из них способен сохранить себе жизнь в определенной точке, а потом, если его убьют, вернуться в сохраненное состояние, – сказал Лю-Цзе. – Как им это удастся?.. Понятия не имею. Настоятель посвятил исследованию этого явления почти целое десятилетие. Вряд ли кто-нибудь лучше его разбирается в этом вопросе. Думаю, это все кванты виноваты. – Он затаился неизменной вонючей самокруткой. – Видать, до фига подсчетов было, раз в них никто, кроме него, ничего не понял^[14].

– И как настоятель? – поинтересовался йети, вставая на ноги и беря на руки пилигримов.

– Зубы режутся.

– А. Перевоплощение. Всегда проблемы, – посочувствовал йети, переходя на бег длинными, пожирающими землю шагами.

– Говорит, хуже зубов ничего нет. То режутся, то выпадают.

– Насколько быстро мы идем? – спросил Лобсанг.

Бег йети напоминал непрерывную серию прыжков с одной ноги на другую, и ноги его были настолько гибкими, что каждое касание земли вызывало лишь слабое раскачивание. Оно почти убаюкивало.

– Думаю, согласно часовому времени, миль тридцать в час или около того, – ответил Лю-Цзе. – Отдохни немного. К утру доберемся до Медной горы. А оттуда уже только под горку.

– Возвращение из мертвых... – пробормотал Лобсанг.

– Если быть точным, он ниоткуда не возвращался, потому что никуда не уходил, – поправил Лю-Цзе. – Я некоторое время изучал их, но... если у тебя нет врожденных способностей, этому их фокусу придется учиться, и готов ли ты, в буквальном смысле, дать голову на отсечение, что у тебя все получится с первого же раза? Сложный вопрос. Решиться на это можно только в безнадежном положении. Надеюсь, я в таком не окажусь никогда.

Тук

Сьюзен увидела под собой Ланкр – крохотную впадину со склонами, покрытыми лесами и полями. Этакое гнездо, приткнувшееся к Овцепикам. Затем она нашла взглядом хижину – вовсе не похожую на компостную кучу с завитой штопором печной трубой, какой рисовали ее в «Гримуарных сказках» и других книжках, а совершенно новую, с блестящей соломенной крышей и идеально постриженной лужайкой.

Вокруг крошечного прудика, которому толковый садовник всегда

найдет место на участке, стояли декоративные фигурки гномов, мухоморов, розовых кроликов и пучеглазых оленей. Сьюзен заметила одного особенно яркого гнома, который удил... нет... в руках он держал совсем не удочку. Но вряд ли добропорядочная пожилая женщина украсит свой сад такой фигуркой! Или все ж украсит?

Сьюзен была достаточно сообразительной, чтобы обойти хижину сзади, так как знала: ведьмы терпеть не могут парадный вход. Дверь ей открыла полная женщина невысокого роста с румяными щеками и маленькими глазками цвета черной смородины, которые словно говорили: «Агась, это именно я установила гнома. И скажи спасибо, что он писает только в пруд».

– Госпожа Ягг? Повитуха?

– Она самая, – ответила после некоторой паузы госпожа Ягг.

– Ты меня не знаешь, но... – продолжила Сьюзен, как вдруг заметила, что госпожа Ягг смотрит мимо нее на стоящую у ворот Бинки.

В конце концов, эта женщина была ведьмой.

– А ведь может так случиться, что я тебя все ж знаю, – сказала госпожа Ягг. – Кстати, если ты эту лошадку откуда-то увела, то даже представить себе не можешь, в какую беду вляпалась.

– Я одолжила ее на время. Ее хозяин... мой дедушка.

Снова возникла пауза. Поразительно, как взгляд этих маленьких и кажущихся добрыми глазок мог буравить твою душу, проникая до самого дна.

– Что ж, думаю, тебе лучше войти, – сказала госпожа Ягг.

Внутри хижина была такой же чистой и новой, как и снаружи. Все вещи сверкали, а здесь было чему сверкать. Дом был мавзолеем для безвкусных, но с любовью расписанных фарфоровых фигурок, которые занимали все свободные горизонтальные поверхности. Вертикальные поверхности были заняты картинами в рамках. Две выглядевшие обеспокоенными женщины мыли пол и вытирали пыль.

– Я не одна, – произнесла госпожа Ягг строгим тоном, и женщины покинули дом с такой быстротой, что, вероятно, уместнее было бы использовать характеристику «спаслись бегством».

– Мои невестушки, – объяснила госпожа Ягг, усаживаясь в мягкое кресло, которое за долгие годы приобрело форму ее тела. – Всегда рады помочь бедной старушке, которая осталась одна-одинешенька на всем белом свете.

Сьюзен многозначительно посмотрела на картины. Если на них были изображены члены семьи, то госпожа Ягг командовала целой армией.

Госпожа Ягг совершенно не смутилась тем, что ее поймали на очевидном вранье.

– Присаживайся, девонька, да рассказывай, что привело тебя сюда. Чай уже закипает.

– Я хочу кое-что выяснить.

– Многие хотят, – хмыкнула госпожа Ягг. – И могут продолжать хотеть.

– Я хотела бы кое-что выяснить о... об одних родах, – невозмутимо продолжила Сьюзен.

– Правда? Я приняла сотни родов. Возможно, тысячи.

– Насколько я знаю, эти роды были сложными.

– Не все роды простые.

– Эти вряд ли можно забыть. Не знаю точно, как все началось, но думаю, в твою дверь постучал незнакомец.

– О?

Лицо госпожи Ягг мигом превратилось в неприступную стену. Черные глазки смотрели на Сьюзен так, словно она была захватнической ордой.

– Госпожа Ягг, ты не станешь мне помогать?

– Не стану, – подтвердила госпожа Ягг. – Думаю, девонька, я знаю, кто ты такая, но мне на это совершенно наплевать, ясно? Можешь привести того, другого, если хошь. Только не думай, что мы с ним не встречались. Мне не раз доводилось у смертного ложа стоять. Вот только смертное ложе – это место, как правило, публичное, а вот родильное – нет. Если, конечно, того сама роженица не пожелает. Так что можешь приводить его, уж я-то плюну в его бесстыжие зенки!

– Это очень важно, госпожа Ягг.

– Вот тут ты права, – твердым тоном подтвердила госпожа Ягг.

– Не могу сказать, как давно это произошло. Может, даже на прошлой неделе. Время – ключ к разгадке.

Ага, вот оно. Госпожа Ягг была плохим игроком в покер, во всяком случае по сравнению с таким мастером, как Сьюзен. Ее глаза чуть метнулись в сторону.

Кресло отлетело к стене, когда госпожа Ягг попыталась вскочить из него, но Сьюзен первой успела к каминной полке и схватила то, что было там спрятано – на самом виду, среди украшений.

– А ну, отдай немедленно, бесстыдница! – рявкнула госпожа Ягг.

Сьюзен вскинула руку так, чтобы госпожа Ягг не могла дотянуться до предмета. Она чувствовала излучаемую им силу. Он словно пульсировал в ее ладони.

– Госпожа Ягг, ты хоть имеешь представление, что это такое? – спросила она, разжимая ладонь, в которой оказались две соединенные друг с другом стеклянные колбочки.

– Знаю! Сломанные песочные часы! – Госпожа Ягг рухнула обратно в свое кресло так, что на мгновение ее ступни оторвались от пола.

– А я вижу перед собой день, госпожа Ягг. Целый день жизни.

Госпожа Ягг посмотрела на Сьюзен, потом перевела взгляд на крошечные песочные часы в ее руке.

– Я-то сразу прикинула, что с ними что-то не так, – сказала она. – Песок в них не сыплется, как ни крути.

– Потому что ты в этом пока не нуждаешься, госпожа Ягг.

Нянюшка Ягг, казалось, немного успокоилась. Сьюзен еще раз напомнила себе, что имеет дело с ведьмой. Обычно они так легко не сдаются.

– Я сохранила часы, потому что это был подарок, – буркнула повитуха. – И они красивые. А что это за слова по кромке?

Сьюзен прочла выгравированные на металлическом основании жизнеизмерителя слова:

– Темпус Редукс. Время Возвращенное.

– А, теперь понятно, – кивнула госпожа Ягг. – Тот человек так и сказал: мол, мне возместят каждую минуту потраченного времени.

– Тот человек?.. – тихим голосом уточнила Сьюзен. Нянюшка Ягг подняла на нее пылающий гневом взгляд.

– Даже не думай воспользоваться моей минутной слабостью! – отрезала она. – Никому еще не удавалось обойти нянюшку Ягг!

Сьюзен посмотрела на женщину, но на этот раз не ленивым глазом, а деловым. Да, и правда, обойти нянюшку Ягг было трудно. Но был и другой путь. Напрямую, напрямиком через сердце.

– Дитя должно знать своих родителей, госпожа Ягг, – сказала она. – Сейчас он как никогда нуждается в этом. Он должен понять, кто он есть на самом деле. Это будет весьма непросто, и я хочу ему помочь.

– Почему?

– Потому что мне в свое время никто не помог, – ответила Сьюзен.

– Видишь ли, девонька, у повитух тоже есть свои правила, – пожалала плечами нянюшка Ягг. – Насчет того, что ты видела и слышала, рот держи на замке! И только сама роженица может освободить тебя от этой клятвы.

Ведьма неловко заерзала в кресле, ее лицо покраснело. «Она хочет рассказать, – догадалась Сьюзен. – Ей не терпится поделиться. Но я не должна ее торопить. Нужно, чтобы она сама решилась на это».

– Я не прошу назвать мне имена, госпожа Ягг, потому что, полагаю, ты их сама не знаешь.

– Точнехонько.

– Но ребенок...

– Послушай, девонька. Ни одной живой душе я не должна говорить о...

– Если это хоть сколько поможет, я не совсем уверена, что отношусь к так называемым живым, – перебила Сьюзен. Некоторое время она наблюдала за госпожой Ягг. – Но я все понимаю. Без правил нельзя. Спасибо за потраченное на меня время.

Сьюзен встала и поставила законсервированный день на каминную полку. Потом вышла из хижины и закрыла за собой дверь. Бинки ждала у ворот. Сьюзен села на лошадь и только после этого услышала, как открылась дверь.

– Именно так он и сказал, – произнесла госпожа Ягг. – Когда эти колбы дарил. «Спасибо за потраченное на меня время, госпожа Ягг». Вернись-ка ты в дом, девонька.

Тик

Смерть отыскал Чуму в одном из хосписов Лламедоса. Чуме нравились больницы. Там ему было где развернуться.

В данный момент он, склонившись над треснутой раковиной, пытался соскоблить надпись «Мойте руки перед едой». Чума поднял глаза.

– А, это ты, – узнал он. – Мыло, говоришь? Я им дам мыло!

– Я ПОСЛАЛ ПРИЗЫВ, – сказал Смерть.

– А. Ну да. Конечно. Да, – ответил явно смущенный Чума.

– У ТЕБЯ КОНЬ ОСТАЛСЯ?

– Конечно, но...

– У ТЕБЯ БЫЛ ХОРОШИЙ КОНЬ.

– Послушай, Смерть... это... слышь, дело не в том, что я не разделяю твою точку зрения.

Чума отошел чуть в сторонку – мимо них проходила нянечка в белом халате, совершенно не обратившая внимания на обоих Всадников. Но он все же воспользовался возможностью, чтобы дыхнуть ей прямо в лицо.

– Легкий грипп, не более, – сообщил он, заметив, как посмотрел на него Смерть.

– ТО ЕСТЬ МЫ МОЖЕМ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТЕБЯ, ДА?

– Поскачем, значит...

- ДА.
- Ради Главного События...
- ИМЕННО ЭТОГО ОТ НАС И ЖДУТ.
- И кого еще тебе удалось разыскать?
- ТЫ ПЕРВЫЙ.
- Э...

Смерть вздохнул. Разумеется, болезни существовали еще до появления людей, и их было предостаточно. Но Чуму создали именно люди. Они обожали собираться большими толпами, лазать по всяким джунглям, сваливать навозные кучи возле колодцев. Таким образом, Чума был отчасти человеком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ему было страшно.

- ПОНЯТНО, – сказал Смерть.
- То, как ты это излагаешь...
- ТЫ БОИШЬСЯ?
- Я... подумаяю.
- ДА. ХОРОШЕНЬКО ПОДУМАЙ.

Тик

Нянюшка Ягг плеснула себе в кружку изрядную порцию бренди. Она помахала бутылкой, посмотрев на Сьюзен вопросительным взглядом.

- Нет, спасибо.
- Ну и ладушки, настаивать не станем!

Нянюшка Ягг поставила бутылку на стол и припала к кружке так, словно пила не бренди, а пиво.

– Тот человек постучал в мою дверь, – сказала она. – За всю мою жизнь целых три раза приходил. В последний раз, дай-ка прикинуть, деньков десять назад. Один и тот же, каждый раз. Повитуха ему была нужна, видите ли...

– Десять дней назад? – переспросила Сьюзен. – Но ребенку уже не меньше шестна... – Она замолчала.

– Агась, догадалась! – воскликнула нянюшка Ягг. – Я сразу же поняла, что ты сообразительная. Время не имело для него значения. Ему была нужна самая-самая лучшая повитуха. Похоже, он где-то прознал обо мне, да только дату перепутал. Ну, типа как если бы ты или я не в ту дверь постучались. Понимаешь меня?

- Лучше, чем ты думаешь.
- В третий раз... – Еще глоток бренди. – Он был немного того, –

сказала нянюшка Ягг. – Вот с чего я взяла, что он был простым человеком, несмотря на то, что произошло опосля. По чести говоря, поняла я это, потому что он напужался. Мужья жен на сносях частенько так пугаются. Он начал твердить, что я немедленно должна пойти с ним, что времени совсем нет... У него было все время мира, но мыслить нормально он не мог, потому что, когда наступает срок, у всех мужиков мозги встают набекрень. Мир перестает принадлежать им одним, вот они и пугаются.

– А что произошло потом? – спросила Сьюзен.

– Он усадил меня в свою повозку, такая вся на колесницу похожая, в каких всякие древние ездили, и отвез... – Госпожа Ягг замялась. – Много странного я в жизни повидала, уж поверь, – промолвила она, словно готовя почву для откровения.

– Вполне верю.

– То был замок из чистого стекла.

И госпожа Ягг воззрилась на Сьюзен с видом, который буквально провоцировал ее выразить недоверие. Сьюзен решила ускорить ход событий.

– Госпожа Ягг, одно из моих самых ранних воспоминаний относится к тому, как я помогаю кормить Коня Цвета Блед. Понимаешь? Сейчас он, вернее это она, лошадь, стоит у ворот. Лошадь Смерти. Ее зовут Бинки. Поэтому, пожалуйста, рассказывай дальше. Вещи, которые я считаю нормальными, не поддаются никакому счету.

– Ну а потом женщина... в общем, появилась она, – продолжила ведьма. – Можешь представить себе, как что-то разлетается на миллионы кусочков? Вижу, можешь. Так вот представь, как будто все наоборот. Возник туман, заполнивший все вокруг, а потом вшух! И вдруг появляется женщина. Потом опять вшух! И снова туман. И все время этот вшух, вшух... – Госпожа Ягг провела пальцем по краю бокала так, что тот зазвенел.

– Женщина то... обретала плоть, то исчезала? Но почему?

– Да тоже испужалась потому что! Первые роды, понимаешь? – Госпожа Ягг усмехнулась. – Лично у меня в енттой области никогда никаких проблем не было, но я приняла много первых родов и видела девушек, напуганных буквально до смерти, когда перестает толкать и начинает схватывать, если ты меня понимаешь, это такое наше, повитушечье выражение. Так вот, они сразу начинают вопить, мужей своих чехвостить и готовы отдать все, что угодно, лишь бы оказаться в другом месте. А эта дамочка могла оказаться в любом другом месте. Если б не тот тип, я б за ней побегала!

– Который привез вас туда?

– Знаешь, он был каким-то иностранцем. Как будто из Пупземелья. Плешивый как колено. Помню, я подумала: «Да, милостивый государь, выглядишь ты молодым, но в молодухах ходишь уж не первый десяток, если я хоть в чем-нибудь разбираюсь». Обычно я всех мужиков прочь гоню, а этот сидел, говорил с ней на своем языке, пел песни, читал стихи, успокаивал, и вдруг она возвратилась из ниоткуда, прям из воздуха, а тут и я наготове, и все – раз, два, опа! Закончилось в два счета. А потом она опять исчезла, только, как мне показалось, осталась. Ну, вроде как в воздухе.

– А как она выглядела? – спросила Сьюзен. Госпожа Ягг странно посмотрела на нее.

– То, что я увидела, сидючи там, пожалуй, теперь вовек не забуду, – ответила она. – Вот только коли описать это во всех подробностях, вряд ли какой художник захочет запечатлеть, если ты понимаешь, о чем это я. Надо признать, в такой момент любая женщина выглядит не больно-то. И она была молодой, темноволосой... – Госпожа Ягг снова наполнила бокал, и на сей раз пауза несколько затянулась. – А еще старой, если хочешь знать правду. И не такой старой, как я. По-настоящему старой. Она уставилась на огонь.

– Старой, как тьма и звезды, – промолвила она, обращаясь к пламени.

– А затем мальчика оставили у дверей Гильдии Воров, – сказала Сьюзен, чтобы нарушить воцарившуюся тишину. – Полагаю, они решили, что с такими способностями он не пропадет.

– Мальчика? Ха. Скажи-ка мне, девонька... А с чего ты вообще взяла, что это был он?

Тик

Леди ле Гион пыталась быть сильной.

Она даже представить себе не могла, до какой степени люди находятся во власти собственных тел. Тело не давало покоя ни днем ни ночью. Оно постоянно чувствовало то жару, то холод, то сытость, то голод, то усталость...

Главное – дисциплина, в этом она не сомневалась. Аудиторы были бессмертны. Если она не может приказывать своему телу, значит, она не имеет права обладать им. Тело было самым уязвимым местом любого человека.

А еще органы чувств. У Аудиторов были сотни органов чувств, чтобы

иметь возможность обнаружить и зарегистрировать каждое явление. Сейчас в ее распоряжении осталось только пять. Справиться всего с пятью органами чувств? Легче легкого, так ей казалось. Но все они были подключены прямо к телу! Они не просто предоставляли информацию, но и предъявляли требования!

Как-то раз она прошла мимо киоска, в котором продавали жареное мясо, и ее рот мгновенно наполнился слюной! Запах заставил тело захотеть есть, не проконсультировавшись с мозгом! И это еще не было самым плохим! Самое плохое состояло в том, что мозг предпочитал мыслить самостоятельно!

И это было основной проблемой. Наполненный мокрой серой субстанцией мешок за глазами работал независимо от владельца. Он получал информацию от органов чувств, сверял ее с тем, что хранится в памяти, и предлагал различные варианты. Иногда некоторые его потайные части даже боролись за контроль над ртом! Люди вовсе не были индивидуумами, каждый из них представлял собой целый комитет!

Отдельные члены этого комитета были невежественными, революционными и совершенно невоспитанными. Они присоединились к мозгу задолго до зарождения цивилизации, а кое-кто оказался на борту даже до возникновения рода человеческого. И ответственная за совместное мышление часть вынуждена была вести постоянные бои в темных закоулках мозга, чтобы добиться большинства голосов!

Таким образом, прожив чуть больше двух недель в человеческом облике, сущность, ныне прозываемая леди ле Гион, вынуждена была постоянно решать какие-то проблемы.

Взять, к примеру, человеческую пищу. Аудиторы ничего не ели. Они понимали, что хилые, недоразвитые жизненные формы вынуждены поедать друг друга, чтобы получать энергию и материалы для развития тел. Процесс был поразительно неэффективным, и ее светлость попыталась выделять питательные вещества непосредственно из воздуха. Это у нее получилось, но сам процесс вызывал чувство... Как бы это назвать? Да... *гадливости*.

Кроме того, часть мозга не верила в то, что ее накормили, и настаивала на том, что по-прежнему голодна. Ее бесконечные жалобы мешали мыслительному процессу, и, несмотря на нежелание, леди ле Гион пришлось вплотную заняться, как бы это выразиться, вопросом *отверстий*.

Аудиторы узнали об их существовании очень давно. На человеческом теле их было, судя по всему, до восьми. Одно не выполняло абсолютно никакой функции, остальные оказались многофункциональными, но уши,

что было особенно поразительно, могли использоваться для выполнения только одной работы.

Вчера она попробовала съесть кусочек черствого тоста.

За весь период существования это был ее самый худший опыт.

Никогда в жизни ей не приходилось испытывать более *сильного* ощущения.

Но было еще кое-что. Насколько она понимала язык своего тела, это было *приятно*.

Судя по всему, органы вкуса человеческого существа значительно отличались от органов чувств, используемых Аудитором. У Аудиторов они были точными, откалиброванными и аналитическими. Органы человеческого вкуса создавали впечатление, что как будто тебе в рот вдруг влез сразу весь мир. Целых полчаса она наблюдала за фейерверками, вспыхивающими в голове, прежде чем вспомнила, что пищу нужно проглотить.

Как люди могут выдерживать такое?

Их художественные галереи буквально заморозили ее. Как выяснилось, некоторые люди могли представлять реальность так, что она выглядела более реальной и словно разговаривала со зрителем, опаляла его разум... За пределами понимания оставалось другое: почему гениальный художник непременно должен пихать себе в верхнее отверстие всякие чужеродные предметы? Может, люди просто *привыкли* к этому? И это было только *начало*...

В общем, чем быстрее будет завершена работа над часами, тем лучше. Этот безумный вид заслуживает не только вымирания. Она каждый день наносила визит часовщику и его уродливому слуге, оказывала всю помощь, которую могла себе позволить, но работа постоянно пребывала в одном маленьком шажке от завершения...

Поразительно! Она даже научилась лгать *самой себе*! Потому что другой голос в ее голове, принадлежащий невежественному комитету, говорил: «Ты ведь совсем им не помогаешь! Воруешь детали, ломаешь их... и приходишь туда каждый день потому, что тебе нравится, как он смотрит на тебя, а?»

Некоторые члены внутреннего комитета, настолько старые, что давно лишились голоса и сохранили лишь прямой контроль над телом, пытались вмешаться. А она отчаянно боролась с ними, пытаясь выбросить их из головы.

Но сегодня ей предстояла встреча с другими Аудиторами. Они всегда отличались пунктуальностью.

Она попыталась собраться с силами. В последнее время без каких-либо видимых причин из ее глаз вдруг начинала сочиться вода. Поправив прическу, насколько это было возможно, она направилась в огромную гостиную.

Серость уже заполняла воздух. Комната была слишком мала, чтобы вместить большое число Аудиторов, но это не имело значения. Один мог говорить за всех.

Леди ле Гион почувствовала, как уголки рта машинально поднимаются, когда увидела девятерых из них. Девять – это три на три, а Аудиторы испытывали слабость к тройкам. Двое могли следить за одним. *Каждые* двое могли следить за *каждым* одним. «Они сами себе не доверяют», – сказал один из голосов в ее голове. Однако другой голос сразу парировал: «Мы. Мы сами себе не доверяем». И она подумала: «Да, конечно. Мы, не они. Я не должна забывать, что я – это мы».

«Почему замедлился ход работ?» – сказал один Аудитор.

Уголки ее рта опустились.

– Возникли незначительные проблемы с настройкой и совмещением, – ответила леди ле Гион.

Она почувствовала, что ее ладони начали медленно потирать друг друга, и никак не могла понять почему. Она ведь не приказывала им делать это.

Аудиторы не нуждались в языке жестов, поэтому не понимали его.

«Какова природа...» – сказал один.

Но тут в разговор вмешался еще один.

«Почему вы проживаете в этом здании?» – В его голосе звучали нотки подозрительности.

– Тело требует выполнения ряда функций, которые невозможно выполнить на улице, – ответила леди ле Гион. Однако она уже успела кое-что узнать об Анк-Морпорке, поэтому сочла нужным добавить: – По крайней мере, на большинстве улиц. Кроме того, я думаю, что у слуги часовщика возникли некоторые подозрения. Я позволила телу подчиниться силе тяготения, так как оно к этому приспособлено. Кроме того, это свойственно человеческой природе.

«А какой смысл вот в этом?» – сказал один, притом тот же самый.

Он обратил внимание на краски и мольберт. Леди ле Гион мысленно, но со всем жаром отругала себя за то, что забыла их убрать.

«Вы создаете изображение красителями?» – сказал один.

– Да, но боюсь, крайне неумело. «Для какой цели?» – сказал один.

– Мне хотелось выяснить, как это делают люди. «Очень просто, –

сказал один. – Глаза получают исходные данные, рука наносит краситель».

– Я тоже так думала, но все оказалось гораздо сложнее...

Тот, кто поднял вопрос о картинах, подлетел к креслу и сказал:

«А это что такое?»

– Кот. Он пришел. И, судя по всему, не собирается уходить.

Кот, рыжий, дикий котяра, дернул рваным ухом и свернулся в еще более плотный клубок. Любое живое существо, сумевшее выжить в темных переулках Анк-Морпорка среди выброшенных на улицу болотных драконов, свор диких собак и бродячих меховщиков, даже один глаз не приоткрыло бы, чтобы посмотреть на кучу летающих ночных рубашек.

Один, который уже начинал действовать леди ле Гион на нервы, сказал:

«И цель его присутствия?»

– Судя по всему, он терпимо относится к обществу лю... существ, похожих на людей, ничего не просит взамен, кроме еды, воды, приюта и покоя, – ответила леди ле Гион. – Это интересует меня. Мы поставили перед собой цель узнать о людях побольше, и я, как вы видите, успешно к ней продвигаюсь.

Она очень надеялась, что произнесенные слова показались им более убедительными, чем ей самой.

«Проблема с часами, о которой вы упомянули, будет решена?» – сказал один.

– Да, очень скоро. Очень скоро.

Один, который начал внушать леди ле Гион страх, сказал:

«Мы вдруг подумали: возможно ли такое, чтобы именно вы замедляли ход работ?»

Леди ле Гион ощутила легкое покалывание в области лба. Откуда оно взялось?

– Нет. Зачем мне замедлять ход работ? Это было бы нелогично!

«Гмм», – сказал один.

Аудитор никогда не говорит «гмм» случайно. Это «гмм» имело определенный смысл. Он продолжил: «Вы выделяете влагу головой?»

– Да. Это особенность тела.

«Да», – сказал один. И это тоже имело определенный, весьма зловещий смысл.

«Мы вдруг подумали, – сказал один, – быть может, долгое пребывание в твердом теле плохо влияет на решимость? Кроме того, нам стало трудно читать ваши мысли».

– Боюсь, и в этом виновато тело. Мозг очень неточный инструмент. –

Леди ле Гион наконец взяла под контроль собственные руки.

«Да», – сказал один.

«Когда вода заполняет кувшин, она принимает форму кувшина, – сказал другой. – Но вода не становится кувшином, а кувшин – водой».

– Конечно, – согласилась леди ле Гион.

И откуда-то из темных глубин за глазами выплыла помимо ее воли мысль: «Мы определенно самые тупые существа во вселенной».

«Действовать в одиночку неразумно», – сказал один.

– Конечно, – опять ответила она.

И снова из темных глубин всплыла мысль: «Вот теперь я в беде».

«Поэтому у вас появятся спутники, – сказал один. – В этом нет ничего зазорного. Один не должен оставаться в одиночестве. Решимость укрепляется, когда мы не одни».

Тело леди ле Гион машинально попятилось, а когда она увидела, что именно появляется из воздуха, попятилось еще дальше. Она видела людей на всех стадиях жизни и смерти, но зрелище создаваемого из сырой материи тела вызывало странные и дурные предчувствия, особенно если ты в данный момент обитаешь в аналогичном теле. Это был один из тех моментов, когда за тебя думает желудок и он же принимает решение: неплохо бы проблеваться.

Шесть фигур приняли отчетливые очертания и открыли глаза. Три фигуры были мужчинами, три – женщинами. Все были одеты в подогнанные под размеры людей балахоны Аудиторов.

Оставшиеся Аудиторы отошли, но один сказал:

«Они проводят вас к часовщику, и все проблемы будут решены сегодня. Ни есть, ни дышать они не будут».

«Ха!» – воскликнул один из тихих голосов, который был частью мыслительного процесса леди ле Гион.

Одна из фигур захныкала.

– Тело *будет* дышать, – возразила ее светлость. – Вам не удастся убедить его в том, что ему не нужен воздух.

Она услышала хрипы задыхающихся тел.

– Вы думаете: да, мы способны обмениваться с внешним миром необходимыми материалами, и это чистая правда, – продолжила она. – Но тело об этом не догадывается! Оно думает, что умирает. Позвольте ему дышать.

Послышалась серия судорожных вздохов.

– Скоро вы почувствуете себя лучше, – пообещала ее светлость, и ее вдруг поразила еще одна подсказанная внутренним голосом мысль: «Они –

твои тюремщики, но ты уже гораздо сильнее их».

Одна из фигур неловко ощупала свое лицо и, задыхаясь, произнесла:

– С кем вы разговариваете ртом?

– С вами, – ответила леди ле Гион.

– С нами?

– Сначала нужно кое-что объяснить...

– Нет, – сказал Аудитор. – Этот путь опасен. Мы полагаем, что тело навязывает мозгу некий способ мышления. Ничего зазорного. Это... обычная неполадка. Мы проводим вас к часовщику. Сделаем это немедленно.

– Только не в этой одежде, – покачала головой леди ле Гион. – Вы напугаете его. Это может стать причиной иррациональных действий.

На мгновение воцарилась тишина. Воплощенные Аудиторы беспомощно смотрели друг на друга.

– Вы должны разговаривать ртами, – подсказала леди ле Гион. – Разумы заточены внутри голов.

– А что плохого в этой одежде? – поинтересовался один. – Простой фасон, который использовался многими народностями.

Леди ле Гион подошла к окну.

– Видите людей на улице? – спросила она. – Вы должны одеваться в соответствии с существующими в городе традициями.

Аудиторы неохотно выполнили ее требование и, сохранив прежнюю серость, создали себе одежды, которые вряд ли привлекли бы внимание на улице. Правда, не во всех случаях.

– Только те, кто похож на женщин, должны носить платья, – заметила леди ле Гион.

Один из зависших в воздухе серых силуэтов сказал: «Предупреждение. Опасность. Та, кто называет себя леди ле Гион, может дать небезопасный совет. Предупреждение».

– Понятно, – сказал один из воплощенных. – Мы знаем дорогу и пойдем первыми.

Он попытался выйти сквозь закрытую дверь.

Аудиторы столпились вокруг двери, потом один из них посмотрел на леди ле Гион испепеляющим взглядом, а она улыбнулась в ответ.

– Дверная ручка, – указала она.

Аудитор повернулся обратно к двери, опустил взгляд на бронзовую ручку, потом осмотрел дверь сверху вниз. Она превратилась в прах.

– Повернуть ручку было куда проще, – заметила леди ле Гион.

Тук

Пуп окружали высокие горы. Но не у всех горных вершин, обступивших храм, были названия, потому что их было слишком много. Только боги обладают достаточным временем, чтобы присвоить имя каждому камушку на берегу; правда, им не хватает терпения.

Медная гора была достаточно маленькой, чтобы считаться достаточно большой и обладать именем. Лобсанг проснулся и увидел искривленную вершину, возвышавшуюся на фоне предрассветного неба над более низкими безымянными пиками.

А еще богам иногда не хватало вкуса. Они позволяли рассветам и закатам окрашивать небо в нелепые розовые и голубые тона, которые любой профессиональный художник пренебрежительно назвал бы работой энтузиаста-любителя, никогда не видевшего настоящий закат. Это и был один из таких рассветов. Рассвет, увидев который любой человек воскликнул бы: «Ну нет! Настоящий рассвет никогда не смог бы окрасить небо в цвет хирургического протеза!»

Тем не менее рассвет был красивым^[15].

Лобсанг лежал, наполовину зарывшись в кучу листьев папоротника. Йети нигде не было видно.

Здесь уже наступала весна. Снег еще не растаял, но уже появлялись проталины с чахлой зеленой травкой. Лобсанг осмотрелся и увидел на деревьях набухшие почки.

Лю-Цзе стоял на некотором расстоянии от него и внимательно рассматривал дерево. Он даже не обернулся, услышав шаги Лобсанга.

– А где йети?

– Дальше он идти отказался. Нельзя просить йети пересекать линию снегового покрова, – прошептал Лю-Цзе.

– О, – прошептал Лобсанг. – А почему ты говоришь шепотом?

– Посмотри, какая птица.

Указанная птица сидела на ветке у развилки дерева, рядом с чем-то похожим на скворечник, и клевала округлую щепочку, держа ее в когтях.

– Должно быть, ремонтирует старое гнездо, – пояснил Лю-Цзе. – Новое еще не успела построить – сезон только что начался.

– А мне это кажется каким-то старым ящиком, – сказал Лобсанг и прищурился, чтобы получше разглядеть конструкцию. – Старые... часы?

– И глянь, что клюет птица, – посоветовал Лю-Цзе.

– Похоже на грубую шестеренку? Но каким образом...

– Точно подмечено. Это, юноша, часовая кукушка. Молодая, судя по внешнему виду. И пытается свить гнездо, чтобы приманить самца. Шансов у нее не много... Видишь. Цифры все перепутаны, и стрелки кривые.

– Птица, которая строит часы? Я думал, что часы с кукушкой – это часы с механической птичкой, которая высовывается, когда...

– А как, по-твоему, у людей возникла такая нелепая идея?

– Но это же чудо!

– Почему? – удивился Лю-Цзе. – Хода хватает только на полчаса, идут неточно, а бедные глупые самцы буквально с ног сбиваются, пытаются поддерживать их в заведенном виде.

– Но даже...

– Полагаю, в этом мире все возможно, – перебил Лю-Цзе. – Так что нечего так шуметь из-за всяких пустяков. Еда осталась?

– Нет. Все доели вчера вечером, – ответил Лобсанг и добавил с надеждой: – Я слышал разговоры о том, что по-настоящему продвинутые монахи способны черпать жизненные силы прямо из воздуха...

– А я полагаю, что такое возможно только на планете по имени Колбаса, – отрезал Лю-Цзе. – Обойдем Медную гору и найдем что-нибудь в долине за ней. Пошли, времени совсем мало.

«Но вполне достаточно, чтобы тратить его на какую-то пичугу», – подумал Лобсанг, позволяя миру вокруг стать тускло-голубоватым. Эта мысль хоть немножко успокоила его.

По незаснеженной земле идти было легче – при условии, что удавалось избегать странного сопротивления, которое оказывали кусты и высокая трава. Лю-Цзе шагал впереди и выглядел странно цветистым и нереальным на фоне потускневшего пейзажа.

Они прошли мимо гномьих штолен, но на поверхности никого не увидели. Лобсанг даже слегка обрадовался этому. Вчера они проходили через пару деревень, и статуи, там стоявшие, оказались вовсе не статуями, а людьми, застывшими на разных скоростях времени. Лю-Цзе строго-настрого запретил ему приближаться к ним; впрочем, беспокоился он зря. Рядом с живыми статуями он, Лобсанг, чувствовал себя так, как будто случайно вторгся в чужие жизни. А еще хуже становилось, когда ты понимал, что они двигаются, только очень-очень медленно...

Они спустились по обращенному к Краю и покрытому густым лесом склону горы. Тут было куда теплее. Сам спуск занял не много времени – солнце почти не сдвинулось со своего места над горизонтом. Здесь пейзаж уже выглядел более обжитым. Лес стал больше походить на скопище рощиц. Звериная тропа, по которой они шли, пересекала ручей, где

обнаружились следы тележных колес – старые, но еще не заросшие травой.

Когда они миновали брод, Лобсанг обернулся и увидел, как вода очень неторопливо заполняет оставленные его ногами следы.

Он тренировался нарезать время на заснеженных равнинах, что раскинулись над долиной с монастырем. На вопрос «А почему не потренироваться здесь?» ему ответили: «Чтобы случайно не навредить». Кому или чему, так и осталось неизвестным. И сейчас Лобсанг впервые нарезал настоящую местность.

Ощущения были чудесными! Птицы зависли в небе. Ранние шмели застыли над не успевшими распуснуться цветами. Мир казался большим кристаллом, созданным из живых существ.

Лобсанг замедлил шаг рядом со стадом щипавших траву оленей, заметил, как с геологической медлительностью начал поворачиваться в его сторону глаз ближайшего животного. Потом под шкурой готового спастись бегством существа сократились мышцы...

– Все, время для тяжки, – сказал Лю-Цзе. Мир вокруг Лобсанга пришел в движение. Олень исчез, а вместе с ним и волшебство момента.

– А что такое «тяжка»? – спросил Лобсанг. Он ощутил легкое недовольство. Ему было приятно в медленном и тихом мире.

– Никогда не бывал на Четырех-Иксах?

– Нет. Но в «Виноградной горсти» работал один человек. Кажется, родом оттуда.

Лю-Цзе закурил тонкую самокрутку.

– Это ничего не значит, – сказал он. – Все, кто работает в кабаках да трактирах, родом оттуда. Странное место. С мощным источником времени прямо по центру. Очень удобно. Время переплелось с пространством. Вероятно, все пиво виновато. Впрочем, красиво. Кстати, видишь ту местность в низинке?

С одной стороны поляна заканчивалась склоном, настолько крутым, что были видны только макушки росших там деревьев, а за ним виднелись заплатки обработанных полей, уходивших в ущелье. Чуть дальше начинался каньон, и Лобсангу показалось, что он разглядел перекинутый через него мост.

– На местность не похоже, – сказал он. – Скорее... на геологическую несуразность.

– Это страна ведьм, – объяснил Лю-Цзе. – У которых мы позаимствуем помело. Самый быстрый способ добраться до Анк-Морпорка.

– А это не будет считаться вмешательством в ход истории? Ну, то есть в долине такое допускалось, а вот здесь, в реальном мире...

– Да, здесь это категорически запрещено, – подтвердил Лю-Цзе, – потому что считается Вмешательством В Ход Истории. Кстати, с ведьмами будь очень осторожен. Некоторые из них весьма коварны. – Он обратил внимание на выражение лица Лобсанга. – Эй, для этого и существуют правила. Чтобы ты хорошенько *подумал*, прежде чем их нарушить.

– Но...

Лю-Цзе вздохнул и двумя пальцами аккуратно притушил самокрутку.

– За нами наблюдают, – сказал он. Лобсанг резко обернулся. И увидел только деревья и жужжащих в утреннем воздухе насекомых.

– Чуть выше, – подсказал Лю-Цзе.

На расщепленной зимней бурей макушке сосны сидел ворон. Он заметил, что на него смотрят.

– Кау? – спросил он.

– Обычный ворон, – пожал плечами Лобсанг. – Таких много в долине.

– Он следил за нами, когда мы остановились тут на привал.

– Метельщик, в горах полным-полно воронов.

– И когда мы встретились с йети, тоже, – настаивал Лю-Цзе.

– Тогда все понятно. Обычное совпадение. Ни один ворон не способен летать так быстро.

– А может, это особый ворон, – возразил Лю-Цзе. – Кстати, он не горный. Такие живут в низменностях. Горные вороны каркают, а не квакают. Чем же мы его так заинтересовали?

– Как-то... странно размышлять о том, что тебя преследует какая-то птица, – заметил Лобсанг.

– Вот доживешь до моего возраста, тоже начнешь поглядывать в небеса и шараться от всяких птичек, – пообещал Лю-Цзе. Потом пожал плечами и усмехнулся. – А вдруг это стервятники?

Они углубились во время и исчезли. Ворон взъерошил перья.

– Каркают? – переспросил он. – Вот ведь блин.

Тик

Лобсанг пошарил под крытой соломой крышей хижины и нащупал пальцами прутья вставленного вдоль стропила помела.

– Это больше похоже на кражу, – сказал он, когда Лю-Цзе помог ему спуститься.

– И вовсе не похоже, – возразил метельщик, взял у него помело и посмотрел вдоль палки, словно проверяя прямизну метловища. – И я объясню тебе почему. Если у нас все получится, на обратном пути положим

на место и ведьма ничего не заметит, ну а если не получится... она все равно ничего не заметит. И честно говоря, эти ведьмы по большей части плевать хотели на свои метлы. Ты только на прутья посмотри. Я даже пруд с карпами постеснялся бы такой метлой чистить! Ладно... Возвращаемся в реальное время, юноша. Ненавижу летать на этих штуках и одновременно нарезать время.

Он сел верхом на помело и крепко сжал руками метловище. Помело взлетело над землей.

– По крайней мере, подвеска в порядке, – признал он. – Можешь устраиваться сзади. Держись крепче и поплотнее закутайся. Там, наверху, поддувает.

Лобсанг сел на помело и вдруг почувствовал, что взмывает в воздух. Когда оно поравнялось с нижними ветвями окружавших поляну деревьев, Лю-Цзе уставился прямо в глаза сидевшему на дереве ворону. Тот неловко переступил с лапки на лапку и завертел головой, пытаясь посмотреть на монаха обоими глазками.

– Интересно, ты будешь каркать или квакать? – спросил Лю-Цзе, по большей части самого себя.

– Кар, – сказал ворон.

– Значит, ты не тот ворон, которого мы видели в горах?

– Кто, я? Конечно нет, – ответил ворон. – Тут вороны каркают, а не квакают.

– Просто решил проверить.

Помело поднялось выше и полетело над деревьями по направлению к Краю.

Ворон взъерошил перья и мигнул.

– Вот блин! – выругался он и перелетел на ветку за стволом, где его поджидал Смерть Крыс.

– ПИСК?

– Послушай, если хочешь, чтобы я и дальше играл в эти твои шпионские игры, раздобудь мне книгу по орнитологии, понял? – буркнул Каркуша. – Полетели за ними, иначе упустим.

Тук

Смерть отыскал Голод в одном из новых ресторанов в Орлее. Голод сидел в отдельном кабинете и с аппетитом поглощал Утку с Грязным Рисом.

– О, – сказал Голод. – Это ты.

– ДА. НАМ ПОРА В ПУТЬ. ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОЛУЧИТЬ МОЕ СООБЩЕНИЕ.

– Двигай стул, – прошипел Голод. – Тут подают отличную колбасу из аллигатора.

– Я СКАЗАЛ, НАМ ПОРА В ПУТЬ.

– Почему?

Смерть сел за стол и объяснил. Голод внимательно слушал, правда, есть не перестал.

– Понятно, – сказал он наконец. – Спасибо, но на этот раз я пересажу.

– ПЕРЕСИЖУ? ТЫ – ВСАДНИК!

– Да, конечно. Но я-то тут при чем?

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Голода, судя по всему, не будет. Недостатка пищи то есть. Как таковой.

– КАК ТАКОВОЙ НЕ БУДЕТ, НО...

– Значит, я нужен только для того, чтобы ручкой помахать? Нет, увольте.

– РАНЬШЕ ТЫ ВСЕГДА ОТПРАВЛЯЛСЯ В ПУТЬ, – сказал Смерть осуждающим тоном.

Голод весело помахал костью.

– Тогда у нас были настоящие абокранипсисы, – пояснил он, обсасывая косточку. – Нажористые такие.

– ТЕМ НЕ МЕНЕЕ НАСТУПАЕТ КОНЕЦ СВЕТА.

Голод отодвинул тарелку в сторону и открыл меню.

– Значит, подыщем себе другой мир, – пожал плечами он. – Ты, Смерть, слишком сентиментален. Я всегда это говорил.

Смерть встал. Голод тоже создали люди. Засухи и саранча существовали всегда, но для настоящего голода, когда из-за глупости и жадности плодородная земля превращается в мертвую пустыню, требуются люди. Голод был слишком высокомерен.

– ИЗВИНИ, – сказал Смерть, – ЧТО ПОСЯГНУЛ НА ТВОЕ ДРАГОЦЕННОЕ ВРЕМЯ.

И он вышел на многолюдную улицу, задумчив и одинок.

Тик

Помело взяло курс на равнины и, набрав высоту в пару сотен футов, выровнялось.

– Теперь только по прямой! – закричал Лю-Цзе, показывая вперед.

Лобсанг опустил взгляд на стройную деревянную башню, увешанную замысловатыми ящиками. Вдалеке виднелась еще одна, похожая на зубочистку в утреннем тумане.

– Семафорные башни! – закричал Лю-Цзе. – Когда-нибудь видел?

– Только в городе! – пытаюсь перекричать ветер, ответил Лобсанг.

– Это Гранд-Магистраль! – крикнул метельщик. – Ведет напрямик к городу! Главное, лететь вдоль нее, и мы скоро будем на месте!

Лобсанг вцепился в помело. Снега под ними не было; судя по всему, весна уже вступила в свои права. Поэтому ему казалось несправедливым, что здесь, ближе к солнцу, воздух был таким холодным и проникал до самых костей.

– Здесь очень холодно!

– Да! Я тебе рассказывал о белье двойной вязки?

– Да!

– У меня в сумке есть запасная пара. Можешь взять, когда остановимся!

– Твою личную пару?

– Да! Не самые лучшие, но заштопанные!

– Нет, спасибо!

– Они выстираны!

– Лю-Цзе?

– Да?

– А почему мы не можем резать время, когда летим на этой штуке?

Башня пронеслась мимо. Другая уже стала похожа на карандаш. Черно-белые ставни на ящиках мерцали в лучах солнца.

– А знаешь, что будет, если ты начнешь резать время, сидя на транспортном средстве с магическим приводом, которое несется со скоростью больше семидесяти миль в час?

– Нет!

– Вот и я не знаю! И знать не хочу!

Тик

Игорь распахнул дверь прежде, чем раздался повторный стук. Игорь мог заполнять в подвале гробы землей или устанавливать громоотвод на крыше, но он никогда не заставлял гостя стучать дважды.

– Ваша фветлофть, – пробормотал он, учтиво кивнув, и тупо воззрился на шесть фигур за ее спиной.

– Мы зашли, чтобы проверить ход работ, – известила леди ле Гион.

– А эти дамы и гофпода, ваша фветлофть?

– Мои коллеги, – пояснила ее светлость, также тупо глядя на Игоря.

– Если вы фоизволяйт войти, я узнавайт, дома ли герр мафтер, – сказал Игорь, в точности соблюдая условия конвенции, согласно которой настоящий дворецкий никогда не знает местонахождение хозяев в доме, пока они сами не решат, что это местонахождение может стать известно.

Он попятился в мастерскую, затем прокрался в кухню и уже там нашел Джереми. Он как раз выливал в раковину очередную дозу лекарства.

– Та женщина приходийт, – сообщил он, – и приводийт ф фобой законников.

Вытянув руку ладонью вниз, Джереми критически ее рассматривал.

– Видишь, Игорь? – промолвил он. – Мы близки к завершению самой грандиозной работы в моей жизни, а я сохраняю абсолютное спокойствие. Моя рука так крепка, что на ней можно строить дом.

– Законники, фэр, – повторил Игорь, особо подчеркнув это слово.

– И?

– Ну, мы получайт довольно много денег... – пояснил Игорь с уверенностью человека, который ненароком переместил небольшое, но весьма ощутимое количество золота в свою сумку.

– И мы завершили работу над часами, – сказал Джереми, по-прежнему наблюдая за рукой.

– Мы почти завершайт ее вот уже много дней подряд, – мрачным тоном поправил Игорь. – Ефли бы не она, мы бы не пропуфкайт ту грозу, что бывайт два дня назад.

– Когда планируется следующая?

Игорь наморщил лоб и пару раз хлопнул по виску ладонью.

– Фудя по вфему, фо фтороны Края надвигаефя зона низкого давления, метеоуфловия неопределенны, – сообщил он. – Из-за этой вашей вечно промозглой погоды более точный прогноз никак нельзя давайт. Ха, у меня на родине гроза начинаефя, фтоит только поднимайт железный громоотвод на крыша. Ну и как мне фледует пофтупайт ф законниками, фэр?

– Проси, конечно. Нам нечего скрывать.

– Ты уверен, фэр? – спросил Игорь, чью котомку уже и от земли было трудно оторвать.

– Делай, как я говорю, Игорь.

Пока недовольно ворчащий Игорь спускался в лавку и возвращался с гостями, Джереми пригладил волосы и постарался привести себя в порядок.

– Леди ле Гион, фэр. И вфякие... люди, – сообщил Игорь.

– Рад вас видеть, ваша светлость, – поздоровался Джереми с застывшей улыбкой на лице. Он вдруг припомнил книжку, которую однажды читал. – Вы представите меня своим друзьям?

Леди ле Гион с беспокойством посмотрела на него. Ах да... Людям всегда необходимо знать имена. И он снова улыбается. Так трудно думать, когда он улыбается.

– Господин Джереми, позволь представить моих... коллег, – ответила она. – Господин Черный. Госпожа Белая. Господин Зеленый, госпожа Коричневая. Госпожа... Желтая. И господин Синий. Джереми протянул руку.

– Очень рад познакомиться с вами, – сказал он. Шесть пар глаз непонимающе уставились на его ладонь.

– Нужно пожать друг другу руки. Такой местный обычай, – намекнула ее светлость.

Аудиторы поспешно принялись хватать друг друга за руки и пожимать их.

– Нет, нужно дотронуться до руки человека, с которым только что встретился, – прошипела ее светлость и натянуто улыбнулась Джереми. – Они иностранцы.

И тут она заметила в их глазах панику, пусть даже безотчетную для них самих. «Мы способны сосчитать все атомы в этой комнате и разложить их по типам, – думали они. – Как может существовать то, что нам непонятно?»

Джереми наконец удалось поймать одну из вытянутых рук.

– Вы господин?..

Аудитор обеспокоенно посмотрел на леди ле Гион.

– Господин Черный, – представила она.

– А мы так поняли, что это мы – господин Черный, – сказал другой Аудитор в мужском обличе.

– Нет, вы господин Зеленый.

– Тем не менее мы предпочитаем быть господином Черным. Мы – старший, а черный – самый значительный цвет. Мы не хотим быть господином Зеленым.

– Мне кажется, точный перевод ваших имен не столь уж важен, – прошептала леди ле Гион и снова улыбнулась Джереми. – Они мои бухгалтеры, – добавила она.

Она успела прочесть пару-другую книжек и на основе полученной оттуда информации сделала вывод, что данная фраза объяснит многие

странности поведения ее соратников.

– Вот видишь, Игорь, – обрадовался Джереми. – Простые бухгалтеры.

Игорь поморщился. Если вести речь о его багаже, тут бухгалтеры были даже хуже законников.

– Мы готовы согласиться на Серый, – сказал господин Зеленый.

– Тем не менее вы господин Зеленый. А мы господин Черный. Это вопрос статуса.

– Если в этом все дело, – встряла госпожа Белая, – то белый цвет обладает более высоким статусом, чем черный. Черный – это вообще отсутствие цвета.

– Веский довод, – признал господин Черный. – Значит, теперь мы господин Белый, а вы госпожа Красная.

– Но совсем недавно вы называли себя господином Черным.

– Новая информация потребовала переосмысления нашего положения. Однако это вовсе не свидетельствует о неправильности предыдущего утверждения.

«Ну вот, началось, – подумала леди ле Гион. – Там, в темноте, куда не могут заглянуть твои глаза, вселенная делится на две половинки, и ты поселяешься в той, что за глазами. Как только у тебя появляется тело, вместе с ним ты обретаешь свое “я”.

Я видела, как умирали галактики. Видела танец атомов. Но пока у меня не появилась темнота за глазами, я не могла отличить смерть от танца. И мы ошибались. Когда воду наливают в кувшин, она принимает форму кувшина и становится *совсем другой водой*. Всего час назад они даже не знали, что такое имена, а сейчас спорят о них...

И не могут слышать то, что я думаю!»

Ей требовалось время. Привычки, развивавшиеся миллиарды лет, не могут исчезнуть мгновенно, стоит только съесть кусочек хлеба. Она по-прежнему понимала, что такая безумная форма жизни, как человечество, не имеет права на существование. Абсолютно не имеет. Никакого права. Определенно.

Но ей нужно было время.

Их следовало изучить. Да, именно. Изучить.

Требуются... отчеты. Да. Отчеты. Подробные отчеты. Длинные, подробные отчеты.

Осторожность. Самое главное – осторожность. Вот нужное слово! Как *любили* это слово Аудиторы. Всегда откладывай на завтра то, что завтра можно будет отложить, скажем, на следующий год.

Следовало отметить, что леди ле Гион в данный момент была немного

не в себе. Та, в которой она могла быть, до конца еще не оформилась. Другие шесть Аудиторов... со временем, да, они будут думать так же. Но времени не было. Вот если бы она могла убедить их что-нибудь съесть... Да... Это привело бы их в чувство. Но еды, судя по всему, рядом не было.

Зато она увидела очень большой *молоток* на верстаке.

– Как продвигается работа, господин Джереми? – спросила она, подходя к часам.

Игорь отреагировал очень быстро и встал рядом со стеклянной колонной, прикрывая ее своей грудью.

Джереми поспешил навстречу ей.

– Мы тщательно отрегулировали все механизмы...

– Опяйт, – проворчал Игорь.

– Да, опять...

– На фамом деле мы то и дело их регулируйте, – добавил Игорь.

– А теперь просто ждем благоприятных погодных условий.

– Но я думала, вам удалось поймать молнию?

Ее светлость показала на ряд шипящих и булькающих стеклянных цилиндров зеленого цвета, выстроившихся вдоль стены мастерской. Совсем рядом с верстаком, на котором, о да, лежал молоток. И никто не мог читать ее мысли! Вот это *власть!*

– Ее будет вполне достаточно для поддержания работы механизма, но для запуска часов необходимо то, что Игорь называет *скачком*, – пояснил Джереми.

Игорь продемонстрировал два «крокодильчика», каждый размером с его голову.

– Вфе правильно, – подтвердил он. – Но здесь почти не бываит нужных гроз. Фколько раз говорийт: чафы надо фобирайт в Убервальде!

– Какова именно природа задержки? – спросил, возможно, господин Белый.

– Нам нужна гроза, господин. То есть молния, – ответил Джереми.

Леди ле Гион отошла на шаг, чуть ближе к верстаку.

– Да? Так создайте эту самую молнию, – пожал плечами господин Белый.

– Ха, если бы мы были в Убервальде, то конечно...

– Это лишь вопрос давления и разницы потенциалов, – ответил господин Белый. – Разве вы не можете просто создать ее?

Игорь наградил его уважительно-недоверчивым взглядом.

– А ты фам, флучаем, не из Убервальда, герр? – спросил он.

Потом вдруг ахнул и хлопнул себя по голове.

– Эй, я чувствуйтесь! – воскликнул он. – Ну и ну! Как ты это делаешь? Давление падайте камнем!

Искорки пробежали по его черным от грязи ногтям. Лицо расплылось в улыбке.

– Похоже, фрочно пора поднимайте громоотвод, – сказал он, подбегая к установленной на стене системе блоков.

Леди ле Гион повернулась к остальным Аудиторам. Вот сейчас она очень жалела о том, что они не способны читать ее мысли. Потому что знала крайне мало человеческих ругательств.

– Это *против правил!* – прошипела она.

– Обычная целесообразность, – заметил господин Белый. – Если бы вы не были... столь вялой, все было бы давно закончено!

– Я настаиваю на дальнейших исследованиях!

– Нет необходимости.

– Что, какие-то проблемы? – спросил Джереми слегка другим тоном, который он использовал для разговоров не о часах.

– Часы пока запускать не следует! – воскликнула леди ле Гион, не спуская глаз с других Аудиторов.

– Но вы же... Мы ведь... Уже все готово!

– Возможны... проблемы! Я считаю, нам стоит провести дополнительные испытания! Допустим, в течение следующей недели!

Но она-то знала, что никаких проблем нет и быть не может. Джереми построил эти часы так же, как создал сотни и сотни часов до этого. Леди ле Гион сделала все, что могла, дабы затянуть работу. И это при том, что Игорь неусыпно, будто ястреб, наблюдал за ней.

– Как тебя зовут, юноша? – спросил господин Белый.

Часовщик попятился.

– Джереми, – ответил он. – И я... Я не понимаю, господин... э... Белый. Часы показывают время. Часы не могут представлять *опасность*. Как часы могут стать проблемой? Это *идеальные часы!*

– Тогда запусти их!

– Но ее светлость... Загрохотал дверной молоток.

– Игорь? – сказал Джереми.

– Йа, фэр? – откликнулся Игорь из прихожей.

– Как этот слуга там оказался? – удивился господин Белый, все еще краем глаза наблюдая за ее светлостью.

– Это, ну, такой фокус. Известный, ну, только им, – пояснил Джереми. – Я... я думаю, они, ну...

– Доктор Хопкинф, фэр, – провозгласил Игорь, появляясь из

прихожей. – Я говорит, что ты имейт гофтей, но...

...Но доктор Хопкинс, хотя и обладал мягкими, словно шелк, манерами, был чиновником Гильдии и оставался таковым вот уже многих лет. Проскользнуть под рукой Игоря не большая проблема для человека, успешно проводящего собрания часовщиков, людей, чьи мозги не только не сверены друг с другом, но и тикают совсем иначе, нежели у остального человечества.

– Как оказалось, у меня были дела по соседству, – сообщил он, широко улыбаясь. – Поэтому я позволил себе забежать в аптеку, чтобы забрать... О, ты тут не один?

Игорь поморщился, но Кодекс нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах.

– Не хотите ли фэр чашку чая? – спросил он. Аудиторы бурили доктора дружными испепеляющими взглядами.

– Что еще за чай? – осведомился господин Белый.

– Это такой протокол! – отрезала леди ле Гион. Господин Белый замялся. Протокол нужно соблюдать.

– Э... э... Да, Игорь, – промямлил Джереми. – Чай, пожалуйста. Да, пожалуйста.

– Ничего себе! – воскликнул доктор Хопкинс, совершенно не замечая атмосферу в комнате, в которой сейчас можно было бы плавить железо. – Как я вижу, ты закончил работу над часами! Настоящий шедевр!

Аудиторы переглянулись, когда доктор прошагал мимо них и уставился на стеклянный циферблат.

– Молодец, Джереми, хвалю, – сказал он, снимая очки и энергично полируя стеклышки. – А чем вызвано это приятное голубое свечение?

– Хрустальное кольцо, – пояснил Джереми. – Оно...

– Оно закручивает свет, – подсказала леди ле Гион. – Который потом пробивает дыру во вселенной.

– Правда? – изумился доктор Хопкинс, надевая очки. – Какая оригинальная идея! А кукушка в них есть?

Тик

Одно из самых плохих восклицаний, которые человек может услышать высоко в небе, – это «Ой-ей!». Оно содержит в себе максимум выворачивающего кишки ужаса и по минимуму расходует дыхание.

Когда Лю-Цзе издал его, перевод Лобсангу не потребовался. Он следил за облаками в течение уже некоторого времени. Они становились все более

черными, густыми и зловещими.

– Метловище покалывает пальцы! – крикнул Лю-Цзе.

– Потому что прямо над нами начинается гроза! – прокричал Лобсанг в ответ.

– А еще несколько минут назад небо было совершенно ясным!

До Анк-Морпорка оставалось всего ничего. Лобсанг уже мог различить некоторые самые высокие здания, петляющую по долине реку. Но гроза, казалось, наступала на город со всех сторон сразу.

– Нужно сажать эту штуку, пока это вообще возможно! – крикнул Лю-Цзе. – Держись...

Очень скоро помело летело всего в нескольких футах над капустными полями. Растения неслись сплошной зеленой полосой, едва не задевая сандалии Лобсанга.

Потом Лобсанг услышал междометие, которое, возможно, не было самым плохим, когда ты находишься в воздухе, но определенно не обещало ничего хорошего, если его издает человек у руля.

– Э...

– А ты вообще знаешь, как эту штуковину останавливать? – крикнул Лобсанг.

– Не совсем! – помотал головой Лю-Цзе. – Держись, я что-нибудь придумаю...

Метловище задралось вверх, но помело продолжало нестись в том же направлении. Прутья уже касались кочанов.

Только в конце поля им удалось снизить скорость и приземлиться в конце борозды, которая воняла так, как могут вонять только превращенные в кашу капустные листья.

– Ты хорошо умеешь нарезать время? – спросил метельщик, перепрыгивая через побитые растения.

– Ну, довольно-таки хорошо... – неуверенно произнес Лобсанг.

– Что ж, сейчас проверим!

Бежавший в сторону города Лю-Цзе превратился в бледно-голубой силуэт. Лобсанг догнал его только через сотню ярдов, но силуэт метельщика, нарезавшего время все тоньше и тоньше, продолжал таять. Ученик, стиснув зубы и напрягая все мышцы, поспешил за ним.

Когда дело касалось драк, старик, возможно, и мошенничал, но тут все было по-настоящему. Мир из голубого стал темно-синим, потом – чернильным, неестественно темным, словно его накрыла тень от затмения.

Они оказались в глубоком времени. И задерживаться тут надолго было нельзя. Даже если бы ты выдержал лютый холод, некоторым частям

человеческого тела просто не рекомендовалось попадать сюда. Кроме того, если слишком глубоко погрузиться во время, а потом слишком быстро вынырнуть, можно было умереть...

Он, конечно, с таким не сталкивался, поскольку был еще учеником, но в некоторых классах на стенах висели весьма подробные рисунки. Жизнь человека могла стать очень, очень мучительной, когда его кровь начинала перемещаться во времени быстрее, чем кости. А кроме того, эта самая жизнь могла вдруг стать очень короткой.

– Я скоро... не выдержу, – задыхаясь, прокричал он, едва поспевая за Лю-Цзе в фиолетовом мраке.

– Выдержишь, – прохрипел метельщик. – Ты же способный малый!

– К такому... я... не был... готов!

Город был совсем близко.

– К такому и нельзя подготовиться! – прорычал Лю-Цзе. – Ты, главное, действуй, и вот увидишь, у тебя все получится!

– А если не получится? – спросил Лобсанг. Бежать почему-то стало легче. Пропало ощущение, что кожа пытается сама себя освеживать.

– Об этом можешь не переживать. Мертвецам, как правило, все равно, – ответил Лю-Цзе. Он повернулся к ученику, и его злобная усмешка полыхнула в полумраке желтозубой дугой. – Ну как, получается?

– Я... на пределе...

– Отлично! А теперь, когда мы слегка размялись... К ужасу Лобсанга, метельщик снова начал исчезать в темноте.

И тогда юноша призвал резервы, которых, как он знал, у него никогда не было. Яростным криком приказал печени оставаться внутри тела – настолько сильным, что ему даже показалось, будто мозг вот-вот разорвется, – и рванулся вперед.

Очень скоро он поравнялся во времени с Лю-Цзе.

– Все еще здесь? Ну, последнее усилие, отрок!

– Не могу!

– Куда ты денешься?

Лобсанг набрал полные легкие ледяного воздуха и упал вперед... туда, где свет вдруг стал приятного бледно-голубого оттенка. Лю-Цзе уже бежал трусцой меж замершими повозками и неподвижными людьми рядом с городскими воротами.

– Вот видишь? Раз плюнуть, – сказал метельщик. – Просто *держи ритм*, и все. Действуй спокойно, равномерно.

Это было похоже на хождение по канату. Главное – не думать.

– Но во всех свитках говорится, что из синего ты переходишь в

фиолетовый, потом – в черный, а затем упираешься в Стену, – изумился Лобсанг.

– Ох уж мне эти *свитки*, – произнес Лю-Цзе и замолчал, словно одним своим тоном объяснил все на свете. Но потом все же добавил: – Видишь ли, отрок, это впадина Циммермана. Запомни, где ее искать, может, пригодится. Настоятель говорил, мол, это как-то связано... как же он выразился?... ах да, с пограничными условиями. Это что-то вроде... пены, которая появляется на кромке прилива. Мы на самом краю, мой мальчик.

– Но тут я могу дышать!

– Да. А этого, по идее, не может быть. Но немного двигайся из стороны в сторону, иначе израсходуешь весь воздух вокруг тела. Старый, добрый Циммерман... Был одним из лучших. И он утверждал, что где-то совсем рядом со Стеной будет второй такой провал.

– И как, он его нашел?

– Вряд ли.

– Почему ты так думаешь?

– Догадался по тем маленьким ошметкам, которые от него остались. Но не волнуйся! Здесь тебе ничего не угрожает! Нарезай себе время и нарежь. Главное – не думай об этом. Тем более у тебя есть о чем поразмышлять. Видишь вон те тучи?

Лобсанг поднял взгляд. Даже сейчас, когда вокруг было сплошное синее на синем, тучи над городом выглядели весьма зловеще.

– То же самое происходило в Убервальде, – поведал Лю-Цзе. – Часам нужно много энергии. Гроза пришла из ниоткуда.

– Но город огромен! Как мы найдем тут часы?

– Первым делом направимся к центру, – ответил Лю-Цзе.

– Почему?

– Возможно, нам повезет и, когда ударит молния, бежать придется не очень далеко.

– Но, метельщик, никто не в силах перегнать молнию!

Лю-Цзе резко развернулся, схватил Лобсанга за рясу и подтащил к себе.

– Тогда скажи, куда бежать, прыткий мальчик! – выкрикнул он. – В тебе ведь куда больше всего, чем видно на третий глаз! Ни один послушник не способен достичь впадины Циммермана! Для этого требуются сотни лет обучения! И никто не может заставить маховики подровняться и сплясать под его дудку! Причем впервые их увидев! Считаешь меня сумасшедшим? Сирота, странные способности... Кто же ты такой на самом деле? Мандала узнала тебя! Я простой смертный, но знаю одно: черта с два я позволю,

чтобы мир был разрушен во второй раз! Поэтому *помоги мне!* Мне нужно все, что у тебя есть! Используй все свои силы!

Он выпустил его и отодвинулся. На его лысом черепе яростно пульсировала вена.

– Но я сам не знаю, на что способен, а на что...

– *Так узнай!*

Тик

«Протокол. Правила. Прецедент. *Способы действовать.* Так мы всегда работали, – думала леди ле Гион. – *Это и это* должно следовать за *тем.* В этом заключалась наша сила. Интересно, а не заключается ли в этом же наша слабость?»

Если бы взгляды могли убивать, доктора Хопкинса размазало бы по стене. Аудиторы следили за каждым его движением, как кошки за мышью некой новой породы.

Леди ле Гион воплотилась значительно раньше других. Время меняет тело, особенно если раньше у тебя его никогда не было. Теперь она не стала бы просто смотреть и кипеть от злости. Она забила бы доктора дубиной. Одним человеком больше, одним меньше.

С некоторым изумлением она осознала, что эта мысль была совсем *человеческой.*

Но те шестеро... Они еще салаги. Пока не освоили ту двойственность, которая требуется для выживания в человеческом теле. Очутившись в темном, *заглазном* мирке, они явно испытывали трудности с мышлением. Аудиторы, как правило, принимают решения, взаимодействуя с тысячами, *миллионами* других Аудиторов.

Впрочем, рано или поздно они научатся мыслить самостоятельно, хотя на это потребуется некоторое время, потому что сначала они попытаются учиться друг у друга.

Ну а в данный момент они с большим подозрением разглядывали принесенный Игорем поднос с чаем.

– Чаепитие – протокол, – промолвила леди ле Гион. – Я настаиваю.

– Это правильно? – резко спросил господин Белый у доктора Хопкинса.

– О да, – одобрил доктор. – Но непременно с имбирным печеньем, – добавил он полным надежды голосом.

– С имбирным печеньем, – повторил господин Белый. – Печеньем красно-коричневого цвета?

– Мне хотелось бы попробовать имбирное печенье, – вдруг высказалась госпожа Красная.

«Хорошая мысль! – подумала леди ле Гион, – *Пожалуйста*, попробуйте имбирное печенье».

– Мы не едим и не пьем, – отрезал господин Белый и, явно что-то подозревая, посмотрел на леди ле Гион. – Это может спровоцировать неправильное мышление.

– Но таков обычай, – возразила леди ле Гион. – Игнорирование протокола привлечет внимание.

Господин Белый задумался. Похоже, он начинал осваиваться.

– Это противоречит нашей религии! – вдруг воскликнул он. – Правильно!

Это был поразительный скачок. Он проявил *изобретательность*. Причем совершенно самостоятельно. Леди ле Гион была удивлена. Аудиторы давно пытались понять религию, потому что как раз во имя ее совершалось подавляющее большинство наиболее бессмысленных поступков. Религия могла служить оправданием практически любой экстравагантности. Взять, к примеру, геноцид. По сравнению с этим отказ от чаепития был сущей мелочью.

– Вот именно! – воскликнул господин Белый, поворачиваясь к остальным Аудиторам. – Разве это неправда?

– О да, действительно неправда. Несомненно! – совершенно запутавшись, подтвердил господин Зеленый.

– Гм? – нахмурился доктор Хопкинс. – Вот уж не знал, что существует религия, запрещающая чай.

– А как же! – возразил господин Белый. Леди ле Гион почти слышала, как работает его мозг. – Это... да, это напиток... правильно... напиток исключительно скверных богов с крайне отрицательной репутацией. И так велит... правильно... наша вера... да... остерегаться имбирного печенья. – На его лбу проступил пот. С точки зрения Аудитора, он демонстрировал сейчас поистине гениальные творческие способности. – Кроме того, – добавил он медленно, словно читая текст на невидимых страницах, – наша религия... правильно!.. требует, чтобы часы были запущены немедленно! Потому что... кто может знать, который сейчас час?!

Леди ле Гион едва не зааплодировала.

– А и правда, кто? – спросил доктор Хопкинс.

– Я, ну, я совершенно согласен, – сказал Джереми, который все это время не спускал глаз с леди ле Гион. – Я не понимаю, кто вы такие... к чему весь этот шум... не понимаю, почему... ох, у меня жутко разболелась

голова...

Доктор Хопкинс даже пролил чай, настолько быстро он вскочил и бросился к карману своего пальто.

– Такслучилосьчтопопутисюдаяпроходилмимоаптеки... – на одном дыхании выпалил он.

– Мне кажется, сейчас совсем не время запускать часы, – возразила леди ле Гион, продолжая подбираться к верстаку.

Молоток, лежавший там, все так же манил.

– Доктор Хопкинс, я вижу вспышки, – настойчиво произнес Джереми, глядя прямо перед собой.

– Только не вспышки! Только не вспышки! – воскликнул доктор Хопкинс.

Он схватил с чайного подноса ложку, воззрился на нее, отбросил через плечо, выплеснул чай из чашки, отбил горлышко флакона с синей микстурой о край верстака и, разбрызгивая лекарство во все стороны, налил полную чашку.

Молоток лежал всего в нескольких дюймах от руки ее светлости. Она не смела оглядываться, но *чувствовала*, что он лежит именно там. Пока Аудиторы глазели на дрожащего Джереми, она позволила пальцам легонько пробежаться по поверхности верстака. Ей даже не нужно было сходить с места. Достаточно было взмахнуть рукой.

Она увидела, как доктор Хопкинс пытается поднести чашку к губам Джереми. Юноша вскинул руки к лицу, и локоть его врезался в чашку, заливая микстурой пол.

Пальцы леди ле Гион сжались вокруг рукоятки. Резко взмахнув рукой, она метнула молоток в часы.

Тик

Бой для той стороны, что послабее, развивался крайне неудачно. Войска заняли неправильные позиции, тактика была не выстроена, а стратегией, судя по всему, и вовсе не заморачивались. Армия Красных наступала по всему фронту, безжалостно выкашивая остатки наголову разбитых и спасавшихся бегством батальонов Черных.

На их лужайке было место только для *одного* муравейника...

Смерть нашел Войну прячущимся среди травинок. Он всегда восхищался его вниманием к деталям. Война был облачен в полные доспехи, но человеческие головы, которые он обычно привязывал к седлу, теперь заменили муравьиные головы с жвалами, усиками и всем

остальным.

– КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ОНИ ТЕБЯ ВИДЕЛИ? – спросил он.

– Сомневаюсь, – ответил Война.

– ОНИ БЫЛИ БЫ ПОЛЬЩЕНЫ ТВОИМ ПРИСУТСТВИЕМ.

– Ха! Единственный приличный театр войны в наши дни, – буркнул Война. – Именно это мне в муравьях и нравится. Эти подонки ничему никогда не учатся!

– СОГЛАСЕН. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЫДАЛИСЬ ДОСТАТОЧНО МИРНЫМИ, – сказал Смерть.

– Мирными? – воскликнул Война. – Ха! Мне уже пора менять имя на «Предупредительные Маневры» или «Урегулирование Путем Мирных Переговоров»! А помнишь старые добрые времена? Воины сражались с пеной у рта! Руки-ноги разлетались по сторонам! Великие времена, да? – Он наклонился и огрел Смерть по спине. – Я свежую, ты пакуешь, а?

«Звучит многообещающе», – подумал Смерть.

– КСТАТИ, О СТАРЫХ ВРЕМЕНАХ, – осторожно заметил он. – НАДЕЮСЬ, ТЫ ПОМНИШЬ НАШУ ТРАДИЦИЮ? НУ И ПРОСКАЧУТ ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА... И ТАК ДАЛЕЕ.

Война посмотрел на него озадаченно.

– Знаешь, старина, вот как рукой стерло. Ты хотя бы намекни, а?

– Я ПОСЛАЛ ПРИЗЫВ.

– Так, и что? Вообще ничего не напоминает...

– АБОКРАЛИПСИС? – сказал Смерть. – КОНЕЦ СВЕТА?

Война по-прежнему тарачился на него.

– В дверь стучат, а дома пусто. Вот честно, старина, не вру. Кстати, о доме... – Война оглянулся туда, где корчились жертвы недавней резни. – Перекусить не хочешь?

Травяной лес вокруг них вдруг принялся уменьшаться. Вскоре он превратился в обычную траву, которая росла на лужайке возле дома.

Это был древний вигвам. А где еще, спрашивается, мог жить Война? Но Смерть заметил плющ, вьющийся по одному из шестов. Раньше Война не позволял себе подобных сантиментов. Крошечный червь сомнения начал исподволь свою работу.

Заходя в вигвам, Война повесил шлем у входа, а раньше он не снимал его ни на секунду. И на скамьях вокруг очага раньше сидели воины, а воздух был тяжелым, пропитанным пивом и потом.

– К нам в гости заглянул старый друг, дорогая, – объявил Война.

Госпожа Война готовила что-то на современной чугунной плите, которая была установлена над очагом и от которой тянулись к дыре в

крыше блестящие трубы. Она кивнула Смерти так, как кивает жена человеку, которого муж, несмотря на многократные предупреждения, неожиданно приволок домой из пивной.

– На обед кролик, – заявила она и добавила тоном женщины, которую обременили лишними хлопотами и которая позднее непременно потребует расплаты. – *Очень* надеюсь, что на троих его хватит.

Война наморщил широкое красное лицо.

– А я люблю кролика?

– Да, дорогой.

– А мне казалось, что я люблю говядину.

– Нет, милый. Тебя от нее пучит.

– О, – Война вздохнул. – А лук? Лук будет?

– Ты не любишь лук, дорогой.

– Не люблю?

– Из-за проблем с желудком.

– О.

Война смущенно улыбнулся Смерти.

– Будет кролик. Э... Дорогая, а я обычно участвую в Абоквалипсисе?

Госпожа Война подняла крышку со сковороды и со злостью воткнула во что-то вилку.

– Нет, дорогой, – твердо заявила она. – Ты там всегда простужаешься.

– А я думал, э, что такие события мне нравятся.

– Нет, дорогой, не нравятся.

Смерть наблюдал за происходящим как замороженный. Он никогда даже не предполагал, что воспоминания можно хранить в чужой голове.

– Может, мне нравится пиво? – робко спросил Война.

– Нет, не нравится.

– Не нравится?

– Нет, от него тебе становится плохо.

– Ага, а как я себя чувствую по поводу бренди?

– Тебе не нравится бренди, дорогой. Тебе нравится специально приготовленный витаминный овсец.

– Да, конечно, – мрачно согласился Война. – Совсем забыл. – Он бросил на Смерть робкий взгляд. – Кстати, вполне так ничего зелье.

– Я МОГУ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ? – спросил Смерть. – С ГЛАЗУ НА ГЛАЗУ?

Война выглядел озадаченным.

– А мне нравится...

– С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ! – прогрохотал Смерть. Госпожа Война

повернулась и наградила Смерть надменным взглядом.

– Ты не думай, я тебя насквозь вижу, – чопорно промолвила она. – И не дай боги, у него после твоих разговорчиков язва проснется! Я тебя предупредила!

Госпожа Война, насколько помнил Смерть, когда-то была валькирией. Это было еще одной причиной, по которой следовало крайне осторожно вести себя на поле брани.

– Слушай, старина, а тебя никогда не прельщала перспектива семейной жизни? – спросил Война, когда его дражайшая половина вышла.

– НИКОГДА. НИ В КАКОМ СМЫСЛЕ.

– Почему?

Смерть был обескуражен. С таким же успехом можно было спросить у кирпичной стены, что она думает о стоматологии. Данный вопрос не имел никакого смысла.

– Я ВСТРЕЧАЛСЯ С ДВУМЯ ДРУГИМИ, – промолвил он, меняя тему. – ГОЛОДУ НАПЛЕВАТЬ, А ЧУМА ИСПУГАЛСЯ.

– Так мы остались вдвоем? Против Аудиторов? – уточнил Война.

– НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ.

– Будучи Войной, могу поведать тебе множество правдивых историй о том, что ждет очень слабые армии, которые сражаются за правое дело.

– Я СТОЯЛ РЯДОМ С ТОБОЙ НА ПОЛЕ БОЯ.

– Моя правая рука совсем не та, что была раньше... – пробормотал Война.

– ТЫ БЕССМЕРТЕН. И ТЫ НИЧЕМ НЕ МОЖЕШЬ БОЛЕТЬ, – сказал Смерть, но он видел встревоженный, слегка затравленный взгляд Войны и понимал, что исход разговора может быть только один.

Быть человеком означает постоянно меняться, вдруг понял Смерть. А всадники были порождены людьми. Люди придали им определенную форму, определенный внешний вид. И как это происходило с богами, зубными феями, Санта-Хрякусом, их форма меняла их содержание. Они никогда не смогут стать людьми, но подцепят определенные человеческие черты, как заразную болезнь.

Ничто, абсолютно ничто не способно обладать лишь одним измерением. В этом вся проблема. Люди могут представить себе существо, которого назовут Голодом, однако если они наделят его руками и ногами, значит, у него появится и разум. То есть это существо будет способно мыслить. Но ни один мозг не может все время думать о нашествии саранчи, и только об этом.

Осложнение за осложнением. Надо предпринимать какие-то срочные

меры. Как все изменилось.

«К СЧАСТЬЮ, – подумал Смерть. – Я КАК РАЗ СОВСЕМ НЕ ИЗМЕНИЛСЯ. ОСТАЛСЯ ТАКИМ, КАКИМ БЫЛ ВСЕГДА».

Одиноким всадником.

Тик

Молоток завис на полпути, так и не долетев до часов. Господин Белый подошел и взял его из воздуха.

– Право, ваша светлость, – сказал он. – Вы думали, мы за вами не следим? Эй, как там тебя, Игорь, готовь часы!

Игорь посмотрел на него, потом на леди ле Гион, потом снова на него.

– Фпафибо, но я выполняйт приказ только мафтера Джереми, – сообщил он.

– Если ты запустишь часы, настанет конец света! – воскликнула леди ле Гион.

– Что за глупая мысль, – ответил господин Белый. – Мы смеемся над ней.

– Ха-ха-ха, – послушно сказали остальные Аудиторы.

– Не надо мне никаких лекарств! – выкрикнул Джереми, отталкивая от себя доктора Хопкинса. – И без людей, которые мне вечно указывают, я тоже как-нибудь обойдусь! А ну, заткнитесь все!

Воцарившуюся тишину нарушили донесшиеся с небес раскаты грома.

– Спасибо, – промолвил Джереми уже более ровным голосом. – Надеюсь, сейчас я пребываю в здравом уме, а значит, я попытаюсь рассмотреть это дело здраво. Часы – измерительный прибор. Я создал идеальные часы, миледи. То есть дамы и господа. И часы эти станут переломным моментом в истории измерения времени.

Он поднял руку и перевел стрелки часов почти на час пополудни. Потом опустил руку, заставив маятник качнуться.

Мир продолжал существовать.

– Видите? Вселенная не прекратила свое существование даже ради моих часов, – продолжил Джереми. Он скрестил руки на груди и сел на стул. – Смотрите же, – спокойно сказал он.

Часы едва слышно тикали. Затем в окружавших их механизмах что-то загремело. Зеленоватые, заполненные кислотой толстые стеклянные трубки издали ядовитое шипение.

– Ага, – констатировал доктор Хопкинс. – Судя по всему, ничего не случилось. Какое счастье.

Искры пробежали по установленному над часами громоотводу.

– Таким образом прокладывается путь для молнии, – довольным тоном пояснил Джереми. – Посылаем крошечную молнию вверх, а более мощная спускается вниз...

Что-то зашевелилось внутри часов. Раздался звук, похожий на легкий треск, и корпус заполнился зеленовато-синим светом.

– Так, – кивнул Джереми. – Запустилась цепная реакция. Это я себе задал небольшую задачку, которую, разумеется, успешно решил. Более традиционные маятниковые часы я подчинил Большим Часам, чтобы каждую секунду они самоподстраивались, сверяясь с абсолютно точным временем. – Он улыбнулся, и у него задергалась щека. – Настанет время, и все часы будут такими. Что ж, терпеть не могу использовать такой неточный термин, как «ну а теперь в любую секунду», и тем не менее...

Тик

На площади происходила какая-то драка. Сражающиеся фигуры были подкрашены светло-синими тонами, ярко выделяясь в странных цветах так называемой впадины Циммермана.

Судя по всему, пара стражников устроила разборки с некими лихими людьми. Один человек висел в воздухе без видимой опоры. Другой выстрелил в стражника из арбалета почти в упор, и стрела неподвижно замерла, так и не долетев.

Лобсанг с любопытством рассматривал ее.

– Собираешься потрогать, да? – раздался голос за спиной Лобсанга. – Протянуть руку и дотронуться до нее, несмотря на то что я тебе говорил? Следи за небом, будь оно проклято!

Лю-Цзе нервно курил. Отлетев от него буквально на пару дюймов, дым сразу застывал.

– Ты уверен, что не можешь определить, где именно они находятся? – резко спросил он.

– Везде вокруг нас, метельщик. Мы подошли так близко... Мы словно пытаемся разглядеть лес, стоя под деревьями!

– Ладно, итак. Мы стоим на улице Искусных Умельцев, а там – Гильдия Часовщиков, – констатировал Лю-Цзе. – Совсем рядом, поэтому я бы туда не лез, пока не будем знать наверняка.

– А как насчет Университета?

– Э, нет, волшебники все-таки не настолько чокнутые!

– Так ты правда хочешь попытаться перегнать молнию?

– Это вполне выполнимо, если стартовать из Впадины. Молния не настолько быстрая, как кажется людям.

– Мы что, ждем, пока из какой-нибудь тучи не покажется яркий, блестящий зубец?

– Ха! Вот молодежь, и где она только образование получала! Первый удар всегда направлен от земли в небо, отрок. Он пробивает в воздухе дыру, через которую уже с неба на землю устремляется главная молния. Ищи разгорающееся свечение. К тому моменту, как оно достигнет облаков, наши сандалии уже должны дымиться. Ты как, держишься?

– Вполне. Могу резать время хоть день напролет, – уверил Лобсанг.

– Даже не пытайся. – Лю-Цзе снова окинул взглядом небо. – А может, я ошибся. Может, это обычная гроза. Рано или поздно ведь...

Он замолчал. Достаточно было одного взгляда на лицо Лобсанга.

– Та-ак, – медленно произнес метельщик. – Скажи куда. Не можешь сказать, покажи пальцем.

Лобсанг упал на колени, вскидывая руки к голове.

– Я не знаю... не знаю...

Серебряное свечение возникло над городом, всего в нескольких кварталах от них. Лю-Цзе схватил Лобсанга за локоть.

– Давай-ка, отрок, поднимайся на ноги. Наперегонки с молнией, помнишь?

– Да... Да, помню...

– Ты ведь можешь, а?

Лобсанг прищурился. Он снова увидел силуэт стеклянного дома, только теперь наложенный на город.

– Часы, – едва выговорил он.

– Беги, мальчик, беги! – закричал Лю-Цзе. – И самое главное, не останавливайся!

Лобсанг сделал шаг вперед, и этот шаг дался ему с большим трудом. Но потом вязкое время, хоть и с неохотой, расступилось перед ним. Ноги работали все быстрее и быстрее, и с каждым ударом пятки о землю цвета вокруг изменялись. Это все дальше и дальше замедлялась жизнь окружающего мира.

Значит, как утверждал метельщик, существует еще одна прореха. Еще одна впадина, прямо рядом с нулевой точкой. И та частичка разума Лобсанга, что еще была способна функционировать, очень надеялась достичь этой самой впадины. Ему казалось, что тело его вот-вот распадется на мелкие частицы. В ушах уже стоял самый настоящий треск – треск костей.

Свечение находилось на полпути к облакам, когда он добежал до перекрестка и увидел, что источник – это дом чуть дальше по улице, примерно посередине.

Он оглянулся на метельщика. Тот был всего в несколько шагах позади. И с открытым ртом он падал вперед, будто поверженная статуя.

Лобсанг отвернулся и сосредоточился, ускоряя время.

Потом кинулся к Лю-Цзе и подхватил его, прежде чем тот упал на землю. Из ушей старика сочилась кровь.

– Как видишь, отрок, я уже ни на что не способен, – прошептал метельщик. – Вперед! Вперед!

– Я успею вовремя! Я словно бегу вниз под гору!

– А я – нет!

– Но я не могу бросить тебя здесь.

– О боги, уберегите нас от героев! Доберись же до этих проклятых часов, мальчик!

Лобсанг медлил. Из туч уже появлялся обратный разряд молнии – зловеще мерцающая *игла*.

И он побежал. Молния падала на лавку всего в нескольких домах от него. Он даже видел висевшие над дверью огромные часы.

Он еще сильнее приналег на поток времени, и тот поддался. Но молния уже коснулась громоотвода на крыше дома.

Окно было ближе, чем дверь. Наклонив голову, он прыгнул туда. Осколки стекла брызнули в воздух, часы посыпались с витрины, но так и не долетели до земли, словно застыв в невидимом янтаре.

Перед ним была еще одна дверь. Он дернул за ручку и почувствовал страшное сопротивление, когда кусок дерева попытался сдвинуться с места со скоростью, равной чуть ли не половине скорости света.

Дверь приоткрылась всего на несколько дюймов, и в эту щелочку он увидел, как молния медленно стекла по стержню в самое сердце огромных часов.

Часы пробили один раз.

И время остановилось.

Ти...

Господин Соак, молочник, мыл бутылки в раковине, когда воздух вдруг потемнел, а вода перешла в твердое состояние. Он осмотрел ее внимательно, а потом с видом человека, проводящего научный эксперимент, поднял бутылку над каменным полом и разжал пальцы.

Она осталась висеть в воздухе.

– Проклятье, – сказал он. – Опять какой-то идиот шутит с часами.

Потом он сделал то, что никак не относилось к обычному поведению молочника, – вышел в центр комнаты и несколько раз взмахнул руками над головой.

Воздух стал светлым, вода забулькала, бутылка разбилась, но, когда Ронни повернулся к ней и взмахнул рукой, осколки стекла мигом собрались обратно в единое целое. Ронни Соак тяжело вздохнул и вошел в помещение, где отстаивалась сметана. Огромные широкие чаны уходили вдаль, и можно было заметить (если бы Ронни кому-нибудь позволил это сделать), что в этой дали содержалось гораздо больше дали, чем могло вместиться в обычном здании.

– Покажи-ка мне, – велел он.

Поверхность в ближайшем чане с молоком превратилась в зеркало, на котором замелькали изображения...

Ронни вернулся лавку, снял с крючка у двери остроконечную шляпу и направился по двору к конюшне. Небо над головой было угрюмым, неподвижно серым. Скоро он вышел из конюшни, ведя под уздцы коня.

Конь был вороным, пышущим здоровьем, но вот что в нем было странное – его шкура блестела, словно подсвечиваемая алым светом. Алое свечение щедро растекалось по его плечам и бокам, несмотря на царившую в мире серость.

Даже запряженный в повозку, этот конь ничуть не походил на тяговую лошадь, но люди никогда этого не замечали, потому что Ронни, упомянем об этом еще раз, просто не позволял им это делать.

Повозка сияла свежей белой краской с периодическими вкраплениями яркой зелени.

Надпись на борту с гордостью гласила:

РОНАЛЬД СОАК
ГИЕНОГИНИЧНЫЙ МОЛОШНИК
Основан

Ничуть не менее странным было то, что люди никогда не спрашивали: «Основан? Когда именно?» Если бы они это спросили, ответ был бы достаточно сложным.

Ронни открыл ворота и, громыхая молочными флягами, выехал в безвременье. «Кошмар, – думал он. – Все словно бы сговорились. Ну и как прикажете выживать в этом мире простому скромному индивидуальному

предпринимателю?»

Лобсанга Лудда разбудил какой-то тихий звук, похожий на пощелкивание и жужжание.

Его окружала темнота, которая как-то неохотно поддавалась давлению ладони. Она была похожа на бархат, чем и оказалась. Он закатился под одну из витрин.

В районе поясницы что-то вибрировало. Осторожно протянув руку, Лобсанг обнаружил, что это один из портативных Ингибиторов возвращается в своей клетке.

Итак...

Что дальше? Он жил на занятое взаймы время. Возможно, у него был час, а может, куда меньше. Но он мог нарезать его, а значит...

Нет. Прибор, сохраняющий время, был создан Ку, и некое шестое чувство подсказывало Лобсангу, что эта идея станет последней в его жизни. Вдруг он ощутил себя висящим над заполненной бритвенными лезвиями вселенной.

Итак... час или гораздо меньше. Но маховик ведь можно завести, не так ли?

Нет. Рукоятка находилась сзади. Маховик мог завести только кто-нибудь другой. Спасибо тебе, Ку, за все, особенно за твои экспериментальные модели.

А что, если снять маховик? Нет, не получится. Ремни являлись частью конструкции. Без них разные части тела начнут двигаться с разными скоростями. Это все равно как человеческое тело заморозить до состояния льда, а потом спустить с высокой каменной лестницы. Результат будет тот же.

Открыть ящик находящимся внутри его ломиком...

Через щель в двери просачивалось зелено-синее свечение. Лобсанг сделал шаг навстречу и услышал, как маховик стал вращаться быстрее. Значит, он, Лобсанг, стал тратить больше времени, а это очень, очень плохо, если у тебя остается всего час, а может, гораздо меньше. Он отступил на шаг, и Ингибитор защелкал с обычной скоростью.

Что ж...

Лю-Цзе на улице, и у него тоже есть маховик, который должен был запуститься автоматически. В этом вневременном мире Лю-Цзе был единственным человеком, способным завести устройство.

Стекло, которое Лобсанг разбил, прыгая в окно, распустилось вокруг дыры великолепным искрящимся цветком. Он протянул руку и коснулся пальцем одного осколка. Тот шевельнулся, будто ожив, вспорол ему палец и

устремился к земле, остановившись только тогда, когда покинул поле, окружающее Лобсанга.

«Не прикасайся к людям, – предупреждал Лю-Цзе. – Не прикасайся к стрелам». «Не прикасайся к вещам, которые двигались», – так гласило правило. Но стекло...

...В нормальной жизни оно как раз сейчас разлеталось во все стороны. Значит, в нем была энергия, все правильно.

Осторожно обходя осколки, Лобсанг открыл дверь и вышел из мастерской.

Деревянная дверь двигалась очень медленно, сопротивляясь безумной скорости.

Лю-Цзе на улице не было. Но появилось что-то новое, зависшее в воздухе в нескольких дюймах над мостовой там, где должен был находиться старик. Раньше этого не было.

Кто-то, обладающий *собственным* портативным временем, прошел здесь, бросил этот предмет и продолжил путь, прежде чем тот коснулся земли.

Это был небольшой стеклянный сосуд, окрашенный временными эффектами в синий цвет. Сколько энергии может в нем содержаться? Лобсанг осторожно завел ладонь под сосуд и чуть поднял ее. Как только поле маховика распространилось на предмет, тот тяжело упал в подставленную руку.

Мгновенно вернулись естественные цвета. Сосуд был молочно-розовым, вернее абсолютно прозрачным, но розовым из-за своего содержимого. Бумажную крышку покрывали плохо отпечатанные изображения неправдоподобно безупречных земляничин, окружающих фигурную надпись, которая гласила:

Рональд Соак, Гиеногиничный Молошник
ЗЕМЛЯНИШНЫЙ ЙОГУРТ
Свежий, аки утренняя роса

Соак? Это имя было ему знакомо! Ну точно, это ведь он поставлял молоко в Гильдию! И хорошее, свежее молоко, а не то водянистое зеленоватое пойло, которое предлагали другие молочники. Очень надежный человек, так все говорили. Впрочем, надежный или нет, он был просто молочником. Ну ладно, просто *очень хорошим* молочником, и если время остановилось, то что этот молочник...

Лобсанг в отчаянии оглянулся вокруг. Люди и повозки, которыми была

запружена улица, оставались там же, где были. Никто не сдвинулся с места. Никто *не мог* сдвинуться с места.

Но что-то бежало вдоль сточной канавы. Существо очень походило на крысу в черном балахоне, вдруг поднявшуюся на задние лапки. Оно посмотрело на Лобсанга, и юноша увидел, что у существа был скорее череп, а не голова. Причем достаточно веселый для черепа.

Слово «ПИСК!» возникло прямо у него голове, каким-то образом миновав его уши. Потом крыса вспрыгнула на тротуар и свернула в переулок.

Лобсанг последовал за ней.

А буквально через мгновение кто-то схватил его сзади за горло. Он попытался ослабить захват и сразу понял, что в драках слишком полагался на свое умение нарезать время. Кроме того, у человека за его спиной были действительно сильные руки.

– Я просто хочу увериться, что ты не попробуешь совершить какую-нибудь глупость, – сказал человек. Голос явно принадлежал женщине. – Что это за штука у тебя на спине?

– Но кто...

– Согласно протоколу, – перебил голос, – вопросы задает тот, кто держит тебя за горло.

– Э... это Ингибитор. Э... хранит время. Но кто...

– Опять ты за свое. Как тебя зовут?

– Лобсанг. Лобсанг Лудд. Послушай, ты не могла бы меня завести? Это очень важно.

– Разумеется. Хотя, Лобсанг Лудд, ты безрассудный и импульсивный молодой человек. И несомненно, заслуживаешь умереть глупой и бессмысленной смертью.

– Что?

– А еще ты очень туго соображаешь. Ты говоришь вот об этой рукоятке?

– Да. У меня кончается время. А *теперь* я могу спросить, кто ты такая?

– Госпожа Сьюзен. Стой смирно.

Он услышал, как за спиной раздалось столь сладостное потрескивание – это заводили часовой механизм Ингибитора.

– Госпожа Сьюзен?

– Так называют меня почти все, с кем я знакома. А теперь я отпущу тебя. Но прежде должна пояснить: любой глупый поступок только ухудшит твое положение. А еще помни: в этом мире я единственный человек,

которому, *возможно*, захочется еще раз покрутить твою рукоятку.

Захват ослаб. Лобсанг медленно повернулся.

Госпожа Сьюзен оказалась молодой женщиной хрупкого телосложения, одетой исключительно в черное. Ее волосы окружали голову подобно ореолу – светлые, почти белые, с одной черной прядью. Но больше всего поражало в ней... все. Абсолютно все, вдруг понял Лобсанг. От выражения лица до позы. Есть люди, про которых говорят: мол, они теряются. Так вот госпожа Сьюзен исключительно *находилась*. Терялось на ее фоне все остальное.

– Закончил? – спросила она. – Все рассмотрел?

– Извини. Ты тут, случаем, старика не видела? Одетого примерно как я? С такой же штукой за спиной?

– Нет. Теперь моя очередь. Ты вообще что-нибудь тут догоняешь?

– Не что, а кого. Я ж сказал, я ищу старика... Сьюзен закатила глаза.

– Хорошо, хорошо, – перебила она. – Я имела в виду, ты что-нибудь просекаешь?

– Я? Да ты что? Я по этим делам ни-ни...

– Понятно. Давненько не посещал большие города, – констатировала Сьюзен. – Но не важно. Несколько минут назад мимо меня прошел Лихо. Предупреждаю, тебе с ним лучше не сталкиваться.

– Но может, именно этот человек забрал моего друга?

– Сомневаюсь. Лихо трудно назвать человеком. Кроме того, здесь бродят существа и похуже его. Даже страшили предпочли залечь в норы.

– Слушай, значит, время остановилось, да? – спросил Лобсанг.

– Да.

– Тогда почему ты здесь и разговариваешь со мной?

– Меня трудно назвать созданием времени, – пожалала плечами Сьюзен. – Я в нем работаю, но жить по его законам я не обязана. И я не одна такая.

– Еще Лихо, о котором ты упоминала?

– Да. И Санта-Хрякус, и зубная фея, и Песочный Человек, и все прочие.

– Я считал, что это все мифы.

– И что с того? – Сьюзен выглянула из-за угла на улицу.

– А ты, значит, не из них?

– Насколько я понимаю, часы остановил не ты, – задумчиво проговорила Сьюзен, оглядывая улицу.

– Нет. Я... опоздал. Возможно, из-за того, что вернулся помочь Лю-Цзе.

– Прощу прощения? Ты должен был предотвратить конец света, но остановился, чтобы помочь какому-то старику? Ну ты... *герой!*

– О, лично мне так не кажется, потому что...

Лобсанг прервался. Хоть она и сказала «Ты – герой», тон ее голоса вовсе не подразумевал, что «Ты – звезда». Таким тоном скорее сообщают, что «Ты – идиот».

– Я встречала много таких, как ты, – продолжала Сьюзен. – Знаешь, у героев вообще большие нелады с точными науками. Даже с элементарной математикой. Возьмем, к примеру, тебя. Если бы ты разбил часы прежде, чем они начали бить, все было бы в порядке. А теперь весь мир остановился, мы подверглись вторжению и, скорее всего, все погибнем, и это лишь потому, что ты задержался кому-то там помочь. Ну, то есть похвально, достойно, всякое такое, но это очень, очень... по-человечески.

Она произнесла последнее слово так, словно вместо него должно было стоять другое слово. Например, «глупо».

– Ты имеешь в виду, что мир могут спасти только хладнокровные, расчетливые сволочи?

– Должна признать, холодный расчет иногда оказывается весьма полезным, – кивнула Сьюзен. – Может, нам стоит взглянуть на эти часы?

– Зачем? Ущерб уже нанесен. Если мы разобьем их, станет только хуже; кроме того, я как бы попытался к ним подойти, но маховик вдруг закрутился как бешенный, и я, ну, того, решил вести себя...

– Поосторожнее, – закончила за него Сьюзен. – Это хорошо. Осторожность никогда не помешает. Однако мне нужно кое-что проверить.

Лобсанг попытался взять себя в руки. Эта странная девушка, похоже, всегда знала, что делать, – причем всем и каждому. С другой стороны, разве у него был выбор? А потом он вспомнил банку с йогуртом.

– А вот это имеет какое-нибудь значение? – спросил Лобсанг. – Могу поклясться, на улице она оказалась уже после того, как время остановилось.

Сьюзен взяла банку и внимательно ее осмотрела.

– О, – равнодушно произнесла она. – Значит, здесь был Ронни, да?

– Ронни?

– О, мы все знаем Ронни.

– И что это значит?

– Скажем так, если это он нашел твоего друга, значит, с ним будет все в порядке. Вероятно. По крайней мере, в большем порядке, чем если бы его нашел кто-нибудь другой. Послушай, может, наконец займемся спасением не человека, а человечества? Холодный расчет, понял?

Она вышла из переулка. Лобсанг поплелся за ней. Сьюзен шла с таким видом, словно вся улица принадлежала ей. Заглядывала в каждую дверь и каждый темный переулочек, но вовсе не как потенциальная жертва, опасавшаяся злоумышленников. Похоже, она даже была слегка разочарована тем, что не находила там ничего опасного.

Сьюзен подошла к часовой лавке, вошла в нее и остановилась на мгновение, разглядывая зависший в воздухе цветок из стеклянных осколков. Судя по выражению ее лица, она не нашла в увиденном ничего странного, да и вообще в жизни ей приходилось встречать куда более интересные вещи. Потом она приблизилась к внутренней двери. Из-под нее по-прежнему лилось свечение, но уже не такое яркое.

– По-моему, все чуть успокоилось, – сказала Сьюзен. – Это хорошо... Но там, внутри, двое. А это уже плохо.

– Кто?

– Подожди, сейчас открою дверь. Только будь осторожен.

Дверь открывалась очень медленно. Лобсанг вошел в мастерскую вслед за девушкой. Маховик стал вращаться быстрее.

Часы стояли в центре комнаты и светились так, что на них было больно смотреть.

Но он тем не менее не мог отвести от них глаз.

– Я... Именно такими я их себе и представлял, – признался он. – О, как они...

– Не подходи к ним, – предупредила его Сьюзен. – Поверь мне, это неверная смерть. Обрати *внимание* на то, как я выразилась.

Лобсанг часто заморгал. Последние две мысли явно принадлежали не ему.

– Что-что ты сказала?

– Я сказала, что это неверная смерть.

– То есть еще хуже, чем верная?

– Гораздо. Смотри.

Сьюзен подняла с пола молоток и аккуратно стала подносить его к часам. Когда она поднесла молоток совсем близко, он завибрировал в его руке, потом вырвался из пальцев и исчез. Сьюзен даже дернулась от неожиданности и едва слышно выругалась. Перед самым исчезновением вокруг часов на мгновение возникло небольшое кольцо, напоминавшее молоток, но только если его раскатать в тонкий лист, а потом свернуть в трубочку.

– Ты имеешь представление, почему это произошло? – спросила она.

– Нет.

– Я тоже. А теперь представь себя на месте молотка. Неверная смерть, понимаешь?

Лобсанг посмотрел на две замершие фигуры. Одна была среднего роста и имела все необходимые конечности, чтобы быть квалифицированной как человеческое существо; правда, все остальное в ее внешности буквально вопило об обратном. Фигура тарасилась на часы. На них же тарасилась фигура номер два, принадлежавшая мужчине средних лет с глуповатым лицом. В одной руке мужчина держал чашку чая, а в другой, насколько понял Лобсанг, печенюшку.

– Того, кто никогда не выиграл бы конкурс красоты, даже если бы был его единственным участником, зовут Игорь, – сообщила Сьюзен. – Второй – доктор Хопкинс из Гильдии Часовщиков.

– Ага, теперь мы, по крайней мере, знаем, кто сделал часы, – обрадовался Лобсанг.

– Я так не думаю. Мастерская доктора Хопкинса находится в нескольких кварталах отсюда. Кроме того, он делает в основном сувенирные часы для весьма странных и разборчивых покупателей. Это его специализация.

– Значит, их собрал... Игорь?

– Конечно нет! Игори – профессиональные слуги. Никогда не работают самостоятельно.

– А ты, похоже, много знаешь, – заметил Лобсанг, глядя, как Сьюзен кругами ходит вокруг часов, будто борец, пытающийся отыскать удобное место для захвата.

– Да, – ответила она, не поворачивая головы. – Именно так. Первые часы сломались, а эти выдержали. Создать такие мог только гений.

– Злой гений?

– Трудно сказать. Не вижу никаких свидетельств этому.

– Каких именно?

– Ну, например, надпись «Бва-ха-ха!!!!!» на одной из стенок была бы неплохой подсказкой, как ты думаешь? – фыркнула она, закатывая глаза.

– Я тебе только мешаю, да? – спросил Лобсанг.

– Совсем нет, – возразила Сьюзен, переводя взгляд на верстак.

Она взяла моток шланга, свисавший с гвоздя над стеклянными банками, и пристально его оглядела. Потом швырнула в угол и уставилась на него так, словно ничего подобного в жизни не видела.

– Не говори ни слова, – прошептала она. – У них очень тонкий слух. Просто отойди к огромным стеклянным бакам за твоей спиной и постарайся ничем не привлечь к себе внимания. И сделай это

Немедленно.

Последнее слово несло в себе какие-то странные гармоника. Лобсанг вдруг почувствовал, что ноги его сами зашагали туда, куда велела Сьюзен.

Затем дверь приоткрылась, и в комнату вошел мужчина.

Как Лобсанг чуть погодя осознал, самой странной чертой его внешности была полная, абсолютная забываемость. Он впервые увидел лицо, о котором практически нечего было сказать. Да, там присутствовал нос, рот, имелись глаза, причем достаточно безупречные, но *внешности* они почему-то не составляли. То были лишь части, которые никак не могли собраться в единое целое. Больше всего это лицо походило на лицо статуи – приятное, привлекательное, но за которым ничегошеньки нет.

Медленно, как человек, обязанный *думать* о своих мышцах, мужчина повернулся, чтобы посмотреть на Лобсанга.

Лобсанг ощутил большое искушение начать нарезать воздух. Маховик за спиной предупреждающе закрипел.

– Думаю, с меня хватит, – сказала, выходя вперед, Сьюзен.

Мужчина резко развернулся и тут же получил удар локтем в живот. Потом она ударила его ладонью под подбородок так сильно, что ноги мужчины оторвались от пола и он с ужасающей силой врезался затылком в стену.

Когда он упал, Сьюзен огрела его по макушке гаечным ключом.

– Вот теперь можно уходить, – сказала она таким тоном, словно только что поправила неровно лежавший лист бумаги. – Больше здесь делать нечего.

– Ты же *убила* его!

– Конечно. Это не человеческое существо. Я умею их... чувствовать. Наследственная черта. Кстати, сходи подбери шланг.

И Лобсанг сразу послушался, потому что она по-прежнему сжимала в руке гаечный ключ. Хотя со шлангом ему справиться не удалось – он весь перепутался и завязался в узлы, превратившись в резиновые спагетти.

– Мой дедушка называет это злонамеренностью, – пояснила Сьюзен. – Враждебность всего сущего к несуществующему резко усиливается в присутствии Аудиторов. Это, можно сказать, рефлекс. Одна знакомая мне крыса рассказывала, что проверка резиновым шлангом весьма надежна в полевых условиях.

«Крыса», – подумал Лобсанг, но вслух произнес:

– А что такое Аудитор?

– И погляди, у них полностью отсутствует чувство цвета. Они не понимают, что это такое. Посмотри, как он одет. Серый костюм, серая

сорочка, серые ботинки, серый шейный платок, все серое.

– Э... Э... А может, у него был такой вкус?

– Ты так считаешь? Что ж, тогда поделом ему, – хмыкнула Сьюзен. – Впрочем, ты ошибаешься. Смотри сам.

Тело рассыпалось. Процесс был быстрым и вовсе не противным, он больше походил на сухое испарение. Тело просто превратилось в большое облако пыли, которое распространилось по комнате и вскоре исчезло. Но последние несколько горстей на мгновение сложились в знакомый силуэт. Который тоже исчез, самым легким шепотом что-то выкрикнув.

– Это же был дланг! – воскликнул Лобсанг. – Злой дух! Живущие в долине крестьяне вешают для защиты от них обереги! Но я всегда считал это простым предрассудком!

– А это оказалось чистым рассудком, – ответила Сьюзен. – Ну, то есть они существуют, хотя в них почти никто не верит. Большая часть людей верит как раз в то, чего не существует. Так или иначе, происходит нечто странное. Их здесь слишком много, а кроме того, у них появились *тела*. Что-то не так. Мы срочно должны найти того, кто создал эти часы...

– Э... Госпожа Сьюзен, а чем ты занимаешься? Ну, в жизни?

– Я? Работаю... учительницей.

Сьюзен заметила, каким взглядом он смотрит на гаечный ключ в ее руке, и пожала плечами.

– На переменках дети иногда ведут себя очень плохо, да? – спросил Лобсанг.

Запах молока заслонил собой весь мир.

Лю-Цзе резко выпрямился.

Комната была огромной, и он сидел на столе в самом ее центре. Судя по ощущениям, стол был обит железом. Вдоль стены стояли фляги, а рядом с мойкой, больше похожей на ванну, выстроились рядами огромные железные миски.

Впрочем, сквозь молочный аромат пробивались и другие запахи – дезинфицирующего средства, хорошо вымытого дерева и расположенной где-то неподалеку конюшни.

Послышались приближающиеся шаги. Лю-Цзе поспешно лег на спину и закрыл глаза.

Он услышал, как кто-то вошел в комнату. Потом раздался тихий свист, и принадлежал он, по-видимому, мужчине, потому что, как Лю-Цзе знал из своего долгого жизненного опыта, ни одна женщина не станет свистеть и одновременно шипеть, да еще пытаться выводить трели. Посвистывание

приблизилось, остановилось на мгновение рядом со столом, потом удалилось в сторону мойки. Его сменил мерный скрип приведенной в действие ручки насоса.

Лю-Цзе открыл один глаз.

Стоявший у мойки мужчина был невысокого роста, поэтому стандартный передник в сине-белую полоску доходил почти до пола. Судя по легкому брэнчанию, в раковине содержались бутылки.

Лю-Цзе опустил ноги со стола настолько бесшумно, что среднестатистический ниндзя иззавидовался бы лютой завистью. Его сандалии невесомо коснулись пола.

– Ну как, получше себя чувствуешь? – спросил, не оборачиваясь, мужчина.

– О да, конечно. Превосходно, – ответил Лю-Цзе.

– Я подумал, что это за похожий на монаха лысый старик? – сказал мужчина, подставляя бутылку под луч света и внимательно осматривая ее. – На спине штукавина заводная, а по пятам беда лихая. Хочешь чашку чая? Чайник уже на плите. У меня есть ячье масло.

– Ячье? Я все еще в Анк-Морпорке?

Лю-Цзе опустил взгляд на висевшие рядом черпаки. Мужчина по-прежнему не оборачивался.

– Гм. Интересный вопрос, – произнес мойщик бутылок. – Можно сказать, ты отчасти в Анк-Морпорке. А ячьего молока не желаешь? У меня есть молоко коровы, козы, овцы, верблюдицы, ламы, лошади, кошки, собаки, дельфина, кита или аллигатора. На любой вкус.

– Что? Но аллигаторы не дают молока! – воскликнул Лю-Цзе, хватаясь за самый большой черпак.

Тот совершенно бесшумно снялся с крючка.

– А я и не говорю, что получить его было легко. Метельщик крепко сжал в руке черпак.

– Что это за комната, приятель?

– Ты в... маслбойне.

Мужчина у мойки произнес последнее слово так, словно оно было синонимом замка ужасов, сунул очередную бутылку в подставку для сушки и, по-прежнему стоя спиной к Лю-Цзе, поднял руку. Все пальцы были сжаты, за исключением среднего.

– Знаешь, что это значит, монах? – спросил он.

– Не слишком-то дружелюбный жест, приятель. Ручка тяжелого черпака уютно лежала в ладони.

Лю-Цзе приходилось пользоваться и менее удобным оружием.

– О, весьма поверхностное толкование. Ты ведь пожилой человек, монах. Я вижу на тебе бремя веков. Скажи, что это значит, и поймешь, кто я такой.

В прохладной маслобойне стало еще холоднее.

– Твой средний палец? – попытался угадать Лю-Цзе.

– Фу, – откликнулся мужчина.

– Фу?

– Да, фу! У тебя же есть мозги, используй их.

– Послушай, весьма признателен тебе за то, что...

– Тебе доступны тайные знания, которые все так настойчиво пытаются обрести. – Мойщик бутылок чуток помолчал. – Более того, я даже подозреваю, что тебе доступны явные знания, спрятанные на самом виду, которые практически никто обрести не пытается. Так кто я такой?

Лю-Цзе уставился на одинокий палец. Стены маслобойни потускнели. Холод стал еще более ощутимым.

Мозг бешено заработал, и библиотекарь воспоминаний взял дело в свои руки.

Он попал в ненормальное место, значит, и человек не был нормальным. Палец. Один палец. Один из пяти на... Один из пяти. Один из *Пяти*. Некие смутные воспоминания о древней легенде отчаянно засигналили ему.

Пять минус один – четыре.

Пятый лишний.

Лю-Цзе аккуратно повесил черпак на крючок.

– Пятый Лишний, – сказал он. – Пятый из Четырех.

– Наконец-то. Вижу, ты получил хорошее образование.

– Ты был... ты тот, кто ушел прежде, чем они стали знаменитыми?

– Да.

– Но... мы в маслобойне, и ты моешь бутылки!

– Ну и что? Должен же я хоть чем-нибудь заниматься.

– Но... ты был Пятым Всадником Абокралиписиса! – воскликнул Лю-Цзе.

– Готов поспорить, ты не помнишь, как меня зовут.

Лю-Цзе задумался.

– Да. Не припоминаю, чтобы я когда-либо слышал твое имя.

Пятый Всадник медленно повернулся к нему лицом. У него были черные глаза. Абсолютно черные. Блестящие и черные, совершенно без белков.

– Меня зовут... – промолвил Пятый Всадник. – Меня зовут...

- Как?
- Меня зовут Ронни.

Безвременье разрасталось как лед. Волны замерзали на море. Птицы оказались пришипленными к небу. Весь мир замер.

Но не стих. Постоянно был слышен звук, словно кто-то проводил пальцем по краю очень большого бокала.

- Пошли, – велела Сьюзен.
- Ты слышишь? – спросил, останавливаясь, Лобсанг.
- Да, но нам-то...

Внезапно она толкнула Лобсанга в тень. Посреди улицы вдруг возник серый балахон Аудитора. Он начал вращаться, и воздух вокруг него мигом наполнился пылью, которая очень скоро превратилась в вертящийся цилиндр, который, в свою очередь, превратился в нечто похожее на нетвердо стоявшего на ногах человека.

Существо качнулось взад-вперед, медленно подняло руки, осмотрело их со всех сторон, а затем целенаправленно зашагало прочь по улице. Чуть погодя к нему присоединилось аналогичное существо, вынырнувшее из переулка.

– Совсем на них не похоже, – заметила Сьюзен, когда сладкая парочка скрылась за углом. – Они что-то задумали. Надо бы проследить.

- А что будет с Лю-Цзе?
- А что с ним будет? Сколько, говоришь, ему лет?
- Он говорил, что восемьсот.

– Значит, крепкий орешек. Ронни достаточно безобиден, если ты осторожно себя ведешь и не споришь слишком много. Пошли.

Она решительно двинулась вперед.

Аудиторов становилось все больше и больше, и они шли меж замерших повозок и неподвижных людей в сторону, как выяснилось, Саторской площади – одного из самых больших открытых пространств в городе.

Тихие неподвижные фигуры стояли у торговых ларьков, а между ними сновали серые силуэты.

– Их тут сотни, – сказала Сьюзен. – И все в человеческом облике. Судя по всему, у них здесь собрание.

Господин Белый начинал терять терпение. До этого момента он и не подозревал, что оно у него есть, потому что если он и был чем-нибудь, так это терпением. Но сейчас он чувствовал, как оно испаряется. В голове

возникло странное, горячее ощущение. Как мысль может быть *горячей*?

Толпа Аудиторов в человеческом образе немного обеспокоенно наблюдала за ним.

– Я господин Белый! – объявил он несчастному новообращенному Аудитору, которого привели к нему, и сам пораженно содрогнулся. Подумать только, он произнес это личное местоимение и остался в живых! – Значит, ты не можешь быть господином Белым. Это приведет к неразберихе.

– Но у нас заканчиваются цвета, – вмешался в разговор господин Фиолетовый.

– Этого не может быть, – заявил господин Белый. – Цветов существует бесконечное количество.

– Но куда меньше названий, – заметила госпожа Темно-Серая.

– Это невозможно. У каждого цвета должно быть название.

– Мы сумели найти только сто три названия для зеленого, прежде чем цвет становился заметно синим или желтым, – вмешалась госпожа Пунцовая.

– Но оттенки бесконечны!

– А названия – нет.

– Эту проблему следует решить. Внесите ее в список, госпожа Коричневая. Мы должны дать название каждому оттенку.

Лицо одного из Аудиторов женского пола обескураженно вытянулось.

– Но я не могу помнить все. К тому же я не понимаю, почему ты отдаешь приказы.

– Я старше всех среди воплощенных, за исключением той отступницы.

– Всего на несколько секунд, – заметила госпожа Коричневая.

– Это несущественно. Старшинство есть старшинство. Это факт.

Это действительно был факт. Аудиторы уважали факты. А еще фактом было то, что по городу сейчас болталось более семисот Аудиторов. И господин Белый прекрасно об этом знал.

И должен был положить конец этим беспрестанным воплощениям, потому что все больше и больше его собратьев сбегалось в горячую точку. Это было слишком опасно. Как продемонстрировала на своем примере отступница, человеческий облик заставлял разум работать определенным, весьма тревожным образом. Поэтому вести себя следовало крайне осторожно. Это был факт. Только тем, кто мог пережить данный процесс, следовало разрешать воплощаться, дабы закончить начатую работу. Это был факт.

Аудиторы уважали факты. По крайней мере, до сего момента. Госпожа

Коричневая отступила на шаг.

– Тем не менее, – возразила она, – оставаться здесь опасно. По моему мнению, мы должны покинуть человеческие тела.

Господин Белый почувствовал, как его тело ответило на это возражение. Оно вдруг резко выдохнуло.

– И оставить многое неизвестным? – спросил он. – Неизвестное может быть опасным. Мы уже столькому научились.

– То, чему мы научились, не имеет смысла, – сказала госпожа Коричневая.

– Смысл появится, когда мы узнаем больше. Нет такого, что было бы неподвластно нашему пониманию, – заявил господин Белый.

– Я не понимаю, почему у меня вдруг возникло желание привести мою руку в резкий контакт с твоим лицом, – удивилась госпожа Коричневая.

– Вот именно, – подтвердил господин Белый. – Ты не понимаешь, значит, это опасно. Произведи действие, и мы узнаем больше.

Она ударила его.

Он поднял руку к щеке.

– Регистрирую произвольные мысли об уклонении от повторения данного опыта, – сообщил он. – А еще ощущение тепла. Примечателен факт, что тело, похоже, и правда умеет мыслить самостоятельно.

– А у меня, – сказала госпожа Коричневая, – возникли произвольные мысли об удовлетворении и опасении.

– Мы уже многое узнали о людях, – повторил господин Белый.

– Но зачем? – спросила госпожа Коричневая, опасения которой резко усилились, когда она увидела искаженное лицо господина Белого. – Для достижения наших целей они уже не имеют значения. Время кончилось. Они превратились в ископаемых. У меня под одним глазом дергается кожа.

– Ты обвиняешься в неадекватном мышлении, – сказал господин Белый. – Они существуют. Поэтому мы должны максимально подробно их изучить. Я хотел бы продолжить эксперимент. Мой глаз функционирует идеально.

Он взял топор с рыночного прилавка. Госпожа Коричневая отступила еще на шаг.

– Произвольные мысли об опасении значительно усилились, – констатировала она.

– Однако это лишь кусок металла на куске дерева. – Господин Белый помахал топором. – Мы те, кто видел ядра звезд. Мы те, кто видел горящие миры. Мы те, кто видел страдания космоса. Что в этом топоре способно вызвать опасения у нас?

Он взмахнул топором. Удар был неуклюжим, и человеческое тело гораздо прочнее, чем кажется многим, но шея госпожи Коричневой вдруг взорвалась тучей разноцветных пылинок, а сама она осела на землю.

Господин Белый окинул взглядом стоявших рядом Аудиторов, и они мгновенно отступили от него на пару шагов.

– Ну, кто-нибудь еще желает принять участие в эксперименте? – спросил он.

В ответ раздался хор поспешных отрицаний.

– Отлично, – одобрил господин Белый. – Воистину, мы уже многому научились!

– Он отрубил ей голову!

– Не кричи! И пригни *свою* башку! – прошипела Сьюзен.

– Но он...

– Думаю, она уже знает об этом. Кстати, не она, а оно. И он тоже оно.

– Что тут происходит?

Сьюзен спряталась в тени.

– Я не совсем уверена, – пожала плечами она. – Но мне кажется, они попытались сделать для себя человеческие тела. Кстати, получились совсем неплохие копии. А теперь они пытаются вести себя по-человечески.

– Ты называешь *это* по-человечески?

Сьюзен с печалью посмотрела на Лобсанга.

– Что, редко выходишь из дома, да? Мой дедушка говорит, что если разумное существо обретает человеческий облик, оно и мыслить начинает тоже как человек. Форма определяет функцию.

– То есть это было действие разумного существа? – уточнил по-прежнему шокированный Лобсанг.

– Ты не только редко выходишь из дома, но еще и историю плохо знаешь, – грустно сообщила Сьюзен. – Ты слышал что-нибудь о проклятии оборотней?

– Разве быть оборотнем – это еще не достаточное проклятие?

– Они так не думают. Но если они проведут в облике волка достаточно длительное время, то так волками и останутся, – пояснила Сьюзен. – Волк – это очень сильная... форма, понимаешь? Разум остается человеческим, но волк лезет сквозь ноздри, уши и лапы. А о ведьмах слышал?

– Мы... украли у одной из них помело, чтобы добраться сюда.

– Правда? Значит, повезло тебе, что конец света все же наступил, – хмыкнула Сьюзен. – Так или иначе, некоторые из ведьм, лучшие из лучших, умеют делать такую штуку, которую они называют

Заимствованием. Они способны проникать в разум животных. Очень удобно. Но самое главное, уметь вовремя выбраться оттуда. Ведь можно навсегда остаться уткой, если слишком надолго застрянешь в ее голове. Да, очень сообразительной уткой, уткой, так сказать, с воспоминаниями, но тем не менее уткой.

– Поэту Хохе как-то приснилось, что он превратился в бабочку, и, проснувшись, он спросил: «Я человек, которому приснилось, что он превратился в бабочку, или бабочка, которой снится, что она человек?» – поведал Лобсанг, пытаясь поддержать разговор.

– Правда? – с интересом спросила Сьюзен. – И кем он оказался?

– Что? Да кто знает...

– А как он писал свои стихи?

– Кисточкой, конечно.

– Он не порхал, выписывая в воздухе весьма информативные кренделя, не откладывал яйца на капустные листья?

– Никто не упоминал ни о чем подобном.

– Значит, скорее всего, он был человеком, – констатировала Сьюзен. – Интересно, но нам ничем не поможет. Разве что ты можешь сказать примерно то же самое про Аудиторов. Им снится, что они стали людьми и их сон стал реальностью. А они совершенно лишены воображения. Как и мой дедушка, честно говоря. Они могут создать идеальную копию чего угодно, но сотворить что-то новое? Нет, на это они решительно не способны. А вообще, по-моему, они пытаются выяснить, что значит быть человеком.

– И что же это значит?

– Что ты контролируешь себя гораздо в меньшей степени, чем тебе это кажется. – Она еще раз окинула внимательным взглядом толпу на площади. – Ты что-нибудь знаешь о создателе часов?

– Я? Нет, не совсем...

– Тогда что ты тут делал?

– Лю-Цзе предположил, что часы собирают именно здесь.

– Правда? Догадка на пять с плюсом. Ты даже нашел нужный дом.

– Понятия не имею, как это у меня получилось. Я просто знал, что именно там я должен быть. Глупо звучит, правда?

– Да. Не хватает только блестящих колокольчиков и синих птиц счастья. Но возможно, ты говоришь правду. Я тоже всегда знаю, где должна находиться. Кстати, а где ты должен находиться сейчас?

– Минуточку, – вдруг нахмурился Лобсанг. – А кто ты вообще такая? Время остановилось, мир заполнили... сказки, чудовища и всякие твари, и

вдруг откуда ни возьмись *учительница!*

– Самое оно для такого мира, – усмехнулась Сьюзен. – Мы, учительницы, терпеть не можем всяких глупостей. Кстати, я ведь тебе уже говорила, что получила определенные способности по наследству.

– Например, жить вне времени?

– Это только одна из них.

– Странная способность для учительницы!

– Очень удобно, когда выставляешь оценки, – спокойно заметила Сьюзен.

– А ты действительно человек?

– Ха! Такой же, как ты. Хотя в моих семейных шкафах завалялась парочка-другая скелетов.

Было что-то странное в том, как она произнесла эти слова.

– Это ведь не просто фигура речи, да? – спросил он каким-то безжизненным голосом.

– Не совсем, – признала Сьюзен. – Слушай, эта штука у тебя на спине. А что будет, если она перестанет крутиться?

– У меня кончится время.

– Ага. Значит, тот факт, что она замедлила вращение и остановилась, пока Аудитор на площади упражнялся с топориком, уже ни на что не влияет?

– Она что, правда не вращается? – Лобсанг в панике завертелся на месте, попытался дотянуться до ручки.

– Судя по всему, у тебя тоже есть скрытые способности, – с ухмылкой произнесла Сьюзен, прислоняясь к стене.

– Пожалуйста! Заведи меня еще раз.

– Нет проблем. Ты полный...

– *Это и в первый раз было совсем не смешно!*

– Все верно. У меня почти нет чувства юмора. Лобсанг всячески пытался дотянуться до рукояти, и ей даже пришлось схватить его за руки.

– Эта штука тебе не нужна, понимаешь? Она мертвый груз. Поверь мне! Не сдавайся! Ты сам делаешь время. Не пытайся понять как.

Он с ужасом уставился на нее.

– Что происходит?

– Все в порядке, все в порядке, – спокойно промолвила Сьюзен, призвав на помощь все свое терпение. – Такие открытия всегда становятся потрясением. Когда это случилось со мной, рядом никого не оказалось, так что считай, что тебе еще повезло.

– А что случилось с тобой?

– Я узнала, кто мой дедушка. Только не спрашивай ни о чем. Сосредоточься. Где ты сейчас должен быть?

– Гм... – Лобсанг огляделся. – Гм... Кажется, где-то там.

– Я даже не буду спрашивать тебя, откуда ты это знаешь, – хмыкнула Сьюзен. – Кроме того, мы уберемся подалее от этой толпы.

Сьюзен улыбнулась.

– Смотри на все с оптимизмом, – посоветовала она. – Мы молоды, у нас есть все время в мире... – Она вскинула на плечо гаечный ключ. – Пойдем колбаситься.

Если бы время не остановилось, это произошло бы через несколько минут после того, как ушли Сьюзен с Лобсангом. Крошечная фигурка в балахоне и не больше шести дюймов ростом вбежала в мастерскую. За ней влетел ворон, который сел на дверь и с нескрываемым подозрением воззрился на часы.

– Лично на мой взгляд, они выглядят опасными, – сообщил он.

– ПИСК? – осведомился Смерть Крыс, подходя к часам.

– Нет, только не пытайся стать героем, – велел Каркуша.

Крыса подошла к пьедесталу часов, посмотрела на них взглядом, словно говорившим, чем они больше, тем сильнее гремят, когда падают, и рубанула косой.

По крайней мере, попыталась это сделать. Сверкнула вспышка, когда коса коснулась часов. На мгновение Смерть Крыс превратился в какое-то расплывчатое кольцо вокруг часов, а потом исчез.

– Я же предупреждал, – сказал ворон, принимаясь чистить перья. – Готов поспорить, ты сейчас считаешь себя ну полным дураком.

– ...А потом я подумал, ну какой работой я могу заняться, учитывая мои способности? – продолжал Ронни. – Для меня время не более чем другое направление. А еще я подумал, что свежее молоко нужно всем, верно? И все хотят, чтобы его привозили рано утром.

– Это гораздо интереснее, чем мыть окна, – заметил Лю-Цзе.

– Да, я пробовал это, когда их только изобрели, – сообщил Ронни. – А до того работал приходящим садовником. Добавить еще прогорклого ячьего масла?

– Конечно, – ответил Лю-Цзе, поднимая чашку.

Лю-Цзе было восемьсот лет, поэтому он решил немножко передохнуть. Какой-нибудь герой немедленно вскочил бы на ноги и промчался по безжизненному городу, а потом...

В этом все и дело. Потом герой задумался бы: а дальше-то что? Прожив восемьсот лет, Лю-Цзе прекрасно понимал: случившееся таковым и останется. Возможно, в других измерениях оно случится по-разному или вообще не случится, но *здесь* ты его уже не сможешь заставить *расслучиться*. Часы начали бить, и время остановилось. Решение само придет, но чуть позже. А пока чашка чая за разговором со случайным спасителем могла помочь скоротать время. В конце концов, Ронни был не совсем простым молочником.

Лю-Цзе давно понял, что у всего есть причина – за исключением, пожалуй, футбола.

– Продукты у тебя первоклассные, – похвалил он, сделав глоток. – Маслом, которое предлагают сегодня, я не стал бы смазывать даже колеса телеги.

– Все зависит от породы, – ответил Ронни. – За этим маслом я отправляюсь на шестьсот лет назад. Оно сбито из молока пасущихся в высоких горах яков.

– Твое здоровье, – поднял чашку Лю-Цзе. – Занятно, – продолжил он. – Ну, то есть... Если бы людям рассказать, что на самом деле всадников Абоквалипсиса было пять, а потом один из них ушел и стал молочником, они, скорее всего, очень удивились бы. Начали бы гадать, почему ты...

Глаза Ронни сверкнули серебром.

– Творческие разногласия, – проворчал он. – Самолюбие, если хочешь. Кое-кто сказал бы... Нет, даже говорить об этом не хочу. И желаю им, конечно, всего самого-самого хорошего в их нелегком труде.

– Конечно, – поддакнул Лю-Цзе с непроницаемым лицом.

– Я с интересом наблюдал, как развиваются их карьеры.

– Не сомневаюсь.

– А ты знаешь, что меня даже из официальной истории вычеркнули? – спросил Ронни.

Он поднял руку, и в ней мгновенно появилась книга. На вид совсем новая.

– Вот что было раньше, – произнес он недовольным тоном. – Книга Ома. Пророчества Тобруна. Не встречался с ним? Высокий такой, тощий, с бородкой, постоянно хихикает без причины?

– Нет, Ронни, это было до меня. Ронни передал ему книгу.

– Первое издание. Открой главу вторую, стих седьмой, – сказал он.

И Лю-Цзе прочел вслух:

– И Ангел, облаченный в белае, атамкнул Книгу Жылезную, и ивился *пятый* всадник на колеснице изо льда огненнага, и начали законы

нарушаться да связи порываться, и взревела толпа: “О Господи, теперь нам полный каюк!”

– Это был я, – с гордостью заявил Ронни.

Взгляд Лю-Цзе скользнул к стиху восьмому: «И увидел я типа кроликов, многождыцветных, но как бы клетчатых, кругами кружащих, и раздался звук, издаваемый словно огромными липкими тварями».

– Этот стих тоже был вырезан, – сказал Ронни. – Старину Тобруна разные видения посещали, очень открытый был мужик. Отцы омнианства могли выбирать и смешивать отрывки по собственному усмотрению. Конечно, в те дни все обстояло иначе. Смерть, конечно, был Смертью, но остальные – не более чем Местячковый Недород, Драчка да Прыщ.

– А ты? – спросил Лю-Цзе.

– Я больше никого не интересовал, – пожал плечами Ронни. – По крайней мере, мне так сообщили. В те далекие времена мы выступали перед ограниченным количеством зрителей. Так, местное нашествие саранчи, пересыхание колодца у какого-нибудь племени, извержение вулкана... Для пятерых просто не было места. – Он фыркнул. – Да, именно так мне и заявили.

Лю-Цзе поставил чашку на стол.

– Ладно, Ронни, было приятно поболтать с тобой, но время... не идет. Понимаешь, о чем я?

– Ага, слышал об этом. На улицах полно Законников. – Глаза Ронни снова сверкнули.

– Законников?

– Длангов. Аудиторов. Они снова создали стеклянные часы.

– Ты знаешь об этом?

– Послушай, может, я и не принадлежу к Грозной Четверке, но глаза и уши всегда держу открытыми, – обиделся Ронни.

– Но это же конец света!

– С чего бы? – спокойно возразил Ронни. – Мирто, вот он.

– Но он никуда не движется!

– А это уже не моя проблема, – пожал плечами Ронни. – Я занимаюсь молоком и молочными продуктами.

Лю-Цзе окинул взглядом вылизанную до блеска маслбойню, оглядел сверкающие бутылки и блестящие молочные фляги. Ну и работенка для неподвластного времени существа. Зато молоко всегда будет свежим.

Он снова посмотрел на бутылки, и вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль.

Всадники имеют человеческий облик, а все люди самолюбивы. Умение

вертеть людским самолюбием – это тоже боевое искусство, и Лю-Цзе стал в нем настоящим мастером.

– Готов поспорить, что угадаю, как тебя зовут, – заявил он. – Готов поспорить, что узнаю твое настоящее имя.

– Ха! У тебя нет никаких шансов, монах.

– Не монах, простой метельщик, – спокойно поправил его Лю-Цзе. – Ты называешь их Законниками, Ронни. И некий закон должен быть, верно? Они устанавливают правила, Ронни. И эти правила должны соблюдаться.

– Я занимаюсь молоком и молочными продуктами, – повторил Ронни, но щека у него задергалась. – А еще яйцами по договоренности. Хороший устойчивый бизнес. Подумываю о том, чтобы нанять работников.

– Зачем? – удивился Лю-Цзе. – Им ведь нечего будет делать.

– А еще расширить производство сыра, – добавил Ронни, не глядя на метельщика. – Огромные возможности на рынке сыра. Также подумываю обзавестись клик-адресом, чтобы люди могли присылать заказы по семафору. Такие возможности открываются...

– Правила победили, Ронни. Больше ничего не движется. Ничего неожиданного произойти не может, потому что ничего не происходит.

Ронни сидел и смотрел в пустоту.

– Вижу, ты нашел свою нишу, Ронни, – мягко промолвил Лю-Цзе. – И содержишь свое предприятие в идеальном порядке, в этом нет никаких сомнений. Уверен, остальные парни будут рады узнать, что у тебя все в порядке. Но меня интересует вот что... Почему ты меня спас?

– Что? Ну, это был просто акт милосердия с моей стороны...

– Ты – Пятый Всадник, господин Соак. Акт милосердия?

«Ты слишком много времени провел в облике человека, – подумал Лю-Цзе. – Ты хочешь, чтобы я узнал... Именно хочешь. Тысячи лет подобной жизни. Тебя уже тошнит от себя самого. Ты будешь отчаянно сопротивляться, но сделаешь все, чтобы я вытянул из тебя твое настоящее имя». Глаза Ронни светились.

– Я всегда проявляю заботу о подобных себе, метельщик.

– А я подобен тебе, да?

– У тебя есть... определенные целесообразные черты.

Они долго смотрели друг на друга.

– Я отвезу тебя туда, где нашел, – сказал Ронни Соак. – И все. Тем, другим, я больше не занимаюсь.

Аудитор лежал на спине с открытым ртом. Периодически он издавал слабые жалобные звуки, похожие не писк комара.

– Попробуй еще раз, господин...
– Темно-Авокадный, господин Белый.
– А что, есть такой цвет?
– Да, господин Белый! – подтвердил господин Темно-Авокадный, хотя сам в этом уверен не был.

– Тогда попробуй еще раз, господин Темно-Авокадный.

Господин Темно-Авокадный крайне неохотно опустил руку ко рту лежавшей навзничь фигуры. Его пальцы были в нескольких дюймах от зубов, когда левая рука фигуры, действуя, очевидно, по своей воле, мелькнула в воздухе и сжала их. Послышался треск костей.

– Я чувствую крайне сильную боль, господин Белый.

– Что у него во рту, господин Темно-Авокадный?

– Похоже на продукт из выброженного зерна, господин Белый. Крайне сильная боль продолжается.

– Пищевой продукт?

– Да, господин Белый. В данный момент чувство боли превалирует над остальными.

– Разве я не отдавал приказ ничего не пить, не есть и не экспериментировать, без надобности, с сенсорным физиологическим аппаратом?

– Несомненно отдавали, господин Белый. Чувство крайне неприятной боли, о котором я уже упоминал, усиливается. Что еще я должен сделать?

Концепция приказа была абсолютно новой и совершенно неизвестной Аудиторам. Они привыкли к коллегиальным решениям, которые принимались только в том случае, если были исчерпаны все возможности не делать ничего для устранения возникшей проблемы. Когда решение принимается всеми, значит, оно не принимается никем, что предотвращает возможность возложения вины.

Но тела понимали приказы. Предположив, что именно это делает людей людьми, Аудиторы решили поэкспериментировать с данной концепцией. Да и все равно особого выбора у них не было. Самые разные чувства могут возникнуть, когда приказы отдает некто с *рубящим* оружием в руках. Поразительно, как плавно порыв проконсультироваться и обсудить трансформировался в непреодолимое желание сделать то, что говорит топор.

– Вы не можете убедить его отпустить вашу руку?

– Он, по-видимому, потерял сознание, господин Белый. Его глаза налиты кровью. Он производит тихие звуки, словно вздыхает. Тем не менее тело полно решимости не допустить извлечения хлеба. Могу я еще раз

поставить вопрос о нестерпимой боли?

Господин Белый подал знак двум другим Аудиторам. Лишь с явным усилием им удалось освободить из мертвой хватки пальцы господина Темно-Авокадного.

– Этот вопрос подлежит дальнейшему изучению, – сказал господин Белый. – Отступница предупреждала об этом. Господин Темно-Авокадный?

– Да, господин Белый?

– Ощущение боли сохраняется?

– Моя рука холодная и горячая одновременно, господин Белый.

– Как странно, – удивился господин Белый. – Я позабочусь о том, чтобы мы самым подробнейшим образом исследовали чувство боли. – Господин Темно-Авокадный почувствовал, как некий тоненький голосок в задней части головы отчаянно завопил, когда до разума дошла эта информация, а господин Белый тем временем продолжал: – Какие еще пищевые продукты существуют?

– Мы знаем названия трех тысяч семисот девятнадцати продуктов, – доложил, сделав шаг вперед, господин Индиго-Фиолетовый.

По данным вопросам он стал настоящим экспертом, что для Аудиторов тоже было абсолютно непривычно. Раньше у них никогда не было экспертов. То, что знал один, знали все. Если один знал то, чего не знали другие, его можно было счесть в некоторой степени индивидуальностью. А индивидуальность была чревата смертью. Кроме того, ты обретал власть и ценность, а значит, ты мог умереть довольно-таки мучительной смертью. Но сейчас так многому еще предстояло научиться, и он, подобно некоторым другим Аудиторам, даже подобрал ряд лицевых тиков и гримас, которые соответствовали бы умственной деятельности.

– Назови хотя бы один, – приказал господин Белый.

– Сыр, – мгновенно ответил господин Индиго-Фиолетовый. – Прокисшие лактациозные выделения жвачных животных.

– Мы найдем сыр, – сказал господин Белый.

Мимо прошли три Аудитора.

Сьюзен выглянула из дверного проема.

– Ты уверен, что мы идем в нужном направлении? – спросила она. – Мы уходим от центра все дальше и дальше.

– Я пошел бы туда, – ответил Лобсанг.

– Хорошо, но мне не нравятся узкие улицы. Мне не нравится прятаться. Я не такой человек.

– Да, я заметил.

– А что это там, впереди?

– Задняя стена Королевского музея искусств. За ним – Брод-авеню, – сказал Лобсанг. – Именно туда нам нужно попасть.

– Для горного жителя ты неплохо знаешь город.

– Вырос здесь. Знаю пять способов проникнуть в здание музея. Когда-то был вором.

– А я когда-то умела проходить сквозь стены, – вспомнила Сьюзен. – А сейчас, когда время остановилось, не могу. Думаю, это каким-то образом лишило меня дара.

– Ты действительно могла проходить сквозь стены? Сквозь твердые, сплошные стены?

– Да. Старая семейная традиция, – отрезала Сьюзен. – Давай пройдем через музей. Там даже в лучшие времена были одни статуи.

У Анк-Морпорка вот уже как несколько веков не было короля, но дворцы сохранились. Сам город, возможно, в короле не нуждался, но он всегда нуждался в просторных залах и прочных высоких стенах – даже после того, как от монархии останутся одни воспоминания, а само здание переименуют в какой-нибудь Почетный Мемориал Народного Хозяйства.

Последнего короля было трудно назвать приятным человеком, особенно после того, как он был обезглавлен, а после такой процедуры мало кто будет выглядеть привлекательно, даже самым низкорослым королям это не удастся. Тем не менее все соглашались с тем, что ему удалось собрать неплохую коллекцию произведений искусства. Жители города не могли не оценить такие шедевры, как «Три крупные розовые женщины и один клочок кисеи» Каравати или «Мужик с очень большим фиговым листом» работы Никудышного. Кроме того, в таких обладавших богатой историей городах, как Анк-Морпорк, всегда скапливалось огромное количество всевозможного художественного мусора, для хранения которого, чтобы предотвратить загромождение улиц, нужны были своего рода общественные чердаки. Так и родился Королевский музей искусств. Все расходы составили стоимость нескольких миль красного бархатного каната плюс жалованье паре стариков в униформе, подсказывающих, как пройти к картине «Три крупные розовые женщины и один клочок кисеи».

Лобсанг и Сьюзен быстрым шагом шли через безмолвные залы. Музей чем-то походил на клуб «Фигли-с» – и там и тут было бы крайне трудно определить, остановилось время или нет. Его ход и раньше был едва заметен. Монахи Ой-Донга сочли бы это весьма ценным достижением.

Сьюзен остановилась и повернулась, чтобы посмотреть на огромное полотно в позолоченной раме, занимающее целую стену длинного

коридора.

– О... – тихо произнесла она.

– Что такое?

– «Битва при Ар-Гаше» кисти Блитцта, – сказала Сьюзен.

Лобсанг посмотрел на осыпающийся холст, покрытый желто-коричневым лаком. Краски выцвели и превратились в ровный слой грязи разных оттенков, но сквозь нее просвечивало нечто яростное и злобное.

– Подразумевается, что именно так выглядит преисподняя? – спросил он.

– Нет, это древний город в Клатче тысячелетия тому назад, – ответила Сьюзен. – Но дедушка рассказывал, что люди и правда превратили его в преисподнюю. Блитцт сошел с ума, когда писал эту картину.

– Грозовые облака тем не менее ему удалось, – сглотнул Лобсанг. – Великолепный, э... свет...

– Посмотри, что появляется из туч, – подсказала Сьюзен.

Лобсанг, прищурившись, взгляделся в покрытые коркой кучевые облака и окаменелую молнию.

– О, понятно. Четыре Всадника. Их можно часто увидеть...

– Сосчитай еще раз, – перебила его Сьюзен. Лобсанг присмотрелся.

– Вот двое и вот тоже дво...

– Не говори ерунды. Их пяте...

Она замолчала, вдруг заметив, куда он смотрит. Искусство его сейчас совсем не интересовало.

Два Аудитора торопливо шагали прочь от них в сторону Фарфоровой комнаты.

– Они убегают от нас! – воскликнул Лобсанг. Сьюзен схватила его за руку.

– Не совсем, – сказала она. – Они всегда совещаются! А для этого их должно быть как минимум трое! Они скоро вернутся, надо спешить!

И она потащила его за руку в следующую галерею.

В дальнем конце они тоже заметили серые силуэты, поэтому пробежали мимо покрытых пылью гобеленов в следующий огромный старинный зал.

– О боги! Там висит картина с тремя огромными розовыми женщинами, а на них всего один... – воскликнул Лобсанг, но его уже утащили прочь.

– Не отвлекайся, ладно? Главный вход находится там! Здесь *полно* Аудиторов!

– Но это всего лишь старая картинная галерея! Здесь нет ничего, что

могло бы их заинтересовать!

Они с трудом затормозили на скользких мраморных плитах. Широкая лестница вела на следующий этаж.

– Там мы окажемся в ловушке, – сказал Лобсанг.

– Со всех сторон проходят балконы, – возразила Сьюзен. – Бежим!

Она втащила его вверх по лестнице, затем они вбежали в арку. И замерли. Галереи занимали несколько ярусов. Находясь на втором этаже, посетители могли увидеть то, что происходит этажом ниже. А этажом ниже суетились Аудиторы.

– Что они там делают? – шепотом спросил Лобсанг.

– Я думаю, – мрачным тоном произнесла Сьюзен, – пытаются разобраться в Искусстве.

Госпожа Мандариновая была обеспокоена. Ее тело постоянно выдвигало странные требования, и работа, которую ей доверили, продвигалась крайне неудовлетворительно.

У стены стояла рама того, что совсем недавно было полотном сэра Роберта Куспидора «Повозка, застрявшая в реке». Сейчас рама была пуста. Рядом стоял аккуратно свернутый в трубку холст. Перед рамой на полу были выстроены по размеру кучки пигмента. Несколько дюжин Аудиторов расчленили эти кучки на составляющие молекулы.

– По-прежнему ничего? – спросила она, шагая вдоль склонившихся Аудиторов.

– Ничегошеньки, госпожа Мандариновая. Пока только всем известные молекулы и атомы, – несколько дрожащим голосом ответил один из Аудиторов.

– Так, может, все дело в пропорциях? В балансе молекул? Общей геометрии?

– Мы продолжаем...

– Так продолжайте! Только быстрее!

Прочие Аудиторы, напряженно копошившиеся перед тем, что совсем недавно было картиной и в принципе оставалось таковой, поскольку все ее молекулы до последней находились в помещении, подняли на мгновение головы и тут же возобновили работу.

Госпожа Мандариновая никак не могла понять причины своей злости и оттого злилась еще сильнее. Возможно, одной из причин был странный взгляд, которым господин Белый посмотрел на нее, поручая эту работу. Аудиторы не привыкли чувствовать на себе чей-то взгляд – они никогда не смотрели друг на друга, потому что выглядели одинаково, – а кроме того, они не привыкли к мысли о том, что лицом можно что-либо сообщить.

Если уж на то пошло, само лицо было им в новинку. Как и тело, которое весьма странно реагировало на выражение лица другого Аудитора, в данном случае господина Белого. Когда он посмотрел на нее своим странным взглядом, госпожа Мандариновая ощутила непреодолимое желание выцарапать ему глаза.

И сейчас госпожа Мандариновая ощущала себя *багровой*. Багровой от ярости, злости и так далее. Они лишились стольких возможностей. И ради чего? Ради того, чтобы общаться, шлепая друг о друга кусками кожи? Что же касается языка... Йёрккк...

Насколько она знала, за все существование вселенной ни один Аудитор не испытал чувство йёрккк. Тогда как это убогое тело обладало массой возможностей для йёрккка. Госпожа Мандариновая могла покинуть его в любой момент, но тем не менее... какая-то ее часть не хотела это делать. О, это кошмарное желание! Держаться в этом теле, не покидать его! Еще секунду, а потом еще и еще!

Кстати, о еще. Она чувствовала голод. И это тоже не имело смысла. Желудок был самым обычным мешком для переваривания пищи. Он не должен подавать команды. Аудиторы могли поддерживать свое существование, обмениваясь молекулами с окружающим пространством и используя любой местный источник энергии. Это факт.

Но попробуйте сказать это желудку. Она чувствовала его. Он находился в теле и бурчал. Ее *раздражали* собственные внутренние органы. Вообще на... вообще за... вообще *зачем* понадобилось копировать внутренние органы? Йёрккк.

Нет, это уже слишком. Ей страшно хотелось... хотелось... хотелось выкрикнуть... какие-нибудь ужасные слова...

– Дисгармония! Беспорядок!

Остальные Аудиторы в ужасе переглянулись. Но эти слова не помогли госпоже Мандариновой.

Они почему-то лишились прежней силы. Нужно подыскать что-нибудь пострашней. Ага...

– Органы! – заорала она, довольная тем, что нашла нужное слово. – Вы на что, органы, уставились? А ну, продолжайте работу!

– Они все разбирают на мелкие частички, – прошептал Лобсанг.

– Аудиторы всегда так поступают, – ответила Сьюзен. – Считают, что только так можно во всем разобраться. Знаешь, они мне отвратительны. Действительно отвратительны.

Лобсанг украдкой посмотрел на нее. Монастырь не был отдельным

учреждением. То есть, конечно, был, но официально никогда таковым не считался, потому что сама идея принять на работу женщину не приходила в голову даже тем, кто был способен мыслить в шестнадцати измерениях одновременно. Но в Гильдии Воров все понимали, что девушки ничем не уступают юношам – Лобсанг, например, с нежностью вспоминал свою одноклассницу Стефф, которая умела воровать мелочь из заднего кармана и лазать по стенам не хуже какого-нибудь наемного убийцы. В компании девушек Лобсанг всегда чувствовал себя свободно. Однако Сьюзен пугала его до смерти. У нее внутри словно существовало некое тайное, кипящее яростью место, и душу свою она отводила на Аудиторах.

Он вспомнил, как Сьюзен треснула одного из них гаечным ключом по голове. И во время этого она лишь слегка нахмурилась – так, как будто сосредоточенно исполняла некую ответственную работу.

– Ну, идем? – предложил он.

– Не, ты глянь на них, – не успокаивалась Сьюзен. – Только Аудитор способен разобрать картину на части, пытаясь понять, что именно превращает ее в произведение искусства.

– А вон там лежит огромная куча белой пыли, – указал Лобсанг.

– «Мужик с очень большим фиговым листом», – рассеянно сообщила Сьюзен, не спуская глаз с серых фигур. – Они даже часы разберут в поисках тика.

– А откуда ты знаешь, что это был «Мужик с очень большим фиговым листом»?

– Просто запомнила, где он стоял.

– Тебе, наверное, нравится искусство? – робко спросил Лобсанг.

– Я всегда *точно* знаю, что мне нравится, – ответила Сьюзен, по-прежнему глядя на копошащиеся серые фигуры. – И сейчас мне бы понравилась какая-нибудь пушка да побольше... Прямо вот здесь...

– Лучше нам...

– Причем эти сволочи способны залезать к тебе в голову, если ты им это позволяешь, – продолжала Сьюзен, словно бы не слыша его. – И ты начинаешь думать: «Должен ведь быть единый закон» или: «В конце концов, не я правила придумываю». Или...

– Я действительно считаю, что нам пора уходить, – осторожно произнес Лобсанг. – И думаю я так потому, что они поднимаются по лестнице.

Она резко обернулась.

– Тогда чего ты здесь торчишь?

Они пробежали через следующую арку в галерею керамики и

обернулись, только добравшись до ее конца. Их преследовали три Аудитора. Они не бежали, но в их синхронных шагах присутствовало нечто кошмарное. «Раз-два-три-мы-идем».

– Так, бежим туда...

– Нет, туда, – возразил Лобсанг.

– Вот как раз туда нам бежать не нужно! – рявкнула Сьюзен.

– Возможно, но на указателе написано «Оружие и доспехи»!

– Да? А ты умеешь хорошо владеть оружием?

– Да ты что! – воскликнул Лобсанг с гордостью и только потом понял, что она могла неправильно его понять. – Понимаешь ли, меня учили сражаться без...

– Вообще да, может, там найдется меч побольше, – проворчала Сьюзен и решительно двинулась вперед.

Когда Аудиторы появились в галерее, их было уже много больше трех. У входа замерла целая серая толпа.

Сьюзен нашла меч в экспозиции агатских доспехов. Он затупился от долгого неиспользования, но кромка его сверкала яростью.

– А может, просто побежим дальше? – предложил Лобсанг.

– Нет, все равно догонят. Не знаю, сможем ли мы их убить, но если и не сможем, то хотя бы заставим пожалеть об этом. Ты еще не выбрал себе оружие?

– Нет, потому что, видишь ли, меня учили...

– Тогда не лезь под руку. Понял?

Аудиторы наступали осторожно, что показалось Лобсангу весьма странным.

– А мы вообще можем их убить? – спросил он.

– Это зависит от того, насколько живыми они позволили себе стать.

– Но они выглядят *испуганными*.

– Они приняли человеческий облик, – бросила через плечо Сьюзен. – Человеческие тела. Идеальные копии. У человеческого тела на протяжении многих тысяч лет развивалось стойкое нежелание быть разрубленным пополам. И это нежелание должно ведь хоть как-то влиять на мозг, как считаешь?

Аудиторы попытались взять их в кольцо. Конечно, они нападут разом. Никому не хочется быть первым.

Три Аудитора попытались схватить Лобсанга.

Ему нравилось драться в тренировочных додзё. Разумеется, немаловажную роль в этой любви к дракам играли два фактора: оружие было тупым и никто не пытался тебя убить. Но Лобсанг добился успехов

именно потому, что хорошо умел нарезать время. В любой момент мог найти ту или иную кромку. А если ты это умеешь, в размахивании руками-ногами уже нет особой нужды.

Но здесь никаких кромок не было. Не было времени, которое можно было бы нарезать.

И тогда он решил пустить в ход жуткую смесь снафу, окидоки и вообще всего остального, чему его учили. Ведь если ты будешь относиться к настоящему бою, как к тренировке в додзё, то очень быстро станешь безнадежно мертвым. Так или иначе, этих серых существ нельзя было назвать достойными противниками. Они пытались схватить и прижать. Даже старушка могла бы отбиться от них.

Двое Аудиторов уже покатались по полу, и Лобсанг как раз занимался третьим, который пытался схватить его сзади за горло. Быстро сбросил захват, развернулся, занес руку для удара и... замер как вкопанный.

– Пааберегись! – вдруг услышал он оклик.

Клинок Сьюзен промелькнул рядом с его лицом.

И находящаяся перед ним голова отделилась от тела в облаке не крови, но разноцветных пылинок. Тело превратилось в облако, затем буквально на мгновение обрело форму серого плаща с капюшоном, после чего исчезло.

Лобсанг услышал еще пару глухих ударов у себя за спиной, а потом Сьюзен схватила его за плечо.

– Ты не должен сомневаться, понятно?! – рявкнула она.

– Но это была женщина!

– Черта с два! Впрочем, она была последней. А теперь пора уходить, пока еще не понабежали.

Она кивнула на вторую группу Аудиторов, которые очень внимательно наблюдали за ними с противоположного конца зала.

– Из них вышли неважные воины, – пробормотал Лобсанг, пытаясь отдышаться. – А эти что там делают?

– Учатся. Ты сможешь драться лучше, чем раньше?

– Конечно!

– Отлично, потому что в следующий раз они будут драться так же хорошо, как только что дрался ты. Ну, куда теперь?

– Сюда!

В следующем зале они увидели много-много чучел животных. Несколько веков назад на них была мода. Но здесь не было печальных, добытых на охоте медведей или престарелых тигров, с голыми лапами пошедших на охотника всего лишь с пятью арбалетами, двадцатью заряжающими и ста загонщиками. Некоторые из животных располагались

группами. Очень маленькими группами очень маленьких животных.

Были лягушки, сидевшие за крошечным обеденным столом. Были собаки, облаченные в охотничьи куртки и преследующие лису в шляпке с перьями. Была играющая на банджо обезьянка.

– О нет, целый оркестр, – промолвила Сьюзен голосом полным ужаса и изумления. – Ты только посмотри на этих танцующих котят.

– Какой ужас!

– Интересно, что было, когда человек, набивший эти чучела, встретился с моим дедушкой?

– А он встречался с твоим дедушкой?

– Да, конечно, – сказала Сьюзен. – Разумеется, встречался, а мой дедушка очень, очень любит кошек.

Лобсанг остановился у лестницы, полускрытой за очень большим и очень невезучим слоном. Красный канат, от времени твердый, как стальной прут, предполагал, что эта часть не предназначена для посетителей. Данный намек подтверждался вывеской, которая гласила: «Посторонним вход абсолютно воспрещен».

– Я должен быть наверху, – ткнул пальцем Лобсанг.

– Тогда не будем задерживаться, – ответила Сьюзен, перепрыгивая через канат.

Узкая лестница вела к широкой площадке, на которой были сложены какие-то коробки.

– Чердак, – констатировала Сьюзен. – Погоди-ка... Зачем здесь этот указатель?

– «Держись лева», – прочел Лобсанг. – Ну, может, если понадобится передвинуть слишком тяжелые штуковины...

– Ты на указатель посмотри! – велела Сьюзен. – Попробуй увидеть то, что находится перед твоими глазами, а не то, что ожидаешь увидеть!

Лобсанг послушался ее.

– Ну и глупый же указатель, – удивился он.

– Гмм. Однако весьма интересный, – промолвила Сьюзен. – Как думаешь, в какую сторону идти? Вряд ли они слишком долго будут совещаться, прежде чем пуститься за нами в погоню.

– Мы совсем близко! Любое направление подойдет!

– Любое, так любое, – согласилась Сьюзен, направляясь к узкой щели между упаковочными ящиками.

Лобсанг последовал за ней.

– Что значит «совещаться»? – спросил он, когда они оказались в полумраке.

– На вывеске перед лестницей написано, что посторонним вход воспрещен.

– То есть они осмелятся нарушить запрет?

– В конце концов да. Но с очень тяжелым чувством, что так поступать нельзя. Они подчиняются правилам. Они и есть правила, в некотором роде.

– Но нельзя не подчиниться знаку «Держись лева», кем бы ты там ни был... О, я все понял...

– Учиться так весело, да? Смотри, еще один.

СЛОНА НЕ КОРМИТЬ

– Эта вывеска, – заметила Сьюзен, – особенно хороша. Написанное на ней вообще нельзя исполнить...

– ...Потому что никакого слона нет, – закончил Лобсанг. – Кажется, я начинаю понимать...

– Настоящая ловушка для Аудиторов, – хмыкнула Сьюзен, оглядывая ящики.

– Еще одна, – сказал Лобсанг. – Очень забавная, кстати.

ДАННУЮ ВЫВЕСКУ ИХНОРИРОВАТЬ По распоряжению

– Приятный штрих, – согласилась Сьюзен. – Но мне никак не дает покоя мысль, кто их тут вообще установил?

Откуда-то снизу и сзади донеслись голоса. Они были тихими, пока не раздался вопль:

– Написано «лева», а стрелка указывает вправо! Это не имеет смысла!

– Это все вы виноваты! Мы не подчинились первому указателю! О горе тем, кто ступил на путь беспорядочности!

– Я не нуждаюсь в твоих наставлениях, ты, органическое существо! Я повысил на тебя голос, а ты...

Раздался звук, словно кто-то вдруг начал задыхаться, потом – краткий, сошедший на нет крик.

– Они дерутся там друг с другом? – спросил Лобсанг.

– Нам остается только надеяться на это. Пошли, – махнула рукой Сьюзен.

И они направились дальше по лабиринту узких проходов меж ящиками. Очень скоро они миновали вывеску, гласящую:

УТКА

– Ага, обстановка становится крайне метафизической, – заметила Сьюзен.

– Почему утка? – спросил Лобсанг.

– А и действительно, почему?

Откуда-то из-за ящиков донесся глас дошедшего до точки существа:

– Какой еще органический слон? Где слон?!

– Нет никакого слона!

– Тогда почему есть вывеска?

– Это...

...И снова едва слышное хрипение, и крик, вскоре затихший. А потом... торопливые шаги.

Сьюзен и Лобсанг тихонько скользнули в тени.

– На что это я наступила? – вдруг спросила Сьюзен.

Она наклонилась и подняла с пола какую-то мягкую, липкую дрянь. А когда выпрямилась, то увидела появившегося из-за угла Аудитора.

Он был, судя по безумному взгляду, весьма близок к истерике. Аудитор с трудом сосредоточил свое внимание на них, словно никак не мог вспомнить, кто они такие. Но в руке он держал меч, и держал его правильно.

За его спиной вдруг возникла фигура. Одной рукой она схватила Аудитора за волосы и отдернула его голову назад. Вторая рука взметнулась над его открытым ртом. Аудитор сопротивлялся, но недолго. Потом он словно окаменел, после чего дезинтегрировался, превратившись в крошечные пылинки, которые, покрутившись в воздухе, исчезли.

Две последние горсти попытались создать привычный силуэт плаща с капюшоном. Но и они исчезли, издав тихий вопль, который можно было услышать только через волоски на загривке.

Сьюзен пристально посмотрела на стоявшую перед ней фигуру.

– Ты... ты ведь не... Кто ты вообще такая?

Фигура молчала. Возможно, потому, что ее нос и рот были прикрыты куском плотной ткани. Толстые перчатки на руках. Это не могло не показаться странным, потому что остальные части тела были облачены в расшитое блестками вечернее платье. И норковый палантин. Плюс рюкзак на спине. И огромная нарядная шляпа с таким количеством перьев, что ради ее изготовления были полностью истреблены три редких вида птиц.

Фигура покопалась в рюкзаке и протянула, будто священное писание, клочок темно-коричневой бумаги. Лобсанг осторожно взял его в руки.

– Здесь написано «Хиггс и Микинс. Раскошный Ассортимент», – сказал он. – «Карамельный Хрусь», «Ореховый Сюрприз»... Это что, конфеты?

Сьюзен разжала ладонь и посмотрела на поднятый с пола «Землянишный Выхрь». Она еще пристальнее посмотрела на фигуру.

– Как ты догадалась, что это сработает? – спросила она.

– Пожалуйста! Вам нечего бояться, – донесся сквозь плотную ткань приглушенный голос. – У меня остались только конфеты с орехами, а они очень медленно тают во рту.

– Прошу прощения? – уточнил Лобсанг. – Ты только что убила Аудитора *конфетой*?

– Последним «Апельсиновым Кримом». Мы здесь слишком на виду. Пойдемте со мной.

– Аудитор... – выпалила Сьюзен. – Ты ведь тоже Аудитор. Да? И почему я должна тебе доверять?

– Потому что больше никому.

– Но ты одна из них, – сказала Сьюзен. – Я узнала тебя, несмотря на

этот дурацкий наряд.

– Я была одной из них, – ответила леди ле Гион. – Теперь я скорее одна из меня.

На чердаке жили люди. Целая семья. Возможно, подумала Сьюзен, их пребывание здесь было законным, или незаконным, или почти законным, как это часто случалось в Анк-Морпорке, испытывавшем хронический недостаток жилья. Жизнь бурлила на улицах города именно потому, что в помещениях для нее элементарно не хватало места. Целые семьи вырастали посменно, чтобы кровать могла использоваться двадцать четыре часа в сутки. Судя по всему, на чердак переселили свои семьи зрители и люди, которые знали, как пройти к полотну Каравати «Три крупные розовые женщины и один клочок кисеи».

Их спасительница просто решила вселиться, так сказать, поверх. Семья или по крайней мере одна из ее смен, застыв в безвременье, сидела на скамейках вокруг стола. Леди ле Гион сняла шляпу, повесила ее на мать и распустила волосы. Затем развязала платок, закрывающий нос и рот.

– Здесь мы в относительной безопасности, – сообщила она. – Они в основном ходят по главным улицам. Добрый... день. Меня зовут Мирия ле Гион. Тебя, Сьюзен Сто Гелитская, я знаю. А вот молодого человека – нет, что несколько удивительно. Как я понимаю, вы пришли сюда, чтобы уничтожить часы.

– Остановить их, – поправил Лобсанг.

– Подожди, подожди, – вмешалась Сьюзен. – Ерунда какая-то. Аудиторы ненавидят все, что касается жизни. А ты Аудитор, не так ли?

– Понятия не имею, кто я такая. – Леди ле Гион вздохнула. – Знаю только, что сейчас поступаю так, как Аудитор поступать не должен. Мы... их... нас нужно остановить!

– Конфетами? – вскинула брови Сьюзен.

– Мы впервые узнали, что такое вкус. Это чувство нам враждебно. У нас нет от него защиты.

– Но... конфеты?

– Сухое печенье едва не убило меня, – пояснила ее светлость. – Сьюзен, ты вообще можешь себе представить, что это такое, впервые в жизни почувствовать вкус? Мы создали наши тела идеальными. Абсолютно идеальными. Их вкусовые сосочки были новенькими, неиспорченными. Сама вода действует на нас как вино. А конфеты... Тут даже мозг отказывает. Ничего не остается, кроме вкуса. – Она вздохнула. – Какой прекрасный способ умереть.

– Но на тебя, судя по всему, вкус не действует, – с подозрением заметила Сьюзен.

– Повязка на лице и перчатки, – объяснила леди ле Гион. – Однако и в них я себя едва сдерживаю. О, совсем забыла о приличиях. Присаживайтесь же, прошу вас. Подвиньте ту малышку.

Лобсанг и Сьюзен переглянулись. Леди ле Гион заметила это.

– Я сказала что-то не то?

– Мы не относимся к людям как к мебели, – ответила Сьюзен.

– Но они же об этом никогда не узнают, – удивилась ее светлость.

– Зато *мы* узнаем, – пояснил Лобсанг. – В этом все дело.

– А, понятно. Мне еще столькому предстоит научиться. Боюсь, в понятии «быть человеком» слишком много нюансов. Значит, ты, молодой человек, сможешь остановить часы?

– Пока не знаю как, – ответил Лобсанг. – Но мне... мне кажется, я *должен* это знать. Во всяком случае, я попробую.

– А часовщик должен знать? Он здесь.

– *Где?* – рявкнула Сьюзен.

– Чуть дальше по коридору, – сказала леди ле Гион.

– Ты принесла его сюда?

– Он едва передвигал ноги. Seriously пострадал в драке.

– Что? – насторожился Лобсанг. – Как он мог вообще передвигать ноги? Мы находимся вне времени!

Сьюзен собралась с духом.

– Он носит свое время с собой. Как и ты. Он твой брат.

И это было ложью. Но он еще не был готов к правде. Он и ко лжи-то не был готов, судя по выражению лица.

– *Близнецы*, – сказала госпожа Ягг. Она взяла свой бокал, посмотрела на него и поставила на стол. – *Родился не один ребенок, а близнецы. Мальчишки. Но...*

Она посмотрела на Сьюзен взглядом, похожим на термическое копьё.

– Ты думаешь: «Ну вот сидит передо мной какая-то карга, сплетница-повитуха», – сказала она. – Думаешь: «Ну что она может знать?»

Сьюзен из вежливости решила не лгать.

– Часть меня так и подумала, – призналась она.

– *Отличный ответ!* Часть нас может думать что угодно, – хмыкнула госпожа Ягг. – Часть меня, например, думает: «Почему эта надменная соплячка разговаривает со мной как с пятилетней девчонкой?» Но

большая часть меня думает: «У нее и без меня куча проблем, и повидала она многое из того, что человеку видеть вообще не положено». Напоминаю, часть меня, а значит, и я. Видеть то, что человеку видеть не положено... именно это и делает нас людьми. В общем, девонька... если у тебя есть мозги, то часть тебя думает: «Передо мной сидит ведьма, видевшая моего деда много раз, когда сидела у ложа больного и когда оно вдруг превращалось в смертное ложе. В общем, если она готова плюнуть ему в глаза, когда настанет ее время, то я позволю ей сейчас высказаться». Ясненько? И пусть все наши части остаются при нас, – она вдруг подмигнула Сьюзен, – как однажды сказал его святейшество артистке.

– Совершенно с тобой согласна, – кивнула Сьюзен. – Абсолютно.

– Вот и ладушки, – ответила госпожа Ягг. – Значится... близнецы... Это были первые ее роды, и она не привыкла к человеческому облику, ну, то бишь нельзя ожидать нормального поведения, если ты сама не совсем нормальная... Да и «близнецы» – это немного неправильное слово...

– Брат... – повторил Лобсанг. – Часовщик?

– Да, – подтвердила Сьюзен.

– Но я был найденышем!

– Как и он.

– Я хочу увидеть его!

– Не слишком удачная мысль, – сказала Сьюзен.

– Меня не интересует твое мнение, спасибо. – Лобсанг повернулся к леди ле Гион. – По этому коридору?

– Да. Но он спит. По-моему, часы слегка расстроили его рассудок, а кроме того, во время драки он получил удар по голове. Он говорит во сне.

– Что именно?

– Последнее, что он сказал, прежде чем я отправилась искать вас, было: «Мы совсем близко! Любое направление подойдет!» – ответила ее светлость. Она настороженно переводила взгляд с Лобсанга на Сьюзен и обратно. – Я опять сказала что-то не то?

Сьюзен закрыла глаза ладонью. Ну и ну...

– Это я сказал, – пояснил Лобсанг. – Сразу после того, как мы поднялись по лестнице. – Он пристально посмотрел на Сьюзен. – Близнецы, да? Я где-то слышал об этом! Второй думает то же, что и первый?

Сьюзен вздохнула. «Иногда, – подумала она, – я веду себя как настоящая трусиха».

– Нечто вроде того, – кивнула она.

– Я хочу увидеть его, даже если он не может видеть меня!

«Проклятье», – подумала Сьюзен и поспешила вслед за Лобсангом, решительно шагавшим прочь по коридору. Аудитор с обеспокоенным видом последовала за ними.

Джереми лежал на кровати, пусть даже она была ничуть не мягче любой другой поверхности в этом лишившемся времени мире. Лобсанг остановился и присмотрелся.

– Он... похож на меня, – пробормотал он.

– Да, конечно, – согласилась Сьюзен.

– Может, чуть худощавей.

– Возможно.

– Другие... морщинки на лице.

– Жизнь его тоже была другой, – сказала Сьюзен.

– Как ты узнала о нас? Обо мне и о нем?

– Моего дедушку, э... всегда интересовали подобные вещи. А кое-что выяснила сама, – уклончиво промолвила она.

– Почему кто-то нами заинтересовался? В нас ведь нет ничего особенного.

– Это достаточно сложно объяснить. – Сьюзен посмотрела на леди ле Гион. – Насколько безопасно здесь оставаться?

– Таблички немного сбили их с толку, – ответила ее светлость. – Они стараются их обходить. Я... как бы это сказать... позаботилась о тех, кто преследовал вас.

– Тогда я предлагаю тебе присесть, господин Лобсанг, – медленно произнесла Сьюзен. – Возможно, будет лучше, если я все-таки расскажу о себе.

– Да?

– Моего дедушку зовут Смерть.

– Ничего себе имечко. Кроме того, смерть – это конец жизни. Как смерть... может быть личностью?..

– СЛУШАЙ ВНИМАТЕЛЬНО, КОГДА Я РАЗГОВАРИВАЮ С ТОБОЙ...

Ветер пронесся по комнате, мигнул свет. Тени пролегли по лицу Сьюзен. Вокруг ее тела появилось тусклое голубоватое свечение.

Лобсанг проглотил мгновенно возникший комок в горле.

Свет померк. Тени исчезли.

– Есть процесс, который называют смертью, а есть личность, которую называют Смертью, – пояснила Сьюзен. – Так получилось. А я – внучка

Смерти. Ты успеваешь за ходом моей мысли?

– Успеваю, но до этого момента ты казалась мне вполне обычным человеком, – пробормотал Лобсанг.

– Мои родители и были обычными людьми. Есть генетика, а есть генетика. – Сьюзен помолчала. – Ты тоже выглядишь вполне по-человечески. Ты удивишься, узнав, насколько популярен в этих частях света человеческий облик.

– Но я и есть человек.

Сьюзен улыбнулась, и ее улыбка, появившись она на лице человека, не столь уверенного в себе, могла бы показаться... нервной.

– Да, – сказала она. – И нет.

– Нет?

– Возьмем в качестве примера Войну, – предложила Сьюзен, слегка изменив тему разговора. – Крупный такой мужчина, любит похотать, иногда после еды издает непристойные звуки. Вполне обычный человек, мало чем отличающийся от ближнего своего. А ближе всего к нему Смерть. У него тоже почти человеческий облик. А все потому, что люди привыкли давать обличья своим идеям... Они мыслят образами. Человеческими образами...

– А можно вернуться немного назад? К тому моменту с «да» и «нет»?

– Твоя мать – Время.

– Никто не знает, кто моя мать!

– Я могу отвести тебя к повитухе, – пожала плечами Сьюзен. – Твой отец нашел лучшую из лучших. Она приняла тебя. Повторяю, твоя мать – Время.

Лобсанг застыл с открытым ртом.

– Мне было проще, – продолжила Сьюзен. – Когда я была маленькой, родители разрешали мне навещать дедушку. Тогда я думала, что у каждого дедушки есть длинный черный плащ и бледный конь. А потом папа с мамой решили, что, возможно, такая среда не слишком хорошо влияет на ребенка. Их вдруг начало волновать, какой я вырасту! – Она невесело рассмеялась. – Знаешь, я получила достаточно странное образование. Математика, логика и все остальное. А потом, когда я была чуть младше тебя, в моей комнате вдруг появилась крыса, и оказалось, что все мои знания не соответствуют действительности.

– Я – человек! Веду себя как человек! Я догадался бы, если б...

– Ты вынужден был жить в этом мире. Иначе как бы ты научился быть человеком? – сказала Сьюзен самым ласковым тоном, на который только была способна.

– А мой брат? Как быть с ним?
«Вот и все», – подумала Сьюзен.
– Он тебе не брат, – призналась она. – Я немного солгала. Прости.
– Но ты же сказала...
– Я должна была подготовить тебя, – ответила Сьюзен. – Боюсь, в подобных ситуациях нельзя говорить все и сразу. Он тебе не брат. Он и есть ты.

– Тогда кто я такой?

Сьюзен вздохнула.

– Тоже ты, – ответила она. – Вы оба – ты.

– И была я, и была она, – сказала госпожа Ягг. – И появился ребенок, никаких проблем, но такие минуты всегда бывают трудными для молодых мамаш, а еще было... – Она замолчала, прищурилась, словно заглядывая в окна воспоминаний, – такое чувство, как будто мир запнулся, и была я с ребенком на руках, и я посмотрела на саму себя, принимавшую роды, и тогда я тоже посмотрела на себя, а я посмотрела на себя и сказала: «Отличная работа, госпожа Ягг», а она, то есть я, сказала: «Уж правдивей некуда, госпожа Ягг», а потом началось нечто странное, и осталась одна я с двумя младенцами на руках.

– Близнецами, – подчеркнула Сьюзен.

– Можно назвать их близнецами, да, конечно, – признала госпожа Ягг. – Но лично я всегда считала близнецами две души, родившиеся один раз, а не одну душу, родившуюся дважды.

Сьюзен ждала, а госпожа Ягг явно вошла во вкус рассказа.

– И тогда я говорю тому мужчине, да так и говорю: «Ну а дальше-то что?», а он мне так в ответ: «А это тебя касается?», а я ему: «Ну конечно касается, пусть посмотрит мне в глаза, я всем и вся говорю правду, ничего за пазухой не держу». А сама думаю: «Вот ты попала в беду, госпожа Ягг», потому как все вдруг стало таким мифтическим-мифтическим.

– Мифическим? – переспросила учительница Сьюзен. – Или мистическим?

– И тем и другим. А такая вот мифтическая ситуация всегда грозит бедой. Но мужчина только улыбнулся и сказал, что парнишку нужно вырастить и воспитать настоящим человеком, вот тут я и подумала: «Да, теперь все действительно мифтически». Я видела, он понятия не имеет, что делать дальше, а значит, всем придется заниматься самой.

Госпожа Ягг затянулась трубкой, и ее глаза сквозь дым сверкнули на

Сьюзен.

– Не знаю, девонька, насколько богат твой опыт в таких вещах, но иногда сильные мира сего, задумывая свои грандиозные планы, забывают о всяких мелких деталях.

«Ага, – подумала Сьюзен. – Я и есть такая мелкая деталь. Однажды Смерти взбрело в череп взять к себе лишнего матери ребенка, и я стала такой вот мелкой деталью». Она понимающе кивнула.

– Тогда я начала ломать голову, как все обустроить, – продолжала госпожа Ягг, – с мифтической-то точки зрения. И что это значит? А то, что с технической точки зрения мы имеем ситуевину, в которой принц должен был расти свинопасом, пока не проявит свое предназначение, но в наше время для свинопаса фигушки работу найдешь, а кроме того, можешь мне поверить, тыкать палкой в свиней не настолько интересно, как может показаться. Поэтому я и говорю: «Агась, а я ведь слышала, что Гильдии в крупных городах берут к себе из милосердия сирот и хорошо заботятся о них. И многие хорошо обеспеченные мужчины и женщины начинали так свою жизнь». И в этом нет ничего постыдного! Ну а если предназначение не проявит себя по графику, у ребенка будет хорошая профессия, что станет хоть небольшим да утешением. Тогда как пастух навсегда останется пастухом, и только. Ты больно сурово смотришь на меня, девонька.

– Да. Довольно хладнокровное было решение.

– Но кто ж должен их принимать, – резко обрубил госпожа Ягг. – Кроме того, я уже пожила, многое повидала и поняла: те, кому суждено светить, будут светить да хоть сквозь шесть слоев грязи, а те, кому не суждено, не будут, сколько ни начищай. Ты можешь думать иначе, но это я стояла там, а не ты.

Она поковыряла в трубке спичкой.

– Вот и все, – продолжила она наконец. – Я, конечно, осталась бы, потому что там не было даже намека на колыбель, но мужчина отвел меня в сторону и сказал, что мне пора уходить. А с чего мне спорить? Там же любовь была. Прямо в воздухе. Но я не хочу сказать, что меня никогда не интересовал исход этого дела. Всегда интересовал.

Сьюзен вынуждена была признать: отличия были. Две разные жизни оставили на двух одинаковых лицах свои уникальные следы. Личности появились на свет с разницей в секунду или около того, а за это время вся вселенная могла поменяться.

«Думай о них как о близнецах», – приказала она себе. Но это были две

разные личности, занимавшие два разных тела, которые начали с одного и того же. Но не как одинаковые личности.

– Он очень похож на меня, – промолвил Лобсанг, и Сьюзен, прищурившись, наклонилась поближе к бесчувственному телу Джереми.

– Повтори-ка, – попросила она.

– Я сказал, что он очень похож на меня, – послушно повторил Лобсанг. Сьюзен бросила взгляд на леди ле Гион.

– Я тоже заметила, – призналась та.

– Кто заметил и что именно? – спросил Лобсанг. – Что вы от меня скрываете?

– У него двигались губы, когда ты говорил, – сообщила Сьюзен. – Пытались произнести те же слова.

– Он способен читать мои мысли?

– Думаю, здесь все гораздо сложнее. – Сьюзен подняла вялую руку и сжала кожу между большим и указательным пальцами.

Лобсанг поморщился и посмотрел на свою руку. На ней начинал краснеть побелевший участок кожи.

– Не только мысли, – сказала Сьюзен. – Находясь так близко, ты чувствуешь его боль. Твоя речь управляет его губами.

Лобсанг пристально посмотрел на Джереми.

– Что же будет, – медленно спросил он, – когда он очнется?

– Я тоже об этом подумала. Может, тебе не стоит здесь находиться?

– Но я должен быть здесь!

– Думаю, нам всем не стоит здесь находиться, – вмешалась леди ле Гион. – Я хорошо знаю своих братьев. Они начнут обсуждать, что делать дальше. Таблички их надолго не задержат. А у меня почти закончились конфеты с мягкой начинкой.

– Как по-твоему, что ты должен сделать, когда окажешься там, где должен оказаться? – спросила Сьюзен.

Лобсанг опустил руку и коснулся кончиком пальца ладони Джереми.

Весь мир побелел.

Сьюзен потом подумала, что, вероятно, такие ощущения возникают, когда оказываешься в самом сердце звезды. Ничего желтого там не будет, ты не увидишь пламя, будет только испепеляющая белизна мгновенно перегруженных органов чувств.

Белый свет постепенно потускнел до состояния тумана. Появились стены комнаты, но она могла видеть сквозь них. За этими стенами были другие комнаты и другие стены, прозрачные, как лед, видимые только в углах и там, где на них падал свет. В каждой комнате Сьюзен повернулась,

чтобы посмотреть на себя.

Комнаты уходили в бесконечность.

Сьюзен всегда отличалась благоразумием. И она сама признавала, что это ее главный недостаток. Благоразумие не делало тебя популярной или смешной, а самая главная несправедливость состояла в том, что это самое благоразумие не делало тебя *правой*. Но благодаря ему ты могла быть уверена в своем мнении, и сейчас Сьюзен была абсолютно уверена в том, что происходящее вокруг нее нереально. Во всех смыслах этого слова.

Само по себе это не являлось проблемой. Большая часть того, чему люди посвящали себя и свою жизнь, было нереальным. Но иногда случалось так, что очень разумный человек вдруг сталкивался с чем-то колоссальным, сложным и неподвластным никакому пониманию, и тогда его мозг начинал рассказывать ему истории о том, с чем он столкнулся. И, решив, что понимает смысл этих историй, человек начинал думать, будто понимает смысл того явления, с которым он столкнулся, хотя понять его было вообще невозможно. Так вот сейчас Сьюзен чувствовала, что ее разум пытается рассказать ей какую-то историю.

Раздался звук, словно начали одна за другой захлопываться огромные железные двери. Он становился все громче, все ближе...

Вселенная приняла решение.

Другие стеклянные комнаты исчезли. Стены затуманились. Возникли цвета – сначала пастельных тонов, но потом они становились все ярче и ярче, по мере того как возвращалась лишенная времени реальность.

На кровати никого не было. Лобсанг исчез. Но в воздухе появились лучи синеватого света, похожие на развевающиеся на ветру ленты.

Вдруг Сьюзен вспомнила, что должна дышать.

– А, – вслух промолвила она. – Предназначение. Она обернулась. Потрепанная леди ле Гион смотрела на пустую кровать.

– Отсюда есть какой-нибудь другой выход?

– В конце коридора лифт. Сьюзен, но что случилось с...

– Не Сьюзен, – резко оборвала ее Сьюзен. – *Госпожа* Сьюзен. Только друзья называют меня Сьюзен, а ты к ним не относишься. Я тебе совсем не доверяю.

– Я сама себе не доверяю, – покорно согласилась леди ле Гион. – От этого тебе легче?

– Покажи мне, где находится лифт.

Лифт оказался не более чем очень большим ящиком – ну, или совсем крошечной комнаткой, это как поглядеть. Он висел на тросах, пропущенных через блоки в потолке. Судя по виду, установили его совсем

недавно, чтобы поднимать и опускать особо тяжелые произведения искусства. Одну из стен занимали раздвижные двери.

– В подвале находятся лебедки, которые поднимают кабину, – пояснила леди ле Гион. – Безопасность движения вниз обеспечивается механизмом, благодаря которому вес опускающегося лифта перекачивает воду в баки для дождевой воды на крыше, из которых она, в свою очередь, может быть перелита в полые противовесы, которые помогают поднимать тяжелые предметы вверх...

– Спасибо, – перебила ее Сьюзен. – Но чтобы спуститься, необходимо время. Ты сможешь? – добавила она шепотом.

Ее оплели ленты голубого света, закружились, как щенки, которым не терпится поиграть, а потом устремились в сторону лифта.

– Как бы там ни было, – сказала она, – мне кажется, сейчас Время на нашей стороне.

Госпожа Мандариновая уже в который раз поразилась тому, насколько быстро могло обучаться тело.

До этого времени Аудиторы учились всему посредством счета. Рано или поздно все сводится к числам. Выучи числа – и будешь знать все. «Поздно» могло стать «слишком поздно», но для Аудитора это не имело никакого значения, потому что время было не более чем еще одним числом. Но мозг – несколько фунтов дряблых хрящей – считал числа так быстро, что они переставали быть числами. Она была поражена той быстротой, с которой мозг направлял руку, чтобы поймать в воздухе мяч – автоматически, как бы подсознательно рассчитывая будущее положение руки и мяча.

Казалось, органы чувств работали и делали свои выводы прежде, чем у нее появлялось время подумать над этим.

В данный момент она пыталась объяснить другим Аудиторам нечто очень сложное. А именно: нет ничего невозможного в том, чтобы не кормить слона, которого не существует. Госпожа Мандариновая, в отличие от многих Аудиторов, отличалась смышленостью и уже определила для себя ряд предметов, событий и ситуаций, которые отнесла к категории «чушь полная». На них, по ее мнению, можно было не обращать внимания. До остальных Аудиторов это доходило с куда большим трудом.

Вдруг, услышав грохот лифта, она вынуждена была прервать свою речь на полуслове.

– У нас есть кто-нибудь наверху? – спросила она.

Толпившиеся вокруг нее Аудиторы покачали головами. Надпись

«ДАННУЮ ВЫВЕСКУ ИХНОРИРОВАТЬ» буквально сводила их с ума.

– Значит, кто-то спускается оттуда! – выкрикнула госпожа Мандариновая. – Не из нас! Их нужно остановить!

– Но мы должны это обсудить... – забормотал один из Аудиторов.

– Делай, как я сказала, органический орган!

– Все дело в индивидуальностях, – сказала леди ле Гион, когда Сьюзен открыла люк и выбралась на плоскую крышу.

– Правда? – удивилась Сьюзен, окидывая взглядом замерший город. – Я думала, вы их лишены.

– Уже нет, – ответила леди ле Гион, вылезая вслед за ней. – А индивидуальности определяют себя посредством других индивидуальностей.

Сьюзен, осторожно ступая вдоль парапета, обдумала это несколько странное утверждение.

– Хочешь сказать, что они там все передерутся? – спросила она.

– Разумеется. У нас никогда раньше не было эго.

– Но тебе-то удалось с этим справиться.

– Только став окончательно и бесповоротно сумасшедшей, – промолвила ее светлость.

Сьюзен обернулась. Шляпа и платье леди ле Гион совсем истрепались, и она обильно посыпала крышу блестками. Кроме того, что-то произошло с ее внешностью. Как будто грим на ее утонченное фарфоровое личико наносил клоун. Причем слепой. И в боксерских перчатках. В полном тумане. Леди ле Гион смотрела на мир глазами панды, а губная помада лишь черкнула по ее губам, да к тому же наискось.

– Ты вовсе не выглядишь сумасшедшей, – солгала Сьюзен. – Ну, в общем и целом.

– Спасибо. Но боюсь, здравомыслие определяется большинством. Знаешь пословицу «Целое больше, чем сумма частей»?

– Конечно.

Сьюзен внимательно осматривала крышу, пытаясь найти путь вниз. Ей уже начинало надоедать это... существо, которому вдруг захотелось поговорить. Вернее, бесцельно поболтать.

– Дурацкое утверждение. Полная ерунда, но теперь я верю, что это правда.

– Хорошо. Лифт вот-вот должен спуститься.

Лучики синего света плясали вокруг дверей лифта, как форель в горном потоке.

Аудиторы подтягивались ближе. И уроки не прошли даром. Многие раздобыли себе оружие. Но некоторые из них сочли должным не сообщать остальным о том, что оружие в руках – это вполне *естественно*. Что-то глубоко в голове подсказывало им: так будет разумнее. В общем, их ждал большой сюрприз, когда пара Аудиторов открыла двери лифта и все увидели лежавшую в самом центре пола одинокую, чуть растекшуюся конфетку с вишневым ликером.

А потом до них донесся аромат.

Только одному, вернее, одной удалось остаться в живых. А потом госпожа Мандариновая попробовала конфетку, и не осталось никого.

– Один из несомненных фактов жизни, – промолвила Сьюзен, стоя на краю парапета, – заключается в том, что среди пустых фантиков всегда хоть одна конфетка, да найдется.

Сказав это, она наклонилась и схватилась за конец водосточной трубы. Она не была уверена в том, что у нее все получится. Если она упадет... Впрочем, упадет ли она? На падение не было времени. У нее было свое, личное время. Теоретически, если к подобным ситуациям можно было применить столь недвусмысленный термин, как «теория», Сьюзен должна была плавно опуститься на землю. Но подобные штуки следовало проверять только в том случае, если нет другого выхода. Теория – это не более чем идея, тогда как водопроводная труба – абсолютный факт. Синий свет замерцал вокруг ее рук.

– Лобсанг? – прошептала она. – Это ты, да?

– *Это имя для нас не хуже всех прочих.* – Голос был тихим, как дыхание.

– Вопрос может показаться глупым, но где ты сейчас?

– *Мы только воспоминания, и я слишком слаб.*

– О. – Сьюзен скользнула по трубе чуть ниже.

– *Но скоро я стану сильным. Вернись к часам.*

– И зачем? Мы же там ничего не смогли сделать.

– *Времена меняются.*

Сьюзен достигла земли. Леди ле Гион неуклюже последовала за ней. На ее вечернем платье появились новые прорехи.

– Могу я дать тебе совет по поводу манеры одеваться? – спросила Сьюзен.

– Выслушаю с благодарностью, – вежливо откликнулась ее светлость.

– Длинные светло-вишневые панталоны? С таким платьем? Не слишком удачная мысль.

– Правда? Но они красивые и достаточно теплые. А что мне следовало предпочесть?

– Для такого фасона? Практически ничего.

– Да? А это приемлемо?

– Э... – Сьюзен побледнела от перспективы. Ей предстояло объяснить законы ношения нижнего белья кому-то, кто даже кем-то, по сути, не был. – Приемлемо. Для того, кто решит это выяснить, – ответила она. – Слишком долго объяснять.

Леди ле Гион вздохнула.

– Как и все остальное, – откликнулась она. – Взять, к примеру, одежду. Заменитель кожи для сохранения тепла тела? Легко сказать. Ведь касательно одежды существует столько правил и исключений, понять которые совершенно невозможно!

Сьюзен окинула взглядом Брод-авеню. Оно было битком набито замершими телегами, но Аудиторов нигде не было видно.

– Ничего, мы на них еще наткнемся, – произнесла она вслух.

– Да. Их будет много. Сотни по меньшей мере, – подтвердила леди ле Гион.

– Почему?

– Потому что мы всегда стремились узнать, на что похожа жизнь.

– Тогда наш путь лежит на Зефирную улицу, – сказала Сьюзен.

– А что нас там ждет?

– Винрих и Боттхер.

– А кто они такие?

– Я думаю, первые герр Винрих и фрау Боттхер давным-давно умерли. Но их дело до сих пор живет и процветает, – ответила Сьюзен, перебегая улицу. – Нам нужны боеприпасы.

Леди ле Гион догнала ее.

– А, я все поняла. Они делают конфеты?

– Ха! Ты б еще спросила: гадит ли медведь в лесу? – фыркнула Сьюзен и тут же осознала свою ошибку^[16].

Но слишком поздно. Леди ле Гион на мгновение задумалась.

– Да, – наконец сказала она. – Насколько мне известно, данные существа выделяют продукты жизнедеятельности именно так, как ты говоришь, по крайней мере в зонах умеренного климата, но существует ряд...

– Я просто хотела сказать: да, Винрих и Боттхер делают конфеты.

«Тщеславие, о тщеславие...» – подумал Лю-Цзе.

Он сидел на молочной повозке, беззастенчиво грохочущей по улицам застывшего города. Ронни считал себя богом, а существа подобного толка не привыкли прятаться. В смысле *действительно* прятаться. Обычно они всегда оставляют некое подтверждение своего существования – какую-нибудь изумрудную табличку, какой-нибудь шифр на гробнице в пустыне, хоть что-нибудь, что сказало бы пытливому исследователю: «Я был здесь, и я велик».

Чего еще могли бояться первые люди? Возможно, ночи. Холода. Медведей. Зимы. Звезд. Бескрайнего неба. Пауков. Змей. Друг друга. Люди столького всегда боялись!

Он сунул руку в котомку, достал потрепанный экземпляр Пути и наугад открыл.

Коан 97: «Наступай на других так, как хотел бы, чтобы они наступали на тебя». Гмм. Не слишком-то подходит к данной ситуации. Кроме того, он не был уверен в том, что записал эту фразу правильно, хотя она не раз выручала его. К примеру, на ногу слонам он старался не наступать.

Лю-Цзе попробовал еще раз.

Коан 124: «Ты поразишься, сколько всего можно увидеть, если открыть глаза».

– Что это за книга, а, монах? – спросил Ронни.

– Так, обычная маленькая книжка, – ответил Лю-Цзе и огляделся по сторонам.

Повозка проезжала мимо похоронного бюро. Владелец вложил в огромные застекленные витрины, хотя любой профессиональный гробовщик понимал: честно говоря, он не много такого может предложить, что выглядело бы привлекательно на витрине. Поэтому многие похоронные бюро ограничивались строгими темными занавесями и, быть может, изящной погребальной урной.

Но в этой витрине было... имя Пятого Всадника.

– Ха! – тихо воскликнул Лю-Цзе.

– Увидел что-то смешное, да, монах?

– А ведь если так рассудить... То вполне даже очевидно, – сказал Лю-Цзе скорее себе, а не Ронни.

Потом повернулся на своем сиденье и протянул руку.

– Очень рад познакомиться, – промолвил он. – Позволь же мне попробовать угадать, как тебя зовут.

И произнес имя.

Сьюзен допустила абсолютно несвойственную ей неточность. Назвать Винриха и Боттхер производителями конфет было все равно что назвать Леонарда Щеботанского неплохим художником, который любит покопаться в механизмах, а Смерть – человеком, с которым не хотелось бы часто встречаться. В принципе определение было достаточно точным, однако далеко не полным.

Во-первых, они не производили, а *создавали*. А это большая разница^[17]. И, несмотря на то что их небольшая, но весьма изысканная лавочка все же торговала результатами этого труда, владельцы никогда не опускались до того, чтобы выкладывать свои товары на витрины. Ведь это могло быть расценено как... чрезмерное стремление продать. Обычно витрины «В&Б» были украшены шелковой и бархатной драпировкой с каким-нибудь одним особенным пралине или несколькими, но не больше трех, знаменитыми глазированными карамельками на небольшой стойке. Ярлыков с указанием цены не было. Если вы спрашиваете о цене на конфеты «В&Б», значит, вы не можете их себе позволить. А если вы попробовали их хоть раз, но по-прежнему не можете их себе позволить, то вы начнете копить и экономить, грабить и распродавать старших членов своей семьи – а все ради того, чтобы еще хоть раз наполнить рот тем, во что язык влюбляется всеми своими сосочками и от чего душа превращается во взбитые сливки.

В тротуаре был предусмотрен потайной слив на тот случай, если задержавшиеся перед витриной люди вдруг пустят слюни.

Винрих и Боттхер, естественно, были иностранцами и, по словам представителей анк-морпоркской Гильдии Кондитеров, ничегошеньки не понимали в особенностях строения вкусовых сосочков местных жителей. Граждане Анк-Морпорка, заявляла Гильдия, – это основательные, серьезные люди, которым не нравятся конфеты с каким-то там шоколадным ликером и которые совсем не похожи на сю-сю-пу-сю манерных иностранцев, сующих крем куда попало. На самом деле анк-морпоркцы предпочитают конфеты, сделанные в основном из молока, сахара, нутряного сала, копыт, губ, различных выжимок, крысиного помета, штукатурки, мух, колесной мази, опилок, волос, пуха, пауков и толченой какавеллы. Это означало, что в соответствии с пищевыми стандартами таких признанных кондитерских центров, как Борогравия и Щеботан, анк-морпоркский шоколад формально классифицировался как «сыр», и лишь цвет помог ему избежать классификации как «раствор для кафеля».

Сьюзен позволяла себе раз в месяц покупать тут одну коробочку конфет. Ну, из тех, что подешевле. А что? Если б хотела, она легко могла

остановиться на первом же слое!

– Тебе входить необязательно, – сказала она, открывая дверь в магазин. Вдоль прилавка стояли окаменевшие покупатели.

– Пожалуйста, называй меня Мирия.

– Не думаю, что...

– Прошу тебя, – произнесла леди ле Гион кротким голосом. – Имя очень важно для меня.

Сьюзен вдруг на мгновение почувствовала жалость к этому существу.

– Ну хорошо, Мирия. Тебе входить необязательно.

– Я выдержу.

– Но я думала, конфеты для тебя невероятное искушение? – спросила Сьюзен, твердо решив держать себя в руках.

– Именно так.

Они обе уставились на полки за прилавком.

– Мирия... Мирия... – задумчиво произнесла Сьюзен, выражая вслух только часть своих мыслей. – Это же от эфебского «мириос», что значит «неисчислимые». А ле Гион – весьма неуклюжая переделка слова «легион»... Ну и ну...

– Мы считали, что имя должно давать представление о том, кому оно принадлежит, – пояснила ее светлость. – С числами все куда легче. Извини.

– Что ж, это их основной ассортимент, – сообщила Сьюзен, небрежно махнув рукой в сторону полок. – Но посмотрим, что там у них в задней комнатке... Эй, с тобой все в порядке?

– В порядке, в порядке, – пробормотала леди ле Гион, едва не падая.

– Надеюсь, ты не кинешься вдруг обжираться ими?

– Нет... я... знаю, что такое сила воли. Тело страстно жаждет шоколада, а разум – нет. По крайней мере, так я говорю самой себе. Так и должно быть! Разум должен главенствовать над телом. Иначе зачем он нужен?

– Я тоже часто размышляю об этом, – призналась Сьюзен, открывая следующую дверь. – А, пещера волшебника...

– Волшебника? Здесь используют магию?

– Ты почти угадала.

Увидев столы, леди ле Гион даже прислонилась к дверному косяку, чтобы не упасть.

– О, – прошептала она. – Я чувствую сахар, молоко, масло, ваниль, фундук, миндаль, грецкий орех, изюм, апельсиновую цедру, различные ликеры, цитрусовый пектин, землянику, малину, эссенцию фиалки, ананас, фисташки, апельсины, лаймы, лимоны, кофе, какао...

– Ничего опасного, верно? – хмыкнула Сьюзен, осматривая комнату в поисках самого смертоносного оружия. – В конце концов, какао – всего-навсего горьковатые бобы.

– Да, но... – Леди ле Гион сжала кулаки, закрыла глаза и оскалилась. – ...Если все это соединить вместе...

– Так, спокойно, спокойно...

– Воля может победить эмоции, воля может победить инстинкты... – забубнила Аудиторша.

– Ну да, ну да. Жду не дождусь, когда ты дойдешь до воли и шоколада.

– *Это труднее всего!*

Сьюзен шла мимо чанов и прилавков. Конфеты как будто утратили часть своей привлекательности – лежат здесь, на столах, вот в таком виде. Примерно такая же разница между кучками пигмента и законченной картиной. Сьюзен выбрала шприц, который, судя по конструкции, предназначался для каких-то весьма интимных операций на слонихах, хотя здесь, скорее всего, использовался для нанесения всяческих замысловатых узоров.

А потом она увидела небольшой чан с шоколадным ликером.

Сьюзен окинула взглядом нескончаемые ряды подносов с помадной массой, марципанами и карамелью. О, а вот стол, уставленный мясленичными шоколадными яйцами. Эти яйца не были похожи на те полые бесформенные штуковины, что обычно дарили детям. Нет, эти яйца были кондитерским эквивалентом лучших ювелирных изделий.

Краем глаза она заметила движение. Один из застывших как статуи работников, склонившихся над подносом с «Ореховой Блажью», едва заметно пошевелился.

Время заполняло комнату. Голубоватый свет мерцал в воздухе.

Она повернулась и увидела рядом с собой паривший в воздухе расплывчатый человеческий силуэт. Он был бесцветным, полупрозрачным, как туман, но в голове ее возникли слова:

– *Я уже сильнее. Ты – мой якорь, моя связь с этим миром. Можешь представить, как трудно снова найти свою связь среди множества множеств? Отведи же меня к часам...*

Сьюзен вернулась в магазин и решительно сунула кулинарный шприц в руки тихо стонущей Мирии.

– Держи крепче. И найди какую-нибудь сумку или еще что – я хочу, чтобы ты взяла как можно больше шоколадных яиц. И крема, и ликеров. Поняла? И помни: у тебя все получится!

О боги, да что ж это такое?! Каким-то образом нужно раскатать эту...

женщину.

– *Пожалуйста*, Мирия. Кстати, какое глупое имя! Ты не множество, ты одна. Поняла? Просто будь... собой. Ты *едина*... Едина... Вот, кстати, отличное имя.

Вновь нареченная Едина подняла залитое тушью лицо.

– Да, это... хорошее имя...

Сьюзен набрала в руки столько конфет, сколько могла унести, услышала какой-то шорох за спиной, обернулась и увидела Едину, стоявшую по стойке «смирно» и державшую в руках, судя по виду, содержимое целого прилавка в...

...каком-то мешке светло-вишневого цвета.

– О. Прекрасно. Разумное применение оказавшегося под рукой материала, – слабым голосом произнесла Сьюзен. А потом как настоящая учительница добавила: – Надеюсь, ты взяла столько, чтобы хватило всем!

– Ты был первым, – сказал Лю-Цзе. – Ты практически все и придумал. Да уж, в прогрессивном мышлении тебе не откажешь.

– Это было тогда, – ответил Ронни Соак. – Все изменилось.

– Стало не таким, как прежде, – согласился Лю-Цзе.

– Взять, например, Смерть, – продолжал Ронни Соак. – Да, согласен, он производит впечатление. Но черное всем идет. А Смерть... В конце концов, что есть смерть?

– Всего лишь долгий сон, – сказал Лю-Цзе.

– Всего лишь долгий сон, – подтвердил Ронни Соак. – Что же касается остальных... Война? Если война настолько плоха, почему люди так увлечены ею?

– То есть, по сути, это хобби, – кивнул Лю-Цзе и начал скручивать самокрутку.

– По сути, хобби, – согласился Ронни Соак. – Если говорить о Голоде и Чуме... Ну, в общем...

– О них достаточно наговорено, – подсказал Лю-Цзе.

– Вот именно. Конечно, голод – страшная вещь...

– ...но только в сельскохозяйственном обществе. Поэтому нужно шагать в ногу со временем. – Лю-Цзе сунул самокрутку в рот.

– Точно, – ответил Ронни. – Шагать в ногу со временем. Бойтся ли средний городской житель голода?

– Нет, он считает, что еда растет в лавках, – сказал Лю-Цзе.

Происходившее начинало ему нравиться. Он обладал восьмисотлетним опытом манипулирования мыслями своих настоятелей, и почти все эти

настоятели были *очень* умными людьми.

– Сейчас его место занял огонь, вот чего на самом деле боятся горожане, – подлил он чуток масла в несколько иной огонь. – Этот страх возник недавно. Первобытные сельские жители считали огонь благом, помнишь? Он отгонял волков. Ну, сгорит хижина – бревна и земля стоят дешево. Но сейчас человек живет на длинной улице в забитом людьми деревянном доме, и каждый его обитатель готовит пищу...

Ронни наградил его испепеляющим взглядом.

– Огонь? Огонь?! Обычный полубожок! Какой-то мелкий воришка спер у богов огонь и тут же стал бессмертным? Ты называешь это воспитанием и опытом? – Искра соскочила с кончика пальца Ронни и подожгла самокрутку Лю-Цзе. – Что же касается богов...

– Выскочки, все до одного, – быстро произнес Лю-Цзе.

– Правильно! Люди начали им поклоняться, потому что боялись меня. Знаешь об этом?

– Честно говоря, нет, – ответил с невинным видом Лю-Цзе.

Однако боевой настрой уже покинул Ронни.

– Но все это было тогда, – сказал он. – Я уже не тот, что прежде.

– Конечно-конечно, разумеется, – успокаивающе произнес Лю-Цзе. – Но ведь все зависит от того, как посмотреть на вещи. Предположим, некий человек, я имею в виду...

– ...Антропоморфическую персонификацию, – подсказал Ронни Соак. – Хотя лично я всегда предпочитал термин «аватар».

Лю-Цзе наморщил лоб.

– Что, приходилось много летать?

– Ты путаешь с авиатором.

– Извини. Предположим, некий аватар – спасибо за подсказку, – опередивший свое время тысячи лет назад, посмотрел бы на современный мир. Хорошенько посмотрел бы. А вдруг он увидел бы, что этот мир снова готов принять его?

Лю-Цзе немного помолчал.

– Мой настоятель, кстати, считает, что ты крут, как поросычьи хвостики, – сказал он, чтобы усилить впечатление.

– Как что? – спросил Ронни с подозрением в голосе.

– Так говорится. Крут, как поросычьи хвостики. Круче только яйца. И в ракушках вся... грудь. Эй, эй, это означает, что ты ну очень велик! – вскинул руки Лю-Цзе. – Настоятель, кстати, перевел на тебя кучу свитков. Он считает, что ты имеешь огромное значение для понимания принципов работы этой вселенной.

– Да, но... Это всего лишь какой-то настоятель. В каком-то далеком монастыре, – произнес Ронни угрюмо и неохотно, как человек, баюкающий свою полную разочарований жизнь, будто любимую мягкую игрушку.

– Он не какой-то, он – *настоятель*, – возразил Лю-Цзе. – Причем очень башковитый. Его мысли настолько грандиозны, что ему требуется вторая жизнь, чтобы их додумать! Пусть крестьяне боятся голода, но ты, такой как ты, должен поставить своей целью качество! Посмотри на нынешние города. В старые времена они были не более чем кучками глинобитных кирпичей с названиями типа Ур, Ух и Угг. А сегодня в них живут миллионы людей. Города стали сложными, очень сложными. И сам подумай, чего живущие там люди на самом деле, *на самом-самом деле* боятся? Ведь страх... Страх – это вера. Гмм?

Снова длинная пауза.

– Да, конечно, но... – произнес Ронни.

– Конечно, жить в городах им осталось недолго. А значит, когда эти серые твари закончат разбирать людей на части, чтобы понять, как они работают, веры не останется вообще.

– Но мои заказчики так рассчитывают на меня... – пробормотал Ронни Соак.

– Какие заказчики? Это говорит Соак! – воскликнул Лю-Цзе. – Но я не слышу голоса Каоса!

– Ха! – с горечью воскликнул Каос. – Кстати, ты так и не объяснил, как тебе удалось догадаться.

«Потому что у меня больше трех мозговых клеток, а ты тщеславен и написал свое настоящее имя задом наперед на повозке. Ну а темное окно похоже на зеркало, и буквы “К” и “С”, пусть даже перевернутые, легко читаются», – подумал Лю-Цзе, однако вслух ничего не сказал, потому что поступать так было бы весьма неразумно.

– Это элементарно, – ответил он. – Тебя в некотором смысле видно насквозь. С таким же успехом можно попытаться спрятать слона, накрыв его простыней. Возможно, самого слона не видно, но ты догадываешься, что он где-то тут.

Каос скривился. Его терзали сомнения.

– Ну, не знаю, – неуверенно произнес он. – Это было так давно...

– О? А мне показалось, ты назвал себя первым... – фыркнул Лю-Цзе, решив применить другую тактику. – Прости! Полагаю, ты ни в чем не виноват. Ну да, столько времени прошло, то одно, то другое, лишился некоторых способностей... Бывает.

– Лишился способностей?! – рывкнул Каос, вскинув палец к носу

метельщика. – Посмотрим же! С тобой, червь, я расправлюсь без труда!

– И что же ты со мной сделаешь? Накормишь смертельно опасным йогуртом? – спросил Лю-Цзе, слезая с повозки.

Каос спрыгнул на мостовую.

– Разговор еще не закончен! Ты куда это слазишь?

Лю-Цзе поднял взгляд на таблички у перекрестка.

– Прямо на угол Торговцев и Брод-авеню, – ответил он. – Ну и что дальше?

Каос заревел. Сорвал с себя полосатый передник и белый колпак. Казалось, он вдруг стал намного больше. Из него огромными клубами повалила тьма.

Лю-Цзе скрестил на груди руки и усмехнулся.

– Всегда помни Правило Номер Один.

– Правила? Какие еще правила? Я – Каос!

– Который был первым? – уточнил Лю-Цзе.

– Да!

– Создатель и Разрушитель?

– Именно так!

– Сильно усложненное и очевидно бессистемное поведение, которое тем не менее имеет простое детерминированное объяснение и является ключом к новым уровням понимания многомерной вселенной?

– Да, он са... Что?

– Нужно шагать в ногу со временем, милсдарь! Отставать нельзя! – крикнул Лю-Цзе, возбужденно прыгая с ноги на ногу. – Ты тот, кем тебя считают люди! И они изменили тебя! Надеюсь, ты хорошо освоил сложение?!

– Да кто ты такой, чтобы говорить мне, каким я должен быть?! – взревел Каос. – Я – Каос!

– Не может быть. Кстати, грандиозного возвращения не получится, потому что Аудиторы захватили мир. *Правила*, милсдарь! Они и есть правила! Холодные, пустые *правила*!

Серебристая молния сверкнула в ходячем облаке, в которое превратился Ронни. А затем облако, повозка и конь исчезли.

– Что ж, полагаю, могло быть и хуже, – пробормотал Лю-Цзе. – Не слишком сообразительный паренек. И возможно, слегка старомодный.

Обернувшись, он увидел наблюдавшую за ним толпу Аудиторов. Их было много.

Лю-Цзе вздохнул и улыбнулся своей любимой глупой улыбкой. Ох, как же ему все это надоело...

– Ну а вы-то, надеюсь, слышали о Правиле Номер Один? – спросил он. На мгновение Аудиторы замешкались.

– Мы знаем миллионы правил, смертный, – наконец ответил один из них.

– Миллиарды. Триллионы, – поддержал другой.

– Отлично. Значит, на меня вы нападать не будете, – пожал плечами Лю-Цзе. – Раз так хорошо знаете самое Первое Правило.

Стоявшие рядом с ним Аудиторы начали совещаться.

– Вероятно, это как-то связано с гравитацией...

– Нет, скорее с квантовым эффектом. Это же очевидно.

– Исходя из логики, самого Первого Правила существовать не может, потому что на данном этапе отсутствует концепция множественности.

– Но если не существует Первого Правила, значит, не может существовать и других правил? А если нет Правила Первого, то нет и Правила Второго?

– Существуют миллионы правил! И все они, несомненно, пронумерованы!

«Великолепно, – подумал Лю-Цзе. – Остается только подождать, когда у них расплавятся мозги».

Но тут вышел вперед один из Аудиторов. Взгляд у него был более бешеный, чем у других, а вид – крайне неопрятный. Кроме того, в руке он сжимал топор.

– Мы не должны ничего обсуждать! – рявкнул он. – Мы должны сказать себе: «Чепуха это все. И мы не будем ее обсуждать!»

– Но каково... – начал было один из Аудиторов.

– Господин Белый! Зови меня господином Белым!

– Но, господин Белый, каково оно, это Правило Номер Один?

– Я очень, очень не рад этому твоему вопросу! – завопил господин Белый и взмахнул топором.

Тело Аудитора как будто облаком обьяло лезвие топора, после чего превратилось в множество пылинок, которые быстро рассеялись в воздухе.

– У кого-нибудь еще вопросы есть? – спросил господин Белый, поднимая топор.

Пара Аудиторов, слегка отстающих от развития событий, открыли было рты. И тут же опять их закрыли.

Лю-Цзе отошел на несколько шагов. Долгие века он оттачивал способность выходить практически из любой ситуации путем переговоров и весьма гордился достигнутым мастерством, но всякие переговоры есть продукт двухсторонний, и с другой стороны должна находиться более-

менее разумная личность. Господин Белый повернулся к Лю-Цзе.

– А ты, органический, что ты делаешь не на своем месте?

Но Лю-Цзе вдруг услышал совсем другие слова, произнесенные шепотом. Они донеслись из-за стены, и вот какой спор сейчас там происходил:

– *Это же просто слова! Какая разница, что говорить?*

– *Точность имеет огромное значение, Сьюзен. Под крышкой содержится подробная карта с описаниями. Вот, сама гляди.*

– *И ты думаешь, это произведет нужное впечатление?*

– *Пожалуйста. Все нужно сделать правильно.*

– *Ну ладно, давай.*

Господин Белый наступал на Лю-Цзе с поднятым топором.

– Запрещается... – начал было он.

– Эй, вы! Жрите... о боги... жрите же «нежнейшую сахарную помадку и очаровательно густую сочно-малиновую начинку в обрамлении непостижимого черного шоколада»... серые сволочи!

Град небольших предметов обрушился на улицу. Некоторые из них раскололись о мостовую.

Но Лю-Цзе вдруг услышал... тишину. Тишину, вызванную отсутствием тихого жужжания, к которому он уже привык.

– О нет, похоже, завод кончил...

Сейчас Ронни Соак опять больше походил на молочника, правда обслуживающего исключительно места пожарищ. Оставляя за собой дымный след, он ворвался в свою маслобойню.

– Да кем он себя возомнил! – пробормотал он, схватившись руками за край безукоризненно чистого прилавка с такой силой, что металл согнулся. – Ну конечно, тебя вышвыривают за ненадобностью, а потом хотят, чтобы ты вернулся...

Металл под его пальцами раскалился добела и начал плавиться.

– У меня есть клиенты. Есть покупатели. На меня *рассчитывают*. Работу, конечно, нельзя назвать шикарной, но людям всегда будет нужно молоко...

Ронни прижал ладонь ко лбу. Расплавленный металл, коснувшись кожи, испарился.

Головная боль была *нестерпимой*.

Он помнил время, когда был только он один. Но, о боги, как же трудно вспоминать, ведь тогда... не было ничего – ни цвета, ни звука, ни давления, ни времени, ни вращения, ни света, ни жизни...

Только Каос.

И пришла мысль: «Хочу ли я, чтобы это повторилось? Чтобы вновь наступил идеальный порядок, а вместе с ним – неизменность?»

Потом в сознание проникли другие мысли, больше похожие на серебристых угрей. В конце концов, он – Всадник и был им всегда, начиная с того самого времени, когда у людей, живущих в глиняных городах посреди выжженных равнин, возникла идея о том, что, перед тем как возникло все остальное, существовало Нечто. Он – Всадник, а Всадник слышит все издаваемые миром звуки. Жители глиняных городов и обитатели шатров из звериных шкур инстинктивно понимали, что мир окружает полная опасностей, сложная и безразличная к их нуждам вселенная. Они знали, что от холода пространства и пучины ночи их отделяет лишь толщина зеркала. Знали, что эта так называемая реальность, эта паутина правил, благодаря которым стала возможна жизнь, – всего лишь пена на гребне прилива. О да, они боялись старого Каоса. Но теперь...

Он открыл глаза и посмотрел на свои темные дымящиеся руки.

И спросил у окружающего мира:

– Кто же я теперь?

Лю-Цзе услышал свой возникший из ниоткуда голос:

– ...ся...

– Почти, но не совсем. Я успела снова тебя завести, – сказала стоящая перед ним девушка.

Затем она отошла на шаг и окинула его критическим взглядом. Впервые за восемьсот лет Лю-Цзе почувствовал себя так, словно его застукали за каким-то постыдным поступком. Этот пытливый взгляд как будто рылся у него в голове.

– Ты, видимо, Лю-Цзе, – предположила Сьюзен. – А я – Сьюзен Сто-Гелитская. На объяснения нет времени. Даже учитывая то, что оно стоит. В общем, мы должны проводить Лобсанга к стеклянным часам. Ты что-нибудь умеешь? Лобсанг считает тебя немного мошенником.

– Только немного? Я поражен. – Лю-Цзе огляделся. – Что здесь произошло?

На улице никого не было видно, кроме ставших уже привычными людских статуй. На мостовой валялись серебряные бумажки и цветистые фантики, а на стене за его спиной красовалось пятно, очень похожее на шоколадную глазурь.

– Некоторым удалось сбежать, – покачала головой Сьюзен, поднимая с земли предмет, который, как очень надеялся Лю-Цзе, был гигантским кулинарным шприцем, а не чем-то еще, куда более страшным. – В

основном они дрались друг с другом. Ты стал бы разрывать кого-нибудь на части ради конфеты с кофейной начинкой?

Лю-Цзе посмотрел прямо в эти глаза. За восемьсот лет Лю-Цзе научился читать людей как открытые книги, однако Сьюзен представляла собой историю, уходящую в самую глубь веков. Она, вероятно, знала о существовании Правила Номер Один, и ей было совершенно на него наплевать. К таким людям следовало относиться с уважением. Но и допускать, чтобы они все делали по-своему, тоже нельзя.

– С кофейным зернышком сверху или просто с начинкой? – спросил он.

– Без кофейного зернышка, как мне кажется, – ответила Сьюзен, глядя ему прямо в глаза.

– Нет, не стал бы, – сказал Лю-Цзе.

– Они постоянно учатся, – раздался женский голос за спиной метельщика. – Некоторые сопротивлялись. Мы можем учиться. Так люди стали людьми.

Лю-Цзе окинул взглядом говорившую. Она была похожа на даму из высшего общества, которая провела не самый удачный день в молотилке.

– Мне хотелось бы кое-что выяснить, – промолвил он, переводя взгляд с одной женщины на другую. – Вы сражались с серыми людьми при помощи *конфет*?

– Да, – кивнула Сьюзен, выглядывая из-за угла. – Происходит своего рода чувственный взрыв. Они теряют контроль над своим морфическим полем. Ты хорошо умеешь бросать? Отлично. Едина, дай ему столько шоколадных яиц, сколько он сможет унести. Секрет заключается в том, чтобы при ударе о землю они разлетались на как можно большее количество осколков...

– А где сейчас Лобсанг?

– Он? Скажем так, духовно он с нами. В воздухе возникли синеватые искорки.

– Переживает болезнь роста, как мне кажется, – добавила Сьюзен.

Многовековой опыт снова пришел на помощь Лю-Цзе.

– Он всегда казался мне юношей, которому еще предстоит найти себя, – сказал он.

– Да, – согласилась Сьюзен. – И это стало для него небольшим потрясением. Пошли.

Смерть смотрел на мир. Безвременье достигло Края и со скоростью света начало распространяться по вселенной. Плоский мир стал похож на

хрустальную скульптуру.

Это не апокалипсис. Их всегда было много: мелких апокалипсисов, на которые не стоило обращать внимания, ложных апокалипсисов... Апокрифических апокалипсисов. Большая часть из них приходилась на старые времена, когда весь свет, которому должен был наступить тот самый «конец», объективно был ничуть не больше нескольких деревень и полянки в лесу.

Все эти крошечные мирки рано или поздно кончались. Но всегда оставалось что-то еще. К примеру, горизонт. Беженцы вдруг открывали, что свет куда больше, чем они думали. Несколько деревень на полянке? Ха, да разве можно быть такими глупцами? Нет, теперь-то они знают: целый свет – это остров! А дальше... опять горизонт.

Но сейчас у света кончились горизонты.

Прямо на глазах у Смерти солнце остановилось посреди своей орбиты, и его свет стал более тусклым, обрел красноватый оттенок.

Он вздохнул и пришпорил Бинки. И поскакал по местам, которых не найдешь ни на одной карте.

Небо было заполнено серыми силуэтами. Рябь пробежала по рядам Аудиторов, когда Конь Бледный направился в их сторону. Один подлетел к Смерти и завис в воздухе в нескольких футах от него.

«Разве тебе не пора отправиться в путь?» – спросил он.

– ТЫ ГОВОРИШЬ ОТ ИМЕНИ ВСЕХ?

«Ты знаешь обычай, – раздался голос в голове Смерти. – Среди нас один говорит от имени всех».

– ТО, ЧТО БЫЛО СДЕЛАНО, НЕВЕРНО. «Тебя это не касается».

– ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МЫ ОБЯЗАНЫ ОТВЕЧАТЬ ЗА СВОИ ПОСТУПКИ. ВСЕ МЫ.

«Вселенная будет существовать вечно, – произнес голос. – Законсервированный, упорядоченный, понятный, законопослушный, зарегистрированный... неизменный, идеальный мир. Законченный».

– НЕТ.

«Так или иначе, сегодня все закончится».

– СЛИШКОМ РАНО. ОСТАЛИСЬ НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ДЕЛА.

«Какие именно?»

– ВСЕ.

Сверкнула вспышка, и вдруг появилась фигура, вся в белом, с книгой в руке.

Она перевела взгляд со Смерти на неисчислимые ряды Аудиторов и спросила:

– Прошу прощения? Я попал в нужное место?

Два Аудитора подсчитывали атомы тротуарной плитки.

Почувствовав движение, они подняли головы.

– День добрый, – поздоровался Лю-Цзе. – Могу ли я привлечь ваше внимание к плакату, который держит моя помощница?

Сьюзен и правда держала в руках плакат. «Всем открыть рты. По распоряжению», – было написано на нем.

Лю-Цзе разжал пальцы. В каждой руке у него было по карамели. И бросал он очень метко.

Рты закрылись. Лица обрели безмятежность. Раздался звук, напоминавший мурлыканье и вой одновременно, который очень скоро превратился в ультразвук. А потом... Аудиторы постепенно растворились: сначала утратили четкие очертания, затем, по мере ускорения процесса, на их месте появилось растущее облако.

– Это называется рукоротной борьбой, – сказал Лю-Цзе. – А почему люди так не реагируют?

– Иногда реагируют, – возразила Сьюзен, а когда они уставились на нее, моргнула и добавила: – Всякие дуры, не способные себя сдерживать.

– Ну, вам, людям, не приходится постоянно сосредотачиваться, чтобы поддерживать форму, – ответила Едина. – Кстати, это были последние карамельки.

– Есть еще «Золотая коллекция», – покачала головой Сьюзен. – Там три карамельки в черном шоколаде с белой шоколадной начинкой, а три в молочном шоколаде и со взбитыми сливками. Они в таких серебристых фантиках... Послушайте, я просто *много* знаю, понятно? Может, пойдём дальше? А? И давайте уже перестанем говорить о конфетах.

«У тебя нет над нами власти, – сказал Аудитор. – Мы не принадлежим к живым».

– **НО ВЫ ДЕМОНСТРИРУЕТЕ ВЫСОКОМЕРИЕ, ГОРДОСТЬ И ГЛУПОСТЬ, А ЭТО ЭМОЦИИ. Я ДАЖЕ НАЗВАЛ БЫ ИХ ПРИЗНАКАМИ ЖИЗНИ.**

– Э-э, прошу прощения? – вмешалась фигура в белом.

«Но ты здесь один!»

– Извините?

– ДА? – повернулся Смерть. – В ЧЕМ ДЕЛО?

– Это ведь Абоквалиписис? – нагло осведомилась сияющая фигура.

– **МЫ РАЗГОВАРИВАЕМ.**

– Да, понятно, но это Абокралипсис? Действительный конец действительно всего света?

«Нет», – сказал Аудитор.

– ДА, – сказал Смерть.

– Великолепно! – воскликнула фигура. «Что?» – спросил Аудитор.

– ЧТО? – спросил Смерть. Фигура явно смутилась.

– Ну, не великолепно, конечно... Вернее, уж конечно, не великолепно. Но я здесь именно ради этого. Я существую ради этого. – Он поднял книгу. – Я даже отметил нужное место. Вау! Знаете, я так долго ждал...

Смерть посмотрел на книгу. Переплет и страницы были сделаны из железа. И тут до него дошло.

– ТЫ ВЕСЬ В БЕЛОМ АНГЕЛ ЖЕЛЕЗНОЙ КНИГИ? ИЗ ПРОРОЧЕСТВ ТОБРУНА?

– Ага! – Лязгая страницами, ангел принялся судорожно листать книгу. – И «облаченный в белое», если не возражаешь. «Весь в белом» как-то неправильно. Мелкая деталь, понимаю, но я хочу, чтобы все было правильно.

«Что здесь происходит?» – прорычал Аудитор.

– ЧЕСТНО ГОВОРЯ, ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, КАК ТЕБЕ СКАЗАТЬ... – произнес Смерть, не обращая внимания на Аудитора. – НО ТЫ ВЫЧЕРКНУТ ИЗ СПИСКОВ. ПРИЧЕМ ОФИЦИАЛЬНО.

Страницы сразу перестали лязгать.

– Что ты имеешь в виду? – с подозрением в голосе спросил ангел.

– КНИГА ТОБРУНА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДОГМОЙ ЕЩЕ СТО ЛЕТ НАЗАД. ПРОРОК БРУТА ОБЪЯВИЛ, ЧТО ВСЯ ЭТА ЧАСТЬ СВЯЩЕННОГО ТЕКСТА ЯВЛЯЕТСЯ МЕТАФОРой БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ ВНУТРИ РАННЕЙ ЦЕРКВИ. И В ПЕРЕСМОТРЕННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ОМА ПРОРОЧЕСТВА ТОБРУНА НЕ ВКЛЮЧИЛИ. ТАК БЫЛО РЕШЕНО ИЙСКИМ СОБОРОМ.

– Что, правда не включили? Ни подглавочки?

– МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ.

– Значит, меня просто взяли и вышвырнули? Как тех кроликов и противно-липких тварей?

– ДА.

– Даже ту фразу, где я дую в дуду, вычеркнули?

– О ДА.

– Ты уверен?

– ВСЕГДА.

– Но ты же Смерть, а это Абокралипсис, верно? – спросил совсем

расстроенный ангел. Он выглядел очень несчастным. – А значит...

– К СОЖАЛЕНИЮ, ТЫ БОЛЬШЕ НЕ ЯВЛЯЕШЬСЯ ЧАСТЬЮ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ.

Краем разума Смерть наблюдал за Аудиторами. Аудиторы всегда прислушивались к разговорам. Чем больше говорят, тем ближе к консенсусу принятое решение, тем меньше ответственности достается каждому. Но сейчас Аудиторы начинали демонстрировать признаки нетерпения и беспокойства...

Эмоции. А эмоции делают тебя *живым*. Смерть умел обращаться с живыми.

Ангел окинул взглядом вселенную.

– Так что же мне теперь делать? – взвыл он. – Я ведь так ждал этого! Долгие тысячелетия! – Он уставился на железную книгу. – Тысячи монотонных, скучных, бесцельно прожитых лет... – пробормотал он.

«Вы наконец закончили?» – спросил Аудитор.

– Одна главная сцена. Больше у меня ничего не было. Цель всей моей жизни. Ты ждешь, тренируешься, а потом тебя просто вычеркивают, потому что сера больше не в моде? – Гнев наполнил ангельский голос горечью. – Меня, конечно, никто не известил...

Он уставился на проржавевшие страницы.

– Следующим должен был появиться Чума... – пробормотал он.

– Значит, я опоздал? – раздался голос в ночи. Показался конь. Он мерцал нездоровым светом, как гангренозная рана незадолго до появления брадобрея с пилой для быстрого оттяпывания конечностей.

– Я УЖ ДУМАЛ, ТЫ НЕ ПРИДЕШЬ, – сказал Смерть.

– Я и не собирался, – процедил Чума, – но у людей появились такие интересные болезни. Хочу собственными глазами увидеть, во что превратятся мызвы. – Он подмигнул Смерти покрытым коростой глазом.

– Ты хотел сказать, язвы? – переспросил ангел.

– Мызвы, – повторил Чума. – Эти био экспериментаторы совсем потеряли страх. Мызвы появляются у нескольких людей сразу и пройти могут только одновременно.

«Вас двоих будет мало!» – прорычал Аудитор в их головах.

Конь вышел из темноты. На некоторых стиральных досках и то больше мяса.

– Я вот подумал, – раздался голос, – а ведь есть вещи, ради которых стоит ввязаться в драку!

– И что же это? – спросил, обернувшись, Чума.

– Сэндвичи со сливочно-салатной заправкой. С ними ничто не может

сравниться. А привкус разрешенных эмульсификаторов? Грандиозно!

– Ха! Значит, ты Голод? – спросил Ангел Железной Книги и снова принялся лязгать страницами.

«Что, что, что это за ерунда про сливочно-салатную заправку?»^[18] – завопил Аудитор.

«Гнев, – подумал Смерть. – Очень яркая и сильная эмоция».

– А мне нравится салат? – спросил голос из темноты.

– Нет, милый, у тебя от него сыпь, – ответил второй, женский голос.

Конь Войны был огромным, гнедым; с луки седла свисали головы побежденных воинов. Госпожа Война с мрачным видом восседала позади мужа.

– Все четверо. Бинго! – воскликнул Ангел Железной Книги. – И плевать я хотел на Ийский собор!

У Войны горло было обмотано шерстяным шарфом. Он застенчиво посмотрел на остальных Всадников.

– Ему нельзя перенапрягаться! – сварливо заявила госпожа Война. – И не впутывайте его ни в какие авантюры. Он не так силен, как ему кажется. И ему нужно постоянно подсказывать.

«Что ж, вся банда в сборе», – сказал Аудитор.

«Самоуверенность, – отметил про себя Смерть. – И самодовольство».

Послышался лязг железных страниц. Ангел Железной Книги выглядел озадаченным.

– Честно говоря, мне кажется, что-то тут неправильно, – сказал он.

Никто не обращал на него внимания.

«Шел бы ты со своим представлением», – сказал Аудитор.

«А теперь сарказм и ирония, – подумал Смерть. – Очевидно, они учатся этому у тех, кто находится внизу. Всем мелочам, которые составляют... личность».

Он окинул взглядом строй Всадников. Они почувствовали его взгляд, Чума и Голод едва заметно кивнули.

Война развернулся в седле, чтобы поговорить с женой.

– Дорогая, я сейчас чувствую себя очень хорошо. Не могла бы ты слезть с коня?

– А помнишь, что случилось, когда... – начала было госпожа Война.

– Прямо сейчас, дорогая! – произнес Война, его голос остался спокойным и вежливым, но в нем послышались нотки железа и бронзы.

– Э... О... – Госпожа Война вдруг засуетилась. – Именно так ты сказал, когда...

На ее щеках появился довольный румянец, и она быстро спрыгнула с лошади. Война кивнул Смерти.

«А теперь вы должны отправиться в путь, чтобы сеять ужас и разрушения, и так далее, и тому подобное, – промолвил Аудитор. – Правильно?»

Смерть кивнул. Парящий над его головой Ангел Железной Книги отчаянно перелистывал страницы в поисках места, подходящего ситуации.

– **СОВЕРШЕННО ВЕРНО. МЫ ДОЛЖНЫ ОТПРАВИТЬСЯ В ПУТЬ,** – подтвердил Смерть, обнажая меч. – **НО НИГДЕ НЕ ГОВОРИТСЯ, ПРОТИВ КОГО.**

«Что ты имеешь в виду?» – прошипел Аудитор, и в его голосе появился страх. Происходили события, смысл которых был выше его понимания.

Смерть усмехнулся. Чтобы испытывать страх, нужно обладать «я».

«Лишь бы со мной ничего не случилось...» Это была песня страха.

– Он имеет в виду, – ответил Война, – что попросил нас всех хорошенько подумать, на чьей именно стороне мы находимся.

Четыре меча, сверкая пламенем, вылетели из ножен. Четыре коня помчались вперед. Ангел Железной Книги опустил взгляд на госпожу Войну.

– Прошу прощения, – сказал он. – Карандашика не найдется?

Сьюзен выглянула из-за угла на улицу Умельцев и застонала.

– Их там целая толпа... И кажется, они сошли с ума.

Едина тоже выглянула.

– Нет, они не сошли с ума. Просто ведут себя как Аудиторы. Производят измерения, оценку и стандартизацию, где это необходимо.

– Они поднимают тротуарные плиты!

– Да. Скорее всего, потому, что эти плиты неправильного размера. Мы терпеть не можем нарушений порядка.

– А какой размер плиты или камня считается неправильным?

– Любой, отклоняющийся от среднего. Извини. Воздух вокруг Сьюзен озарила синяя вспышка. Она успела заметить человеческую фигуру, прозрачную, плавно вращающуюся, которая буквально через мгновение исчезла.

Но голос, голос в ее голове остался:

– *Силы у меня почти достаточно. Сможешь добраться до конца улицы?*

– Да. Ты уверен? В прошлый раз ты не смог противостоять часам.

– *В прошлый раз это был не я.*

Внимание Сьюзен привлекло какое-то движение над головой. Она посмотрела вверх и увидела, что распростершаяся над мертвым городом молния исчезла. Облака клубились, как вылитые в воду чернила. Внутри сверкали вспышки, серно-желтые и красные.

– *Четыре Всадника сражаются с Аудиторами*, – подсказал Лобсанг.

– И как, побеждают?

Лобсанг не ответил.

– Я спросила...

– *Мне трудно ответить определенно. Я способен видеть... все. Все, что могло быть...*

Каос слушал историю.

Возникли новые миры. Волшебники и философы обнаружили Хаос, который был Каосом, но причесанным и в галстук, а также нашли в воплощении беспорядка новый, невообразимый порядок. *Правила бывают разными. От простых до сложных, а из сложных правил развивается простота иного порядка. Хаос – это порядок в маске...*

Хаос. Не темный древний Хаос, оставленный позади развивающейся вселенной, а новый, сверкающий Хаос, составлявший суть абсолютно всего. Эта идея обладала странной привлекательностью. Он мог быть причиной, по которой хотелось продолжать жить.

Ронни Каос поправил колпак. Да... И вот еще что...

Молоко всегда было вкусным и свежим. Все обращали на это внимание. Конечно, оказаться *езде* ровно в семь часов утра не представляло для него особой проблемы. Если даже Санта-Хрякус успевал облазть за одну ночь все печные трубы мира, одномоментная развозка молока почти по всему городу – не такое уж серьезное достижение.

А вот обеспечить продуктам должное хранение – это оказалось куда труднее. Но тут ему повезло.

Господин Каос вошел в холодильник, где его дыхание мгновенно стало превращаться в туман. На полу рядами стояли начищенные до блеска фляги. Чаны с маслом и сметаной занимали покрытые искрящимся инеем полки. Сквозь висевшую в воздухе изморозь были видны бесчисленные стеллажи со свежими яйцами. Летом он собирался заняться продажей мороженого. Этот шаг был очевидным. Кроме того, нужно ведь хоть как-то использовать холод.

В центре пола пылала печь. Господин Каос покупал у гномов только лучший уголь, и чугунные плиты были раскалены докрасна. По идее, в помещении должна была царить невыносимая жара, но печь потрескивала

от яростной борьбы холода и тепла. Когда горела печь, комната была простым ледником. А вот без печи...

Ронни открыл дверцу покрытого льдом комода и кулаком разбил глыбу льда внутри. Протянул руку.

Достал из комода сверкающий ледяным пламенем меч.

Этот меч был настоящим произведением искусства. Он обладал воображаемой скоростью, отрицательной энергией и положительным холодом, настолько сильным, что, встречаясь с направленным в противоположную сторону теплом, приобретал часть его природы. Становился обжигающим. С самого рождения вселенной не существовало ничего более холодного. На самом деле по сравнению с клинком Каосу *все* казалось теплым.

– Что ж, я вернулся, – сказал он.

И Пятый Всадник отправился в путь, оставляя за собой едва ощутимый запах сыра.

Едина еще раз окинула взглядом голубое свечение, которое по-прежнему окружало их группу. Сейчас они прятались за тележкой с фруктами.

– Если позволите высказать предложение, – сказала Едина, – мы... то есть мы, Аудиторы, плохо переносим неожиданности. Нас сразу тянет посоветоваться. Всегда должен существовать некий план, согласно которому нужно действовать.

– Ну и что? – спросила Сьюзен.

– Я предлагаю полное безумие. Я предлагаю, чтобы ты и... молодой человек направились в мастерскую, а я отвлеку внимание Аудиторов. Возможно, этот пожилой человек мне поможет, поскольку все равно скоро умрет.

Воцарилась тишина.

– Весьма правдиво, хотя говорить об этом вслух было вовсе не обязательно, – наконец промолвил Лю-Цзе.

– Я нарушила какой-то этикет?

– Не совсем, но без этой информации мы бы обошлись. Однако разве не написано: «Если пора уходить, нужно уходить»? – пожал плечами Лю-Цзе. – И еще: «Всегда надевай чистое белье, на случай если тебя переедет телега».

– А что, это поможет? – спросила совершенно сбитая с толку Едина.

– Сие есть одна из величайших тайн Пути, – ответил Лю-Цзе, мудро кивая. – Какие конфеты у нас остались?

– Только с нугой, – ответила Едина. – Лично я считаю, надо строго-настрого запретить прятать в шоколаде подобную гадость. Человек может оказаться не готов к такой засаде. Сьюзен?

Сьюзен, отвернувшись, выглядывала из-за угла.

– Ммм?

– У тебя еще есть конфеты?

Сьюзен покачала головой.

– Мmmm.

– А мне казалось, у тебя оставались конфеты с вишневой помадкой.

– Ммм?

Сьюзен что-то проглотила и откашлялась, умудрившись подобным, весьма лаконичным образом выразить и смущение, и раздражение.

– Всего одну-то и съела! – рявкнула она. – Мне нужен сахар!

– А никто и не утверждал, что ты съела больше, – смиренно уверила Едина.

– И вовсе мы ничего не считали, – сказал Лю-Цзе.

– Если у тебя есть носовой платок, – услужливо предложила Едина, – я могу стереть с твоих губ шоколад, который неумышленно попал на них во время прошлой схватки.

Сьюзен наградила ее свирепым взглядом и вытерла губы ладонью.

– Все дело в сахаре, – повторила она. – Он для меня как топливо. И все, хватит об этом! У нас есть более насущные задачи. Мы не можем позволить тебе погибнуть ради того, чтобы...

– *Можем*, – возразил Лобсанг.

– Это... как? – потрясенно осведомилась Сьюзен.

– *Я все видел*.

– Так, может, тогда расскажешь? – огрызнулась Сьюзен, быстро переходя на фирменный Учительский Сарказм. – Мы были бы не прочь послушать, чем все кончится.

– *Ты не так понимаешь значение слова «всё»*.

Лю-Цзе порылся в своем мешке в поисках боеприпасов, достал два шоколадных яйца и какой-то бумажный пакетик, при виде которого Едина резко побледнела.

– О, я и не знала, что у нас они есть!

– Вкусные, да?

– Кофейные зерна в шоколаде, – шепотом произнесла Сьюзен. – Их нужно запретить! Законом!

Обе женщины с ужасом следили за тем, как Лю-Цзе кладет себе в рот конфету. Он удивленно посмотрел на них.

– Действительно вкусные, – подтвердил он. – Но я предпочитаю лакрицу.

– То есть... тебе больше не хочется? – переспросила Сьюзен.

– Да нет как-то.

– Ты *уверен*?

– Абсолютно. Но очень люблю лакрицу, и если у вас есть...

– Тебя этому специально обучали? Как монаха?

– Нет, бою на конфетах меня никто не учил, – покачал головой Лю-Цзе. – Но разве не написано: «Съешь еще одну, испортишь аппетит»?

– Хочешь сказать, что еще одно кофейное зернышко в шоколаде ты бы есть не стал? Вот прямо так, взял бы и отказался?

– Взял бы и отказался.

Сьюзен посмотрела на дрожащую Едину.

– Слушай, а может, у тебя что-то со вкусовыми сосочками?.. – спросила она.

И вдруг почувствовала, как ее дернули за руку, резко увлекая прочь.

– Вы, двое, спрячьтесь за той телегой и бегите по моему сигналу, – сказал Лю-Цзе. – Быстро!

– А какой будет сигнал?

– *Мы пойдем*, – произнес голос Лобсанга.

Лю-Цзе проводил их взглядом. Потом взял в руки метлу и вышел на самую середину улицы, заполненной серыми фигурами.

– Прошу прощения? – окликнул он. – Могу я попросить уделить мне немного внимания?

– Что он творит? – спросила Сьюзен, спрятавшись за телегой.

– *Они все идут к нему*, – сказал Лобсанг. – *У некоторых в руках оружие.*

– То есть приказывать будут они, – констатировала Сьюзен.

– Ты *уверена*?

– Да. Этому они научились у людей. Аудиторы не привыкли к тому, чтобы им приказывали. Их нужно убеждать.

– *Он рассказывает им о Первом Правиле, а значит, у него есть план. И мне кажется, он сработал... Да, точно!*

– Что он сделал? Что он сделал?

– *Пошли. С ним все будет в порядке.*

– Отлично! – Сьюзен даже подпрыгнула от радости.

– *Да, они отрубили ему голову...*

Страх, гнев, зависть... Эмоции делают тебя живым – на краткий миг

перед смертью. Толпа серых фигур отступала под натиском клинков. Их были миллиарды. И сражались они по-своему. Пассивно, коварно.

– Бессмысленно! – закричал Чума. – Они даже простудиться не могут!

– Ни души, чтобы проклясть, ни зада, чтобы дать пинка! – воскликнул Война, рубя в капусту окружающую его серую массу.

– Они испытывают голод, – сообщил Голод. – Только я никак не могу разобрать какой!

Они осадили коней. Серая стена зависла на расстоянии, потом снова двинулась на них.

– ОНИ СОПРОТИВЛЯЮТСЯ, – сказал Смерть. – НЕУЖЕЛИ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ?

– Лично я чувствую только одно: мы сделали очень большую глупость, – ответил Война.

– И ОТКУДА ПОЯВЛЯЕТСЯ ЭТО ЧУВСТВО?

– По-твоему, они могут влиять на наше сознание? – спросил Чума. – Но мы Всадники! На нас нельзя повлиять!

– МЫ СТАЛИ СЛИШКОМ ПОХОЖИ НА ЛЮДЕЙ.

– Мы? На людей? Не смеси...

– ПОСМОТРИ НА МЕЧ В СВОЕЙ РУКЕ, – посоветовал Смерть. – НИЧЕГО НЕ ЗАМЕЧАЕШЬ?

– Меч. Очень такой мечеподобный. А что?

– ПОГЛЯДИ НА ЛАДОНЬ. ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ. РУКА ЧЕЛОВЕКА. ЛЮДИ ПРИДАЛИ ТЕБЕ ТАКОЙ ОБЛИК, А ЭТО СПОСОБ ПРОНИКНУТЬ ВНУТРЬ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ! РАЗВЕ ВЫ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ТАКИМИ КРОШЕЧНЫМИ В ЭТОЙ БОЛЬШОЙ ВСЕЛЕННОЙ? ВОТ В ЧЕМ СМЫСЛ ИХ ПЕСНИ. ВСЕЛЕННАЯ БОЛЬШАЯ, ВЫ МАЛЕНЬКИЕ, А ВОКРУГ НИЧЕГО, КРОМЕ ХОЛОДА ПРОСТРАНСТВ. ВЫ ТАК ОДИНОКИ...

Трое Всадников явно забеспокоились, занервничали.

– Это исходит от них? – спросил Война.

– ДА. ЭТО СТРАХ И НЕНАВИСТЬ, КОТОРЫЕ МАТЕРИЯ ПРЕДНАЗНАЧИЛА ДЛЯ ЖИЗНИ. А ОНИ НОСИТЕЛИ ЭТОЙ НЕНАВИСТИ.

– Тогда мы бессильны, – развел руками Чума. – Их слишком много!

– ТАК ДУМАЕШЬ ТЫ? ИЛИ ВСЕ ЖЕ ОНИ? – резко осведомился Смерть.

– Они все ближе и ближе, – сообщил Война.

– ЗНАЧИТ, БУДЕМ ДРАТЬСЯ, ПОКА ХВАТИТ СИЛ.

– Четыре клинка против армии? Ничего не получится!

– НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ НАЗАД ТЫ СЧИТАЛ ИНАЧЕ. КТО ГОВОРIT ЗА ТЕБЯ? ЛЮДИ МНОГО РАЗ ПРОТИВОСТОЯЛИ НАМ И НИ РАЗУ НЕ СДАЛИСЬ.

– Да, – согласился Чума. – Но с нами они всегда могли надеяться на прощение.

– Или на перемирие, – добавил Война.

– Или на... – начал было Голод, замялся и наконец выпалил: – Дождь из рыб?.. – Он заметил выражение их лиц. – Однажды это правда случилось! – вызывающе добавил он.

– ЧТОБЫ В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ ТВОЯ СУДЬБА ВДРУГ ИЗМЕНИЛАСЬ, НУЖНО ПРОЖИТЬ ЕЕ ДО САМОГО ПОСЛЕДНЕГО МОМЕНТА, – ответил Смерть. – МЫ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ.

– А если ничего не получится? – спросил Чума. Смерть подобрал поводья Бинки. Аудиторы были уже совсем рядом. Смерть мог различить отдельные, но абсолютно идентичные лица. Убей одного, и на его месте встанет дюжина.

– ЗНАЧИТ, БУДЕМ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО МОЖЕМ, – сказал он, – ПОКА МОЖЕМ.

Облаченный В Белое Ангел, сидя на своем облаке, лихорадочно листал книгу.

– О чем они там говорят? – спросила госпожа Война.

– Не знаю, не слышу! Проклятье, эти две страницы слиплись! – воскликнул ангел, безуспешно царапая их пальцами.

– А все потому, что он отказался поддеть фуфайку, – твердо заявила госпожа Война. – Хотя я ему...

Она вынуждена была прерваться, потому что ангел вдруг сорвал с головы нимб и принялся пилить им края слипшихся страниц, рассыпая искры и издавая скрежет, словно кошка скользила вниз по классной доске.

Снова залязгали страницы.

– Так, посмотрим... – Он прочел только что открытый текст. – Сначала то... Потом это... О...

Он замолчал и повернул бледное лицо к госпоже Войне.

– Ой-ей, – сказал он. – У нас большие неприятности.

Тем временем из-под Диска, висевшего внизу, появилась быстро растущая в размерах комета. Осыпая распростершийся внизу мир горящими обломками, она пересекла все небо и, подлетев к Всадникам поближе, оказалась на поверку огненной колесницей.

Пламя было синим. Хаос пылал холодом.

Голова стоявшей в колеснице фигуры была закрыта полным шлемом с двумя огромными глазницами, немного похожими на крылья бабочки и очень сильно похожими на глаза некоего странного инопланетного существа. Пылающий конь перешел на рысь и остановился – он вроде даже не утомился после скачки во весь опор. Остальные кони, не дожидаясь команды хозяев, немного посторонились, уступая ему место.

– О нет! – воскликнул Голод и брезгливо махнул рукой. – Он тоже здесь? Я же предупреждал, что будет, если он вернется. Помните, как он выбросил менестреля из окна той харчевни в Зоке? И разве я не говорил...

– ЗАТКНИСЬ, – оборвал его Смерть и кивнул. – ПРИВЕТ, РОННИ, РАД ТЕБЯ ВИДЕТЬ. ВСЕ ГАДАЛ, ПОЯВИШЬСЯ ТЫ ИЛИ НЕТ.

Рука, оставлявшая след холодного пара, поднялась и стянула шлем с головы.

– Привет, парни, – вежливо поздоровался Хаос.

– Э... Давно не виделись, – пробормотал Чума. Война откашлялся.

– Слышал, дела у тебя идут неплохо.

– Да, вполне, – осторожно подтвердил Ронни. – У розничной торговли молоком и молочными продуктами большое будущее.

Смерть бросил взгляд на Аудиторов. Они перестали наступать, но принялись кружить неподалеку, не спуская с них глаз.

– Да, миру всегда будет нужен сыр, – развел руками Война. – Ха-ха.

– Судя по всему, у вас неприятности, – заметил Ронни.

– Мы справ... – начал было Голод.

– ДА, ЕСТЬ ТАКОЕ, – перебил его Смерть. – САМ ВИДИШЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, РОННИ. ВРЕМЕНА ИЗМЕНИЛИСЬ. НЕ ЖЕЛАЕШЬ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ?

– Эй, а как насчет обсу... – опять влез в разговор Голод, но, почувствовав на себе испепеляющий взгляд Смерти, сразу заткнулся.

Ронни Каос надел шлем, и Хаос обнажил свой меч. Он весь сверкал, и, подобно стеклянным часам, его клинок вторгался в иной, гораздо более сложный мир.

– Один старик объяснил мне, что нужно жить и все время учиться, – сказал он. – Что ж, я достаточно пожил. И только сейчас узнал, что лезвие меча по сути своей бесконечно. А еще я научился делать очень хороший йогурт, но сегодня это умение мне не понадобится. Ну что, парни, зададим им хорошую трепку?!

Далеко внизу по улице шли Аудиторы.

– И в чем же заключается самое Первое Правило? – спросил один из

них.

– Не важно. Я – это правило! – Аудитор взмахнул топором, вынуждая всех расступиться. – Послушание необходимо!

Аудиторы, не спуская глаз с тесака, нерешительно переступали с ноги на ногу. Они извели, что такое боль. Прежде они этого не знали – миллиарды и миллиарды лет своего существования. И тот, кто это узнал, не испытывал ни малейшего желания почувствовать боль еще раз.

– Очень хорошо, – кивнул господин Белый. – А теперь возвращайтесь...

Откуда-то вылетело и разбилось о булыжники шоколадное яйцо. Толпа Аудиторов двинулась было вперед, но господин Белый несколько раз рубанул топором воздух.

– Назад! Все назад! – завопил он. – Вы, трое, найдите, кто его бросил! Оно вылетело из-за прилавка. Никому не притрагиваться к коричневому материалу!

Он наклонился и осторожно поднял большой кусок шоколада, на желтой глазури которого можно было различить изображение улыбающейся утки. Трясущейся рукой, чувствуя, как на лбу выступает пот, он поднял осколок над головой и триумфально потряс топором. Толпа разом вздохнула.

– Вы видите? – закричал он. – Тело можно победить! Видите? Мы можем научиться жить! Будете вести себя хорошо – получите коричневый материал, а если будете вести себя плохо, вас сразит острое лезвие! О...

Он опустил руки, увидев, что к нему ведут отчаянно отбивавшуюся Едину.

– Наш следопыт, – сказал он. – Наш отступник... Подошел к пленнице.

– Ну, чего пожелаешь? – спросил он. – Коричневого материала или острого лезвия?

– Это называется «шоколад», – резким тоном ответила Едина. – Я его не ем.

– Вот и проверим, – ухмыльнулся господин Белый. – А твой приятель предпочел топор!

Он показал на тело Лю-Цзе.

Вернее, на голые булыжники, на которых прежде лежало тело Лю-Цзе. Чья-то рука хлопнула его по плечу.

– Ну почему, – услышал он голос над самым ухом, – никто не верит в Правило Номер Один?

Над его головой небо озарилось синим светом.

Сьюзен неслась по улице к часовой мастерской.

Она бросила взгляд на бегущего рядом Лобсанга. Он выглядел... почти как человек, вот только людям несвойствен синеватый ореол.

– Рядом с часами будет много серых! – крикнул он.

– Они там что, пытаются разобраться, почему часы тикают?

– Ха! Да!

– И что ты будешь делать?

– Разобью часы!

– Но так ты уничтожишь всю историю!

– Ну и что?

Он взял ее за руку. Она почувствовала, как какая-то волна пробежала по ее телу.

– Открывать дверь не будем! Нам нельзя останавливаться! Беги прямо к часам!

– Но...

– Не разговаривай. Я должен запомнить!

– Что запомнить?

– Все!

Господин Белый уже поднимал топор, когда вынужден был оглянуться. Но телу нельзя доверять. Оно думает самостоятельно. И в случае удивления предпринимает ряд автоматических действий, не ставя мозг в известность.

К примеру, открывает рот.

– Вот и хорошо, – сказал Лю-Цзе, поднимая руку. – На здоровьице!

Дверь была не более вещественной, чем туман. В мастерской действительно присутствовали Аудиторы, но Сьюзен пробежала сквозь них, словно призрак.

Часы светились, однако, когда она направилась к ним, сразу начали удаляться. Пол разматывался под ее ногами, тянул назад. Часы стремительно мчались в сторону далекого горизонта событий. Одновременно они увеличивались в размерах, становились иллюзорными, словно один и тот же объем часов стремился захватить большее пространство.

Происходили и другие события. Она мигнула, но мгновения тьмы не последовало.

«Ага, – догадалась она, – значит, смотрю я не глазами. Так, что еще? Что со мной случилось? Моя рука... выглядит нормальной, но нормальная

ли она в действительности? Я стала больше или меньше? Что?..»

– Ты всегда такая? – раздался голос Лобсанга.

– Какая? Я чувствую твою руку, слышу твой голос, по крайней мере, думаю, что слышу. Может, все происходит в моей голове... но я не чувствую, что бегу...

– Такая... *аналитическая*?

– Конечно. А что я должна думать? «Ах, мои лапки! Ах, мои усики!», да? Так или иначе, все это слишком лобово. Слишком метафорически. Органы чувств рассказывают мне сейчас сказки, поскольку не могут справиться с тем, что имеет место в действительности...

– Не отпускай мою руку.

– Все в порядке. Я тебя не отпущу.

– Я велел, чтобы ты не отпускала мою руку, потому что в противном случае твое тело разом станет меньше атома.

– О.

– И не пытайся представить, как все это выглядит со стороны. А вот и чассы-ы-ы-ы...

Рот господина Белого закрылся. Удивление сменилось ужасом, затем настала очередь потрясения, и под конец – величайшего блаженства.

Он начал ломаться, словно огромный и сложный пазл, состоявший из мельчайших кусочков, которые начали постепенно осыпаться по краям и исчезать.

Последними испарились губы. Некоторое время они висели в воздухе, а потом исчезли.

Недоеденное кофейное зернышко упало на мостовую. Лю-Цзе быстро наклонился и поднял его, потом схватил топор и замахнулся им на оставшихся Аудиторов. Все как один отшатнулись, словно загипнотизированные этим символом власти.

– Кому он теперь принадлежит? – спросил Лю-Цзе. – Ну говорите, кому?

– Мне! Мне, госпоже Кротовой! – закричала женщина в сером.

– Нет, мне, господину Оранжевому! Кротовый, подумай только! Есть ли вообще такой цвет?! – закричал господин Оранжевый.

– Значит ли это, что нам следует обсудить иерархию? – задумчиво произнес один Аудитор из толпы.

– Конечно нет! – Господин Оранжевый аж запрыгал от возбуждения.

– Ну, это вы решайте сами, – сказал Лю-Цзе и подбросил топор высоко в воздух.

Сотни пар глаз следили за его падением.

Господин Оранжевый успел к топору первым, но госпожа Кротова наступила ему на пальцы. После началась всеобщая неразбериха и, судя по воплям, доносившимся из толпы, настоящее побоище.

Лю-Цзе взял за руку ошеломленную Едину.

– Может, пойдём? – предложил он. – О, не смотри ты на меня так. Давно хотел опробовать один фокус, которому меня научили йети. Правда, было немного больно...

Из толпы донесся истошный крик.

– Демократия в действии, – с довольным видом констатировал Лю-Цзе.

Он поднял взгляд.

Разгоревшийся над миром пожар почти погас. Интересно, кто победил?

Впереди виднелся яркий голубой свет, а за спиной мерцало что-то тусклое, темно-красное. Самое странное, Сьюзен видела и то и другое, не открывая глаз и не поворачивая головы. А вот себя она не видела – ни с открытыми, ни с закрытыми глазами. Лишь слабое пожатие ее... это называлось, кажется, пальцы?.. напоминало ей о том, что сейчас она нечто большее, нежели просто точка зрения.

И чей-то смех совсем рядом.

– Как говорил метельщик, сначала нужно найти учителя, а уж потом ты обретишь Путь, – сообщил голос.

– Ну и? – спросила Сьюзен.

– Вот мой Путь. Путь домой.

А потом раздался звук – очень примитивный и совсем не романтический. Джейсон любил так играть с линейкой – он клал ее на край парты, а потом поднимал и отпускал ее другой конец. В общем, раздался такой вот звук, и путешествие закончилось.

Впрочем, возможно, оно даже и не начиналось. Сверкающие стеклянные часы стояли прямо перед Сьюзен. Голубое свечение внутри их погасло. Сейчас это были просто часы, абсолютно прозрачные и мирно тикающие.

Сьюзен посмотрела вдоль своей руки, а потом вдоль его руки на Лобсанга. Он отпустил ее ладонь.

– Мы на месте, – сказал он.

– А часы?.. – спросила Сьюзен, вдруг осознав, что глубоко и часто дышит, пытаюсь восстановить дыхание.

– Это лишь часть часов, – объяснил Лобсанг. – *Другая часть.*

– Которая находится вне нашей вселенной?

– Да. У часов много измерений. Не надо бояться.

– В жизни никогда и ничего не боялась, – все еще пытаюсь отдышаться, буркнула Сьюзен. – Я не пугаюсь. Скорее, начинаю злиться. Вот и сейчас со мной происходит нечто подобное. Ты Лобсанг или Джереми?

– Да.

– Ага, спасибо. Сама нарвалась. Ты Лобсанг и ты Джереми?

– Уже ближе. Всегда будут помнить их обоих. Но я предпочел бы, чтобы ты называла меня Лобсангом. У Лобсанга более приятные воспоминания. Мне никогда не нравилось имя Джереми, даже когда я был Джереми.

– Ты правда они оба?

– Надеюсь, я лучшее, что в них было. Они были такими разными, и оба были мной, родившимся два раза с промежутком в одно мгновение. И оба в одиночку были весьма несчастны. Наводит на мысль: так ли уж не права астрология?

– Не сомневайся, в ней неправоты хватает, – уверила Сьюзен. – И обманов, и выдачи желаемого за действительное, и сознательного введения в заблуждение.

– Ты никогда не сдаешься, да?

– Вроде пока не собираюсь.

– Почему?

– Ну, наверное, по одной простой причине. Когда все вокруг паникуют, должен же найтись хоть кто-то, способный взять себя в руки и вылить мочу из туфли.

Часы тикали. Маятник раскачивался. Но стрелки не двигались.

– Занятно, – кивнул Лобсанг. – Кстати, ты, случайно, не последовательница Пути госпожи Космопилит?

– Я даже не знаю, кто она такая, – ответила Сьюзен.

– Уже отдышалась?

– Да.

– Тогда поворачиваем.

Личное время снова начало отсчет, как вдруг откуда-то сзади донесся чей-то голос:

– Прошу прощения, это, случаем, не ваше?

Появилась стеклянная лестница. Наверху стоял мужчина, одетый точь-в-точь как исторический монах, а также с бритой головой и в сандалиях. Его взгляд говорил о многом. Госпожа Ягг была права, описав его как

молодого человека, слишком долго бывшего юношей.

Он держал за шиворот отчаянно отбивавшегося Смерть Крыс.

– Э... Он сам по себе, – сказала Сьюзен, а Лобсанг поклонился.

– Тогда, пожалуйста, заберите его с собой. Мы не можем позволить ему шнырять тут. Привет, сынок.

Лобсанг подошел к нему, и они обнялись – коротко и формально.

– Отец, – сказал, выпрямившись, Лобсанг. – Это Сьюзен. Она очень помогла мне.

– Не сомневаюсь. – Монах улыбнулся Сьюзен. – Она – само олицетворение готовности помочь.

Он поставил Смерть Крыс на пол и легонько подтолкнул вперед.

– О да, я очень надежный человек, – сказала Сьюзен.

– И невероятно саркастический, – добавил монах. – Я – Когд. Спасибо, что к нам присоединились. И помогли нашему сыну найти себя.

Сьюзен переводила взгляд с сына на отца. Слова и жесты были высокопарными и холодными, но она чувствовала, что между ними происходит обмен информацией, в котором она не способна принять участие, и этот процесс куда быстрее речи.

– Разве мы не должны попытаться спасти мир? – спросила она. – Конечно, я никого не хочу торопить...

– Я должен сделать еще кое-что, – ответил Лобсанг. – Встретиться с матерью.

– А у нас есть на это вре... – Сьюзен замолчала, а потом добавила: – Ну конечно есть. Все время мира.

– О нет, – возразил Когд. – Гораздо больше. И еще чуть-чуть, чтобы спасти мир.

Появилась Время. Снова создалось впечатление, что неясный силуэт, возникший в воздухе, состоит из миллионов частичек, которые сливаются воедино, заполняя форму в пространстве. Сначала медленно... а потом вдруг появилась она.

Это была молодая женщина, достаточно высокая, темноволосая, одетая в длинное красно-черное платье. Сьюзен показалось по выражению ее лица, что она недавно плакала. Но сейчас Время улыбалась.

Когд взял Сьюзен за руку и вежливо отвел в сторону.

– Им нужно поговорить, – сказал он. – Может, прогуляемся?

Комната исчезла. Превратилась в парк с павлинами, фонтанами и каменной, поросшей мхом скамьей.

Лужайки тянулись до самого леса и выглядели ухоженными, как в поместье, за которым тщательно следили многие сотни лет, и все, что тут

произрастало, было нужно и росло в нужном месте. С макушки на макушку деревьев порхали птицы с длинными хвостами, оперение которых своим блеском напоминало россыпь ювелирных украшений. Из глубины леса доносилось пение других птиц.

Прямо на глазах у Сьюзен на край фонтана сел зимородок. Глянув на нее, он снова поднялся в воздух, захлопав крыльями, как крошечными веерами, и улетел прочь.

– Послушайте, – сказала Сьюзен. – Я не... Я не... Послушайте, я *понимаю*, что происходит. Действительно понимаю. У моего дедушки тоже есть парк, абсолютно черный. Но Лобсанг собрал часы! Ну, не он сам, но его часть. Значит, он спасает мир и разрушает его одновременно?

– Семейная черта, – ответил Когд. – Именно этим и занимается Время каждое следующее мгновение.

Он посмотрел на Сьюзен, как учитель – на прилежную, но глуповатую ученицу.

– Попробуй взглянуть с другой стороны, – сказал он. – Думай обо всем сразу. «Всё» – какое обыденное слово... Но «всё» значит... всё. Это гораздо больше, чем вселенная. И всё содержит все возможные события, которые могут произойти в любое время во всех существующих мирах. Не пытайся искать идеальные решения для отдельных проблем. Рано или поздно всё становится причиной всего остального.

– Вы хотите сказать, что один маленький мирок не имеет значения? – спросила Сьюзен.

Когд махнул рукой, и на камне появились два бокала с вином.

– Всё имеет ровно такое же значение, как и всё остальное, – промолвил он.

Сьюзен поморщилась.

– Знаете, именно поэтому мне никогда не нравились философы, – отозвалась она. – По их словам, все легко и просто, но стоит только выйти в реальный мир, как мгновенно сталкиваешься с *трудностями*. Сами посмотрите вокруг. Готова поспорить, что эти лужайки нужно пропалывать, фонтаны – чистить, а павлины теряют перья и портят клумбы... ну, или они не настоящие павлины.

– Нет, здесь все настоящее, – уверил Когд. – По крайней мере, не менее настоящее, чем все остальное. Но это есть идеальный миг. – Он снова улыбнулся Сьюзен. – И на его фоне столетия меркнут, склоняя головы.

– Я предпочла бы более осязаемую, гм, философию, – парировала Сьюзен и сделала глоток вина. Оно было идеальным.

– Разумеется. Я и не сомневался. Ты цепляешься за логику, как

моллюск – за скалу во время шторма. Что ж, попробую сформулировать более конкретные советы... Защищай то, что мало, не бегай с ножницами и помни: всегда есть шанс на неожиданную конфетку. – Когд улыбнулся. – И никогда, никогда не упускай идеальный момент.

Ветер донес брызги от фонтана до их бокалов. Это длилось буквально миг. Когд поднялся.

– Что ж, по-моему, встреча между моей женой и моим же сыном завершилась, – сказал он.

Парк потускнел и пропал. Каменная скамья растаяла как туман, как только Сьюзен поднялась с нее, хотя до этого момента казалась твердой, гм, как камень, которым, по сути, она и была. Бокал исчез из ее руки, оставив только воспоминания о своем присутствии в пальцах и вкус вина во рту.

Лобсанг стоял перед часами. Времени нигде не было видно, но тон звучащей в комнате мелодии изменился.

– Она счастлива, – сообщил Лобсанг. – Она теперь свободна.

Сьюзен огляделась. Вместе с парком исчез и Когд. Не осталось ничего, кроме уходивших в бесконечность стеклянных комнат.

– Ты не захотел поговорить со своим отцом? – спросила Сьюзен.

– Потом. Время еще будет, – промолвил Лобсанг. – Уж я-то об этом позабочусь.

То, как он это сказал, осторожно роняя слова в пространство, заставило ее оглянуться.

– Ты собираешься взять все на себя? – удивилась она. – Стать Временем?

– Да.

– Но ты ведь почти человек!

– И что?

Лобсанг улыбнулся, в точности как его отец. Это была снисходительная улыбка бога. Сьюзен такие вот улыбочки просто бесили.

– А что находится во всех этих комнатах? – сменила тему она. – Ты это знаешь?

– Тут хранится идеальный миг. В каждой из них. Удлеплекс удлеплексов идеальных миггов.

– А я вот не уверена, что идеальный миг вообще существует, – буркнула Сьюзен. – Ну что, теперь мы можем вернуться домой?

Лобсанг, обмотав кулак полый рясы, ударил по стеклу передней стенки часов. Оно разбилось, и осколки посыпались на землю.

– Когда окажемся на другой стороне, – произнес он, – не останавливайся и не оборачивайся. Будет много осколков.

– Я попытаюсь спрятаться за скамейками, – пообещала Сьюзен.

– Скорее всего, их не будет.

– ПИСК?

Смерть Крыс забрался на часы и весело смотрел на них сверху вниз.

– А с ним что будем делать? – спросил Лобсанг.

– Он сам о себе позаботится, – ответила Сьюзен. – О нем можешь не беспокоиться.

Лобсанг кивнул.

– Возьми меня за руку, – сказал он. Она послушалась.

Свободной рукой Лобсанг схватил маятник и остановил часы. В мире разверзлась сине-зеленая дыра.

Обратный путь был гораздо быстрее, но, когда мир снова обрел свое существование, Сьюзен вдруг поняла, что плывет в воде. В коричневой, грязной и воняющей гнилыми растениями. Преодолевая сопротивление намокшего платья, Сьюзен всплыла на поверхность и огляделась по сторонам, пытаясь понять, куда ее занесло.

Солнце, как пригвожденное, висело на небе. Воздух был тяжел и влажен, а еще за ней с расстояния всего нескольких футов наблюдала пара ноздрей.

Сьюзен была воспитана практичной девушкой, и это подразумевалось, что ее научили плавать. В данной области Щеботанский колледж для молодых барышень был весьма передовым учебным заведением, и наставницы, работающие там, считали, что барышня, которая не может проплыть в одежде как минимум две дистанции, просто плохо старается. Благодаря тамошним педагогам Сьюзен научилась плавать четырьмя стилями и освоила несколько видов искусственного дыхания, а поэтому в воде чувствовала себя как рыба. Она даже знала, что нужно делать, если окажешься в одном водоеме с гиппопотамом, а именно – срочно найти другой водоем. Гиппопотамы только с расстояния выглядят большими и симпатичными. А вблизи они просто большие.

Сьюзен призвала себе на помощь всю унаследованную мощь смертоносного голоса плюс навыки школьной учительницы младших классов и заорала:

– А НУ, ПРОВАЛИВАЙ!

Существо в отчаянии забарахталось, пытаясь развернуться, а Сьюзен поплыла к берегу. Которого как такового не было: вода переходила в сушу серией песчаных отмелей, засасывающих илстых луж, переплетенных корней деревьев и болотин. Насекомые тучами летали над головой, а потом...

...А потом появились скользкие булыжники под ногами, а из тумана донесся грохот копыт...

...А потом возник лед, громоздящийся на мертвые деревья...

...А потом ее за руку взял Лобсанг.

– Я нашел тебя, – сказал он.

– Ты только что уничтожил историю, – сказала Сьюзен. – Перевернул все с ног на голову!

Она была весьма шокирована встречей с гиппопотамом. Никогда не подозревала, что рот может быть настолько зловонным, большим и глубоким.

– Знаю. Мне пришлось так поступить. Другого выхода не было. Ты, случаем, не знаешь, где сейчас Лю-Цзе? Я спрашиваю потому, что Смерть может найти любое живое существо, а ты, ну, как бы...

– Да-да, хватит оправдываться, – мрачно перебила Сьюзен.

Она вытянула руку и сосредоточилась. В ее руке начал обретать форму жизнеизмеритель Лю-Цзе. Она вдруг вспомнила, какой он на самом деле тяжелый.

– Лю-Цзе всего в нескольких сотнях ярдов. Вон там, – сообщила она, показывая на скованный морозом сугроб.

– А я знаю, когда он сейчас, – ответил Лобсанг. – Ровно в шестидесяти тысячах лет от нас. Поэтому...

Лю-Цзе, когда его нашли, спокойно разглядывал гигантского мамонта. Косматый лоб животного морщился в несказанных муках. Мамонт пытался смотреть на Лю-Цзе, и одновременно с этим три клетки его мозга судорожно решали наисложнейшую проблему: растоптать монаха или просто вышвырнуть из скованного льдом пейзажа. Одна клетка говорила «растоптать», вторая – «выкинуть», а третья отвлеклась и думала о разнузданном сексе.

– Значит, ты никогда не слышал о Правиле Номер Один... – промолвил Лю-Цзе, обращаясь к его хоботу.

Рядом с ним из пустоты появился Лобсанг.

– Метельщик, нам пора уходить!

Появление Лобсанга, судя по всему, нисколько не удивило Лю-Цзе, хотя ему явно не понравилось то, что его отвлекли.

– Не стоит торопиться, чудо-отрок, – возразил он. – У меня все под контролем...

– А где ее светлость? – спросила Сьюзен.

– За сугробом, – ответил Лю-Цзе, показывая большим пальцем направление и одновременно пытаясь пересмотреть пару разнесенных на

пять футов глаз. – Когда эта штука появилась, она заорала и подвернула ногу. Видите, видите? Похоже, я заставил его забеспокоиться...

Сьюзен обошла сугроб и подняла Едину на ноги.

– Пошли, мы уходим, – резко приказала она.

– Я видела, как ему отрубили голову! – бессвязно забормотала Едина. – А потом мы вдруг оказались здесь!

– Да, такое иногда случается, – согласилась Сьюзен.

Едина уставилась на нее выпученными глазами.

– Жизнь полна сюрпризов, – пояснила Сьюзен, но замолчала, вдруг поставив себя на место бедняжки.

Она была одной из *этих*, просто надела на себя... Вернее, она сначала надела на себя тело, ну, скажем, как пальто, а потом... В конце концов, так ведь можно сказать о *любом* человеке, не правда ли?

Сьюзен уже думала о том, во что превращается человеческая душа, оторванная от тела. Может, в некое подобие Аудитора? Но это означало, что Едина, с каждой минутой все крепче соединявшаяся со своей плотью, становится неким подобием человека. Причем эти же слова относятся и к Лобсангу, и к самой Сьюзен. Кто знает, где начинается и где заканчивается человеческая природа?

– Пошли, – повторила она. – Мы должны держаться вместе, верно?

Подобно пронзающим воздух осколкам стекла, обломки истории разлетались во все стороны, сталкиваясь и пересекаясь во тьме.

Впрочем, был один маяк. Долина Ой-Донг снова и снова переживала постоянно повторяющийся день. В огромном зале, откуда ушло все время, замерли гигантские цилиндры. Одни раскололись. Другие расплавились. Третьи взорвались. Некоторые просто исчезли. Но один еще вращался.

Большой Танда, самый старый и большой Ингибитор, медленно вращался на базальтовом подшипнике, наматывая время с одной стороны и разматывая с другой, обеспечивая, как завещал Когд, нескончаемый идеальный день. Рамбут Рукопут сидел в зале в одиночестве, смотрел при свете масляной лампы на вращающийся цилиндр и изредка бросал пригоршню смазки в основание.

Звук какого-то глухого удара заставил его, прищурившись, посмотреть в темноту. Воздух был тяжелым от раскаленного камня. Снова раздался стук, потом шорох, и вспыхнула спичка.

– Лю-Цзе? – окликнул Рукопут. – Это ты?

– Надеюсь, Рамбут, но кто знает, в наше-то время? – Лю-Цзе вышел из темноты в круг света и сел. – Что, не дают тебе отдохнуть, да?

Рукопут вскочил на ноги.

– Просто ужас, метельщик! Все собрались в зале Мандалы! Всё еще хуже, чем при Великом Крахе! Куски истории валяются повсюду, и мы потеряли половину маховиков! Мы никогда не сможем собрать все...

– Ладно-ладно, ты выглядишь усталым, – добродушно махнул рукой Лю-Цзе. – Не выспался, да? Знаешь что, я посижу здесь, а ты вздремни, договорились?

– Мы думали, что ты пропал – там, во внешнем мире, а... – пробормотал монах.

– А теперь я вернулся. – Лю-Цзе улыбнулся и похлопал его по плечу. – Та ниша за углом, где ремонтируют маховики поменьше, еще действует? А спрятанные койки на тот случай, если в ночную смену даже двое со всем управятся?

Рукопут с виноватым видом кивнул. Лю-Цзе не должен был знать о койках.

– Тогда ступай, – сказал Лю-Цзе, проводил монаха взглядом и добавил едва слышно: – А когда проснешься, возможно, окажешься самым удачливым идиотом на свете. Ну, чудо-отрок, что дальше?

– Мы все восстановим, – ответил, выходя из темноты, Лобсанг.

– Знаешь, сколько времен ушло на это в прошлый раз?

– Да, – кивнул Лобсанг, окинул взглядом полуразрушенный зал и направился к галерее. – Думаю, сегодня я управлюсь гораздо быстрее.

– Что-то я не слышу уверенности в твоём голосе, – хмыкнула Сьюзен.

– Я... уверен, – повторил Лобсанг, касаясь пальцами катушек на панели.

Лю-Цзе предостерегающе вскинул руку. Разум Лобсанга уже находился на полпути в иной мир, и Сьюзен оставалось только гадать, где этот иной мир и насколько он огромен. Глаза Лобсанга были закрыты.

– Маховики... которые остались целыми, – вдруг промолвил он. – Ты сможешь установить перемычки?

– Я могу показать дамам, как это делается, – вызвался Лю-Цзе.

– А что, нет монахов, которые это умеют? – спросила Едина.

– Понадобится слишком много времени, чтобы наладить всю работу. Я – ученик метельщика. Они будут бегать кругами и задавать ненужные вопросы, – сказал Лобсанг. – А вы нет.

– В этом он абсолютно прав, – подтвердил Лю-Цзе. – Люди сразу примутся вопить: «А какой в этом смысл?!» и «Хотю койку!»... Так у нас ничего не выгорит.

Лобсанг опустил взгляд на катушки, потом посмотрел на Сьюзен.

– Представь себе разрушенный на мелкие фрагменты пазл. Но я...

очень хорошо умею соединять в уме края и формы. *Очень* хорошо. Сейчас все фрагменты пребывают в движении. Но они были связаны между собой и по своей природе сохранили воспоминания об этой связи. Память – в их форме. Стоит установить лишь несколько из них в нужное положение, и задача значительно упростится. О... А еще представь, что фрагменты разбросаны по всем возможным ситуациям и перемешаны с кусочками других историй. Можешь осмыслить все это?

– Да, думаю, да.

– Отлично. Все только что тобой услышанное – полная чушь. Она не имеет никакого отношения к истинной ситуации. Но это ложь, которую ты, как мне кажется, сможешь понять. А потом, когда все закончится...

– Ты ведь уйдешь, – сказала Сьюзен. И это был не вопрос.

– У меня не хватит сил остаться, – промолвил Лобсанг.

– Тебе нужны силы, чтобы остаться человеком? – спросила Сьюзен.

Она и не думала, что ее сердце способно двигаться в груди, но сейчас оно падало куда-то вниз.

– Да. Свести свою способность мыслить к каким-то четырем измерениям... это невероятный труд. Очень сложно заставить разум воспринимать такое элементарное понятие, как «сейчас». Я считал себя большей частью человеком. Оказалось, что это не так. – Он вздохнул. – Если бы я только мог объяснить тебе, каким я вижу этот мир... Как он прекрасен...

Лобсанг уставился в пустоту над деревянными катушками. Возникло мерцание. Появились сложнейшие спирали и кривые – режущие глаз, ослепительные на фоне темноты.

Он словно смотрел на разобранные часы, все шестерни и пружины которых были аккуратно разложены в темноте перед его глазами. Разобранные, управляемые, понятные до мельчайших деталей, но некоторые из таких маленьких, но очень важных деталей разлетелись, раскатились по огромной комнате. И вычислить, где именно они приземлились, мог только очень умный и знающий человек.

– У тебя осталось не больше трети маховиков, – услышал он голос Лю-Цзе. – Остальные разрушены.

Лобсанг не мог его видеть. Перед его глазами были только мерцающие картинки.

– Ты... прав, но когда-то они были целыми, – сказал он.

Поднял руки и опустил их на катушки.

Сьюзен обернулась на вдруг раздавшийся скрежет и увидела поднимающиеся из праха каменные колонны, ряд за рядом, ряд за рядом.

Они вставали, как выстроившиеся в шеренги солдаты, усыпая пол обломками.

– Отличный фокус! – крикнул Лю-Цзе в ухо Сьюзен. – Он направил время прямо в маховики! Теоретически это возможно, но ни разу не получалось!

– Тебе известно, что он задумал? – крикнула в ответ Сьюзен.

– Да! Он собирается отозвать немного времени из фрагментов истории, которые далеко опередили остальные, и направить его в те фрагменты, которые безнадежно отстали.

– Вроде звучит просто!

– Да, но есть одна проблема!

– Какая?

– Это невозможно! Потери! – Лю-Цзе щелкнул пальцами, пытаясь объяснить динамику времени непосвященной. – Трение! Дивергенция! Все прочее! Нельзя создать время на маховиках, можно только перенаправить его...

Ярко-синий ореол появился вокруг Лобсанга. Искры пробежали по панели, потом дугами разлетелись по залу, добравшись до всех Ингибиторов. Они растекались по их поверхностям между выгравированными в камне символами, налипали на Ингибиторы, образуя все новые и новые слои, словно нитки наматывались на бобину.

Лю-Цзе посмотрел на вихрящийся свет, на тень внутри его, почти незаметную из-за ослепительного свечения.

– ...По крайней мере, это *было* невозможно, – сказал он. – До сегодняшнего дня.

Маховики раскрутились до рабочей скорости, а потом, подстегиваемые светом, стали вращаться еще быстрее. Свет вливался в пещеру сплошным нескончаемым потоком.

Пламя появилась у основания ближайшего цилиндра. Камень начал накаляться, подшипник пронзительно завизжал, наполнив пещеру воплем отчаяния.

Лю-Цзе покачал головой:

– Сьюзен, тащи ведра с водой от колодца! А ты, госпожа Едина, подноси смазку.

– А ты что будешь делать? – спросила Сьюзен, схватив два ведра.

– Очень сильно переживать! И это, поверь, совсем не простое занятие!

Пара становилось все больше, в воздухе витал запах горящего масла. Оставалось только таскать воду из колодцев и поливать ближайшие подшипники, ни на что больше времени не было.

Маховики вращались взад и вперед. О перемычках можно было забыть. Пережившие крушение хрустальные стержни бесцельно висели на крючьях, а время металось между Ингибиторами в виде то красных, то синих лучей. Лю-Цзе понимал: такое зрелище могло привести в ужас до дрожи в кнопках даже самого хорошо обученного надсмотрщика за маховиками. Это походило на вырвавшийся из-под контроля каскад, но контроль существовал, и с его помощью словно создавался огромный, неподвластный воображению узор.

Скрипели подшипники. Пузырилось масло. Основания некоторых маховиков начали дымиться. Но разрушений не было. И Лю-Цзе знал, кто именно не давал им случиться.

Он поднял взгляд на регистры. Панели сновали взад и вперед, контролируя линии синих, красных или бесцветных деревянных заслонок на стене пещеры. Появились клубы белого дыма – это начали перегреваться деревянные подшипники.

Прошрое и будущее непрерывным потоком струилось по воздуху. Метельщик чувствовал это.

На площадке стоял объятый светом Лобсанг. Он уже не касался катушек. Все происходило совершенно на ином уровне, и всякая нужда в грубых механизмах отпала.

«Укротитель львов, – подумал Лю-Цзе. – Сначала ему требуются помощники и кнуты, но если он будет действительно хорош, то настанет день, когда он сможет войти в клетку и выполнить номер при помощи только взгляда и голоса. Но лишь в том случае, если он будет действительно хорош, а все поймут, что он действительно хорош, потому что, когда он выйдет из клетки...»

Лю-Цзе перестал метаться между рядами грохочущих цилиндров. Звук вдруг изменился.

Один из больших маховиков стал вращаться медленнее. Прямо на глазах у Лю-Цзе он остановился. Совсем. Лю-Цзе побежал по пещере в поисках Сьюзен и Едины. Прежде чем он успел найти их, остановились еще три маховика.

– У него получается! Получается! Бегите! – закричал он.

С грохотом, от которого задрожал пол, остановился еще один маховик.

Втроем они бросились к концу пещеры, где вращались маховики поменьше, но и они уже начали останавливаться. Друг за другом маховики замирали, этот эффект домино обгонял бегущих людей, которые добрались до самых маленьких меловых маховиков как раз в тот момент, когда замерли и они.

Воцарилась тишина, которую нарушало только шипение масла и потрескивание остывающих камней.

– Все кончилось? – спросила Едина, вытирая пот со лба рукавом платья и оставляя на коже след блесток.

Лю-Цзе и Сьюзен посмотрели на зарево в противоположном конце пещеры, потом – друг на друга.

– Мне... так... не... кажется, – произнесла Сьюзен. Лю-Цзе кивнул.

– Я думаю, все только...

Потоки зеленого света протянулись от маховика к маховику и замерли, жесткие, как стальные прутья. Волны света метались между колоннами, сотрясая воздух раскатами грома. По пещере взад и вперед прокатилась волна сложных переключений.

Скорость происходящего постоянно возрастала. Раскаты грома слились в непрерывную дробь оглушительного грохота. Потоки света стали еще ярче и толще, заполнив пещеру одним огромным, нестерпимо сверкающим облаком...

Которое вдруг исчезло. Грохот стих так резко, что сама тишина, казалось, нестерпимо звенела.

Лю-Цзе, Сьюзен и Едина медленно поднялись на ноги.

– Что *это* было? – спросила Едина.

Маховики оставались неподвижными. Воздух вокруг раскалился. Пар и дым заполняли верхнюю часть пещеры.

Затем, повинувшись порядку, который установило человечество в своей извечной борьбе со временем, маховики начали брать на себя нагрузку.

Процесс был плавным, как дуновение ветерка. Маховики, начиная с самых маленьких, стали распределять напряжение между собой, и скоро даже самые большие из них принялись выполнять медленные тяжеловесные пируэты.

– Великолепно, – похвалил Лю-Цзе. – Готов поспорить, все почти так же хорошо, как прежде.

– Только почти? – спросила Сьюзен, стирая масло с лица.

– Ну, он все-таки отчасти человек, – пояснил метельщик.

Они повернулись к галерее, но никого на ней не увидели. Конечно, он ослабел. Конечно, такое могло лишить сил кого угодно. Конечно, ему нужно было отдохнуть. Конечно.

– Он ушел, – сказала она ничего не выражающим голосом.

– Кто знает? – откликнулся Лю-Цзе. – Ведь написано: «Никогда не знаешь, что может произойти дальше».

Успокаивающе мягко грохотали Ингибиторы. Лю-Цзе чувствовал

потоки времени в воздухе. Они воодушевляли и придавали сил, как морской воздух. «Нужно проводить здесь больше времени», – подумал он.

– Он разрушил историю и восстановил ее, – произнесла Сьюзен. – Стал причиной и способом устранения проблемы. В этом нет никакого смысла!

– В четырех измерениях – нет, – подтвердила Едина. – А вот в восемнадцати этот смысл очевиден.

– Что ж, дамы, могу ли я сейчас предложить вам удалиться через заднюю дверь? – вмешался в их спор Лю-Цзе. – Буквально через минуту сюда прибежит целая толпа людей, все будут возбуждены и взволнованы. Лучше будет, если вы покинете это место.

– А что будешь делать ты? – спросила Сьюзен.

– Врать, – с довольным видом ответил Лю-Цзе. – Вы удивитесь, узнав, как часто это меня выручало.

...ик

Сьюзен и Едина вышли наружу через дверцу в склоне горы. Сквозь заросли рододендронов вилась тропка, ведущая к краю долины. Солнце клонилось к горизонту, но воздух, несмотря на близость заснеженных равнин, был теплым.

С гребня скалы, нависающей над краем долины, низвергалась вода. Водопад был настолько высоким, что водный поток, падая с утеса, превращался в некое подобие дождя. Сьюзен присела на камень и стала ждать.

– До Анк-Морпорка очень далеко, – сказала Едина.

– Нас подкинут, – ответила Сьюзен. На небе зажигались первые звезды.

– Звезды очень красивые, – промолвила Едина.

– Ты действительно так думаешь?

– Пытаюсь этому научиться. Люди считают их красивыми.

– Все дело в том... Я хочу сказать, иногда ты смотришь на вселенную и начинаешь думать: «А как же я?», и слышишь, как вселенная отвечает тебе: «А что ты?»

Едина, казалось, обдумала ее слова.

– Ну так и что? Что ты?

Сьюзен вздохнула.

– Вот именно, – кивнула она и снова вздохнула. – Нельзя думать об одном человеке, когда спасаешь весь мир. Нужно быть хладнокровной,

расчетливой сволочью.

– Мне кажется, ты кого-то цитируешь, – нахмурилась Едина. – И кого именно?

– Одну полную идиотку, – сказала Сьюзен. – Кстати, мы не всех уничтожили. Здесь еще остались Аудиторы.

– Это не имеет значения, – спокойно заявила Едина. – Посмотри на солнце.

– И что?

– Оно *садится*.

– И?

– А это значит, что время течет по всему миру. Тело потребует своего, Сьюзен. Очень скоро мои... мои обращенные в бегство растерянные бывшие коллеги почувствуют усталость. Они вынуждены будут заснуть.

– Я тебя понимаю, но...

– Я безумна и знаю это. Но, впервые почувствовав это, я испытала ужас, который невозможно передать словами. Можешь представить, что я ощутила? Разум, существовавший в течение миллиардов лет, вдруг оказался в теле, которое было не более чем приматом, который развился из крысы, которая развилась из ящерицы? Можешь представить, какие неконтролируемые мысли поднялись из темных закоулков разума?

– Что ты хочешь мне сказать?

– Заснув, они умрут.

Сьюзен задумалась над этим. Миллионы и миллионы лет спокойного логического мышления, и вдруг на тебя наваливается все темное прошлое человечества. Причем сразу, в один миг. Ей стало их почти жалко. Почти.

– Но ты-то не умерла.

– Нет. Думаю, я изменилась. И, Сьюзен, мне пришлось многое пережить, чтобы измениться. Кстати, у тебя, случаем, не возникло никаких романтических надежд по отношению к тому юноше?

Вопрос возник из ниоткуда, и защиты от него не было. Лицо Едины не выражало ничего, кроме искренней обеспокоенности.

– Нет, – ответила Сьюзен.

К сожалению, Едина еще не овладела всеми тонкостями людской беседы, например такими, когда сам тон говорит: «Перестань задавать вопросы на эту тему, или чтоб тебя огромные крысы жрали и днем и ночью!»

– А вот у меня, признаюсь, возникали к нему всякие странные чувства... Ну, когда он был часовщиком. Иногда, улыбаясь, он становился совсем нормальным, обычным. Мне хотелось ему помочь, потому что он

был таким замкнутым и печальным.

– Ты вовсе не обязана признаваться в подобных чувствах, – резко оборвала ее Сьюзен. – Кстати, откуда ты знаешь слово «романтический»?

– Прочла несколько книг стихотворений, – очень правдоподобно смутилась Едина.

– Правда? Никогда не верила в стихи, – буркнула Сьюзен.

Огромные, нет, просто гигантские, *голодные* крысы.

– А мне поэзия показалась занятой. Как могут напечатанные на бумаге слова обладать такой властью? Быть человеком очень, очень трудно, и за одну жизнь этим искусством никогда не овладеть, – с печалью в голосе промолвила Едина.

На Сьюзен накатила волна сострадания. В конце концов, Едина-то ни в чем не виновата. Взрослея, люди учатся всему тому, чего в книжках не прочтешь. А у нее не было шанса повзрослеть.

– Что собираешься делать дальше? – спросила Сьюзен.

– У меня есть одно вполне человеческое стремление, – ответила Едина.

– Ну, если чем-нибудь могу тебе помочь... Эта фраза была чем-то сродни «Как поживаете?», то есть к ней не следовало относиться как к прямому предложению помощи. Но Едина, конечно же, этого не знала.

– Спасибо. Ты, несомненно, можешь мне помочь.

– Гм, да, конечно, если...

– Я хочу умереть.

И тут из заката вынырнули скачущие галопом всадники.

Тик

В городе тлели кучи мусора, немного разгоняя ночную тьму. Многие дома были полностью разрушены, хотя Сото казалось, что более точным было определение «измельчены».

Он сидел на тротуаре рядом с миской для милостыни и внимательно за всем наблюдал. Конечно, будучи истинным историческим монахом, он знал куда более сложные и интересные способы оставаться незаметным, но миску для милостыни он стал использовать с тех самых пор, как Лю-Цзе продемонстрировал ему, что люди никогда не замечают тех, кто просит у них денег.

Он смотрел, как спасатели выносят тела из дома. Сначала они подумали, что один человек был ужасно изуродован взрывом, пока тот не сел и не объяснил, что он Игорь и чувствует себя, для Игоря, вполне

великолепно. Второй, в котором он узнал доктора Хопкинса из Гильдии Часовщиков, чудесным образом оказался невредимым.

Сото, однако, не верил в чудеса. Кроме того, у него возникли некоторые подозрения по поводу того, что полуразрушенный дом оказался битком набитым апельсинами, из которых доктор Хопкинс, судя по его бессвязной болтовне, пытался извлечь солнечный свет. А еще доктор постоянно твердил о своих маленьких счетах: мол, они подсказывают ему о том, что произошло какое-то грандиозное событие.

Так или иначе, Сото решил написать подробный отчет и послать его куда следует, а уж там, в Ой-Донге, пусть разбираются.

Сото поднял с земли миску и побрел по темным переулкам в сторону своей штаб-квартиры. Теперь он даже не пытался скрываться – пребывание в городе Лю-Цзе многому научило обитателей темных городских подворотен, причем очень быстро и надолго. Теперь все жители Анк-Морпорка знали, в чем заключается самое Первое Правило.

Ну, почти все. Из темного проулка вдруг вынырнули три фигуры, и одна из них набросилась на него с тесаком, который снес бы Сото полголовы, не успей он пригнуться.

Разумеется, к подобным ситуациям Сото привык. На улицах всегда можно встретить тугодумов, но, как правило, ни один из них не представлял опасности. Во всяком случае, такой, которую нельзя было бы устранить при помощи самой элементарной нарезки времени.

Сото выпрямился, чтобы развернуться и мирно удалиться, но тут ему на плечо упала тяжелая прядь темных волос, которая затем, скользнув по его одежде, спланировала на мостовую. Все произошло бесшумно, однако выражение лица Сото, когда он, оторвав от пряди взгляд, посмотрел на нападавших, заставило их попятиться.

Сквозь кроваво-красную пелену гнева он заметил, что все они одеты в заляпанные грязью серые костюмы и выглядят немного более безумными, чем обычные обитатели переулков. Эти необычные бандиты больше смахивали на чокнутых бухгалтеров.

Один из «бухгалтеров» протянул руку к миске для милостыни.

В жизни каждого человека существуют некие условия, своего рода не высказанные вслух дополнения к правилам, типа «ну, если только это будет действительно необходимо» или «ну, если никто не будет смотреть», а также, разумеется, «если первая окажется с нугой». Многие века Сото безоговорочно верил в священность права на жизнь и бесполезность насилия в любом его проявлении, но его личным условием было: «Только не волосы. Волосы мы не трогаем, понятно?»

Но даже в подобном случае каждый имеет право на *шанс*.

Нападавшие попятились, когда он метнул миску в стену ближайшего дома. Потайные лезвия воткнулись глубоко в дерево.

А потом миска начала тикать.

Сото бросился прочь по переулку, забежал за угол и крикнул:

– Ложись!

К несчастью для Аудиторов, он опоздал на какую-то долю секунды...

Тик

Лю-Цзе находился в саду Пяти Неожиданностей, когда воздух перед ним вдруг замерцал, распался на фрагменты, а затем сложился в некие знакомые очертания. Лю-Цзе даже вынужден был отвлечься от занятий с поющим йодлем палочником, который упрямо отказывался от еды.

На тропинке стоял Лобсанг. Юноша был одет в черный, усеянный звездами плащ, который развевался вокруг него так, словно Лобсанг находился в самом эпицентре бури, хотя утро было безветренным. Впрочем, Лю-Цзе вполне допускал, что там, рядом с Лобсангом, погода была весьма бурной.

– Что, вернулся, чудо-отрок? – спросил метельщик.

– В некотором смысле я и не уходил, – ответил Лобсанг. – У тебя все в порядке?

– А ты не знаешь?

– Мог бы узнать. Но часть меня вынуждена вести традиционный образ жизни.

– Ну, у настоятеля, конечно, возникли серьезные подозрения по поводу меня, а кроме того, по монастырю ходят всякие необычные слухи. Я почти ничего и не объяснял. Ну что я могу знать? Ведь я всего лишь метельщик.

Сказав это, Лю-Цзе снова повернулся к заболевшему насекомому. Он успел досчитать до четырех, прежде чем услышал голос Лобсанга.

– Пожалуйста, мне очень нужно знать. Мне кажется, Пятая Неожиданность – это ты сам. Я прав?

Лю-Цзе наклонил голову. Низкий звук, который он слышал так долго, что уже и перестал замечать, вдруг изменил свою тональность.

– Маховики раскручиваются, – промолвил он. – Почувствовали твое присутствие.

– Я не задержусь надолго, о метельщик. Пожалуйста, скажи.

– Так не терпится узнать мой маленький секрет?

– Да. Почти все остальное я выяснил.

– Но ты – Время. То, что я скажу тебе в будущем, ты узнаешь прямо сейчас, верно?

– Однако отчасти я человек. И хочу остаться таким. А это означает, что я должен поступать как человек. Пожалуйста.

Лю-Цзе вздохнул и посмотрел в сторону, вдоль аллеи цветущих вишен.

– Когда ученик побеждает учителя, не остается ничего такого, чего не мог бы сказать ему учитель, – ответил он. – Помнишь?

– Да.

– Хорошо. Думаю, в Железном додзё сейчас никого нет.

Лобсанг не мог скрыть удивление.

– Гм, Железный додзё... Этот тот самый, где все стены усеяны острыми шипами?

– Да, и потолок тоже. Войдя в него, ты как будто оказываешься внутри вывернутого наизнанку дикобраза.

Лобсанг пришел в ужас.

– Но он не предназначен для тренировок! Правила гласят...

– Только туда, – перебил Лю-Цзе. – Я настаиваю на том, чтобы мы пошли именно туда.

– О.

– Отлично. Значит, споры закончены, – удовлетворенно кивнул Лю-Цзе. – Ступай за мной, отрок.

Лепестки сплошной пеленой падали с деревьев, когда они проходили мимо. Затем Лю-Цзе и Лобсанг вошли в монастырь и направились тем же путем, которым уже некогда ходили.

Так они оказались в зале Мандалы, и песок вскинулся, словно послушный пес перед хозяином, и закружился в воздухе – далеко внизу, под сандалиями Лобсанга. За спиной Лобсанг услышал крики служителей.

Новости о них растеклись по долине, как чернила по воде. Сотни монахов, послушников и метельщиков, подобно хвосту кометы, сопровождали этих двоих, пересекающих внутренний двор.

А на головы им, словно снег, падали и падали лепестки цветов вишни.

Наконец Лю-Цзе подошел к высокой круглой двери, ведущей в Железный додзё. Запор двери находился в пятнадцати футах над землей. Предполагалось, что посторонний не сможет открыть эту дверь.

Метельщик кивнул своему бывшему ученику:

– Открывай. У меня это вряд ли получится. Лобсанг посмотрел на него, потом – на дверной запор. Он прижал к железной двери ладонь.

От его пальцев во все стороны принялась распространяться ржавчина, красные пятна поползли по древнему железу. Дверь закричала и начала

рассыпаться на глазах. Затем Лю-Цзе ткнул в нее пальцем, и железная плита, ставшая не прочнее сухого печенья, осыпалась на каменные плиты.

– Очень впечатля... – начал было он, но в этот момент от его головы отскочил резиновый слон с пищиком.

– Икик!

Толпа расступилась. Вперед выбежал главный прислужник с настоятелем на руках.

– Что все это *хотю икик икик ИКИК* значит? Кто этот *смесной дядя* чейовек, метейщик? Маховики в своем зайе съовно с ума посходийи, фойменные пьяски устройи!

Лю-Цзе поклонился.

– Он Время, ваше просветлейшество, как ты и подозревал, – промолвил он и, не разгибаясь, искоса глянул на Лобсанга. – Поклонись! – прошипел он.

Лобсанг выглядел озадаченным.

– Я что, даже теперь должен кланяться? – спросил он.

– Кланяйся, ничтожный стонга, иначе я тебя так проучу – вовек не забудешь! Прояви заслуженное уважение! Ты по-прежнему мой ученик, пока я тебя не отпущу восвояси!

Шокированный Лобсанг поклонился.

– И почему же ты решишь посетить нас в нашей неподвьястной вьемени дойине? – спросил настоятель.

– Расскажи настоятелю! – рявкнул Лю-Цзе.

– Я... я хочу узнать, в чем заключается Пятая Неожиданность, – признался Лобсанг.

– ...ваше просветлейшество, – подсказал Лю-Цзе.

– ...ваше просветлейшество, – повторил Лобсанг.

– Стайо быть, ты посетий нас тойко дья того, чтобы узнать о пьичудах нашего метейщика? – изумился настоятель.

– Да... э... ваше просветлейшество.

– У Вьемени стойко интейесных занятий, но ты йеший посмотьеть на фокусы какого-то стайика? *Икик!*

– О да, ваше просветлейшество.

Монахи уставились на Лобсанга. Его плащ по-прежнему трепетал от порывов невидимого и неосязаемого ветра; звезды, когда на них падал свет, загадочно мерцали. Розовощекое лицо настоятеля расплылось в улыбке.

– Мы все хотейи бы узнать о Пятой Неожиданности, – признался он. – Никто из нас так ее и не нашей, наскойко мне известно. А сам метейщик мойчит как пьокьятый. Но... мы стоим у двейей Жейезного до-дзё. Есть

пьявйа! Войти в него могут двое, но выйти должен только один! Этот зай – не дья тьенийовок! *Хотю съёника!* Тебе понятно?

– Но я вовсе не собирался... – начал было Лобсанг и тут же заработал от метельщика удар локтем под дых.

– Говори: «Да, ваше просветлейшество», – прорычал Лю-Цзе.

– Но я вовсе не хотел...

На сей раз он получил подзатыльник.

– Сейчас не время отступать! – воскликнул Лю-Цзе. – Слишком поздно, чудо-отрок! – Он кивнул настоятелю. – Мой ученик все понимает, ваше просветлейшество.

– Твой ученик, метейщик?

– Да, ваше просветлейшество, – подтвердил Лю-Цзе. – Мой ученик, пока я не скажу обратное.

– Пьявда? Икик! В таком сючае он может войти. И ты тоже, Йю-Цзе.

– Но я лишь пытался... – пробормотал Лобсанг.

– Входи! – взревел Лю-Цзе. – Или решил опозорить меня перед людьми? Чтобы они увидели, какой я плохой учитель?

Внутри Железный додзё действительно представлял собой темный, усеянный острыми шипами купол.

Десятки тысяч тонких, как иглы, шипов торчали из стен, которые могли присниться только в кошмарном сне.

– Кто вообще додумался построить такое? – спросил Лобсанг, рассматривая сверкающие шипы, которые торчали даже из потолка.

– Этот додзё предназначен для обучения мастерству скрытности и дисциплине, – пояснил Лю-Цзе, щелкнув костяшками пальцев. – В этом зале порывистость и быстрота, как ты скоро выяснишь, могут оказаться опасными как для атакующего, так и для атакуемого. Одно условие. Здесь мы просто люди. Согласен?

– Конечно. Просто люди, метельщик.

– И еще одно. Никаких фокусов.

– Никаких фокусов, – согласился Лобсанг. – Но...

– Будем драться или болтать?

– Но послушай, если только один может выйти отсюда, значит, я буду вынужден тебя убить, – произнес Лобсанг.

– Или наоборот, – подтвердил Лю-Цзе. – Таковы правила. Приступим же?

– Но я не знал об этом!

– Жизнь подобна коробке с кашей. Сначала рекомендуется прочесть инструкции, – ответил Лю-Цзе. – Мы в Железном додзё, о чудо-отрок.

Он отошел на шаг и поклонился.

Лобсанг пожал плечами и поклонился в ответ. Лю-Цзе отошел еще на пару шагов и сделал несколько простых движений, словно разминаясь. Лобсанг поморщился, услышав, как заскрипели его старческие суставы.

Затем до слуха Лобсанга донеслись какие-то странные хлопки, они раздавались со всех сторон, и он сначала подумал, что так трещат кости старого метельщика, а потом увидел, как на стенах купола начали открываться крошечные люки. Услышал шепот людей, занимавших там места. Судя по шорохам и голосам, людей было очень много.

Вытянув руки, Лобсанг взмыл в воздух.

– Кажется, мы договорились: никаких фокусов, – удивился Лю-Цзе.

– Да, метельщик, – откликнулся, зависнув в воздухе, Лобсанг. – А потом я вспомнил твое наставление: «Никогда не забывай о Первом Правиле».

– Ага! Молодец! Кое-чему я тебя все же научил!

Лобсанг подлетел поближе.

– Ты не поверишь, что я видел после того, как мы расстались, – сказал он. – Это невозможно описать словами. Я видел миры, таившиеся внутри других миров, как те куклы, что вырезают из дерева в Убервальде. Слышал музыку лет. Узнал больше, чем смогу когда-либо понять. Но я до сих пор понятия не имею, в чем заключается Пятая Неожиданность. Это фокус, головоломка... испытание.

– Вся наша жизнь – испытание, – ответил Лю-Цзе.

– Тогда покажи мне Пятую Неожиданность, и я обещаю не причинять тебе вреда.

– Обещаешь не причинять вреда?

– Я обещаю не причинять тебе вреда, – торжественным голосом повторил Лобсанг.

– Хорошо. Тебе достаточно было просто попросить, – широко улыбаясь, промолвил Лю-Цзе.

– Что? Но я ведь уже просил тебя об этом. И ты отказался!

– Просить следует в нужный момент, о чудо-отрок.

– А сейчас что, нужный момент?

– Написано ведь: «Нет времени, кроме настоящего», – ответил Лю-Цзе. – Узри же! Вот она, Пятая Неожиданность.

Он сунул руку под рясу.

Лобсанг подлетел еще ближе.

Метельщик достал карнавальную маску. Одну из самых дешевых: дурацкие очки, приклеенные к длинному розовому носу, и густые черные

усы под ним.

Лю-Цзе надел маску и пошевелил ушами.

– У! – сказал он.

– Что? – спросил ошеломленный Лобсанг.

– У! – повторил Лю-Цзе. – Я ведь никогда не говорил, что эта неожиданность отличается особой изобретательностью, правда?

Он снова пошевелил ушами, а потом – бровями.

– Здорово, да? – спросил Лю-Цзе и усмехнулся.

Лобсанг рассмеялся. Лю-Цзе улыбнулся еще шире. Лобсанг, расхохотавшись еще громче, опустил на маты.

Удары, как ему показалось, посыпались из ниоткуда. Кулак врезался ему в живот, затем он получил по шее, его пнули чуть ниже спины, после чего ловкой подсечкой выбили из-под него ноги. Лобсанг приземлился прямо на брюхо, а Лю-Цзе упал сверху, фиксируя его Захватом Рыбы. Выйти из такого положения можно было, только вывернув собственные плечи.

– Дежа-фу! – выдохнули хором невидимые наблюдатели.

– Что? – пробормотал Лобсанг в мат. – Ты же говорил, что никто из монахов не владеет дежа-фу!

– Потому что я никого из них этому не обучил! – рявкнул Лю-Цзе. – Ты обещал не причинять мне никакого вреда? Большое спасибо. Сдавайся!

– Но ты никогда не говорил, что владеешь этим искусством!

Лю-Цзе коленями надавил на тайные точки, превратив руки Лобсанга в бесполезные куски плоти.

– Возможно, я старый, но не сумасшедший! – воскликнул Лю-Цзе. – Неужели ты думаешь, я выдам кому-нибудь подобный секрет?

– Но это ведь нечестно...

Лю-Цзе наклонился так, что его губы оказались всего в дюйме от уха Лобсанга.

– Попав в трудное положение, о честности не говорят. Помни это, отрок. Знаешь, а ведь ты еще можешь победить. Например, превратить меня в прах. Против Времени я бессилён.

– Нет! Я никогда не смогу это сделать!

– Смочь сможешь, но не сделаешь. И мы оба это знаем. Ты сдаешься?

Лобсанг чувствовал, как части его тела пытаются отключиться от происходящего. Плечи горели огнем. «Я могу отделиться от тела, – подумал он. – Это нетрудно. Могу превратить его в прах одной мыслью. И проиграть. Я выйду отсюда, а он останется тут лежать мертвым, и я проиграю».

– Не переживай так, отрок, – спокойным тоном произнес Лю-Цзе. – Ты

просто забыл о Девятнадцатом Правиле. Сдаешься?

– О *Девятнадцатом* Правиле? – переспросил Лобсанг. Он почти оторвался от мата, но страшная боль заставила его снова прижаться к полу. – Что еще за Девятнадцатое Правило? Да! Да! Сдаюсь!

– «Никогда не забывай о Правиле Номер Один», – процитировал Лю-Цзе, чуть ослабив хватку. – И всегда спрашивай себя: зачем его вообще придумали, это самое первое правило? – Лю-Цзе поднялся на ноги и продолжил: – Что ж, учитывая все обстоятельства, ты показал хороший бой, и потому я, как твой наставник, не вижу никаких препятствий к тому, чтобы рекомендовать наградить тебя желтой рясой. А еще, – он понизил голос до шепота, – все видели, что я победил Время, и это будет весьма неплохо смотреться в моем жизнеописании, если понимаешь, о чем я. Уж тогда-то Первое Правило наверняка станет притчей во языцех. Позволь же помочь тебе подняться.

Он протянул руку.

Лобсанг уже собирался было принять ее, однако вдруг замешкался. Лю-Цзе снова усмехнулся и поднял его на ноги.

– Но ведь... только один из нас может выйти отсюда, о метельщик, – промолвил Лобсанг, потирая плечи.

– Правда? – удивился Лю-Цзе. – Тем не менее само участие в игре меняет все правила. А потому я говорю: да плевал я на них!

Руки десятков монахов откинули в сторону остатки двери. Потом раздался звук, словно кого-то треснули по голове резиновым яком.

– *Койка!*

– ...По-моему, настоятель спешит собственноручно вручить тебе заслуженную рясу, – сказал Лю-Цзе. – Только, пожалуйста, не комментируй, если он будет капать на нее слюнями.

Они вышли из додзё и в сопровождении всех до единого монахов Ой-Донга проследовали на длинную террасу.

Это была, как вспоминал потом Лю-Цзе, весьма необычная церемония. Настоятель, судя по всему, не прочувствовал торжественности момента. Дети вообще не тяготеют к торжественности, и если их тошнит, им равным счетом все равно, на кого блевать. Кроме того, хоть Лобсанг и был повелителем глубин времени, настоятель все же был хозяином долины, а поэтому уважение превратилось в линию, тянущуюся в обоих направлениях.

Однако во время вручения рясы все же возникла неловкая ситуация.

Лобсанг вдруг отказался ее принимать. Главному прислужнику было предоставлено право выяснить почему, а по толпе прокатилась волна

удивленного шепота.

– Я ее не заслужил, о господин.

– Но Лю-Цзе заявил, что ваше обучение окончено, о высоко... Лобсанг Лудд.

Лобсанг поклонился.

– В таком случае, о господин, я готов принять метлу и рясу метельщика.

На этот раз волна превратилась в цунами. Она пронеслась по зрителям. Монахи закрутили головами. У кого-то от изумления перехватило дыхание. Один или двое нервно рассмеялись. А строй метельщиков, которым разрешили временно отложить работу, дабы попристутствовать на церемонии, погрузился в напряженное, молчаливое ожидание.

Главный прислужник облизнул вдруг пересохшие губы.

– Но... но... вы же олицетворение Времени...

– В этой долине, о господин, – твердо заявил Лобсанг, – я не более чем метельщик.

Пребывая в полном отчаянии, главный прислужник оглянулся, однако помощи ждать было неоткуда. Прочие старейшие члены общины не проявляли ни малейшего желания разделить с ним это огромное розовое облако замешательства. Настоятель же пускал пузыри и хитро улыбался, как могут улыбаться только дети.

– А у нас есть какие-нибудь... Гм... Ну что мы там преподносим метельщикам?.. Может, надо что-то... – пробормотал прислужник.

Лю-Цзе выступил из-за его спины.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь, о ваше прислужничество? – спросил он с яростным, заискивающим подбострастием, совершенно ему несвойственным.

– Лю-Цзе? А... Э... Да... Э...

– О господин, я могу принести почти новую рясу и передать юноше мою старую метлу, если ты подпишешь распоряжение выдать мне из кладовой новый инструмент, – продолжил Лю-Цзе, каждой порой кожи источая стремление помочь.

Главный прислужник, в данный момент дрейфующий посреди безбрежного моря отчаяния, ухватился за это предложение как за проплывавший мимо спасательный круг.

– О, это было бы здорово, Лю-Цзе. Так любезно с твоей стороны...

Лю-Цзе в тот же миг исчез, настолько велико было его желание помочь, чем опять немало удивил тех, кто считал, будто хорошо его знает.

Скоро он снова появился с метлой в руках и рясой, которая стала

совсем белой и тонкой из-за того, что в процессе стирки ею слишком часто били о речные камни. Лю-Цзе торжественно передал оба предмета главному прислужнику.

– Э... Благодарю тебя, э... А существует какая-то особая церемония для... э... для... э... – проямлил он.

– Она крайне проста, о господин, – сказал Лю-Цзе, по-прежнему сияя желанием помочь. – Слова произвольные, господин, но обычно мы говорим: «Это твоя ряса, следи за ней, ибо она принадлежит монастырю», а вручая метлу, говорим: «Это твоя метла, обращайся с ней бережно, ибо она твой друг, и ты будешь оштрафован, если потеряешь ее; помни: метлы на деревьях не растут». Вот как-то так.

– Э... Гм... У... – пробормотал главный прислужник. – А настоятель?..

– О нет, настоятель не участвует в церемонии посвящения в метельщики, – быстро произнес Лобсанг.

– Лю-Цзе, а кто участвует... ну, в...

– Обычно церемонию проводит старший метельщик, ваше прислужничество.

– О? Кстати, по счастливой случайности, не ты ли являешься...

Лю-Цзе поклонился.

– Я, господин.

Для главного прислужника, все еще барахтавшегося в коварном приливе, подобное заявление было аналогично появлению земли на горизонте. Его лицо засияло маниакальной улыбкой.

– В таком случае, быть может, быть может, быть может, ты будешь столь любезен, что... э...

– С радостью, господин. – Лю-Цзе развернулся. – Прямо сейчас, господин?

– Да, прошу тебя.

– Так точно. Сделай же шаг вперед, Лобсанг Лудд.

– Слушаюсь, о метельщик.

Лю-Цзе протянул ему поношенную рясу и потрепанную метлу.

– Метла! Ряса! Смотри не потеряй, мы не гребем тут деньги лопатой! – провозгласил он.

– От всего сердца благодарю тебя, – сказал Лобсанг. – Это для меня большая честь.

Лобсанг поклонился. Лю-Цзе поклонился. Когда их головы оказались на одном уровне и рядом друг с другом, Лю-Цзе прошептал:

– Ты меня удивил.

– Спасибо.

– Все получилось очень даже мифично. Хоть сейчас заноси в свиток. И в то же время достаточно чопорно. Смотри не пытайся повторить.

– Хорошо.

Они выпрямились.

– А что будет дальше? – спросил главный прислужник.

Он был конченным человеком и понимал это. После подобных событий, как правило, меняется вся твоя жизнь.

– Честно говоря, ничего, – ответил Лю-Цзе. – Метельщики продолжают мести. Отрок, займись этой стороной, а я начну с другой.

– Но он – Время! – воскликнул главный прислужник. – Сын самого Когда! Нам о стольком нужно его расспросить!

– А я о стольком вам не расскажу... – с улыбкой пообещал Лобсанг.

Настоятель наклонился и, брызгая слюной, прошептал что-то на ухо прислужнику. Тот послушно ссутулился.

– Ну конечно, кто мы такие, чтобы задавать тебе какие-то вопросы... – пробормотал он и попятился.

– Вот именно, – согласился Лобсанг. – А теперь предлагаю всем продолжить заниматься своими крайне важными делами, поскольку все внимание без остатка я буду вынужден уделить этой площади.

Старшие монахи принялись подавать руками отчаянные знаки, и скоро вся община, хоть и несколько неохотно, разошлась.

– Они будут следить за нами отовсюду, где только можно спрятаться, – пообещал Лю-Цзе, когда они остались одни.

– Разумеется, – кивнул Лобсанг.

– Ну как поживаешь?

– Очень хорошо. Мать счастлива, хочет скоро уйти на покой. Вместе с отцом.

– Что? Домик в деревне и все такое прочее?

– Не совсем, но очень похоже.

Некоторое время тишину нарушал лишь шорох двух метел. Потом Лобсанг сказал:

– Лю-Цзе, слушай... Насколько я знаю, ученик по окончании своего обучения обычно преподносит наставнику подарок или сувенир...

– Возможно, – промолвил, выпрямляясь, Лю-Цзе. – Но мне ничего не нужно. У меня есть спальный коврик, миска и мой Путь.

– Каждый человек хоть что-то да хочет, – возразил Лобсанг.

– Ха! А вот в этом ты не прав, чудо-отрок. Мне восемьсот лет. Все мои желания давным-давно кончились.

– Ну и ну. Жаль. Я думал, что смогу тебя чем-нибудь порадовать. –

Теперь и Лобсанг выпрямился, вскинув метлу на плечо. – В любом случае, мне пора. Слишком много дел.

– Не сомневаюсь в этом, – ответил Лю-Цзе. – Не сомневаюсь. К примеру, нужно еще подмести вон ту аллею. Кстати, об инструментах подметания, чудо-отрок. Ты вернул метлу той ведьме?

Лобсанг кивнул.

– Скажем так... я даже кое-что подновил. Метла теперь новее, чем была.

– Ха! – воскликнул Лю-Цзе и смел с дорожки еще несколько лепестков. – Вот так легко... Как же просто вору времени расплачиваться со своими долгами!

Лобсанг, очевидно, уловил укоризненные нотки в его голосе, потому что, потупив взор, уставился на свои ноги.

– Просто, да не со всеми... – буркнул он.

– О? – удивился Лю-Цзе, по-прежнему не спуская замороженного взгляда с конца своей метлы.

– Но когда спасаешь весь мир, нельзя думать о каком-то отдельном человеке. Ведь этот человек тоже часть мира, – продолжал Лобсанг.

– Правда? – спросил метельщик. – Ты так считаешь? Отрок, ты, похоже, слишком много общался с очень странными людьми.

– Но теперь у меня есть время, – совершенно серьезно сказал Лобсанг. – И надеюсь, она поймет.

– Ты удивишься, сколько всего может понять женщина. Главное – подыскать правильные слова, – ответил Лю-Цзе. – Удачи тебе, юноша. В целом ты неплохо справился. Ибо написано: «Нет времени, кроме настоящего».

Лобсанг улыбнулся ему и исчез. Лю-Цзе продолжил подметать аллею. Он тоже улыбнулся, что-то припомнив. Ученик, значит, захотел сделать подарок учителю? Можно подумать, Лю-Цзе не хватает того, что может дать ему Время...

Он остановился, посмотрел вверх и вдруг громко рассмеялся. Над головой, прямо у него на глазах, наливались соком спелые вишни.

Тук

В одном месте, которого ранее не существовало и которое появилось исключительно для этой цели, стоял огромный, начищенный до блеска чан.

– Десять тысяч галлонов нежнейшей помадной массы с добавлением фиалковой эссенции и перемешанной с черным шоколадом, – произнес

Хаос. – А также слой пралине из лесных орехов в густом сливочном креме и небольшие островки мягкой карамели для особого наслаждения.

– ТО ЕСТЬ... ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО В ПОИСТИНЕ БЕСКОНЕЧНОЙ ВЕЗДЕСУЩНОСТИ ЭТОТ ЧАН ОБЯЗАТЕЛЬНО ГДЕ-НИБУДЬ ДА СУЩЕСТВУЕТ, ТАК ПОЧЕМУ БЫ ЕМУ НЕ СУЩЕСТВОВАТЬ ЗДЕСЬ? – спросил Смерть.

– Именно, – ответил Хаос.

– НО ЗНАЧИТ, ТАМ, ГДЕ ОН ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ, ЕГО ТЕПЕРЬ НЕТ.

– Неправильно. *Теперь* он должен существовать здесь. Простая математика, – пожал плечами Хаос.

– ЧТО? АХ, МАТЕМАТИКА... – презрительно фыркнул Смерть. – ЛИЧНО МНЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО ДАВАЛОСЬ ВЫЧИТАНИЕ. С ОСТАЛЬНЫМ КАК-ТО НЕ СЛОЖИЛОСЬ.

– Так или иначе, шоколад вряд ли назовешь особой редкостью, – продолжал Хаос. – Поверхности некоторых планет покрыты толстым слоем этого продукта.

– ПРАВДА?

– Абсолютная.

– В ТАКОМ СЛУЧАЕ, – промолвил Смерть, – Я БЫ НЕ РЕКОМЕНДОВАЛ ТЕБЕ ОСОБО РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ ОБ ЭТОМ.

Затем он вернулся туда, где в темноте его ждала Едина.

– ТЕБЕ ВОВСЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ТАК ПОСТУПАТЬ, – сказал он.

– А что еще остается? – спросила Едина. – Я предала своих братьев. А еще я страшно, чудовищно безумна. Нет такого места, где я не чувствовала бы себя посторонней. Если я останусь здесь, моя жизнь превратится в сплошные мучения.

Она посмотрела на шоколадную бездну. Поверхность сверкала обсыпкой из сахарной пудры.

Потом Едина сбросила с себя платье. К своему удивлению, сделав это, она почувствовала некое стеснение, однако тут же собралась с силами и гордо выпрямилась.

– Ложку! – приказала она и повелительно протянула правую руку.

С театральным изяществом Хаос последний раз провел полирующей тряпочкой по серебряному черпаку и вложил его в руку девушки.

– До свидания, – сказала она. – Передай мои наилучшие пожелания своей внучке.

Едина отошла на несколько шагов, повернулась, разбежалась и совершила идеальный прыжок ласточкой.

Шоколад почти беззвучно сомкнулся над ней. Двое наблюдателей выждали, пока с поверхности не исчезнут последние ленивые пузыри.

– А у этой дамочки действительно был *стиль*, – признал Хаос. – Какая потеря.

– ДА. Я ТОЖЕ ТАК ДУМАЮ.

– Ладно, было весело... По крайней мере, до этого момента. А теперь мне пора, – сказал Хаос.

– ЧТО, ОБРАТНО? РАЗВОЗИТЬ МОЛОКО?

– Люди рассчитывают на меня.

Похоже, ему удалось произвести впечатление. Смерть одарил его внимательным взглядом.

– ЧТО Ж, БУДЕТ... ЗАБАВНО. РАД, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛСЯ, – сказал он.

– Ага, – согласился Хаос. – Ты остаешься?

– ПОДОЖДУ НЕМНОГО.

– Зачем?

– НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ.

– А...

– ДА.

Прошло несколько минут. Смерть достал из-под плаща жизнеизмеритель, настолько маленький и легкий, что он мог принадлежать кукле.

– Но... я ведь умерла! – потрясенно воскликнула тень Едины.

– ДА, – сказал Смерть. – А ТЕПЕРЬ СЛЕДУЮЩАЯ ЧАСТЬ...

Тик

Эмма Робертсон, напряженно морща лоб, сидела в классе и грызла карандаш. Потом медленно, но с крайне важным видом, так, словно открывала некую страшную тайну, она принялась выводить слова:

Мы пабывали в Ланкре где живут ведьмы они добрые и выращивают всяческие травы. Там мы познакомились с ведьмой она была веселая и спела нам песню про ежыка в каторой были трудные слава. Джейсон хател пнуть ее кота но кот загнал Джейсона на дерево. Я многа узнала о ведьмах у них нет бародавок они ни идят детей и пахожи на бабушек только бабушки не знают таких трудных слов.

Сидя за своим высоким столом, Сьюзен потихоньку расслабилась. Ничто так не успокаивает, как вид склонившихся над тетрадами учеников.

Хороший учитель не может не использовать интересный материал, если таковой подвернется, а визит к госпоже Ягг сам по себе был отдельным образованием. Даже двумя образованиями.

Прилежно занимающийся класс обладал особым запахом; он пах стружками от наточенных карандашей, плакатными красками, давно покойными палочниками, клеем, и, разумеется, не обошлось без легкого душка Билли.

Встреча с дедушкой прошла неловко. Сьюзен еще злилась на него за то, что он не все ей рассказал. А он ответил, что иначе и быть не могло. Ведь если рассказать людям, что ждет их в будущем, будущее перестанет быть таковым. И в его словах был смысл. Конечно был. Все было логично, а Сьюзен всегда одобряла логичность и почти всегда поступала логично. Беда заключалась в этом «почти». Так или иначе, в их странной маленькой семье, существующей именно за счет своей неполноценности, восстановились привычные, неловкие, достаточно холодные отношения.

«А может, – подумала она, – это и есть самые нормальные семейные отношения? Когда перестает толкать и начинает схватывать, – спасибо тебе госпожа Ягг, я навсегда запомню эту фразу, – люди машинально, не задумываясь, начинают доверять друг другу. А в других ситуациях стараются не попадаться друг другу на глаза».

Смерть Крыс куда-то запропал. Конечно, не стоило и надеяться на то, что он сдох. По крайней мере, до сей поры это ему ничем не мешало.

Вспомнив о крысе, Сьюзен с тоской подумала о содержимом своего стола. Она никому не разрешала есть в классе и придерживалась точки зрения, заключавшейся в том, что, если правила существуют, они существуют для всех, включая ее саму. В противном случае это уже не правила, а тирания. Но может, правила существуют еще и для того, чтобы ты размышлял о них, прежде чем нарушить?

В столе, среди книг и бумаг, лежало полкоробки самых дешевых конфет «Хиггс и Микинс».

Сьюзен осторожно приоткрыла крышку и сунула руку в стол, сохраняя на лице надлежащее учительнице выражение. Проворные пальцы нащупали среди пустых бумажных ячеек заветный кругляшок и сразу сообщили ей, что конфета, будь она трижды проклята, с нугой. Но Сьюзен была полна решимости. В жизни полно неприятностей. Иногда приходится довольствоваться нугой.

Потом Сьюзен быстро встала, взяла ключи и подошла к Классному Шкафу уверенной, как она надеялась, походкой человека, решившего проверить запас карандашей. В конце концов, кто знает, что могло

случиться с этими карандашами? Карандаши – такая штука, за ними глаз да глаз...

Дверь за ее спиной тихо прикрылась, оставив лишь узкую полоску тусклого света. Сьюзен положила конфету в рот и блаженно закрыла глаза.

Но едва слышный шорох картона тут же заставил ее их открыть. Крышки на коробках со звездами медленно поднимались.

Звезды высыпались оттуда, а потом взлетели в воздух и, ярко сверкая в темноте Классного Шкафа, превратились в миниатюрную, медленно вращающуюся галактику.

Некоторое время Сьюзен молча наблюдала за ними.

– Ну хорошо, я уже обратила на тебя внимание, кем бы ты ни был, – наконец сказала она.

По крайней мере, она намеревалась так сказать, потому что из-за липкой нуги фраза прозвучала примерно следующим образом: «Нхоофо, я вже облатла нтбя внимня, кембтынбыл». Вот проклятье!

Звезды закружились вокруг ее головы, а внутренность шкафа стала межзвездно-черной.

– Ну, Шмерть Крыш, ешли это ты... – начала было она.

– На самом деле это я, – сказал Лобсанг.

Тик

Знаете что? Идеальный момент никакая нуга не испортит.

notes

СНОСКИ

1

Ну разве что вселенная совсем крохотная.

2

Включающие в себя очень большие пляжные мячи, но не только.

3

Весьма переоцененное занятие, надо заметить.

Граничная ведьма – ведьма, зарабатывающая себе на жизнь ходьбой по грани: между жизнью и смертью, светом и тьмой, добром и злом, и, что самое опасное, между сегодня и завтра.

Тем не менее они пользуются вилками или, по крайней мере, представлениями о вилках. Как сказал бы философ, ложки может и не быть, но тогда возникает логичный вопрос: что в наших головах делает представление о супе?

Было бы невозможно да и глупо пытаться определить, когда именно эта правда стала таковой.

И вот что было дальше. Послушник, который заявил, что это был всего-навсего алтарь метельщика, сбежал из храма; послушник, который ничего не сказал, остался метельщиком до конца своих дней, а ученик, предугадавший развитие событий, спустя несколько месяцев мучений и тщательной уборки подошел к Лю-Цзе, опустился на колени и попросил указать ему Истинный Путь. После чего метельщик отвел его в додзё Десятого Дьима с кошмарными многоклинковыми машинами и наводящими ужас иззубренными приспособлениями, такими как уппси и клонг-клонг. И гласит история, что открыл метельщик шкаф у задней стенки додзё, достал из него метлу и молвил следующее: «Одна рука здесь, а вторая здесь, понятно? Многие держат ее неправильно. Работай плавными равномерными движениями, чтобы большую часть труда выполняла метла. Никогда не пытайся подмести большую кучу, иначе придется каждую пылинку подметать дважды. Мудро используй совок для мусора и не забудь: маленькая щетка предназначена для углов».

Одной из причин этого была клубная еда. В своем клубе джентльмен мог найти еду, к которой привык еще в школе, а в частности: пятнистого дика (в просторечии – пудинг с изюмом), джемовый роли-поли (то бишь рулет) и самое любимое блюдо всех времен – кремовую обжираловку (торт с заварным кремом). Ну а витамины – это все бабские забавы.

Что значительно сложнее, чем видеть то, чего *не* существует. Это каждый дурак может.

Абсолютно верно. Конфета, которую ты не хотел есть, не считается за таковую. Данное открытие принадлежит к тому же разделу кулинарной физики, который утверждает, что пицца, съеденная на ходу, не содержит калорий.

Игори были верными, но не глупыми слугами. Работа есть работа. Если хозяин больше не нуждается в твоих услугах, например, потому, что ему вбили в сердце осиновый кол очень разозленные люди, лучше не задерживаться, так как толпа могла решить, что следующий кол должен быть твоим. Любой Игорь первым делом выявлял все потайные выходы из замка и собирал мешок с самыми необходимыми вещами, который потом прятал в укромное место. Как говорил один из Игорей-основателей: «Мы принадлежат мертвецам? Профтийт меня? Кто это “мы”?»

Следует заметить, сами Игори по природе своей были абсолютно не злыми. Они просто никогда никого не судили. В противном случае, если ты работаешь на оборотня, вампира или кого-то, кто считает хирургию современным искусством, а не наукой, тебе только и останется, что судить. А дело когда делать?

Каждому обществу жизненно необходим подобный клич, но только в крайне редких случаях используется полный, неприукрашенный вариант, а именно: «Помните-Злодеяния-Совершенные-Против-Нас-В-Прошлый-Раз-Которые-Оправдывают-Те-Злодеяния-Что-Мы-Совершим-Сегодня! Ну И Так Далее! Ура!»

Йети Овцепикских гор, где магическое поле настолько интенсивно, что является неотъемлемой частью ландшафта, – одно из немногих живых существ, научившихся использовать управление личным временем для получения генетической выгоды. В результате у них развилось своего рода физическое предчувствие беды – то есть ты выясняешь, что именно с тобой случится, позволяя этому случиться. Столкнувшись с некоей опасностью или поняв, что его жизни может что-то угрожать, йети просто берет и *сохраняет* свою жизнь. Дальше он может идти совершенно спокойно, ибо знает: если что-нибудь пойдет наперекосяк, он очнется в том состоянии, в котором себя сохранил. И, что наиболее важно, заполучив воспоминания о событиях, которые только что произошли и которые никогда больше не повторятся, потому что в следующий раз он не будет себя вести как полный кретин. На первый взгляд это может показаться парадоксом, но это не совсем так, ведь, пусть даже произойдя, это никогда не случалось. Есть лишь воспоминания в голове йети, которые самотрансформируются в очень точное предчувствие неприятностей. Незначительные завихрения времени, являющиеся побочным эффектом данного явления, теряются на фоне тех возмущений, изломов и узлов, которое создает во времени любое другое живое существо.

Хоть и безвкусным.

Обучение маленьких детишек вполне способно оказывать такое влияние на словарный запас.

В среднем эта разница составляла от десяти долларов за фунт.

Если вы живете в стране, где традиционно пользуются майонезом, значит, эта шутка для вас не работает. Увы.